

№ 6 (125) 2012

Выпуск 13

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ»,
Издательско-полиграфический комплекс
НИУ «БелГУ»

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС 77-21121
от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Л. Я. Дятченко,

ректор НИУ «БелГУ», доктор
социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

В. В. Соколев,

проректор по научной работе
НИУ «БелГУ», кандидат педагогических
наук

Ответственные секретари:

В. М. Московкин,

доктор географических наук, профессор
кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ»

Е. Н. Кролевецкая,

доцент кафедры педагогики НИУ
«БелГУ», кандидат педагогических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

А. П. Короченский,

доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Заместители главного
редактора:

И. А. Нагорный,

доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

**Philology Journalism Pedagogy
Psychology**

Содержание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Драматизированный эпос «Браней...» Иоасафа (Горленко), епископа
Белгородского, и философа Слобожанщины Григория Сквороды.

А. И. Жиленков 5

Колебание в концептосфере индивида. **И. А. Нагорный,**

А. И. Долженкова 12

«Внутренние» и «внешние» проблемы исследования устаревшей лексики.

С. Е. Терехова 20

Перцепция в детской речи. **В. К. Харченко 27**

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Каузативные аффиксы в современном английском языке. **А. М. Аमतов,**
Н. Г. Филимонова 35

Теоретические основания изучения проблемы языковой вариативности.

Ж. Багана, Е. В. Бондаренко, О. О. Чернова 41

Преобразование лексики в языке русских эмигрантов Португалии.

Ю. С. Блажевич 50

Именные функциональные конструкции с адьюнкторами *als* и *wie* в немецком
языке. **Н. Н. Ваховская 59**

О влиянии дискурсивных факторов на формирование оценочных характеристик
концепта “multiculturalism” в британском лингвокультурном социуме.

О. Д. Вишнякова, Д. М. Костина 67

Модальная перспектива полипредикативного предложения с паратаксисом и
гипотаксисом. **И. О. Ещенко, К. И. Ракова 74**

Французский язык в диатопическом контексте. **А. Н. Лангнер,**

Э. А. Бочарова 79

Классификация синтаксических конструкций с предлогом «with»: трансформа-
ционно-грамматический подход. **О. А. Маркова 87**

Концепт *водное пространство* как системное образование (на материале
французского языка). **А. Л. Медведева, С. А. Моисеева 94**

Средства снижения категоричности высказывания в английских научных исто-
рических текстах. **А. П. Миньяр-Белоручева,**

А. В. Вестфальская 102

Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании.

А. П. Седых 108

Прагматические особенности языковой системы и дискурса (применительно
к вопросительным предложениям французского языка). **Т. Е. Соболева 116**

Идеи тождества в период классицизма и романтизма.

И. П. Солодовник 123

Реверсивность как модель структурирования знания (на материале русского,
английского и китайского языков). **И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова 131**

О. Н. Прохорова,
доктор филологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

И. Ф. Исаев,
доктор педагогических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Н. И. Исаева,
доктор психологических наук,
профессор НИУ «БелГУ»

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля,
доктор гуманитарных наук, профессор
Силезского университета, Катовице
и Высшей гуманитарной школы,
Сосновец (Польша)

К. Жиро,
доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (Испания)

В. И. Лозовая,
доктор педагогических наук, профессор
Харьковского национального университета,
член-корреспондент Академии педагогических наук (Украина)

У. Перси,
доктор филологии, профессор
Университета Бергамо (Италия)

А. А. Тертычный,
доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Московского
государственного университета

А. В. Фёдоров,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе Таганрогского государственного педагогического института, президент Российской ассоциации медиapedагогики

Консультант

Е. А. Кожемякин,
доктор философских наук, профессор
НИУ «БелГУ»

Ответственный секретарь

И. И. Карпенко,
доцент факультета журналистики
НИУ «БелГУ», кандидат филологических наук

Подготовка к выпуску *Л. И. Фальковой*
Оригинал-макет *И. И. Карпенко,*
Н. А. Гапоненко

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 19.03.2012
Формат 60x84/8
Гарнитура Georgia, Impact.
Усл. п. л. 30,45
Тираж 1000 экз.
Заказ 135

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81470

Оригинал-макет тиражирован
в издательско-полиграфическом
комплексе НИУ «БелГУ»
Адрес: 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Фотография рубежа XIX – XX вв. как источник динамических медиа.
Е. А. Воронцова 138

Критерии и эффективность иностранных заимствований в сфере печатных СМИ. **Б. Н. Киришин 143**

Блоги как средство журналистской коммуникации. **Е. А. Кожемякин, А. А. Попов 148**

Медиаконвергенция и конкурентная борьба за пользователя: новые информационные проекты Рунета. **А. А. Никитенко 156**

Духовная музыка в общественной повестке дня специализированных российских СМИ: заметки на полях журнала «Оркестр».
А. В. Полонский, В. Д. Зарицкий 164

Лингвостилистические особенности репрезентации гендера в глянцевах журналах. **Е. А. Самотуга 172**

ПЕДАГОГИКА

Теоретические основы кластеризации региональной системы образования.
Т. Л. Проскурина 180

Роль и место учебного текста в духовно-нравственном развитии личности школьника в процессе обучения на дому. **А. В. Черных 189**

Значение и роль волонтерской деятельности студентов в профессиональной подготовке специалистов к осуществлению социальной миссии потребительской кооперации. **И. Ф. Васильева 193**

Материалы участников Всероссийской научно-практической молодежной конференции: «Высшая школа: знания или умения? Инновационные подходы в образовании», г. Белгород, НИУ «БелГУ», 20 – 21 октября, 2011 г.

Проблематика инновационных систем. **Ю. В. Буланова 199**

Роль методических задач в реализации компетентного подхода при подготовке будущего учителя физики. **С. А. Рогозин 203**

Преемственность традиций в деятельности начинающего преподавателя физической культуры в высшей школе. **И. И. Морозов 206**

ПСИХОЛОГИЯ

Особенности когнитивного компонента гендерной идентичности молодых женщин. **Н. В. Акиншина 209**

Проблема удовлетворенности жизнью женщин на разных возрастных этапах в период после развода. **Т. А. Горшенева 217**

Культурно-психологические стремления студентов с различным уровнем жизнестойкости. **Н. И. Исаева, Н. М. Волобуева 221**

Ведущие копинг-стратегии студентов с различным уровнем стрессоустойчивости. **М. В. Киреева 229**

Формирование алкогольной зависимости в подростковом возрасте (биологические и психологические аспекты). **А. В. Локтева 234**

Преданность персонала организации как социально-психологическая категория. **С. М. Масленникова 242**

Особенности мыслительной деятельности студентов с разным уровнем развития научного потенциала. **Е. В. Шитикова 249**

Сведения об авторах **254**

Информация для авторов **258**

№ 6 (125) 2012

Issue 13

Scientific reviewing journal

Belgorod State University
Scientific bulletin

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2005.

EDITORIAL BOARD

Chief editor

L. Y. Dyatchenko,

Rector of Belgorod National Research University, doctor of sociological sciences, Professor

Deputy editor-in-chief

V. V. Sokorev,

Vice-rector for scientific research of Belgorod National Research University, candidate of pedagogical sciences

Assistant Editors

V. M. Moskovkin,

Doctor of geographical sciences, Professor of world economy department Belgorod National Research University

E. N. Krolevetskaya,

Candidate of pedagogical sciences, associate professor of Pedagogics department of Belgorod National Research University

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor:

A. P. Korochenskiy,

Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Contents

RUSSIAN PHILOLOGY

The dramatical Epos of «Battle...» by Joasaph (Gorlenko), the Bishop of Belgorod and Grigory Skovoroda, the Philosopher of Slobozhanshchina.

A. I. Zhilenkov 5

Hesitation in individual Conceptosphere. **I. A. Nagornyy,**

A. I. Dolzenkova 12

«Internal» and «External» Problems of Research of out-of-date Lexicon.

S. E. Terehova 20

Perception of the Children's Speech. **V. K. Kharchenko 27**

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

Causative Affixes in modern English. **A. M. Amatov, N. G. Filimonova 35**

Language Vaiaation Issue theoretical Foundation. **J. Baghana,**

A. V. Bondaenko, O. O. Chernova 41

Vocabulary Transformation in the Language of Russian Emigrants in Portugal.

Y. S. Blazhevich 50

Nominative functional Structures with Adjunctors *Als* and *Wie* in German.

N. N. Vakhovskaja 59

The Impact of discourse Factors on the Formation of evaluative Characteristics of the Concept "Multiculturalism" in the British Culture and Society.

O. D. Vishnyakova, D. M. Kostina 67

Modal Perspective of the multiple compound-complex Sentence.

I. O. Eschenko, K. O. Rakova 74

The French Language within the Context of diatopic Variation.

A. Langner, E. Bocharova 79

Classification of "with"-structures: a transformational Grammar Approach.

O. A. Markova 87

The Concept *Water Space* as a System Formation. **A. L. Medvedeva,**

S. A. Moisseeva 94

Non-categorical Means of Expression in academic Texts on History.

A. P. Miniar-Beloroutcheva, A. V. Vestfalskaya 102

Nature of Emotions and their Classification in Humanities and Linguistics.

A. P. Sedykh 108

Pragmatic features of the Language System and Discourse (the case of interrogative sentences in French language).

T. E. Soboleva 116

Ideas of Identity in the Period of Classicism and Romantism.

I. P. Solodovnik 123

Reversity as a Model of Structuring Knowledge (based on Material from Russian, English and Chinese). **I. V. Chekulai, O. N. Prokhorova 131**

Deputies of chief editor:

I. A. Nagorniy,
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

O. N. Prohorova,
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

I. F. Isaev,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

N. I. Isaeva,
Doctor of Psychological Sciences,
Professor (Belgorod National Research
University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,
Doctor of Humanities, professor of Sile-
sian University, Katowice, professor
of High School of Humanities, Sosnowiec
(Poland)

X. Giro,
PhD, professor of Autonomous University
of Barcelona, director of Department
of Mass Media, Communication and
Culture (Spain)

V. I. Lozovaya
Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov
National University, member of Academy
of Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,
Doctor of Philology, professor
of University of Bergamo (Italy)

A. A. Tertychniy,
Doctor of Philosophical Sciences,
professor of Faculty of Journalism
of Moscow State University

A. V. Fedorov,
Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector
of Taganrog State Pedagogical Institute,
president of Russian Association of Media
Pedagogy

Consultant:

E. A. Kozhemyakin,
Doctor of Philosophical Sciences,
professor (Belgorod National Research
University)

Responsible secretary:

I. I. Karpenko,
Associate Professor of the Faculty
of Journalism (Belgorod National
Research University)

Prepared for release *L. I. Falkova*
Dummy layout by *I. I. Karpenko*,

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing 19.03.2012
Format 60x84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 30,45
Circulation 1000 copies
Order 135

Subscription reference in Rospechat' agency
catalogue – 81470

Dummy layout is replicated
at Belgorod National Research University
Publishing House
Address: 85, Pobedy Str., Belgorod,
Russia, 308015

JOURNALISM AND PR

Photography of the end of the XIX-th to the Beginning of the XX-th Century
as a Source of dynamic Media. **E. A. Vorontsova 138**

Criteria and efficiency of loanwords in print media.
B. N. Kirshyn 143

Blogs as a means of journalistic communication.
E. A. Kozhemyakin, A. A. Popov 148

Convergence in the competitive Struggle for Users: new Russian network Mass-media.
A. A. Nikitenko 156

Brass band Music on the Agenda of modern Russian Specialised Mass Media:
Remarks on the Margins of the Journal "Orchestra". **A. V. Polonskiy,
V. D. Zaritskiy 164**

Language Features of Gender Representation in the glossy Magazines.
E. A. Samotuga 172

PEDAGOGICS

Theoretical Foundations for clustering the regional education System.
T. L. Proskurina 180

Role and Place of learning Text in moral-spiritual Development of a school pupils'
personality learning Process. **A. V. Chernykh 189**

Significance and Role of volunteering Activity of Students in professional Training
of Specialists for Realization of social Mission of Consumers' Cooperatives.
I. F. Vasilieva 193

**Materials of Russian scientific practical youth conference
“High school: knowledge or skills? Innovation approaches
in education”, Belgorod, Belgorod State University,
October 20–21, 2011**

Problems of Innovation. **Y. V. Bulanova 199**

Role of methodological Problems in the Implementation of competence Approach
in Training future Teachers of Physics. **S. A. Rogozin 203**

Continuity of Traditions in the Activity begins Teacher of physical Culture at University.
I. I. Morozov 206

PSYCHOLOGY

Research of cognitive Component of Gender Identity of young Women.
N. V. Akinshyna 209

Problem of life satisfaction of Women at different age Levels after Divorce.
T. A. Gorsheneva 217

Culturally-psychological Aspirations of Students with different levels of Viability.
N. I. Isaeva, N. M. Volobueva 221

Leading coping Strategies of Students with different Stress Levels.
M. V. Kireeva 229

Alcohol addiction among adolescents (biological and psychological Aspects).
A. V. Lokteva 234

Loyalty of the Company Staff as a socio-psychological Category.
S. M. Maslennikova 242

Features of cognitive Activity of Students with different Levels of Development
scientific Potential. **E. V. Shitikova 249**

Information about Authors **254**

Information for Authors **258**

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.01 / 09: 821.161(470.325)

ДРАМАТИЗИРОВАННЫЙ ЭПОС «БРАНЕЙ...» ИОАСАФА (ГОРЛЕНКО), ЕПИСКОПА БЕЛГОРОДСКОГО, И ФИЛОСОФА СЛОБОЖАНЩИНЫ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

А. И. Жиленков

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
zhilenkov@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности восприятия наследия Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского, и украинского мыслителя Григория Сковороды, их произведения анализируются с учетом жанровых особенностей.

Ключевые слова: драматизированный эпос, традиционализм, аллегоризм, жанр, рецензия.

В статье изучается драматизированный эпос в творчестве православных подвижников – Иоасафа (Горленко), епископа Белгородского, и Григория Саввича Сковороды. Актуальность выбора авторов обусловлена исторической значимостью их религиозной деятельности, а также культурным масштабом творчества.

Иоасаф (Горленко) (1705 – 1754) – видный церковный деятель. Родился на Украине, в городе Прилуки Полтавской губернии, в казацкой семье. Учился в Киево-Могилянской духовной академии, в 1725 г. принял монашеский постриг. Был настоятелем Мгарского Спасо-Преображенского монастыря в Полтавской губернии и наместником Троице-Сергиевой лавры. С 1748 г. – епископ Белгородский и Обоянский. Был выдающимся просветителем своего времени, «правилом веры» [1, с. 6] распространял в народе грамотность, уделяя большое внимание работе учебных заведений и делая церкви центром просвещения и воспитания.

Г. С. Сковорода (1722 – 1794) – религиозный мыслитель, педагог, поэт, музыкант – был младшим современником Иоасафа. Просвещая народ Украины и Слобожанщины, «Сковорода был для своего времени человеком энциклопедически образованным... В своей деятельности как философ, поэт и сатирик, Сковорода связан с русским просветительством XVIII в. Однако в своем постоянном «искании истины», в философском развитии Сковорода шел своеобразным путем» [2, с. 116].

В судьбах этих исторических деятелей можно усмотреть много общего, это

- и время жизни – XVIII ст.;
- и место рождения – Малороссия;
- и происхождение – Иоасаф из знатного казацкого рода Горленко; Г.С. Сковорода – из простых казаков;
- и образование – Киево-Могилянская академия;

– и педагогическое поприще – еще до окончания академии Иоасаф был назначен там же преподавателем словесности; а Сковорода преподавал в Харьковском коллегиуме;

– и место святительского подвига Иоасафа и просветительской деятельности Г. С. Сковороды – Слободская Украина (Слобожанщина), в которую входили тогда западные земли Белгородчины (в 1765 г. по указу императрицы Екатерины II из вольных слободских полков была учреждена Слободская Украинская губерния Российской империи, переименованная позднее в Харьковское Наместничество).

Во время исполнения учительской должности с 1759 по 1769 гг. в Харьковском коллегиуме Сковорода не мог лично быть знакомым с Иоасафом, умершим в 1754 г., хотя мог слышать о нем, так как коллегиум как духовное учебное заведение в то время находился в подчинении Белгородского епископа.

В данном исследовании драматизированный эпос представляет интерес не столько как исторический источник, сколько как отражение религиозно-философского мировоззрения, церковного сознания, специфического эстетического видения жизни, детерминированного психологией эпохи.

Тема работы нацеливает на исследование межродовых взаимодействий драматургии и эпоса на материале литературы XVIII века. XVIII ст. в литературе и шире, в искусстве, знаменует завершение исторического Средневековья и начавшееся Новое время.

Драматизация эпоса рассматривается с точки зрения исторической поэтики, исследующей художественное мышление в перспективе смены эстетических эпох и творческих систем, а XVIII век – как переходный от поэтики традиционалистской (эйдетики) к поэтике антитрадиционалистской (художественной модальности). Фактор переходности во многом объясняет художественные феномены, отмеченные печатью синтеза, родовых и жанровых форм, стилей, идей и проявляется на различных уровнях творчества – субъективной сферы, словесной образности, сюжетостроения, жанрообразования.

В творческом наследии святителя Иоасафа и Г. С. Сковороды присутствуют произведения, близкие как по форме, так и по содержанию: «Брань честных семи добродетелей с семью грехами смертными, происходящая в человеке-путнике всегда, особенно в дни Святой Великой Четырехдесятницы, описанная по порядку ее седмиц поэтическим образом и ритмом» (1737) [3] Иоасафа и «Брань архистратига Михаила с Сатаной о сем: легко ли быть благим» (1783) Г. С. Сковороды [4].

Создание произведений разделено хронологически почти полувеком, тем не менее, они принадлежат одной традиционалистской поэтике. Это типичные образцы клерикальной словесности. Их идейный смысл, характерный для древнерусской книжности, выражает извечный выбор человека между добром и злом. Не случайно оба писателя в заглавиях прибегают к одному слову «брань» (по-древнерусски «война», «битва», позднее сопрягалось с понятием «спор», «диалог»).

В «Брани...» Иоасафа изображена борьба человека с пороками и то, как он из-за «самонадеянности делается достоянием страстей и спасается от них только верой в Бога»; в произведении добродетели и пороки персонафицированы и абстрактный человек оказывается свидетелем их борьбы.

«Человек – пришелец в мир,
временный и странный,
Проходил и вдаль и вширь
Все земные страны.
О бессмертии мечтал в этой краткой жизни,
К Небесам душой взлетал, как к святой Отчизне.
И на жизненных стезях, лютый и суровый,
Вдруг напал жестокий враг, вмиг убить готовый.
Он же смело в брань вступил, в жарком ратном деле

Духом силы укрепил в слабом, тленном теле.

Против – смертных семь грехов:

начал он сражаться

С ними, бой тот был суров –

плоти всё же – сдаться» [3, с. 17].

Иоасаф показывает, как в человеческой душе идёт битва доброго и злого начал, персонифицированных в образы страстей и добродетелей. С одной стороны выступает «царица Гордость» со своими воинами – «Лакомством», «Блудом», «Завистью», «Ненасытностью», «Злостью» и «Ленью». На войну с пороками поднимается «царица Смирение» со своими воинами «Милосердием», «Целомудрием», «Любовью», «Постом», «Покорностью» и «Набожностью». Битва происходит по всем правилам военного искусства.

Участниками «Брани...» Сковороды являются ратный начальник ангелов – архангел Михаил и их противник Сатана. «Сего убо ради сия книжечка изводит на поднебесный позор два сердца: ангелское и сатанское, борющиеся между собою. Сие два царства в каждом человеке деют вечную борьбу». «Библейские образы, по мнению Сковороды, – это только символы и аллегории, под которыми скрыты попытки понять законы природы» [2, с. 117]. «Если символический мир Библии выполнял своеобразную связующую роль между микрокосмом и макрокосмом, то человек был концом, центром и гаванью этого мира. При этом имелся в виду не живой, конкретный человек, а его метафизическая сущность, божественная идея человека, существующая в божественном интеллекте, внутренний человек, созданный по образцу и подобию Божьему» [5, с. 445].

Переходность обоих произведений заключается в наличии черт традиционалистских, от прежней средневековой поэтики, и антитрадиционалистских, от новой поэтики. Новизна заключалась в том, что поэзия становилась по преимуществу оригинальной, но в произведениях обнаруживаются также типологические признаки средневековой литературы – традиционализм, прикладной характер, этикетность, формульный стиль.

Феномен драматизации эпоса нельзя однозначно отнести либо к старому искусству, либо к новому. Идея борьбы сил добра и зла за человека в XVIII в. актуализирует в эпосе драматическую форму. Эпическое повествование как бы взрывается сюжетной конфликтностью, напряженной интригой, динамикой действия и, главное, в духе века Просвещения – вниманием к самому человеку, хоть и еще по-клерикальному типизированному, но уже ожившему в борьбе антагонистических страстей.

Очевидно, что эпические произведения как Иоасафа, так и Сковороды носят переходный характер, и драматизация определенно указывает на эту переходность. В ней скрещиваются эстетические эпохи.

Средневековыми сочинения делают как мощный *дидактизм*, так и *прикладной характер*.

«Брани...» нацелены на развитие благочестия, что сразу же указывает на их прикладной характер, который, во-первых, выражается в дидактическом разъяснении догмата о всеблагой воле Господа и зловредности Сатаны, спасительности для человека веры в Бога, и, во-вторых, в использовании в церковном быту, так как произведение Иоасафа было торжественно прочитано на Пасху 1737 г., когда он служил преподавателем и экзаменатором Киевской Духовной академии, иеромонахом, в качестве ответственного слова в стихах собственного сочинения прибывшему в Киев новому правящему архиерею – архиепископу Рафаилу (Заборовскому).

Написано произведение на церковно-славянском языке. Рукописный текст «Брани...» иеромонах Иоасаф подарил архиепископу Рафаилу.

«Брань...» неоднократно переписывалась. Список, хранившийся в Церковно-археологическом музее Киевской Духовной академии, стал источником для первой публикации «Брани...» в 1892 году. Современный поэтический перевод на русский

язык был сделан преподавателем Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), клириком Николо-Иоасафовского собора Белгорода протоиереем Игорем Кобелевым. Книга, содержащая вступительные статьи, церковно-славянский текст поэмы и ее современный поэтический перевод была выпущена в свет в октябре 2002 г.

Другой типологический признак средневековой литературы – *традиционализм* – проявляется в ориентированности авторов на образцы предшествовавшей словесности, общим для которых был эпический жанр, а уже в эпическое повествование от лица автора включались драматизированные элементы, часто в виде диалогов.

Композиция иоасафовской «Брани...» выстроена в виде глав, приуроченных к семи седмицам Великого поста и отдельным эпизодам из литургии.

Традиционно в это время Церковь, приуготовив верующих к подвигам поста и покаяния, вводит их в самый подвиг. Богослужения Великого поста как и богослужения подготовительных к нему недель, постоянно побуждая к посту и покаянию, изображает состояние души, кающейся и плачущей о своих грехах. Этому соответствует внешний образ совершения великопостных богослужений: в седмичные дни Великого поста, исключая субботы и воскресения, Церковь не совершает полной литургии. По средам и пятницам служится литургия Преждеосвященных Даров. Состав других церковных служб изменяется сообразно с временем. В седмичные дни почти прекращается пение, предпочитается чтение из Вехозаветных писаний, особенно Псалтири. Во все церковные службы вводится молитва святого Ефрема Сирина с великими поклонами.

Святая Четыредесятница и ее богослужения начинаются с вечерни Недели сыропустной.

Каждой седмице Великого поста предъявляются особые требования, которые учитывались и при создании композиции «Брани...» Иоасафа. Сюжет выстраивается как чередование седмиц Поста.

Перед седмицами Поста упоминается «Неделя о Мытаре и Фарисее». Затем текст произведения сопровождается отметками на полях очередной недели.

«Неделя 1-я Святого поста, в которую празднуется восстановление икон».

«Воинам вручил своим, дав им повеление
Перед образом святым возносить моленье,
Как перед Царем Самим, ибо честь иконы
Принята отныне Им в вечные законы» [3, с. 41].

«Неделя 2-я Святого поста, в которую почитается память свт. Григория Паламы».

«Войск Добра почетный муж, именем Григорий,
Мудр и во спасенье душ на советы скорый» [3, с. 43].

«Неделя средняя Святого поста, в которую поклоняемся Честному Кресту».

«Ангел здесь Крест водрузил меж Добра сынами
И пред строем возгласил: «Вот – победы знамя!» [3, с. 55].

«Неделя 4-я Святого поста, в которую почитается память св. прп. Иона Лествичника» [3, с. 81].

«Но – нашелся Иоанн Лествичник чудесный
В подвигах ему был дан свыше дар небесный» [3, с. 81].

«Неделя 5-я Святого поста, в которую почитается память прп. Марии Египетской» [3, с. 74].

«Шестая седмица – вайй (ветвей)» [3, с. 77].

«Слово Божье все сильней силу вражью било
Но до пленников шесть дней мчатся надо было.
А когда Оно в полках Добрых зазвучало,
То с ветвями пальм в руках воинство встречало» [3, с. 77].

«Победоносный Воскресения день» [3, с. 89].

«Счастье, радость – на весь мир! Блещет свет из гроба!
Прекратился адов пир, лопнула утроба!
Ад всех узников своих вмиг цепей лишает.
Мертвые встают, из них каждый возглашает
Радостно: «Христос Воскрес!..» [3, с. 89].

Конфликт между добром и злом определяет развитие сюжета, кульминация которого приурочена к светлому Христову Воскресению. И это необходимо определить в качестве внелитературных традиционных пластов. А вот средневековый жанр видений с сильным эпическим началом и ренессансный жанр моралите с определяющим для него драматическим фактором могут быть названы в качестве главных литературных источников иоасафовской «Брани...».

И все же при сохранении традиционалистских черт рассматриваемых произведений в них оказывается разрушенным важнейший принцип средневековой поэтики – анонимность.

У Иоасафа произведению предпосланы, во-первых, прозаическое обращение автора к архиепископу Рафаилу, хотя и выдержанное в этикетном смиренном тоне, но дается с прямым указанием на личное авторство, и, во-вторых, стихотворное обращение «К читателю» в форме акростиха, в котором начальные буквы шести- и восьмистиший образовывали имя автора – Иоасаф Горленко.

Обращение «К читателю» типично для светской просветительской литературы XVIII века. По правилам древнерусской книжности автор излагал свое сочинение в устной форме, читая его слушателю, а наличие же данного обращения нацеливало на слово письменное, литературное. Иоасафовская «Брань...» дополнялась в финале еще и обращением «К читателю стихами окончательными», в котором подводился содержательный итог сочинения и «поучение» таким образом завершалось.

Сковорода подписывал свою «Брань...» как «старец Даниил Варсава», что не случайно, ибо Варсава с древнееврейского языка значит «сын Саввы», а это – настоящее отчество Сковороды (Варсава упоминается в книге деяний апостольских как один из семидесяти апостолов, а Даниил – «судья Божий», то есть открывающий от лица Бога волю Его – четвертый из больших пророков). Псевдоним прямо указывал на связь с Библией. Ветхозаветное имянаречение отнюдь не камуфлировало подлинное авторство писателя, но с опорой на авторитет Ветхого Завета подчеркивало и указывало на него.

Традиционализм, как уже было отмечено, проявляется в ориентире авторов на образцы предшествовавшей словесности. Несомненно, «Брань...» Сковороды испытала влияние драматизированных диалогов украинских писателей XVII в., но все же в ней своеобразно подчеркнута философичность, и место действия указано максимально обобщенно – «поднебесье», «атмосфера», «радуга», так же как и время действия – довольно неопределенно – «вечер», «ночь», «рассвет». Философскими диалоги Сковороды делают их тематика, проблематика, сам предмет «Брани...» – «легко ли быть благим» (древнерусское «благий» – добрый, хороший, святой). «В области этических

взглядов Сковорода придерживался той мысли, что целью человеческой жизни является счастье. Оно заключается в душевном покое и сердечной веселости» [2, с. 117].

Диалоги были известны в Малороссии XVII в. и использовались для оформления драматических жанров, в которых действующие лица не просто декларировали свои стихотворные или прозаические партии, а представляли определенных персонажей. Среди них выступали герои христианской истории, а так же аллегорические фигуры. К драматическим произведениям такого рода относились «Вирши из трагедии «Христос пасхон» Андрея Скульского» (Львов, 1630) и «Размышления о муке Христа» Иоанния Волковича (Львов, 1931). Диалоги становятся основой жанровых форм мистерий (пьес на рождественские и пасхальные сюжеты) и миракли (пьес на сюжеты из жизни святых).

Мистерии представлены, например, «Словом о разорении ада» (II пол. XVII века), «Действием на страсти Христовы» (80-е годы XVII века), «Царством натуры людской» (1693 г.). «Слово...» разрабатывало сюжет из апокрифического «Никодимова евангелия», о том, как Христос разоряет ад и освобождает души праотцев. Место действия представлено в виде средневекового замка. Персонажи – Христос, Богородица, Иоанн Креститель, Соломон Премудрый, Ад, Люцифер и др. – наделены некоторыми индивидуальными и локальными штрихами, выявляют человеческие «заземленные» эмоции. В обрисовке места действия и персонажей, а так же в языке и стихе проступают фольклорные элементы.

Картина «Брани...» приходит к Сковороде в типичной средневековой форме «видения» и выстраивается в своеобразный «философский» диспут или «мировоззренческий» диалог.

«В недрах поэтических откровений были заключены его... философские прозрения и формы его жизненного поведения» [5, с. 445].

Несомненно, и в этом проявляется незаурядная образованность автора, его знание мировой культуры, литературы, так как жанр диалога был известен еще в древней Греции. Именно в этой форме вел беседы с гражданами Афин Сократ, на которого часто ссылается Сковорода, а образ жизни Сократа и мудрствования были ему также весьма близки. Ученик Сократа Платон придал устным беседам литературную форму диалогов, а самого учителя сделал главным героем.

Спор в «Брани...» Сковороды начинается с провокационного заявления Сатаны, который утверждает как новый догмат: «Претрудно быть жителем небесным». Михаил отвечает: «Се ключ, всем врата ада отверзающий. Се соблазн всем путь на небеса оскорбляющий!». Словопрения завершаются поражением архангелом Михаилом самого сердца Сатаны «молниевидным копьем» и повержением его в «облак вечерний».

Далее «Брань...» трансформируется в богословское рассуждение на ранее обозначенную тему; и драматизированная диалогичность вносится во внутрь рассуждения. Архангел Михаил обращается к «небесным архивоинам», восседающим на радуге, Гавриилу, Рафаилу, Урииму и Варахиилу, ведет с ними «беседу ангельскую» о сердце человеческом, как «неограниченной бездне», засеянной семенами злых дел, «семенами сатаны»; приводит притчу о «Львиной ограде» сатанинской, в которую уловляются души «убоявшихся человекоубийцу».

О «Пути спасительном» благовествует Гавриил, называя «другом нашим» Даниила Варсаву, то есть самого Сковороду.

О «Пути мира, нареченным пустым» предупреждает Рафаил, приводя в качестве примеров: 1) «Песнь богача», так что даже «ангельские силы ужаснулись, видяще», сколь хитро растлил сатана «сию душу, обожающую мертвое и уповающую на кумира», а затем и 2) «Песнь молящихся лицемеров», вся молитва которых «в том, чтоб роптать на Бога и просить леностей». Архангел Варахиил возопил: «... смрад содомский восходит от сего пути», ангелы же подтвердили песней, что никто «не будет сыт плотским дух», ибо «бездна бездну призывает».

Воспевши же вопросили: «Что есть «клевета», «кознь», на чем основано «адское царство», и так же ответствовали: «На зле сатанинском».

Затем же обратившись к господу Богу, в молитве всерадостно восклицали: «Да будет новый свет!» и «Обновление мира», – воспели в песнях духовных «Песнь победную».

Увидевши славное царство и святую землю, утвердили: «Легко быть благим».

Таким образом, «Брани...» Иоасафа и Г. С. Сковороды, так же как и все их творчество, носят переходный характер – от поэтики Средневековья к Новому времени. Драматизация эпоса – одна из черт переходности, впрочем, представлена в рассматриваемых произведениях по-разному: у Иоасафа она объективизирована по сюжету в действиях аллегорических фигур, а у Сковороды она входит как бы внутрь логики философского диалога и определяет его напряженное развитие. Драматизация эпоса становится средством актуализации в литературе XVIII в. идеи человека и борьбы сил добра и зла за его сердце и душу.

Список литературы

1. Житие, служба, акафист святителю Иоасафу, епископу Белгородскому, Чудотворцу / Сост. списка литературы – А. Н. Крупенков, И. В. Медведева. – Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2005. – 192 с.
2. История украинской литературы. В 2-х томах. – Т. 1. – Дооктябрьская литература. – Киев: АН УССР, 1954. – 759 с.
3. Святитель Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский и Обоянский. Брань честных семи добродетелей с семью грехами смертными, происходящая в человеке-путнике всегда, особенно в дни Святой Великой Четырдесятницы, описанная по порядку ее седмиц поэтическим образом и ритмом. – Белгород: Белгородская и Старооскольская епархия, 2005. – 100 с.
4. Полное собрание сочинений Г. С. Сковороды. В 2-х томах. – Киев: Наукова Думка, 1973. – Т. 1. – 532 с.; Т. 2. – 576 с.
5. Абрамов А. И. Сковорода / Русская философия: Словарь. – М.: Республика, 1995. – 655 с.

THE DRAMATICAL EPOS OF «BATTLE...» BY JOASAPH (GORLENKO), THE BISHOP OF BELGOROD, AND GRIGORY SKOVORODA, THE PHILOSOPHER OF SLOBOZHANSKINA

A. I. Zhilenkov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
zhilenkov@bsu.edu.ru*

The article discusses the issue of perception of the artistic heritage of Joasaf (Gorlenko), the bishop of Belgorod and G.S. Skovoroda, whose works are observed in the genre perspective.

Key words: dramatical epos, allegorize, traditionalism, genre, perception.

УДК 811.161.1

КОЛЕБАНИЕ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ИНДИВИДА

И. А. Нагорный
А. И. Долженкова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

Статья посвящена рассмотрению сущности колебания в концептосфере индивида. Анализируется коммуникативно-прагматическая ситуация колебания и средства ее репрезентации в русском языке, а также модально-кваликативные смыслы в высказываниях со значением колебания.

Ключевые слова: колебание, коммуникативно-прагматическая ситуация, модально-кваликативные смыслы, концептосфера, неуверенность, говорящий, адресат.

Введение

Ситуативная сущность колебания обусловлена тем, что концептосфера индивида базируется на комплексе параметров, среди которых параметр неоднозначного осмысления и квалификации события является одним из наиболее универсальных.

Колебание как операция ментального уровня характерна для субъекта размышляющего, находящегося в процессе поиска решения проблемы. Это операция, помогающая субъекту постичь действительность, высказать свое отношение к данной действительности, оценить результат события с последующим перспективным его применением. Колебание универсально по своей сути, так как оно применяется по отношению к самым различным явлениям, процессам, действиям, состояниям, временным и пространственным координатам. Объекты фиксации колебания ограничены объемом индивидуальной картины мира субъекта, мотивация же колебания может быть совершенно различной.

Описание ментальной операции колебания и особенностей ее реализации на языковом уровне, что должно строиться на учете следующего фактора. Колебание основывается на целом комплексе аспектов модальной квалификации мысли, поскольку смысл «колебание», актуализируемый говорящим в высказывании, является смыслом субъективно-модальной сферы. Данный смысл развивается на основе совокупности производимых субъектом мыслительных операций, которые являются основанием для возникновения существования в высказывании других модальных смыслов – возможности, вероятности, предположения, целесообразности, намерения и т.п. В итоге колебание и сопутствующие модальные смыслы образуют субъектно-кваликативную модусной зону в семантической структуре высказывания. Высказывание же, фиксируя точку зрения говорящего на событие, является средством коммуникации и прагматического осмысления им окружающей действительности.

Основная часть

Как универсальная, операция колебания оказывается, с одной стороны, характерной для субъектной концептосферы индивида как такового, как индивида вообще, вне зависимости от принадлежности его к тому или иному культурному, историческому или духовному социуму. С другой стороны, универсальность колебания как ментальной операции интегрируется со специфичностью средств его выражения в национальных языках, и в русском языке в частности. Национальный менталитет вырабатывает оригинальные языковые и внеязыковые формы, средства и способы выражения колебания. Данные языковые и внеязыковые факторы представляют собой упорядоченную сферу с четко проявленной ядерно-периферийной организацией.

Колебание базируется на ряде обязательных характеристик: отношении факта к реальной действительности с точки зрения возможности или вероятности осуществления этого факта; отношении факта к говорящему, осмысление факта, события говорящим; оценки говорящим степени возможности осуществления факта или события. Последнее оказывает весьма существенное значение на актуализацию и последующую репрезентацию операции колебания в высказывании при помощи языковых средств. Колебание всегда базируется на субъективно-авторском мнении и имеет своим выражением мысль о возможно-предполагаемом соответствии или несоответствии оцениваемого факта действительному положению вещей: – *Небось и не придет больше, – колебался сосед* (Ю. Тупицин); – *И я сомневаюсь, – пробормотал Костров, – Разве можно сплющить фотоаппарат о траву или кусты?* (В. Головачев); *Чувство тревоги было ему тогда незнакомо? Едва ли* (Ю. Манн).

Колеблясь, говорящий субъективно квалифицирует событие. Данная квалификация осуществляется «здесь» и «сейчас» как констатация вероятностной достоверности или недостоверности сообщаемого, вводит в высказывание модусно-оценочную характеристику события, накладывая данную характеристику на диктумное содержание предложения. Операция квалификации события при его неоднозначном осмыслении – колебании – осуществляется, таким образом, говорящим относительно объекта данной квалификации, и проявляется в высказывании как на уровне соотношения плана содержания с планом выражения.

План содержания колебания как модально-квалификативного смысла типичен в своей основе для национальных языковых картин мира. Межнациональная универсальность колебания как ментальной операции субъекта противопоставлена яркой специфичности языковых и внеязыковых средств выражения колебания в национальных языках. В содержательном плане коммуникативно-прагматическая ситуация колебания структурируема. На уровне семантической структуры данная ситуация включает следующие обязательные компоненты:

- событийную ситуацию или какой-либо факт как квалифицируемый событийный фрагмент действительности, объект предполагаемой двоякой квалификации;
- мотивы колебания, то есть причины, способствующие или препятствующие, по мнению говорящего, осуществлению события в действительности;
- фактор говорящего, автора квалификации, осуществляющего речевое воздействие;
- фактор адресата, получателя квалификации, объекта речевого воздействия: прямой адресат (коммуникант-партнер) или косвенный адресат (например, читатель);
- собственно ментальную операцию колебания как субъективно-модальную квалификацию события – точку зрения говорящего, базирующуюся на той или иной степени неуверенности субъекта относительно однозначно трактуемого осуществления события в действительности;

Главным участником коммуникативно-прагматической ситуации колебания является говорящий [1, с. 20 – 21; 2, с. 566 – 567; 3, с. 647 – 649]. В коммуникативном процессе именно говорящий так или иначе должен каким-то образом проявить себя, хотя бы как его создатель своего высказывания [4, с. 95]. Позиция говорящего при этом может быть как нейтральной, так и акцентированно выраженной при помощи специальных языковых или внеязыковых показателей. Позиция, занятая говорящим относительно квалифицируемого отрезка действительности, в процессе коммуникации фиксируется как важная и значимая для говорящего.

Специфичность колебания как квалификативной ментальной операции заключается в способе указания на квалифицируемый факт действительности. В высказываниях со значением колебания говорящий актуализирует свою оценочную позицию не только внеязыковыми средствами (жестами, мимикой и т. п.), но и формальным способом – посредством введения в состав высказывания языкового модального квалификатора со значением колебания, указывающего на то, что говорящий колеблется

в выборе одного из вариантов однозначной квалификации события. В то же время говорящий намеренно эксплицирует колебание как собственную точку зрения на событие, желает, чтобы данная точка зрения не была истолкована адресатом как нейтральная, старается донести свою позицию до адресата. Таким образом говорящий показывает адресату, что он не может (либо не хочет) лишь нейтрально констатировать событийный факт, дает понять адресату, что у него нет полных оснований сделать это констатационно-нейтрально: *Следователь подумал. – Едва ли... Тогда была первая травма, теперь вторая* (А. Платонов); *Еще почуют, что я здесь, что с ума схожу по Бригите, и доложат ей... Да нет, **вряд ли*** (А. Дмитрук); – *Не знаю, **то ли** уж мне послышалось* (В. Шишков).

План выражения ментальной операции колебания в русском языке объемлен. Для русского языка характерна весьма стройная система организация как языковых, так и внеязыковых средств репрезентации колебания, построенная по ядерно-периферийному принципу. В первую очередь, отметим языковые средства – глагол *колебаться*, существительное *колебание*, причастие *колеблющийся*, а также языковые элементы с базовым значением неуверенности, сомнения, предположения, вероятности или возможности: *быть в нерешительности, пребывать в сомнении, находиться в раздумье, едва ли, вряд ли, чай, авось, небось, вроде, словно, разве, неужели, якобы* и подобные: – *Я **вроде бы** и не собирался так быстро назад* (В. Шукшин); *После долгих **колебаний** он все-таки отправился назад* (А. Иванов); – *Да ведь он **якобы** там был, – ответил отец* (В. Короленко); *Солпуги не ядовиты, так что бояться укуса нам **вроде бы** нечего* (В. Головачев); – *Наступит кризис. Сэр Фредерик **едва ли** доживет до завтрашнего вечера* (Р. Штильмарк). Система внеязыковых средств выражения колебания также объемна. Сюда включаются самые разнообразные жестово-мимические показатели, предметом нашего рассмотрения не являющиеся. Кроме того, показателями колебания в живой разговорной речи могут выступать ритмико-мелодические и интонационные средства.

Рассмотрим подробнее формальные языковые показатели колебания. Данные показатели применяются говорящим тогда, когда нужно как-то акцентировать или, напротив, локализовать субъектно-модальную квалификацию, акцентивировав какую-либо часть высказывания. С другой стороны, значение формального показателя колебания может и «растекаться» по всему семантическому полю высказывания, и четко локализоваться в семантическом поле отдельного корректируемого компонента (Ср.: *Она понимала, что ее **колебания** в выборе правильного решения, **вероятно**, ничего нового не принесут в ее жизнь* (журн. текст); «*Разве ты **этого** ожидаешь от меня? **Разве** я должен немедленно приехать?» – сомневался и **колебался** Олег (Д. Донцова).*

Причина для введения в состав высказывания формально-языкового показателя колебания – донесение авторской точки зрения до адресата, презентация авторского колебания адресату, приглашение адресату распознать мнение говорящего и оценить его. Данная причина может локализоваться как неосведомленность субъекта относительно квалифицируемого события (*Ты, **чай**, и не собиралась вернуться?* (Г. Успенский)), заинтересованность говорящего в том, чтобы быть правильно понятым (*Не знаю, как судить мне по твоим словам: Помощник **что ли** ты, иль обольститель сам?* (А. Грибоедов); *Так вы в Персию?.. А когда вернетесь? – кричал вслед Максим Максимович... Коляска была уже далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: **вряд ли!** да и зачем?* (М. Лермонтов)), намеренное уклонение говорящего от категоричности изложения своего мнения (– *Не знаю, не думаю. Сам соображай, а я ни за что не отвечаю* (Е. Гуцин)), неподготовленность, спонтанность или необдуманность квалификация (– *Я не ругаюсь с вами, я, правда, хочу понять: **неужели** так можно жить?* (В. Шукшин); ***Неужели** так и будет? Не верю я в это* (В. Авдеев)), категоричность в колебательной оценке события (– *Ну вот! – пробормотал он... – Так и*

есть!.. И соль! Э-эх-ма! Уж неужели... неужели уж нельзя?.. Так и есть!.. Протекло!.. (Г. Успенский)). Отмеченные причины, по нашему мнению, соотносятся со степенью осмысления говорящим правомерности применения операции колебания в коммуникативном процессе.

Содержательный план колебания предполагает реализацию в высказывании комплекса прагматически обусловленных смыслов. В первую очередь, это центральный смысл «колебание», который выступает в качестве базового и обуславливающего выделение других квалификативных смыслов в речевом высказывании, репрезентирующем ситуацию колебания на уровне процесса коммуникации. Смысл «колебание» несет в высказывании одну из основных коммуникативных нагрузок – достижение говорящим основной цели своего сообщения – ориентации высказывания на адресата и донесение до последнего собственной точки зрения [5].

Кроме смысла «колебание», в высказывании-репрезентаторе ситуации колебания неизбежно актуализируется комплекс сопутствующих квалификативных смыслов – неуверенности, предположения, сомнения, возможности, кажимости, целесобразности, намерения. Поясним сказанное.

В высказываниях со значением колебания во всех случаях оказывается актуализированным модально-квалификативный смысл неуверенности говорящего в однозначном развитии событийной ситуации. Реализация данного смысла базируется на сниженной степени уверенности субъекта в однозначно трактуемом результате события. Это естественно, так как степень авторской неуверенности обусловлена причинами прагматического уровня. Смысл «неуверенность», таким образом, является прагматическим смыслом сферы коммуникации, возникновение и функционирование которого напрямую связано с мотивационными факторами колебания как субъективно-модальной квалификации субъекта, осмысляющего действительность и мотивы развития события. Например: *Я едва ли смог бы это сделать* (И. Тургенев); *Они-то и то вряд ли знают о нападении* (Ю. Семенов) (сниженная степень уверенности связывается с авторской компетентностью); *Заехал бы ко мне. – Быть может, и без брони, Авось!.. загадывать я не хочу заране. Авось!.. не ведает никто, что впереди* (А. Грибоедов) (неуверенность субъекта объясняется невозможностью предугадать дальнейшее развитие событий); – *Но ведь она обещала написать. – Разве?* (М. Шолохов) (степень уверенности обусловлена коммуникативными правилами); *У вас, чай, и так вороха наготовлены, брильянтовая* (А.Островский) (сниженная степень уверенности основана на общественном мнении); – *Что, собрались уж? – Вроде как* (К. Чуковский) (колебание обусловлено некоторой растерянностью субъекта); *Бедный хлопец прошептал: – «Ветер, что ли; плачут очи, дрожь берет...»* (А. Пушкин); *Вряд ли это была та самая сосна* (А. Рыбаков) (сниженная степень уверенности субъекта базируется на недоказанной правильности аналогизации фактов или событий).

Другой актуализируемый в высказываниях со значением колебания смысл – предположение. Данный смысл базируется на предварительное осмыслении чего-либо, основанном на степени осведомленности говорящего. Градация оттенков предположения достаточно велика – от высокой степени уверенности до полной неуверенности говорящего в сообщаемом [6, с. 251 – 259]. Но суть важным оказывается то, что предположение может быть как причинно обусловленным (*Это, может быть, так и было. Но я думаю, что не одна эта причина – бабья докука – его погнала под ранец с выкладкой* (А. Куприн); *Кажется, не сладко пришлось мальчишке* (К. Симонов); – *Обогнать, что ли? – спросил шофер* (В. Шукшин)), так и необусловленным (*Да ведь авось и там-то, в Европе-то, тоже давили немало – монголы всякие. Авось и германцы-то не старше... Ну, да это разговор особый* (И. Бунин)). Заметим, что предположение, при всей его обусловленности и обоснованности, не может быть приравнено к констатации факта действительности. Следовательно, при предположении, ка-

ким бы обоснованным оно ни было, всегда остается возможность развития прагматической ситуации колебания.

С другой стороны, необоснованно предполагая, говорящий практически всегда оперирует лишь своим собственным мнением, не основанном на знании всех условий развития ситуации: – *Я вроде бы и не собирался так быстро назад* (В. Шукшин); *Это внезапно произошедшее событие весьма существенно поколебало его уверенность в будущем* (А. Иванов). Такое необоснованное предположение наиболее тесно связано с колебанием, а в периферийной семантической области смыкается с ним. Сходные характеристики необоснованного предположения и колебания, таким образом, налицо. Однако данные кваликативные смыслы суть различны, хотя и тесным образом связаны друг с другом. Если предположение – это предварительное суждение о чем-либо, актуализирующее ту или иную степень уверенности говорящего в сообщаемом, основанную на степени его осведомленности, то колебание – это результат осмысления условий субъектом и процесс (этап) принятия им решения об окончательной квалификации события или его результата.

С предположением и колебанием тесно связан и смысл «кажимость» как один из кваликативных модальных смыслов. Кажимость, как и колебание, базируется на предположении, но в отличие от последнего проявляется лишь как частная локализационная характеристика ситуации колебания: *Кажется, стоило об этом подумать более основательно* (К. Симонов); *Ему вдруг показалось, что делать нужно совсем наоборот* (В. Шукшин).

В высказываниях со значением колебания может актуализироваться кваликативный смысл «сомнение». По своей сути сомнение – это кваликативный смысл, так как он актуализирует коммуникативно оформленный результат квалификации события субъектом. Сомнение базируется на авторском мнении и имеет своим выражением мысль о возможном несоответствии факта действительному на данный момент времени положению вещей. Сомнение предполагает учет обязательных характеристик: отношения факта к действительности с точки зрения вероятности осуществления этого факта, отношения говорящего к возможности осуществления факта. В результате высказывания, выражающие сомнение, активно смещаются к смысловому полюсу отрицания: чем большая доля авторского сомнения фиксируется в сомнительном высказывании, тем более последнее в семантическом аспекте приближенно к обозначенному полюсу (Ср.: *Все-таки когда-нибудь счастливой Разве ты со мною не была?* (А. Блок) – сомнение, осложненное желательностью; *Скептики на это замечали, мол, как бы не случилось непоправимого* (Е. Носов) – сомнение, осложненное опасением; *Он вряд ли мог мечтать о таком развитии события* (И. Ефремов) – сомнение, осложненное возможностью; *Действительно, он едва ли сможет вовремя вернуться* (С. Снегов) – сомнение, осложненное акцентированным подтверждением). Высказывания со значением колебания, в отличие от сомнительных высказываний, не обязательно тяготеют к полюсу отрицания. Это естественно, так как колебание фиксировано не на окончательной, а только на промежуточной стадии оценки события говорящим.

Возможность как модально-кваликативный смысл также соотносится с колебанием. Возможность является мотивационной базой для актуализации в процессе коммуникации ситуации колебания как результата осмысления субъектом возможности/невозможности осуществления какого-либо события или факта в действительности. Это естественно, ведь возможность раскрывает объективную тенденцию развития событийной ситуации: это то, что может стать фактом при реализации определенных условий [7, с. 244 – 246, 258 – 272; 8, с. 64 – 65, 192 – 195]: *Это была возможность отыгаться за прошлое поражение* (В. Быков); *Я все жду от человеколюбивого сердца императора, авось-либо позволит он мне со временем искать стороны мне по сердцу* (А. Пушкин). Возможность всегда базируется на условиях, имеющих тенденцию влиять на характер осуществления события. Колебание же отражает процес-

суальность осмысления возможности субъектом. Поэтому колебание в отличие от возможности всегда субъективно. Если возможность зависит в основном от условий, существующих вне субъективного фактора в объективной реальности, то колебание во всех случаях преломляется через «я» индивида: – *Узнал ли он меня. **Едва ли*** (В. Каверин); *Пирожков стал в раздумье под навесом подъезда – куда идти?* (П. Боборыкин); – *С некоторых пор он постоянно находился в состоянии сомнений и колебаний* (журн. текст).

Смысл «целесообразность» в некоторых случаях оказывается характерным для ситуации колебания. Данный смысл актуализируется в высказывании потому, что говорящий нередко осмысляет перспективный результат развития ситуации как целесообразный или, напротив, нецелесообразный для себя, то есть как прагматически выгодный или невыгодный ему: *Но отослать его к отцам **едва ль** приятно будет вам* (А. Пушкин); *Кому-нибудь будет **вряд ли** интересно узнать о ее мечтах* (А. Рыбаков); *Смысл таков – **вряд ли** принесет им удовлетворение победа, если в их рядах такой недисциплинированный игрок* («Комсомольская правда»);

Смысл «намерение» является смыслом сопутствующим и развивается в высказываниях со значением колебания как презентационное желание говорящего акцентировать внимание адресата на перспективной возможности автора сообщения совершить или, наоборот, не совершать какое-либо действие: *Сегодня мы **едва ли** успеем доплыть до реки Макшеева* (В. Обручев); ***Едва ли** наши астрономы службы пространства слушают в этом диапазоне* (В. Головачев); – *Сенат не поверил, да и вы **вряд ли** поверите, но все же повторяю* (Ю. Медведева); *Колька знает, что Валюша **едва ли** выглянет, но нарочно зовет* (В. Шукшин).

Рассмотренные субъективно-модальные смыслы, актуализируемые при развитии коммуникативно-прагматической ситуации колебания, не являются статичными образованиями. Предположение, сомнение, колебание, кажимость, недоумение и подобные операции ментального уровня характерны для субъекта, включенного в коммуникативный процесс. Эти операции помогают человеку постичь и оценить окружающую действительность, проявить свое отношение к действительности, адекватно квалифицировать событие. Данные операции характерны для человека, так как их применение возможно по отношению к любым явлениям действительности. В процессе коммуникации смыслы модально-кваликативной сферы функционируют как динамичная система, отвечающая актуальным требованиям речевого процесса и предназначенная для решения поставленных перед говорящим коммуникативных задач. Ментальная же операция колебания при квалификации события говорящим является одной из важных оценочных операций, поскольку процесс коммуникации базируется на комплексе динамических параметров, среди которых колебание занимает отведенное ему место в системе субъективно-модальных смыслов.

Одним из дифференциальных критериев при анализе ментальной операции колебания может служить параметр обоснованности мнения, на который ориентируется говорящий при построении квалификативного высказывания со значением колебания. Колебание может обладать разной степенью мотивированности. В этом плане выделяется немотивированное и мотивированное колебание. Первое проявляется незакономерно, случайно. Для немотивированного колебания характерно отсутствие контекстно-речевого или ситуативного маркирования условий, определяющих наличие колебания у индивида, отсутствие обоснованности причин возникновения колебания. Немотивированное колебание основано в основном на спонтанной оценке события субъектом, нежелании уточнять, логически обосновывать или причинно актуализировать те или иные аспекты событийной ситуации: *Она опять **колебалась**, сама не зная, почему* (Д. Донцова); ***Неужели** это случится?* (А. Алексин). Мотивированное колебание, напротив, проявляется тогда, когда говорящий при актуализации собственной точки зрения опирается не на субъективные факторы, а на знание объективных условий развития событийной ситуации в пространственно-временных и при-

чинно-следственных координатах. Мотивированное колебание отражает такую степень осведомленности говорящего, которая позволяет при актуализации колебания оперировать мотивационными условиями как базой для развития смысла «колебание» в процессе коммуникации. Мотивированное колебание, построенное на знании условий, может стать основанием для последующей утвердительной или отрицательной констатации факта действительности: *Юрьева колебалась и молчала, хотя ей хотелось сказать много* (А. Куприн); – *Разве ж она поедет в Сибирь? Ты подумай...* – *С тобой поехала бы.* – *Едва ли* (В. Шукшин). Таким образом, мотивированное колебание – это более продуктивная квалификация по сравнению с колебанием немотивированным. Тем не менее, мотивированное колебание хотя и базируется на знании говорящим условий развития событийной ситуации, однако оказывается недостаточным для того, чтобы превратиться в нейтрально-констатационную характеристику события.

Сказанное позволяет, на наш взгляд, констатировать, что ситуация колебания должна быть отнесена к числу коммуникативно-прагматических ситуаций общения, предполагающих квалификацию того, в какой степени, с точки зрения говорящего, событие соответствует действительности с одновременной актуализацией неких условий, частично противоречащих однозначно констатационному осмыслению события говорящим. Так называемая «полнота знаний» и является базой для квалификации описываемого в высказывании события как недостаточно известного, по мнению автора сообщения, что в свою очередь и послужило мотивом для актуализации колебания при квалификации или оценке данного события.

Выводы

Комплекс актуализированных проблем позволяет утверждать, что универсальность колебания как модально-квалификативного смысла концептосферы субъекта базируется на универсальности ментальной операции колебания, логически обоснованной, связанной с факторами субъекта и адресата, обусловленной данными факторами, имеющей непосредственное отношение к сферам ментальности и оценки, а также к субъективно-модальным смыслам неуверенности, предположения, сомнения, возможности, кажимости, целесообразности и намерения. Указанные модально-квалификативные смыслы, а также явившийся предметом нашего внимания смысл «колебание», являются важными составляющими концептосферы индивида. В ментальном и коммуникативном пространствах они характеризуются как динамичная система, предназначенная для решения поставленных перед говорящим задач. Ситуация колебания должна быть определена в этом плане как ситуация коммуникативно-прагматическая, развивающаяся в коммуникативной сфере, интенционально обусловленная. Даная ситуация структурируема, а в семантико-структурном аспекте – разнопланова.

Анализ поставленных в статье вопросов подтвердил необходимость иерархизации модально-квалификативных смыслов, необходимость их упорядочивания и систематизации при исследовании концептологического аспекта заявленной проблемы. Дальнейшее детальное исследование блока модально-квалификативных смыслов, обслуживающих особую, специфическую область ментально-информационного пространства индивида, таким образом, представляется перспективным.

Список литературы

1. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г. А. Золотовой. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 895 с.
4. Лекант П. А. К вопросу о модальных разновидностях предложения // Современный русский язык. Лингвистический сборник. – Вып. 6. – М.: Изд. МОПИ, 1976. – С. 61 – 66.
5. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 363 с.

6. Нагорный И. А. Предикативные функции модально-персуазивных частиц. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. – 310 с.
7. Философская энциклопедия. В пяти томах. – Т.1. – М.: Советская энциклопедия, 1960. – 765 с.
8. Формальная логика / Отв. ред. И. Л.Чупахин, И. Н.Бродский. – Л.: ЛГУ, 1977. – 357 с.

HESITATION IN INDIVIDUAL CONCEPTOSPHERE

I. A. Nagorny
A. I. Dolzenkova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

The article considers the nature of hesitations in the conceptual sphere of the individual. The authors analyze the communicative-pragmatic situation of variations and means of its representation in the Russian language, as well as modal-qualification meanings in the statements of the value of fluctuations.

Key words: oscillation, pragmatic-communicative situation, modality qualification, concept, uncertainty, speaker, addressee.

УДК 808.2.168.552

«ВНУТРЕННИЕ» И «ВНЕШНИЕ» ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ**С. Е. Терехова***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
svetaterexowa15@yandex.ru*

В статье рассматриваются «внутренние», собственно языковые, и «внешние», экстралингвистические, в т. ч. дидактические проблемы исследования и функционирования устаревшей лексики, приведены примеры интерпретации историзмов и архаизмов современными учащимися.

Ключевые слова: «внешняя» лингвистика, «внутренняя» лингвистика, историзмы, архаизмы, устаревшая лексика, устаревающая лексика, словарный запас.

Постоянное обращение к истокам как собственно лингвистического, так и культурного, исторического опыта является характерным свойством языкового сообщества. Объектом внимания могут стать и отдельные факты, извлекаемые из глубин истории, и целые пласты культуры народа. Обращение к истокам способствует расширению картины мира личности, формированию ее мировоззрения, поэтому всегда актуально. «...И в лингвистическом, и в культуроведческом аспекте связь с истоками была всегда и находила отражение как в литературе, так и в обычном речепотреблении рядовых носителей языка. Но современная практика характеризуется большой активностью этих явлений, поэтому осмысление и фиксация их составляет задачу лингвистики», подчеркивают современные исследователи [1, с. 80].

По нашему мнению, активизация культурно-исторической проблематики в языке связана с активным развитием в последнее время так наз. «внешней лингвистики». Внешняя лингвистика рассматривает отношения языка с историческими условиями его существования, учитывает всю совокупность этнических, социальных, исторических, географических факторов, неразрывно связанных с историей языка. Культура народа, его история, обычаи, отношения между языком и общественными институтами (школой, церковью), географическое распространение языка, языковые контакты – все это может оказывать влияние на развитие языка, хотя и является внешним по отношению к собственно языковой системе. Однако обращение к ним способствует созданию особой «точки отсчета», исходя из которой можно обнаружить в языке принципиальные свойства, не вполне отчетливо видимые при внутреннем рассмотрении языка, т.е. в традициях и терминах «внутренней лингвистики» [2, с. 34].

По аналогии с определениями «внешняя лингвистика», «внутренняя лингвистика» мы используем в статье выражение «внутренние» и «внешние» проблемы по отношению к устаревшей лексике, понимая под «внутренними» проблемами сутобо внутриязыковые проблемы дифференциации и разграничения архаизмов, историзмов и сходных с ними языковых явлений, а под «внешними» – проблемы экстралингвистического характера, в т. ч. и дидактические, связанные с трудностями освоения учащимися школы лексики, находящейся на языковой периферии. В частности, одной из лежащих на поверхности «внутренних» проблем является проблема дифференциации устаревших слов. На первый взгляд, она кажется давно решённой: даже пятиклассники знают, какие слова относятся к историзмам, какие – к архаизмам. Но так просто обстоит дело только в представлении школьников. В «большой» лексикологии остается актуальной проблема разграничения названных видов устаревших слов, поэтому мы и хотим обратить внимание на наиболее острые, по сей день нерешенные вопросы. С другой стороны, еще более острыми стали в последнее время проблемы функционирования, понимания и употребления современниками исторической и архаической лексики, что связано с отмечаемым всеми падением общей культуры обще-

ства. Устаревшая лексика является ценным материалом для формирования знаний молодежи о прошлом своего народа, приобщения её к национальным истокам. Но мы видим, что у современных школьников нет глубоких знаний в области истории и культуры родной страны, слабо (или вообще отсутствует) знание многих устаревших слов, нет практики их применения в речи. А ведь знание «старых слов» необходимо для понимания и верной интерпретации классических произведений литературы. Например, при анализе такого сложного в идейном плане произведения И. С. Тургенева, как «Муму», учащиеся 5-х классов должны понимать многие устаревшие слова, которыми насыщено произведение: *дворовый, тягловый (мужик), челядь, приживалка, горничная, кафтан, армяк, околоток, трактир, коник* и др.

Таким образом, в нашей статье мы предполагаем произвести обзор различных точек зрения лингвистов на классификацию историзмов и архаизмов, подтверждающий наличие «внутренних» проблем в исследуемой области, а также, на основе проведённого в школах Белгорода и Белгородского района анкетирования, дать представление об уровне знаний учащихся об устаревшей лексике, степени значимости для них изучения подобного языкового материала, что позволит выйти на обсуждение одной из проблем «внешней» лингвистики.

Рассмотрим некоторые вопросы, касающиеся «внутренних» проблем разграничения устаревших слов. В одном случае в число таковых включается часть словарного состава языка, состоящая из лексических единиц, употребление которых ограничено особенностями означаемых ими явлений (названия редких реалий, историзмы, термины, собственные имена) или лексических единиц, известных только части носителей языка (архаизмы, неологизмы), используемых только в отдельных функциональных разновидностях языка (книжная, разговорная и другая стилистически окрашенная лексика). Это понимание пассивного лексического запаса высказано А. А. Реформатским, Д. Э. Розенталем, Б. П. Баранниковой, М. А. Теленковой и другими исследователями.

Сторонники другой точки зрения утверждают, что пассивный словарь – это часть словарного состава языка, понятная всем владеющим данным языком, но малоупотребляемая в живом повседневном общении; пассивный словарь составляют устаревшие или устаревающие, но не выпавшие из словарного состава языка слова, многие неологизмы, которые ещё не вошли в привычное словоупотребление. Такое понимание пассивного словарного запаса языка поддерживается Н. М. Шанским, М. И. Фоминой и некоторыми другими лексикологами. Их точка зрения является более «узкой», т. к. при таком понимании в пассивный запас включается лишь часть устаревшей (устаревающей) лексики и часть неологизмов. Но общим для представителей обоих направлений является то, что все они отмечают наличие временного компонента в характеристике устаревших слов, низкую частотность употребления и, как следствие, периферийную позицию в словаре.

Ещё одно мнение по этому поводу основывается на разграничении понятий *язык* и *речь*: «понятия «активный» и «пассивный» словарь относятся прежде всего не к языку, а к речи, то есть к языковой деятельности отдельных индивидов, поэтому активный и пассивный словарь разных людей, относящихся к разным общественным группам, профессиям, к разным местностям, могут и не совпадать» [3, с. 47]. Также этим исследователем (О. Н. Емельяновой) отмечается, что традиционно термин «устаревшая лексика» используется как обобщающее понятие по отношению к терминам историзм и архаизм.

В современном отечественном языкознании нет единого, общепризнанного мнения о том, что представляет собой пассивный словарный запас языка (речи), так же, как нет единого, признаваемого «классическим», определения архаизма, устаревшей/устаревающей лексики. Следует, однако, отметить факт безусловного внесения всеми лингвистами устаревшей лексики за пределы активного запаса, определение места архаизмов в пассивном словаре, на периферии языка (речи). Отсутствие чётко-

го, ясного представления о границах понятий «пассивный словарь», «устаревшая лексика» (и архаизмы в их числе) очень часто приводит к неразличению устаревшей лексики и других разрядов неширокоупотребительных слов, относимых многими лингвистами к пассивному запасу языка. Например, церковную лексику одни лингвисты считают устаревшей, другие – устаревающей. И только на этом расхождении проблема не исчерпывается, ведь часть профессиональной лексики после перестройки, в 1990-е годы XX в., вернулась как в книжную, так и в естественную разговорную практику, вследствие чего требуется осторожность при отнесении этих слов к пассивному лексическому пласту, пересмотр стилистических помет к таким словам, как *архиепископ*, *благовест*, *приход*, *сенощная* и др. То же самое можно сказать о «возвращенной» лексике (*Дума*, *губернатор*, *полицейский*), многочисленных «советизмах» (*колхоз*, *совхоз*, *партком*, *пятилетка*, *партбилет*) и других лексических группах, не получивших еще полного описания в работах лексикологов.

Существуют трудности также в размежевании высоких и поэтических слов, с одной стороны, и устаревшей лексики – с другой. «Часто ввиду того, что поэтическая лексика имеет очень узкие границы употребления, её относят к лексике устаревшей» [3, с. 49]. По классификации М. И. Фоминой слова пассивного запаса делятся на две группы: устаревающие слова и устаревшие слова. К устаревшим, в свою очередь, относятся историзмы и архаизмы. «Устаревшими называются слова, которые вышли из активного употребления и в современном языке, как правило, не встречаются» [4, с. 286]. К ним относятся, во-первых, такие, которые устарели вместе с понятиями о предметах, явлениях и т. д., например наименования прежних административно-выборных собраний, органов и т. д., а также их членов: *община*, *земство*, *земский*; *дума*. При этом, опять-таки, как было отмечено, следует иметь в виду и обратный процесс – возвращение слов данной группы в активный словарный запас. Например, слово «дума», которым обозначается одна из палат Парламента РФ – Государственная Дума. Вышли из активного словаря такие слова, как *царь*, *князь*, *граф* и др., но, являясь историзмами, они используются в современных текстах с определёнными стилистическими целями (воссоздание эпохи, характеристика героев и др.), могут продолжать оставаться в активе как поэтизмы в художественном тексте: «*Мой любимый, мой князь, мой жених...*» (А. Блок).

Причины появления архаизмов могут носить как экстралингвистический, так и собственно лингвистический характер. Внутриязыковые изменения связаны с наличием функциональных разновидностей языка и речи, синонимических связей (прежде всего с наличием стилистических синонимов) и т. д. Архаизация слов не связана с их происхождением. Устаревать могут исконно русские слова: *дабы*, *изгой*; слова, старославянские по происхождению: *клад*, *чадо*; заимствованные слова: *натюра* – природа, *сатисфакция* – удовлетворение и др. Особо следует отметить, что часто архаизмы «используются как средство создания комического и сатирического. С этой целью могут употребляться и историзмы, но не в прямом, а, как правило, в переносном значении, что приводит не только к семантическому обновлению слова, но и к его экспрессивному и образному переосмыслению» [5, с. 40]. Например, такие слова, как *господин*, *челядь*, *барин* стали активно употребляться с ироническим оттенком. Сатирический и комический эффект может усиливаться соединением слов с разной стилистической окраской. В отличие от историзмов, архаизмы, как правило, называют предметы, явления, признаки, процессы не устаревшие, а вневременные, не ограниченные лишь каким-то определённым историческим периодом. Получается, в архаизмах мы обращаем внимание преимущественно на то, с какой формой слова, т. е. с какими особенностями звучания и строения слова связано его значение (словообразовательные архаизмы, грамматические архаизмы и т. д.). Эти разновидности архаизмов имеют одну общую особенность: будучи представленными в речи, они не делают её непонятной слушателю. Например, *полон* (пен), *злато* (золото), *глава* (голова) в выражении *склонить главу* и др. Для понимания их смысла не требуется прибегать к помощи

словарей. По этим причинам фонетические архаизмы чаще других типов архаизмов используются писателями и поэтами: они и понятны, и вместе с тем вносят в авторскую речь и в речь героев определённый стилистический колорит. Д. Н. Шмелев отмечает, что значительную группу архаизмов составляют старославянизмы: *брег, град* и др. Устаревшие слова обладают разной степенью архаичности, которая устанавливается по трём признакам: употребительность, понятность, впечатление устарелости. Есть архаизмы абсолютные, вроде *комони, гридницы, аще, яко*. В каком бы стиле речи мы их не употребляли, они всегда производят впечатление глубокой старины. И есть архаизмы относительные. Одно и то же слово может быть архаичным или не архаичным в зависимости от стиля речи, от того, в каком контексте оно употреблено. Странно было бы видеть *очи* вместо *глаза* в медицинской статье - в стихах же *очи* уместны. То есть в некоторых стилях речи архаизмы естественны, нужны и полезны, а в других неуместны.

Процесс перехода слов из группы активного в группу пассивного употребления длительный, постепенный. Он обусловлен и внеязыковыми причинами (например, социальными) и собственно языковыми, из которых существенную роль играют системные связи устаревающих и устаревших слов: тематические, связь разных его значений, синонимичные и антонимичные связи и т. д. Чем обширнее и разнообразнее эти отношения, тем медленнее переходит слово в пассивную часть лексики и дольше сохраняется частотность его использования. Временной характеристике способствуют лексико-семантические и лексико-словообразовательные архаизмы. Также архаизмы и историзмы, хотя и в меньшей степени, выполняют и собственно стилистические функции. Так, они нередко являются средством создания особой торжественности, возвышенности текста, а также используются как изобразительно-выразительное средство. Использование архаизмов должно быть во всех стилях достаточно чётко мотивировано. В наши дни устаревшая лексика способствует созданию особой эмоционально-стилистической окраски: *ваятель, зодчий* вместо *скульптор, вопрошать* вместо *спрашивать* изменяют тональность текста. Поэтому к употреблению подобных слов в текстах нужно подходить примерно так же, как и к лексике, стилистически окрашенной или закреплённой в стилевом отношении.

Для каждого времени характерны свои тематические парадигмы, фиксирующие устои, которые свойственны определенной эпохе. Возникает система понятий, существующих и взаимосвязанных предметно, интеллектуально, профессионально. Из живой речи могут выходить отдельные члены парадигмы, вся парадигма (например, наименования первобытнообщинного, рабовладельческого, феодального строя), но в парадигмах, связанных с жизнедеятельностью нации (управление, производственная деятельность, семья), происходят замены и пополнения в системе понятий, соответствующих содержанию и стилю мышления эпохи. Например, если в XVII в. в Русском государстве были актуальны одни административные структуры, например, *Приказ* – управленческое учреждение, то в XVIII в. – уже *Коллегия*. Уход историзмов из актуальной, общенародной лексики обычно определяется вневелингвистическими, то есть экстралингвистическими причинами (социальные изменения, изменения в культурной жизни и т. д.). Историзмы, являясь единственной номинацией явлений, ушедших из жизни, в специальной научной литературе используется для наиболее точного описания эпохи.

Историзмы порождаются историей данного общества и отображают в своём значении предметы, явления, процессы, связанные с общественным устройством государства, отношениями классов и иных социальных групп в нём, с экономическим и культурным развитием общества. Слова эти или их отдельные значения отличаются тем, что обществом утрачены сами понятия, обозначавшиеся этими словами: *боярин, барщина, вече* и т. д. Надо ли говорить о том, что историзмы всегда нужны обществу, поскольку они сохраняют для нас нашу историю, к тому же, не зная прошлого (а прошлое – это опыт), нельзя глубоко познать и понять настоящее! Историзмы являются смысловым центром любого учебника по истории; без них нельзя представить ни од-

ного художественного произведения на историческую тему; они необходимы при описании исторических полотен.

Историзмы относятся к реалиям разных эпох и народов. Легко заметить, что не возраст определяет степень «неактуальности» слова. Некоторые явления сравнительно недавнего прошлого относятся уже к истории, вслед за ними в разряд историзмов перешли и их обозначения. Некоторые из названий, обозначавших исторические реалии, были использованы для обозначения новых близких по функции предметов и таким образом совмещают в своей семантике исторические и актуальные значения (т.е. являются лишь «частичными историзмами»), например, значения существительного *шлем*: «1. Старинный металлический воинский головной убор, защищавший от ударов, стрел. 2. Специальный головной убор лётчиков, танкистов, лыжников и др., а также особый головной убор для защиты от солнечных лучей. 3. Специальное устройство, предохраняющее голову и изолирующее её от внешней среды» [5, с. 150].

Можно заметить ещё, что вышедшие из употребления предметы и сами по себе не в одинаковой степени исчезли из жизни, поэтому их обозначения неодинаково удалены от нас. *Трон, корону, кольчугу* можно увидеть в ряде музеев; о *князьях, королях* мы читаем не только в произведениях классической литературы или учебнике истории, но и в современных газетах, когда речь идёт о зарубежной жизни. Следовательно, эти историзмы не то же самое, что вышеупомянутые *баярин, вече* и т. д., а скорее, вышедшие из активного оборота слова, не имеющие актуального значения в современной речи, но обозначающие не исчезнувшие, а существующие реалии. Некоторые из историзмов проявляют активность и в другом направлении. Они могут выступать в качестве обозначения реалий, которые имеют другие (прямые) наименования, например, *король, королева* в спортивных репортажах о шахматных турнирах. Слова же, «обозначающие реалии, исчезнувшие из нашей действительности, но существующие в зарубежной жизни, приобретают как бы двойственный «статус» – они являются в определённом смысле историзмами и в то же время примыкают к т. наз. экзотизмам» [6, с. 158].

Устаревшая лексика не должна восприниматься только как формальный языковой материал, нуждающийся в систематизации. Это материал культуuroобразующий, менталеобразующий. Сейчас всё большее число соотечественников осознают пагубность забвения нами многих страниц отечественной истории и культуры, прежде всего народной культуры. Мы, не задумываясь особо, почти выбросили из нашей памяти многовековые обычаи, традиции, обряды, праздники, верования своих народов. А ведь всё это создавалось с незапамятных времён, взращивалось фантазией и пронизательным умом народа.

Наука и художественная литература всё это собирают, описывают, сохраняют – в слове, в тексте, в словаре. Но, к сожалению, мы забыли и традиции, и верования, и даже слова. «Знакомясь с художественной литературой прошлого, и учитель, и ученик, словно по взаимному договору, стыдливо опускали и всё ещё опускают глаза при встрече с «реченькой бездонной» слов и выражений, навеянных Библией, взятых из неё, и, боясь спросить, и боясь сказать, что же они значат и как надо понимать эти слова и созданные на их основе бессмертные образы словесного и изобразительного искусства...» [6, с. 7]. И вот наконец-то, кажется, приходит пора, когда всем нам должно, пусть медленно, подниматься к этому живительному источнику истории национальной культуры, что сотворен был нашими пращурами, познать их дела и слова. М. Горький устами своего героя из повести «В людях» верно говорит: «Слова, дружнице, это – как листья на дереве, и чтобы понять, почему лист таков, а не иной, нужно знать, как растёт дерево!..» [Цит. по 6, с. 19].

С целью выявления уровня знаний современными школьниками устаревших слов, а также степени сформированности их ценностных ориентиров, познавательной активности при знакомстве с историзмами и архаизмами нами было проведено

анкетирование. В эксперименте участвовало 100 учащихся 5-х классов г. Белгорода и Белгородского района. Проанализировав результаты ответов на вопросы анкеты, к сожалению, мы вынуждены отметить тот факт, что современные пятиклассники не могут дать определение историзмам и архаизмам (15 из 100% ответили, что это устаревшие, «старые» слова, без дифференциации на архаизмы и историзмы).

В качестве примеров устаревших слов 3 % опрошенных назвали слова *арбуз*, *вечереть*, *свёкла* и др., не относящиеся к данной группе. А на вопрос, нужно ли изучать устаревшую лексику, 50 % респондентов ответили, что нужно. Свой утвердительный ответ аргументировали следующим образом:

- а) потому что интересно и может пригодиться в жизни – 20 %;
- б) часто встречаются в литературных произведениях, необходимо объяснять их значение – 11 %;
- в) хочу стать историком – 2 %;
- г) хочу больше узнать о жизни своих предков и понимать речь старых людей – 10 %;
- д) надо знать, чтобы быть грамотным – 5 %;
- е) могут встретиться в контрольной работе и тестах – 2 %.

В последующих вопросах анкеты учащимся предлагалось раскрыть лексическое значение некоторых устаревших слов, среди которых были такие, как *городничий*, *вече*, *рубщице*, *соха*, *князь*, *очи*, *десница*, *чело* и др. Мы выяснили, что лишь 30% учащихся имеют какое-то представление о данных группах архаичной лексики. Среди ответов остальных 70 % учеников были, например, следующие: *рубщице – это то, чем рубят дрова; городничий – человек, живущий в городе* и даже: *городничий – человек, объявляющий, когда будет ярмарка; князь – монах, управляющий королевством; чело – чёлка* и т. п. Давая неправильное и неполное толкование этих слов, пятиклассники при этом отмечали, что данные устаревшие слова знакомы им из сказок, пословиц, поговорок, стихотворений, с которыми они познакомились на уроках литературы.

Оценка результатов проведенного анкетирования позволяет сделать вывод о том, что современные школьники не владеют необходимым минимумом знаний об устаревших словах, испытывают трудности в размежевании нейтральной и архаичной лексики, кроме того, не осознают значимости её изучения.

Обращение к толкованию устаревшей лексики – аксиома языкового образования: непонимание значения историзмов может привести к искаженному восприятию художественного произведения. Об этом не устают напоминать специалисты: «Постоянно приходится сталкиваться с необходимостью интерпретации <этих слов> не только в аудитории, для которой русский язык является неродным, но даже в среде его исконных носителей: *бармы*, *барщина*, *бестягольный* (крестьянин), *боярин*, *бурлак*, *бурмистр*, *власяница*, *временнообязанный*, *гетман*, *губернский предводитель*, *дворянин*, *земец*, *испольщина*, *казак*, *оброк*, *помещик* и многие другие. Толкование таких слов невозможно без показа социальной структуры русского дореволюционного общества, его общественного уклада» [7, с. 179].

Архаичная лексика не должна считаться чем-то отжившим, морально устаревшим – наоборот, это вернейший способ оживления и укрепления исторической памяти молодого поколения. Оскудение словарного запаса школьников, отсутствие в их лексиконе некоторых слов, пусть и относящихся с точки зрения развития языка к устаревшим, но отнюдь не устаревшим с точки зрения формирования мировоззрения и укрепления исторической памяти, свидетельствует о том, что целые пласты культуры выпадают из сознания молодежи. Нужно не упускать один из главных принципов в работе с исторической лексикой – формировать правильное к ней отношение, суть которого «в отрицании взгляда на культуру как на лавку древностей, где хранится красивый, но давно отработанный материал»: «благотворное отношение к вечным ценностям не мешает их постоянному переосмыслению» [8, с. 6 – 7].

В настоящее время остро стоит проблема формирования у подрастающего поколения системы ценностных ориентиров, духовно-нравственного воспитания молодежи, приобщения ее к истории и культуре России, своего родного края, сознательного отношения к окружающей действительности. Очень важно, чтобы молодое поколение жило не только настоящим, но и помнило о прошлом, искало и находило в прошлом ответы на непростые вопросы настоящего. И здесь неоценимую роль могут и должны сыграть уроки истории, литературы, родного языка. По нашему мнению, особенно результативно углубленное, осмысленное изучение лексики, своего рода погружение «внутрь» слова, умение постигнуть смысл слова во всех его оттенках и нюансах употребления, умение увидеть запечатленную в нем историю, осознать все, что хотел сказать автор, выбирая то или иное слово и при этом расширить знания не только о своем языке, но и о стоящей за ним культуре.

Обобщая сказанное, хотели бы подчеркнуть, что, несмотря на наличие в лексикологии ряда «внутренних», т. е. собственно языковых проблем, связанных с систематизацией, дифференциацией устаревшей лексики, функционированием ее в книжной и разговорной речи, нельзя ограничиваться рамками внутрисистемных классификаций, необходимо разносторонне исследовать и «внешние», вызванные экстралингвистическими факторами, проблемы функционирования устаревшей и устаревающей (а также «псевдоустаревающей») лексики.

Перспективы исследования мы связываем с решением лингводидактических задач, направленных на расширение словарного запаса современных школьников, в том числе – за счет активизации работы с уникальным лексическим материалом, к какому, несомненно, относится лексика архаическая и историческая.

Список литературы

1. Гулакян Б. С. Освоение культурно-исторического языкового наследия в современной речевой практике // Русский язык в школе. – 1993. – № 6. – С. 79 – 83.
2. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / Под ред. Т. Ф. Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.
3. Емельянова О. Н. О «пассивном словарном запасе языка» и «устаревшей лексике» // Русская речь. – 2004. – № 1. – С. 46 – 50.
4. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа, 2003. – 415 с.
5. Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. – М.: Высшая школа, 1988. – 416 с.
6. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
7. Макаров В. И. Источники педагогического воздействия в процессе преподавания историко-педагогических дисциплин // Лингвистическое отечествоведение. В 2 т. – Елец: ЕлГУ им. И. А. Бунина, 2001. – Т. 2. – С. 175 – 181.
8. Ямбург Е. А. Контуры культурно-исторической педагогики // Педагогика. – 2001. – № 1. – С. 3 – 10.

«INTERNAL» AND «EXTERNAL» PROBLEMS OF RESEARCH OF OUT-OF-DATE LEXICON

S. E. Terehova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
svetaterexowa15@yandex.ru*

In the article we examine "internal", actual language, and "external", extralinguistic one, including didactic problems of research and functioning of out-of-date lexicon, some examples of interpretation of historicism and archaisms used by modern pupils are given.

Key words: "external" linguistics, "internal" linguistics, historicism, archaisms, out-of-date lexicon, outdated lexicon, lexicon.

УДК 811.114

ПЕРЦЕПЦИЯ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ

В. К. Харченко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Harchenko@bsu.edu.ru*

Исследуются особенности языка перцепции применительно к различным каналам восприятия: зрительному, слуховому, тактильному, обонятельному и вкусовому в речи одних и тех же детей периода наблюдения 2005 – 2011 гг.

Ключевые слова: перцепция, соматизм, соматология.

Осуществляемый на протяжении восьми лет сбор «подряд-высказываний» одних и тех же детей, двух братьев с разницей в возрасте 3 г. 1 м., и анализ изданного на основе собранной картотеки Корпуса детских высказываний [1], берегающего хронологическую последовательность прозвучавших реплик, выводит комментатора-исследователя на новый подход к проблематике «языка детской перцепции».

Заявленная проблематика хорошо вписывается в треугольник, триаду противопоставлений: язык детской когниции, язык детской эмоции и язык детской перцепции, хотя соответствующие контексты (ситуатемы) развести бывает подчас достаточно сложно (однако и не настолько сложно, чтобы отказываться от исследования самой триады в максимально полном объёме обнаружения таких особенностей).

Естественно и ожидаемо, что исследование детской когниции опережает исследование двух других феноменов. Неожиданно другое. На детском материале, в частности, можно проверить справедливость утверждения некоторых профессиональных психологов о недостаточности «языка» для выражения чувств у русскоязычных пациентов по сравнению с англоязычными, точнее, выяснить, какие трудности испытывают дети при оязыковлении испытываемой эмоции. Впрочем, и для взрослых носителей английского языка камнем преткновения в общении с детьми нередко становится язык чувств [2, с. 54 – 55, 145 – 148 и др.]. Не исключено, что языком чувств у взрослых служит в основном «готовая» фразеология (от давнего *У меня глаза на лоб полезли* до сравнительно недавнего, свежего, вбирающего едва ли не полярные эмоции: *Я в шоке!*).

В лексиконе ребёнка фразеологический запас ещё не устоялся, поэтому в детской речи чувства выражаются или готовыми «взрослыми» репликами (*Она устала! А я, ты думаешь, не устал?!*), или через когницию: *Взрослый: Ты меня спрашивал, почему тебе так мало хороших снов снится? – Да! Знаешь, как мне Лёва объяснил? Потому что, когда снится хороший сон, ты спишь дальше и его забываешь! (8 л.11 м.); Всегда хочется, когда говорят «Спокойней!», быть беспокойным. Надо делать наоборот то, что касается «нет». «Не пускают входить!». Надо зйти посмотреть, почему не пускают. А если табличка «Входит всем!»... (5 л. 9 м.)*.

Как видим, все три плоскости (когниции, эмоции и перцепции) интересны как для продолжающегося отдельного рассмотрения их в детской речи, так и для рассмотрения их в плане взаимоиндукции.

Детская перцепция, или сенсорика (эти термины целесообразнее употреблять как синонимы, хотя некоторые исследователи их разводят!) привлекала и привлекает внимание исследователей. По наблюдениям А. А. Павловой, у полуторагодовалого ребёнка *Ать-ать!* означало всё острое, горячее, холодное (потрогал зимой лестницу), шершавое (грубое покрывало), горькое (лекарство), то есть равно опасное и/или равно неприятное для его [3]. Исследователей интересует проблема синестезии в детской речи, основанной на фундаментальном чувстве сходства (толстый голос). Активно ис-

следуются детские звукоподражания, олицетворяющие слуховую сенсорнику [4]. Исследуются особенности детского восприятия того или иного модуса перцепции, в частности вкусового модуса [5]. Такие сгущения в пространстве исследований детской перцепции возникли неслучайно: они находятся как бы на поверхности доступных наблюдений. На порядок труднее определить сенсорную компоненту в языке детских когнитивных и эмоций. Если не брать перцептивную лексику (ребёнок определённое время смешивает *смотреть* и *видеть*, *пахнуть* и *нюхать*, а наречие *громко* обозначает у детей далеко не только звуковой интенсив!), во всём многообразии детских высказываний зафиксировать, «заметить» перцептивный след весьма сложно именно по причине многообразия «всего остального».

Каким приёмом исследования мы пользовались на первом этапе исследования языка детской перцепции, учитывая и «уважая» упомянутое многообразие отступлений детской речи от норм взрослого языка? Мы выписали «подряд» из словаря [6] реплики детей, отражающие детскую перцепцию, сплошной выборкой по двум, произвольно взятым буквам: «Г» и «Н». Возраст информантов словаря от 2 до 15 лет, что составило первый блок материала. Второй блок оформился записями «подряд» детских высказываний двух братьев 3-х и 6 лет с октября по декабрь 2009 г., также содержащими «перцептивные фрагменты». Наконец, третий блок образовали конкордансы детских высказываний-иллюстраций к «сенсорному слову». Поскольку указанный словарь составлялся по конкордансному принципу, то анализу были подвергнуты отдельные «базовые» сенсорные слова (*громко*, *мягкий*).

Выделим на этой основе ряд особенностей формирования языка детской сенсорики сначала по каналам восприятия, затем по точкам сходства в детском прочтении сенсорного образа.

ЗРИТЕЛЬНЫЙ канал восприятия. Реплика ребёнка, которой восхищался А. П. Чехов: «Море было большое», заставляет взрослого «увидеть» море. Аналогичная реплика в следующем примере заставляет взрослого «увидеть» котлеты, озвучив то, что давно во взрослом сознании ушло в импликационал значения слова. – *Апельмени ты разве не любишь? – Я люблю большое мясо* (3 г. 5 м.). Тем самым мы наблюдаем формирование на перцептивной основе импликационала значения. Неочищенный гранат у ребенка – *грязно-красный* (6 л.). Товарный поезд не составляется, а *наполняется* (8 л. 5 м.). Небо в ненастную погоду *неровное* (6 л. 6 м.). Буквализация значения слова в детской речи тоже вызывает яркий зрительный образ: *Лужа необходимая* (6 л.). Шар надул *гиганчье некуда* (5 л. 5 м.).

На завершающей стадии языковой оснастки зрительных образов наблюдается освоение словообразовательной модели с суффиксоидом -видный: *Верблюды – горбовидное животное* (12 л. 6 м.).

СЛУХОВОЙ канал восприятия. Именно в эту группу попадает массив детских звукоподражаний, очаровательных своим разнообразием, пластикой.

Мама смотрит на градусник: Сколько натикало? (2 г. 6 м.). Громко болит (ухо) (2 г. 9 м.). Зачем ты меня в сад так громко ведёшь (быстро) (2 г. 10 м.).

К более старшему возрасту ребёнок подчас весьма талантливо озвучивает свои слуховые ассоциации: *Когда двери в троллейбусе закрываются, то такой звук, как будто рис из кулёчка высыпает в кастрюлю* (5 л. 4 м.). *Ты когда лук режешь, то будто слышится «Луис Альберто! Луис Альберто» [герой телесериала 90-х гг.]*. Утончённые формы принимает и синестезия: *Мне нравится играть вальс, менуэт. Музыка красивая, нежнотающая* (13 л. 11 м.).

ТАКТИЛЬНЫЙ канал восприятия. На ранних этапах усвоения языка показателен вышеприведённый пример с *Ать-ать. А нос у Деда Мороза неизлётный* (5 л. 11 м.). То есть тёплый на ощупь. *Давай я завяжу тебе волосы... Не получается. Они же у тебя ненитные. Ненитный – значит скользкий, шелковистый на ощупь. [Мясо плохо жуётся] Какое-то неудобное мясо. То есть жёсткое. У меня руки неклееные. То есть не липкие, чистые.*

ВКУСОВОЙ канал восприятия. – *А у нас в садике плохие мальчики снег ели. – Дима, а ты ел? – Нет, он невкусный.* Если ребёнок утверждает, что снег невкусный, значит, он его пробовал?

ОБОНЯТЕЛЬНЫЙ канал восприятия. В детской речи наблюдается типичное смешение запаха и нюха: способности улавливать запах и «результата» использования такой способности. *А у нас раньше был дезодорант, у которого был нюх другой. Она [божья коровка] по нюху узнаёт, как астра пахнет? А собака может определить нюх своего пограничника и нюх чужого пограничника? Чем это нюхает? Вода нюхается вкусным пахном.*

Теперь выпишем «сенсорику» из блока высказываний двух братьев:

Я нанесу вам громкий удар (3 г.5 м.); [О построенном доме:] У детёнышей там очень тёплая температура (6 л.6 м.); [Прижимается к вернувшемуся из школы:] Такой холодненький, приятненький брат! (3 г.6 м.); А камушки там какие были? – Да я уже и не помню, какие были. Съезжу в Алушту и скажу тебе, какие были (3 г. 6 м.). [Папа работал с электропилой:] А зачем такой запах есть от опилок? (3 г. 6 м.). Я уже пил. Я уже целый живот напил! (6 л. 7 м.); Запах крови растёкся, потому что они оторвали ей [рыбе] хвост (6 л. 8 м.). А это [показывает на фейхоа] какого запаха? <...> А апельсин какого запаха? [нюхает воздух] Вот какого! (3 г. 7 м.); Папа был Дедом Морозом, потому что высокий. – И у него голос толстый (6 л. 9 м.). Я как Лёва становлюсь уже. Такой большой (3 г. 8 м.). Африка направо! Они [звери] почти заезжают в Африку (3 г. 8 м.).

Проанализируем теперь состав двух нижеследующих конкордансов. Конкордансные словари языка поэтов (Ф. Тютчев, А. Фет) в настоящее время создаются Курской лингвистической школой, действительно можно зафиксировать словоупотребления того или иного слова, во-первых, все по опубликованным произведениям, во-вторых, с равным вниманием к «обычному» и оригинальному словоиспользованию. Для стихии детского разговорного дискурса «во-первых» и «во-вторых» нереальны: «правильное» исследователем, если и замечается, то не фиксируется, а гарантировать, что схвачено «всё», не решится ни один составитель словаря разговорной речи. И, тем не менее, можно работать со словарными статьями как с конкордансами уже потому, что, составляя словарь детской речи, мы старались не упускать ничего интересного, и эту практику сохраняем до сих пор. Итак,

ГРОМКО. *Громко болит (ухо) (2 г. 9 м.); Зачем ты меня в сад так громко ведёшь (быстро) (2 г. 10 м.); Не умывай меня громко! (2 г. 11 м.); Не надо громко мешать чай, а то разольётся (3 г.); В ресторане все громко едят (4 г. 1 м.); Сегодня на улице тихо. – Не тихо, а громко. Ветер уже подул (6 л. 1 м.); Дави громче на мел (11 л.).*

МЯГКИЙ. – *Папа, а это какой цветок? – Кактус. – Да, он колючий, смотри, какой он колючий! А это тоже Карлсон, только он мягкий, не колючий (2 г. 10 м.); [В очередной раз садится кушать за компанию] У тебя живот лопнет! [Трогает живот и с облегчением говорит:] Не-а! Мягкий! (4 г.); [В гостях:] Подушка такая мягкая, что напоминает мышку (4 г. 5 м.); Снег такой мягкий, как мука (5 л. 4 м.); После купания у меня кожа мягкая, точно зайчик (5 г. 5 м.); У Джона язык мягкий, как тряпочка (5 л.5 м.).*

«Слуховой» и «тактильный» конкордансы развиваются по мере взросления ребенка по разным сценариям.

В детских речевых репрезентациях ГРОМКО осваивается и осмысливается как а) «шумно» (в ресторане); б) «интенсивно» (*громко ведёшь*, языковая игра в школьном жаргоне: *громче дави на мел*); в) «и шумно, и интенсивно» (*громко мешать чай*); г) «с рокотом» (*ухо болит громко*); д) «ветрено» (*громко на улице*). Лидируют два признака: шум и интенсивность. В общем конкордансе задействованы два сценария: синонимии (*шумно*) и синестезии (*интенсивно*).

МЯГКИЙ осмысливается по двум сценариям: противопоставления (*не колкий, не тугой* – о кактусе, о животе) и сравнения (прототипами мягкости выступают *мышка, мука, зайчик, тряпочка*).

Повторим, собирая на протяжении уже около 30 лет детские высказывания, мы не фиксировали «правильное» за редкими исключениями, вызванными такими, например, проектами исследований, как формирование у детей речевого этикета, искусства комплимента, проявление синонимии и пр. Так что во всех трёх блоках отчётливо проступает именно трудность сканирования ребёнком сенсорного языка, охватывающего все пять каналов восприятия. В предложенном анализе просвечивается множество исследовательских проекций, таких как:

а) связь тактильных ощущений с эмоциями (*холодненький, приятненький брат*);

б) связь лексики сенсорики с интенсивно осваиваемой словообразовательной моделью: именно осенью 2009 года в речи братьев была распространена игра в диминутивы: *охоточка, школушка, кушанькушки*; отсюда: *холодненький, приятненький*;

в) относительность зрительной оценки величины, расположения в пространстве (*большое мясо* – о котлете; *...как Лёва становлюсь уже. Такой большой*; *Африка направо*);

г) интенсивность сенсорного признака, переносимая на другие каналы восприятия, синестезия: *громко ведёшь, громкий удар, толстый голос* и др.;

д) формирование сенсорных прототипов: *неизлédный, ненитный, грязно-красный*;

е) контаминация тактильных характеристик: высказываний: *в пещере очень тепло + температура пещеры = в пещере очень тёплая температура*;

ж) заявка на синонимию: запах *растёкся* вм. *Распространился*;

з) формирование грамматики запаха: *запах есть; какого запаха?*

Что можно почерпнуть и подчеркнуть из сказанного в плане методики самого исследования? Видимо, при описании языка детской сенсорики целесообразно пользоваться и словарями детской речи с их алфавитным, отшлифованным набором фактов, и записями подряд-высказываний, необработанным сырым материалом, освещающим проблему «здесь и сейчас», приостанавливающим время для считывания и анализа, и конкордансами сенсорной лексики. Все эти блоки, частично совпадая (в плане синестезии, трудности формирования языка запахов) дают возможность узнать, установить также и нечто своеобразное в решении проблемы.

Если «словарь» дал нам больше примеров на формирование, например, тактильных прототипов (*неизлédный, ненитный*), то подневная выборка дала больше примеров на связь сенсорики и эмоций. Что же касается связи изучаемой лексики с осваиваемой словообразовательной моделью, например, диминутивов, то «словарь» здесь не помощник, нужна подневная картотека. Интересно проследить также, когда появляются «авторские» звукоподражания в детской речи наряду с усвоенными из «языка нянь» словами – характеристиками домашних животных (*Гуси, гуси! – Га-га-га!*) и словами, подзывающими домашних животных, тех же гусей: *Тега-тега-тега!*

Итак, «язык детской перцепции» – тема благодарная, но не столь простая для интерпретации, как это представлялось при первом приближении к материалу.

На втором этапе анализа (2012 г.) мы воспользовались единым блоком материала, а именно «перцептивной частью» лично собранного Корпуса детских высказываний и получили некоторые новые данные, не фиксированные ранее при словарном, выборочном и конкордансном анализе языка детской перцепции.

По мере обработки получаемых данных неожиданно стал прорисовываться такой пласт реплик, который можно подвести под проблему яркости передачи ребёнком собственных перцептивных впечатлений. Яркость передачи сенсорики касается всех пяти модусов восприятия: зрительного, слухового, тактильного (осязательного), вкусового и обонятельного, но первым бросается в глаза язык детского осзания: *Хорошо*,

что у нас стул низкий. Если упадёшь, то не пробьёшь голову сзади (4 г. 1 м.); Я родил брата, чтобы с ним играть, а он руку от меня дерёт (4 г. 3 м.); – Алоэ иголки всовывает в рану и загоняет кровь в сосуды (4 г. 3 м.); Играет в муравья, который «роет» муравейник: Я когтями буду прорывать камень! (4 г. 3 м.); – А Женька от кухонных часов отодрал часовую стрелку. Вот такой он сильный стал. Посильнее! (4 г. 4 м.).

Яркость ведущего для всех возрастов зрительного модуса восприятия в детской речи подчас «не замечается» исследователем из-за переадресовки восприятие на инструментарий такой яркости, то есть на привычные, традиционные для лингвистического анализа формы, наполненные «детским» содержанием, будь то метафоры, сравнения, гиперболы и т. п.

В зрительном модусе у детей иногда имеет место непреднамеренный эффект укрупнения изображаемого. Просит достать завалившийся носок: *Ты эту пыль помоешь. Смоешь с носка (3 г. 11 м.). – Змеёныш прокусил яйцо и вылезает (4 г. 4 м.). – А жаба сделала такой укол, который помогает от перелома. Это надо очень огромным шприцом, как наш дом! (4 г. 7 м.).* Эффект укрупнения изображаемого может быть вызван детализацией, точнее детским интересом к «мелочам» жизни: *А почему у тебя, когда кран открываешь, вода течёт верёвками? (5 л. 1 м.).* Яркость зрительного модуса в детской речи бывает обусловлена игровой реконструкцией самого процесса: *А когда я вырос и мне было три года, у меня начали глаза зеленеть. И всё зеленели, зеленели... (3 г. 11 м.); – Такая большая капля стукнулась о землю, лопнула, и из неё посыпался снег (4 г. 8 м.).* Звук, вкус, запах также не оставляют детей равнодушными, хотя фиксируются реже «зрения» и «осязания»: *О полюбившейся песне: Я подробно послушаю! (4 г. 8 м.). – Ёлка моя (сосновая ветка) не пахнет. – Или нюх сорвался (испарился) (6 л. 9 м.)?*

Выразительная передача личных перцептивных переживаний у детей сопровождается целым рядом характерных особенностей.

Первой такой особенностью является устойчивый интерес к телу вообще, наивная анатомия как излюбленная тематика задаваемых ребёнком вопросов. Резко развернул руку: *А так мышца свернула? А почему, когда я падаю, кровь не начинает течь по сосудам, а выбегает вот сюда? А в волосах есть кровь? А в корнях волос? А в голове есть кровь? А кто помогает мышцам двигаться? (5 л. 2 м.).* На турнике: *Если ты так за него подтянёшься, а руки не удержишь, то череп куда? А может одна голова кричать без мозга? (5 л. 11 м.).* Язык детской перцепции тесно связан с разработкой в качестве отдельной, обособляемой для вящего, более прицельного изучения такой области лингвистики, как лингвосоматика. Только корпусный материал продемонстрировал эту связь языка детской перцепции и наивной анатомии в устах ребёнка. Однако признаемся, собранного нами материала при всей его мощности (33, 47 усл. печ. л.) оказалось здесь явно недостаточно, поскольку мы фиксировали отступления, ошибки, шероховатости, сдвиги, тогда как здесь необходим ещё и фонд правильно употреблённых слов-соматизмов в речи детей. Слова тематической группы «Тело» весьма популярны как в старческой речи (человек начинает прислушиваться к своему телу, которое всё чаще даёт сбои) [7, с. 145 – 148], так и в речи ребёнка, знакомящегося с частями тела.

Второй особенностью языка детской перцепции является её яркость, поддерживаемая персонификацией, в том числе персонификацией частей тела: *Прервался телефонный разговор: Баб, это как-то провод случайно отдёргнулся (4 г. 6 м.). – Она что, живая, заноза? Она заходит в кожу! (4 г. 7 м.).*

Третья особенность языка детской перцепции – это развитие эмпатии, перенос собственных болевых ощущений на окружающее живое и неживое. Отчасти это идёт от «языка нянь» (*Деревцу больно!*), но в большей степени определяется креативностью детского языкового мышления, формированием языковой личности через отзеркаливание других, Другого.

Далее, четвёртой зафиксированной особенностью языка детской перцепции, как показал материал, становится фразеологическое сопровождение и фразеологическая поддержка, означающая, как выше было сказано, взаимоиндукцию перцепций и эмоций. *Ходили с родителями купаться. – Женька (4 м.) не боится воды? – Нет! Он туда рвёт, как бешеный (4 г. 5 м.); О человечке из «Лего»: У него голова верх ногами (4 г. 11 м.).*

Пятая характеристика языка детской перцепции – это междометная поддержка: *Ой, я видел паучка, маленького-маленького, с толстой спиной! (4 г.). – А у кроотов когти хорошие, они так роют: ой-ой-ой! (4 г. 4 м.). У них [динозавров] армия пополнилась на два человека. В него впился Белок – и у него органы – хить! – оттуда вылились... (8 л. 7 м.).*

Наконец, шестое своеобразие языка детской перцепции – это его выход на «сценарное» или «кинематографическое» изображение событий». Проявляется сценарность и/или кинематографичность весьма различными способами:

(а) через развёрнутую, «продолженную» персонификацию: – *Она клюёт ртом и прикалывается этим острым крючком. Думает: дальше можно плыть, а нет: удочка! (4 г. 4 м.),*

(б) через «замедленную съёмку» событий: *У него [динозавра] когти здесь застряли (7 л. 11 м.); О братике: Он так вертится, что мне надо не отдыхать, а смотреть, смотреть за ним (4 г. 6 м.),*

(в) через изображение «крупным планом»: *Говорит за динозавра: Мои когти ещё не сильно слабые! Они как дадут кому-нибудь в лицо, так ничего не увидишь (4 г. 4 м.).*

Анализируя материал, поначалу мы полагали, что яркость детской перцепции связана с дефицитом лексикона. Неполнота словаря по сравнению с речью взрослого разрешает и стимулирует использовать подчас более драматические синонимы. Однако, сравнив «перцептивные реплики» с другими, прозвучавшими в тот же период развития, мы обнаруживаем, что с запасом необходимых слов у детей будто бы проблем нет, и, тем не менее, ребёнок выбирает более острый, более драматический синоним, синоним-интенсив. Не *сломала* – *переломала*, не *порвал* – *подрал*, не *обдери*, а *раздери*, не *закрыла*, а *замуровала*. – *Лошадка одно копыто переломала. Она споткнулась. А рак клешню переломал (4 г. 4 м.); – Вот я, маленький, эту книжку подрал (4 г. 5 м.); О тонкой веточке: Раздери ты мне палку, мне палку надо сломать (4 г. 6 м.); – А там нам вход машина замуровала (закрыла) (4 г. 7 м.).*

Драматизм, а подчас и трагизм (признаемся, было у нас и такое рабочее определение!) языка детской перцепции ярко демонстрируют не только большинство уже приведённых высказываний, но также следующие примеры: *А это гриб трАвочник, он под травой растёт. <...> А это подъежовник. Когда ёж умирает, лежит, то под ним (вырастает) подъежовник (4 г. 8 м.); – А бабочки кем питаются (4 г. 7 м.). Рубит мечом грибки на стенках песочницы: Я там их ноги рублю... (4 г. 7 м.); – Это такой нож! Его вот так кидают – и режется человек (4 г. 8 м.). – А в яйце что полезного? А мы едим цыплят? Старших цыплят едим (4 г. 7 м.); Знаешь, как они кишечники ему доставали? Они зубами рвали ему попу! <...> Он его уже убил и мышцы (мясо) вытаскивает (5 л. 4 м.); – Да, там шелковица растёт. – Да! Мама надрала мне немного ягод (6 л. 3 м.); Летит тополиный пух. Протянул руку: Сейчас пушинка какая-нибудь да и вляпается мне в руку! (8 л. 2 м.).*

Самое «спокойное» объяснение перцептивного драматизма – недостаточное владение языком, недоработка, недоусвоение, незнание селективного компонента (термин И. А. Стернина) значения слова: зуб можно сломать, но не *переломить* (ср. *У папы перелом зуба?*). Такое объяснение приемлемо, если не знать, что наблюдаемый информант знает слово, например, *мясо*, но использует более драматическое в такой ситуации *мышцы*, знает слово *сорвала*, но использует *надрала*, знает словосочетание *чем питается*, но использует *кем питается*.

В возрастном периоде трёх-пяти лет у ребёнка сохранён ещё феномен генерализации, «натягивания» известного слова на новый объект. Значит, причиной драматизма передачи перцепции является не столько недоработка, дефицит словаря, сколько желание, стремление ярче, живее, интереснее изобразить то, что в обычном взрослом языке выглядит весьма схематичным, если не сказать пресным. Впрочем, и такое объяснение несколько уязвимо. К ребёнку при интерпретации его спонтанной речи нельзя относиться так, как мы, лингвисты, относимся к писателю, творцу слова, человеку, который «словечка в простоте не скажет». Скорее всего, причина кроется в той самой бедности языковой передачи эмоций, о которой выше уже упоминалось и которая побуждает использовать для вящих эмоциональных переживаний более интенсивный и более драматический язык перцептивных «переживаний» как своих, так и (в случае олицетворения) чужих. Мотивация у детей осуществляется, разумеется, на подсознательном уровне, иначе мы рискуем превратить малолетнего информанта уже не в писателя, а в психолога. Когда подросток заявляет: *Я ему сейчас как врежу!*, в этом интенсиве мы традиционно и справедливо усматриваем эмоцию, но и она зиждется на драматизме перцепции.

Вопросы остаются: и объяснение можно поискать иное, и «гендер» проверить (только ли в мальчиковой речи проявляется исследуемый драматизм?), и диктат возраста вносит свои коррективы, которые также могут быть зафиксированы. Например, постепенное, «точечное» овладение фразеологическим запасом языка сопровождается если не угасанием яркости перцепции, то некоторым снижением проявлений такой яркости, её интериоризацией, уходом «внутри» языкового сознания. Процесс фразеологизирования речи идёт достаточно быстро в ситуациях сиблингового общения, когда старший поправляет младшего, корректируя спонтанное введение фразеологизма в высказывание. *О гимнастическом снаряде. Баб, у нас каким-то чудом шест поломался! – Жень, «каким-то чудом» говорят, когда что-то хорошее!; Готовится к сложному прыжку: У меня как по маслу выйдет! – «Как по маслу» идёт, а не выйдет!* (5 л. 10 м. – 8 л. 11 м.). В те же дни в речи старшего брата зафиксирован фразеологизм: *Играет: Это лазерные лампы, они пропускают мимо ушей своих, у кого на руках тайные датчики.*

Главный же вопрос, едва ли не методологического порядка, остается открытым: как отличать яркость перцепции в детском высказывании, «принадлежащую» ребенку, «автору» высказывания, и яркость перцепции на взгляд интерпретатора детской речи. Собственно поэтому в данном исследовании и был использован приём синонимического анализа лексикона ребенка, в ряде случаев частично объясняющего феномен выбора более яркого варианта обозначения.

Итак, при сравнительно небольшом временном разрыве (2010 г. – 2012 г.) был осуществлён двухэтапный анализ будто бы одного и того же материала – языка детской перцепции сначала с опорой на словари и конкордансы (при минимуме «подряд-записей»), затем с опорой на детский лонгитюд, хронологически выдержанный свод реплик одних и тех же детей (2005 – 2012 гг.). В первом случае, как было выше показано, в языке детской перцепции бросалось в глаза следующее: связь с эмоциями и поиск сенсорных прототипов, синестезия и контаминация в передаче сенсорных переживаний, синонимия и формирование грамматики того или иного модуса восприятия. Синонимические замены и связь перцепции с эмоциями как важнейшие признаки языка детской перцепции сохранились и во втором случае, при анализе корпусного материала, но были замечены и некоторые другие, причём весьма существенные признаки: интерес к анатомии и драматизм перцепции, поддержка сенсорных ощущений фразеологизмами и междометиями, сценарность и кинематографичность при передаче языка тела. Таким образом, между материалом и его анализом с весьма рельефными результатами наблюдения и их комментариями стоит не самое заметное, но, как оказалось весьма существенное звено: характер подачи и обработки самого детского материала, «сырья». Долгие годы предпочтения и увлечения словарными

блоками должны (нет, не смениться, к этому мы отнюдь не призываем!), но сопровождаться ковровыми записями подряд-высказываний одних и тех же детей, то есть данными детского лонгитюда, что значимо для исследования далеко не только языка детской перцепции, или, по другой терминологии, детской сенсорики.

Список литературы

1. Харченко В. К. Корпус детских высказываний. – М: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2012. – 520 с.
2. Гордон Т. Курс эффективного родителя. Как воспитать у детей чувство ответственности. – М: Ломоносовъ, 2010. – 510 с.
3. Павлова А. А. Коммуникативно-прагматическая функция концептуального признака: к проблеме взаимодействия когнитивной лингвистики и нейрофизиологии // Слово – сознание – культура. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 76 – 87.
4. Амзаракова И. П. Языковой мир немецкого ребенка младшего школьного возраста. Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2005.
5. Яценко М. А. О некоторых особенностях усвоения ребёнком семантики вкусовых прилагательных // Пятая выездная школа-семинар «Порождение и восприятие речи». – Череповец: Изд-во Череповецкого гос. пед. ин-та, 2006. – С. 195 – 198 с.
6. Харченко В. К. Словарь современного детского языка. В 2-х томах. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – Т.1. – 346 с.; Т.2 – 276 с.
7. Харченко В. К. Лингвосенсорика: фундаментальные и прикладные аспекты. – М.: Изд-во Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012 – 216 с.

PERCEPTION OF THE CHILDREN'S SPEECH

V. K. Kharchenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Kharchenko@bsu.edu.ru*

The article deals with the particularities of the language means of perceptual memory: visual, tactile images and those received through the organs of taste and smell studied in speech samples of the same children conducted during 2005 – 2011.

Key words: perception, channel of human perception, somatism, somatology.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'367

КАУЗАТИВНЫЕ АФФИКСЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

А. М. Амагов
Н. Г. Филимонова

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
Amatov@bsu.edu.ru
Karpova_N@bsu.edu.ru

В работе рассматриваются суффиксы и приставки современного английского языка, обычно используемые для образования каузативных глаголов от именных и глагольных основ. Показано, что морфологический каузатив присутствует в английском языке как элемент агглютинативной системы, однако в силу слабой общей развитости аффиксации эти способы образования каузатива не стали универсальными для английского языка.

Ключевые слова: английский язык; морфология; причинно-следственные отношения; глагол; каузатив; суффикс; префикс.

Морфологические каузативы, т. е. каузативные глаголы, образованные путём аффиксации некаузативных основ, встречаются во многих естественных языках. Безусловно, первенство в этом отношении принадлежит языкам агглютинирующего типа, где роль аффиксации в целом весьма высока. Однако не следует забывать, что свои системы аффиксов присущи и языкам других типов. Английский язык не относится ни к флективным языкам, ни даже, строго говоря, к агглютинативным, приближаясь по структуре скорее к изолирующему типу. Однако и в нём система аффиксов играет определённую роль в слово- и формообразовании. Теоретически существование морфологических каузативов в английском языке возможно, как и в любом языке, в котором слово имеет морфологическую структуру. Однако практическая сторона этого вопроса остаётся под сомнением, разрешить которое можно, сопоставив английскую систему аффиксов языка с аналогичными системами агглютинативных языков, где морфологические каузативы регулярны.

Прежде всего, проанализируем результаты исследований некоторых языков и проследим, каким образом функционируют в них нелексические морфемы с каузальным значением. Так, в агглютинативных языках часто наблюдается очевидное слияние каузативного элемента и глагола при образовании каузатива. В качестве иллюстрации можно привести некоторые примеры из турецкого языка: *imzala* – подписывать, *imzala-t* – заставить подписать, *göster* – показывать, *göster-t* – заставить показать, *icmek* – пить, *ic-ir-mek* – заставить пить и пр. [1; 3; 7]. Итак, в турецком языке суффикс *-t* и инфикс *-ir* выражают каузативное значение, что и является их основной функцией. При этом прямым дополнением каузатива является не лицо, а объект каузации:

- (1) a. *Ali mektub-u Hasan-a imzala-t-ti*
Али письмо-DO Хасан-IO подписать-Caus.-Past
(Али заставил Хасана подписать письмо.)

- b. *Ali Hasana mektubu müdür göstertti*
(Али заставил директора показать письмо Хасану.)

Подобные суффиксы имеются и в других языках, например, *-at (-et)*, *-tat (-tet)* в венгерском: *varrni* – шить, *varr-at-ni* – заказать (заставить) шить, *főzni* – варить, *főz-et-ni* – заставить (велеть) сварить [2; 4]. Предложение с каузативным предикатом, например, *Ученики заставляют учителя ждать*, строится следующим образом [3, с. 265]:

- (2) *A tanulókat vár-at-jak a tanár-t.*

опр. арт. ученики ждать-Caus. опр. арт. учитель-DO

Каузативные суффиксы есть и во многих других языках. Например, в японском языке таким суффиксом следует считать *-sase* (фонетический вариант *ase*). Сравним: *tome* «остановить» – *tomar-ase* «заставить остановиться»; *oros* «опустить» – *ori-sase* «заставить опуститься»; *aruk* «идти» – *aruk-ase* «заставить идти» и т.д. [6]. Любопытным фактом здесь является то, что предложение, содержащее каузатив, может строиться как с прямым дополнением (послелог *o*), так и с косвенным дополнением (послелог *ni*); последний также имеет значение творительного падежа и пассивного агента [3, с. 267].

- (3) a. *Taroo ga Ziroo o aruk-ase-ta.*

Taroo Subj. Зиро DO идти-Caus.-Past;

- b. *Taroo ga Ziroo ni aruk-ase-ta.*

Taroo Subj. Зиро IO идти-Caus.-Past.

(Таро заставил Зиро идти.)

Из приведённых примеров видно, что в турецком, венгерском, японском, да и во многих других языках каузативное значение ряда некорневых морфем является единственным. Более того, как показывают примеры (3 a, b), суффиксы каузативов образуют в таких языках парадигмы, причём не только морфологические, но и синтаксические, а морфологический каузатив – регулярное явление, выражаемое следующей формулой:

- (4) $St + L_{Caus.} = V_{Caus.}$

Гипотетически возможно, что в том или ином конкретном языке вместо каузального лексического суффикса ту же функцию выполняет приставка со сходным грамматическим значением, и тогда справедлива такая формула:

- (5) $Pr_{Caus.} + St = V_{Caus.}$

Очевидно, что такой способ выражения причинно-следственных связей характерен, прежде всего, для языков с хорошо развитой системой аффиксов, то есть, главным образом, для агглютинативных и языков, где аффиксы не только многочисленны, но и, в основном, однозначны. Но поскольку система аффиксов, хотя и сравнительно немногочисленных, всё же присутствует и в английском языке, то в нём (по крайней мере теоретически) могут существовать морфологические категории $L_{Caus.}$ и $Pr_{Caus.}$. Рассмотрим сначала ряд английских глагольных суффиксов, которые способны выражать каузативное значение.

Так, суффикс *-ize*, образующий глаголы от прилагательных и, реже, от существительных, часто придаёт лексемам каузативное значение. Семантическую функцию глагола можно представить следующим образом:

- (6) $X + ize = \text{“make } X\text{”}$.

Здесь X – корень (или бессуффиксальная основа) прилагательного или существительного, а *“make X”* – значение, которое приобретает глагол. В качестве примеров можно привести такие глаголы, как *modernize* = *“make modern”*, *localize* = *“make local”*, *popularize* = *“make popular”*, *polarize* = *“make polar”*, *centralize* = *“make central”*, *colonize* = *“make colony”* и т. п.

Однако, условность модели (6) проявляется даже на примере некоторых переходных, но некаузативных глаголов. Так, глагол *criticize* нельзя представить в виде “**make critic*” или “**make critical*”, глагол *anatomize* не сводим к “**make anatomic*”, а *memorize* – к “**make memory*”. Эта условность становится ещё более очевидной, если мы вспомним такие английские глаголы, как, *agonize*, *diphthongize* и пр., которые вообще не являются переходными и, тем более, каузативными.

Таким образом, суффикс *-ize* не может быть отнесён к сугубо каузативным, поскольку само его появление не означает, что лексема неизбежно приобретает каузативное значение, как это видно на примере некоторых других языков.

В словарях значение этого суффикса обычно сводятся к двум основным семантическим парадигмам, а именно:

- 1) придавать какое-либо свойство (каузативное значение);
- 2) приобретать какое-либо свойство (некаузативное значение, хотя, возможно, результат каузального воздействия).

Например, словарь Вебстера 1986 г. приводит каузативное значение (представленное в нескольких субдефинициях) первым, а некаузативное – вторым. Большой англо-русский словарь, напротив, некаузативное значение обозначает первым, а каузативное – вторым. На наш взгляд, номер дефиниции в словарной статье в данном случае решающей роли не играет – важно то, что словари английского языка отражают как каузативное, так и некаузативное значение суффикса, а этого уже достаточно, чтобы не считать его каузативным в строгом смысле слова.

Рассмотрим теперь суффикс *-ate*, который также может передавать каузативное значение, причём эта функция у него является доминирующей. Словарь Вебстера указывает следующие три значения этого суффикса:

- 1) cause to be modified or affected by (*camphorate*);
- 2) cause to become (*activate*);
- 3) furnish with (*aerate*).

Все приведённые в словаре значения суффикса – каузативные, однако данное издание словаря Вебстера, к сожалению, даёт не все возможные варианты употребления суффикса *-ate*. Обратимся к Большому англо-русскому словарю. Там значения данного суффикса определяются следующим образом:

- 1) образует каузативные глаголы от сущ. и прил.: *complicate*, *liberate*, *elongate*, *repatriate*, *animate*, *nominate*;
- 2) образует глаголы разного значения, соотносимые с существительными на *-ation*: *indicate*, *separate*, *negate*, *irrigate*, *negotiate*, *correlate*, *iterate*.

Как видим, среди этих «глаголов разного значения» могут встречаться и каузативные (*separate*, *irrigate*). Однако такие глаголы, как *indicate*, *negotiate* и прочие к каузативам отнести нельзя. К ним можно добавить и множество других некаузативных глаголов с суффиксом *-ate*, причём как переходных (*demonstrate*, *tolerate*, *contemplate*), так и непереходных (*meditate*, *dilate*, *dominate*).

Суффикс *-fy* (*-ify*), образующий глаголы от именных основ, также можно отнести к «условно каузативным». Условность и в данном случае объясняется тем фактом, что не все глаголы с этим суффиксом обязательно каузативы. Значения суффикса *-fy*, приводимые в словаре Вебстера, таковы:

- 1) make: form into (*dandify*);
- 2) invest with the attributes of: make similar to (*citify*).

Большой англо-русский словарь описывает этот суффикс так: встречается в глаголах, образованных обычно от основ прилагательных и существительных, и имеющих значение *производить действие*, обозначенное основой: *falsify*, *glorify*, *intensify*, *justify*, *purify*, *petrify*, *uglify*.

Безусловно, многие глаголы, образованные при помощи данного суффикса, являются каузативами: *simplify*, *fortify*, *amplify*, *modify* и т. д. Однако, «производить действие» отнюдь не означает «вызывать изменения», и многие глаголы с данным

суффиксом, хотя и переходные, к каузативам отнести нельзя: *identify, classify, personify* и другие. Следовательно, сам суффикс *-fy* способен образовывать каузативы лишь от определённых именных основ.

Итак, анализ трёх наиболее распространённых английских суффиксов, способных образовывать каузативные глаголы, показывает, что каузативное значение, хотя иногда и основное, всё же не является для них единственным.

Обращает на себя внимание и тот факт, что эти суффиксы являются заимствованными. Суффикс *-ate*, через среднеанглийский язык, восходит к латинскому *-atus*, т. е. окончанию причастия прошедшего времени. Суффикс *-fy* также восходит к латинскому языку: ст.-фр. *-fier* от лат. *-ficare*. Суффикс же *-ize* происходит от греческого *-ίζειν*. Соответственно многие слова с этими суффиксами также были заимствованы целиком, а не поморфемно. При этом в отдельных случаях суффикс стал неотделим от корневой морфемы. Так, если мы ещё можем представить как основное и производное такие пары слов, как *agony – agonize* или *air – aerate*, то у целого ряда других глаголов основа трудно отделима или даже совсем неотделима от суффикса, как это было в языке – источнике заимствования. В рамках английского языка мы не можем, например, представить глагол *frustrate* как аффиксальное образование от основы *frustr* – в английском языке просто нет такого слова. Хотя, обратившись к источнику заимствования, мы легко обнаружим, что это латинское причастие *frustratum* от глагола *frustrare*, который, в свою очередь, образован от наречия *frustra* – «ошибочно, напрасно, тщетно». Показательно здесь и то, что при заимствовании суффикс латинского причастия превратился в суффикс английского инфинитива.

Другой важной особенностью является то, что указанные суффиксы могут образовывать глаголы, а тем более каузативы, далеко не от каждого прилагательного или существительного. Вообще число глаголов с этими суффиксами, хотя и достаточно велико, всё же ограничено, и поэтому нельзя признать сами эти суффиксы регулярными словообразующими элементами, как это обстоит в других, указанных выше, языках.

Суффикс германского происхождения *-en* (др. англ. *-nian*), присоединяемый к именной основе, также способен придавать глаголу каузальное значение. Однако здесь мы сталкиваемся с проблемой переходности. По функции этот суффикс аналогичен *-ize*, и может обозначать как придание кому-л./чему-л. свойства, выраженного основой (каузатив), так и приобретение данного свойства (некаузативный глагол). В словаре Вебстера, в частности, приводятся два толкования:

- 1) become or cause to be (*sharpen*);
- 2) cause or come to have (*strengthen*);

В Большом англо-русском словаре эти значения сведены в одну дефиницию: встречается в глаголах со значением приобретения признака (или наделения признаком), который выражен производящей именной основой: *madden – бесить, blacken – чернить, quicken – ускорять, loosen – ослаблять, освободить, strengthen – усилить*.

Хотя в рассмотренных примерах даны лишь каузативные значения глаголов, из описания видно, что они не являются единственными – те же лексемы могут передавать и «значение приобретения признака». В том же словаре глагол *madden* переводится как «сводить с ума, доводить до бешенства; раздражать, бесить» и как «сходить с ума, приходить в бешенство; раздражаться, беситься». Таким образом, в обоих указанных словарях выделяются как каузативное, так и некаузативное значения, хотя последнее можно рассматривать как результат каузации:

- (7) a. *Vinegar softens meat* (каузатив);
- b. *Meat softens in (due to) vinegar* (результат каузации).

В этой связи и, кстати, основываясь на примерах с глагольным суффиксом *-en*, Дж. Лакофф и Дж. Росс выдвинули тезис о морфологическом соотношении между каузативом и непереходным глаголом [5].

Следует также отметить важную особенность упомянутых в этом разделе турецких, венгерских, и японских аффиксов: они образуют (регулярно!) каузативы от переходных глаголов. Английские суффиксы такой функции не выполняют.

Обратимся теперь к английским префиксам, которые могут участвовать в передаче каузативного значения. Рассмотрим приставку *en-* (фонетический вариант *-em*). Большой англо-русский словарь определяет значения этой глагольной приставки:

- 1) помещать в то, что обозначено производящей именной основой: *encage, enchain, enroll, entrench, envelop*;
- 2) приводить в состояние, обозначенное именной основой: *enamour, encourage, enable, enjoy, enlarge, enrich, enslave, ensure, embitter, embody, empower*;
- 3) в некоторых глаголах, образованных от глагольных основ, имеет усилительное значение: *enclose, ensue, enlighten*.

Пожалуй, данная приставка ещё более универсальна, чем рассмотренные выше суффиксы *-ize*, *-ate* и *-en*. Она свободно сочетается с большим количеством именных основ. В частности, можно встретить такие слова, как *engem, enflower, enfever, engild, enrank* и т.п., хотя их употребление сильно ограничено, как правило, стилистическими рамками. Однако все эти глаголы передают каузативное значение, а приставка в них чётко отделима от основы и явно представляет собой словообразующий компонент.

Другим важным моментом является то, что данный префикс может образовывать новые глаголы от глагольных основ. Впрочем, значение *en-* здесь скорее усилительное, нежели каузативное. А в том, что большинство таких глаголов – каузативы, «виновата» не сама приставка, а глагольная основа (*enclose – close, enwrap – wrap, entangle – tangle* и т. п.).

Итак, можно ли считать приставку *en-* универсальным каузальным аффиксом? На наш взгляд, нет, и вот почему. Во-первых, сама приставка, как и упомянутые суффиксы, не является исконно английской, а заимствована из латыни через французский язык. Соответственно, многие лексемы с приставкой *en-* являются заимствованиями, а их основы без этой приставки либо не употребляются, либо имеют другое значение. Так, глагол *endue* (наделять силой или качеством) восходит к латинскому глаголу *ducere* (вести, предводительствовать), а не к английскому прилагательному *due*, которое, в свою очередь, происходит от совсем другого латинского глагола – *debere* (быть должным, обязанным). Другой каузативный глагол, *entail* (ограничивать права наследования; вызывать, влечь за собой) происходит совсем не от английского существительного *tail* (хвост), а от старофранцузского глагола *taillier* (урезать, ограничивать).

Во-вторых, многие глаголы с приставкой *en-*, образованные от именных или глагольных основ, вовсе не являются каузативами. В случае с глагольными основами, как уже говорилось, значение каузальности выражается не приставкой, а корневой морфемой или суффиксом. Что же касается глаголов с *en-*, образованных от имен, то они, будучи переходными, всё же не обязательно выражают значение каузации, что можно показать на примерах с глаголом *encircle*:

- (8) a. *Thick forest encircles his cot*;
- b. *The Moon encircles the Earth*.

Аналогично обстоит дело и с приставкой *be-*, которая, в отличие от *en-*, не является заимствованной, а имеет германское происхождение. Этот префикс также может образовывать глаголы (часто каузативные) как от имён, так и от других глаголов. Однако в случае с глагольными основами эта приставка, как и *en-*, лишь усиливает их значение, а не выражает каузальность. Поэтому глаголы, образованные от глагольных основ посредством префикса *be-*, в зависимости от значения исходной основы, могут быть как каузативными (*beget, bedraggle*), так и некаузативными (*bespeak, befall*). Что касается именных основ, то от них приставка *be-* образует переходные глаголы, которые также могут быть каузативными (*befool, bedew, bedim*) или некаузативными (*befriend, bemoan*).

Говоря в целом об английских аффиксах, можно утверждать, что среди них нет морфем, строго ориентированных на выражение каузальности. Причин тому несколько. Прежде всего, английские аффиксы, в основном, многозначны, поэтому каузальность может проявляться лишь как одно из возможных (как минимум, двух) основных значений. К тому же аффиксация в английском языке в меньшей степени распространена как способ слово- и формообразования, и число основ, образующих новые слова при помощи аффиксов, сравнительно невелико: в этом отношении английский язык, близкий к изолирующему типу, существенно уступает флективным и агглютинирующим языкам. Нельзя не обратить внимания и на тот факт, что значительное число английских словообразующих аффиксов, в том числе и передающих каузативное значение, заимствованы из других языков и сочетаются чаще с заимствованными же основами. Зачастую аффикс настолько сливается с корневой морфемой, что становится неотделим от неё. Это также снижает словообразующую способность многих аффиксов.

Вообще, строгое функциональное разделение аффиксов, их грамматическая однозначность и прозрачность морфологического состава слова характерны, прежде всего, для агглютинирующих языков, где аффиксация – основной способ слово- и формообразования. Во флективных языках границы морфем уже в значительной степени замутнены в результате фузии, и флексия берёт на себя формообразующую функцию, оставляя за аффиксами преимущественно функцию словообразующую, причём роль её снижена по сравнению с агглютинирующими языками. Что же касается английского языка, то в его грамматическом строе гораздо большую роль играют аналитические конструкции, а элементы агглютинации вытесняются на периферию (флективную же систему вообще можно считать деградированной). Таким образом, роль аффиксов в передаче каузального значения для английского языка весьма невысока по сравнению с другими средствами выражения причинности – прежде всего, лексическими.

Список литературы

1. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.–Л.: АН СССР, 1956.
2. Майтинская К. Е. Венгерский язык: В 2-х ч. / К. Е. Майтинская. – М.: АН. СССР, 1959.
3. Comrie B. The Syntax of Causative Constructions: Cross-Language Similarities and Divergences / B. Comrie // *Syntax and Semantics*. New York: Academic Press, 1976. Vol. 6. P. 261 – 312.
4. Hetzron R. On the Hungarian Causative Verb and Its Syntax / R. Hetzron // *Syntax and Semantics*. – New York: Academic Press, 1976. – Vol. 6. – Pp. 371 – 398.
5. Lakoff G., Ross J.R. A Note on Anaphoric Islands and Causatives / G. Lakoff, J. R. Ross // *Linguistic Inquiry*, 1972. – Vol. 3. – Pp. 121 – 125.
6. Shibatani M. Semantics of Japanese Causativization / M. Shibatani // *Foundations of Language*, 1973. Vol. 9. – P. 327–373.
7. Zimmer K. Some Remarks on Turkish Causatives / K. Zimmer // *Syntax and Semantics*. New York: Academic Press, 1976. – Vol. 6. – P. 399–412.

CAUSATIVE AFFIXES IN MODERN ENGLISH

A. M. Amatov
N. G. Filimonova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
Amatov@bsu.edu.ru
Karpova_N@bsu.edu.ru

The paper deals with suffixes and prefixes commonly used to form causatives from nominative and verbal stems in modern English. It is shown that morphological causative is present in modern English as a constituent of agglutinative system. Such causatives, however, have not become ubiquitous due to the overall weakness of the morphological system in English.

Key words: English; morphology; causal link; verb; causative; suffix; prefix.

УДК 81'282.4

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ВАРИАТИВНОСТИ

Ж. Багана
Е. В. Бондаренко
О. О. Чернова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Baghana@yandex.ru
Bond-elena@yandex.ru*

Вариативность является одним из главных свойств языка. Она может быть рассмотрена под разными углами зрения: в общетеоретическом плане, под лексико-семантическим углом, через призму мышления, или в связи с системно-структурной организацией языка.

Ключевые слова: фауноним, зооним, животный мир, национально-культурная специфика, лексическая единица, семантика.

Введение

Языковая система характеризуется определенным набором свойств, которые определяют ее функционирование. Ее вариативность является одним из указанных свойств. Языковая система изначально устроена таким образом, что каждая ее единица функционирует в виде одного из своих вариантов, специфика которых определяется уровнем, к которому принадлежит данная единица.

В отечественном и зарубежном языкознании проблема вариативности языковых единиц изучается не одно десятилетие. Существует множество работ, направленных на исследование отдельных аспектов вариативности. К классическим трудам российской лингвистики в этой области следует отнести монографии О. С. Ахмановой, Ж. Багана, В. В. Виноградова, В. А. Виноградова, Г. О. Винокура, В. Г. Гака, К. С. Горбачевича, В. Т. Клокова, А. М. Молодкина, Р. П. Рогожниковой, А. И. Смирницкого, В. М. Солнцева, В. Г. Степанова, Н. М. Фирсовой, Д. А. Шахбаговой, В. И. Чернышева, В. Н. Ярцевой и др. В данной статье мы рассмотрим теоретические основы проблемы вариативности.

Теоретический анализ

Ахманова О. С. рассматривает вариативность словоформ, как отдельных самостоятельных единиц языка, под лексико-семантическим углом. Она считает, что на лексемном уровне пределом языкового варьирования данного рода является омонимия. Явления омонимии изучается в сравнительном анализе с явлением полисемии, при этом случаи омонимии и полисемии последовательно анализируются в отношении имени существительного, прилагательного, глагола и наречия [1, с. 104 – 165]. В «Очерках» О. С. Ахманова подвергает разбору «лексико-фразеологическое варьирование слова» и определяет фразеологическую единицу как предельный вариант такого варьирования. Она рассматривает некоторые другие виды вариативности словоформ: фонетическое, морфологическое и констатирует факт возможной «стилистической дифференциации слова» [1, с. 192 – 245].

Вариативность может быть рассмотрена через призму «пластичности человеческого мышления». Именно такой ракурс изучения данного понятия характерен для работ В. Г. Гака [2]. Его монографии охватывают целый ряд общелингвистических вопросов, которые соотносимы с понятием вариативности в языке, в данной концепции применяется термин «преобразование». Исследуя различные виды «логических исчислений в языке», ученый подробно рассматривает фонетические, морфологические,

лексические и синтаксические преобразования. Особое место занимает описание «видов языковых трансформаций», которые возникают в ходе процессов вариативности. Автор разрабатывает собственную «типологию форм языковых преобразований», уделяя внимание «транспозициям грамматических категорий и частей речи», выявляя «трансформации форм связи» и «актантные трансформации». Последовательно и детально воссоздаются «факторы и сферы реализации языковых преобразований» [3].

В монографии В. М. Солнцева «Язык как системно-структурное образование» вариативность языковых единиц изучается в связи с системно-структурной организацией языка. Лингвист констатирует, что вариативность представляет собой свойство, которое изначально присуще как всей системе в целом, так и каждой ее единице. В данной работе указывается, что многообразие видов вариативности языковых единиц находится в прямой зависимости от уровня, к которому принадлежит определенная единица. В. М. Солнцев последовательно рассматривает все виды варьирования, начиная с фонологического уровня, далее следует изучение вариативности морфем, затем исследуются виды вариативности слова [4].

Идея вариативности была проанализирована в общетеоретическом плане и в сложном взаимоотношении с процессами на морфологическом уровне в трудах В. Н. Ярцевой. «Идея вариантности (или, как иногда говорят, вариативности) языка породила множество задач, поскольку необходимо было пересмотреть некоторые старые и устоявшиеся понятия и термины грамматики в свете новых представлений, с одной стороны, и разрабатывать те новые пласты языковых данных, которые обнаруживались при использовании идеи вариантности, с другой» [5, с. 18]. Далее отмечено, что «человеку для полноты выражения приходится не только использовать варианты, предоставленные ему в структуре языка, но также и их разнообразные комбинации, что приводит к качественно новым ступеням исторического развития языков». В указанной работе В. Н. Ярцева касается сложного вопроса о выборе параметров, «которые позволяют отграничить элементы вариативности от конструкций, относящихся к качественно различным языковым образованиям» [5, с. 19].

Большое внимание уделяется собственно морфологическому варьированию. Лингвист уточняет, что «морфологическая вариативность возникает как следствие объединения в одном парадигматическом ряду грамматических форм, разновременных по своему происхождению (архаизмы и неологизмы) или различных по своей грамматической структуре (формы синтетические и аналитические)» [5, с. 20].

Интересна авторская трактовка процессов вариативности по отношению к эволюции языковой системы во времени и дефиниции соотнесенности языковых единиц в синхронии и диахронии. Подчеркивается важность процессов варьирования морфологических элементов на синхронном уровне и возможные расхождения вариантов в диахронии. «Если отбор одного из вариантов, бытующих в данном языке, или количественное нарастание вариантов вызывается, в конечном счете, экстралингвистическими условиями, приводящими к специфическим случаям функционирования варьирующихся форм, то распределение вариантов между областями морфологии и синтаксиса должно оцениваться, прежде всего, в плане синхронии. Поэтому соотнесенность одних и тех же элементов языка в различные исторические периоды его развития дает совершенно разную картину их распределения» [5, с. 19].

Морфологическое варьирование действительно интересно проследить при сравнении синхронного среза и изменения в диахронии. Как известно, на раннесреднеанглийском синхронном уровне в системе английского языка существовало два варианта местоимений 3-го лица, ед. числа «она»: *he*, которое происходит из древнеанглийского *heo* «она» и *sko*, которое изменилось в диахронии и стало *she*. В раннесреднеанглийском языке употребление этих двух местоимений было разграничено диалектами юга (употреблялось *he*) и севера (употреблялось *sko*). К началу XV в. это диалектное употребление стирается, и форма местоимения *sko* > *she* и получает широкое распространение.

Современные лингвисты по-разному трактуют понятия вариативности и языковых вариантов. М. Я. Блох интерпретирует вариантность с функциональной точки зрения [6, с. 6 – 15]. О. И. Бродович затрагивает теоретические вопросы, связанные с вариативностью, изучая диалектные особенности английского языка [7]. Языковая переменная выявляется автором на фоне территориальных особенностей английского языка. Диалектные варианты английского языка описываются как самостоятельные динамически развивающиеся системы, характерные для определенных ареалов распространения на территории Великобритании.

Важное место среди работ по проблеме фонетико-фонологической вариативности занимают два труда Торсуева Г. П. «Константность и вариативность в фонетической системе» и «Проблемы теоретической фонетики и фонологии» [8; 9]. Описывая фонетическое и фонологическое варьирование языковых единиц, Г.П. Торсуев с одной стороны суммирует лингвистические разработки в этой области, с другой – предлагает собственное видение фонемы, как абстрактной единицы системы языка и ее вариантов – аллофонов, появление которых связано с определенным лингвистическим контекстом. Вводится понятие «репрезентанта фонемы и слога», изучаются «фонематические противопоставления», как элементы «фонематической системы языка» [8].

Отдельное направление изучения вариативности языковых единиц намечено в исследованиях Шахбаговой Д. А. Ее анализ интонационных особенностей вариантов английского языка вносит определенный вклад в разработку общей теории вариативности. Характеристики фонетической системы вариантов английского языка (британского, американского, австралийского и канадского) даются на фоне контрастного анализа «константных и вариативных» величин. С точки зрения автора, языковая система обладает двумя взаимоисключающими характеристиками, которые представляют собой единое целое: константность и вариативность. Константность языковой системы способствует сохранению основных системно-структурных элементов, в то время как система языка постоянно изменяясь, стремится к вариативности, продолжая обслуживать общество как средство коммуникации [10].

Если провести контрастивный анализ приносительных норм даже в пределах разных частей Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, то полученный результат будет не менее интересным, чем при сравнении вариантов произношения в англо-говорящих странах по всему миру. Так, система вокализма английского языка только на территории Великобритании имеет следующие отличительные характерные черты: в Шотландии и в некоторых графствах Англии (Нортамберленде, Дареме, Камберленде, Йоркшире, Ланкашире, Оксфордшире, Бедфордшире, Лестершире) в закрытом слоге *-a* произносится как долгое [a:]: *lad* [la:d] – «мальчик, юноша»; *sad* [sa:d] – «печальный», *cat* [ca:t] – «кот». В южном Ланкашире, южном Вустершире, южном Чeshire, Дарбишире, Хертфордшире, восточном Саффолке, Шропшире, Глостершире *a* в той же позиции произносится как [o], особенно перед *m*, *n*: *apple* [opl] – «яблоко», *lad* [lod] – «мальчик, юноша», *back* [bok] – «назад», *man* [mon] – «человек, мужчина».

Большой вклад в освещение проблематики вариантности языковых единиц на материале немецкого языка внесли: Б. А. Абрамов, М. А. Бородина, А. Л. Воронов, М. М. Гухман, В. Д. Девкин, А. И. Домашнев, Г. Г. Ивлева, Н. И. Крепких, Н. Г. Кузьмич, В. Т. Малыгин, О. И. Москальская, Н. Г. Помазан, Н. Н. Семенюк, М. Д. Степанова, Е. И. Шендельс и др.

Абрамов Б. А. подчеркивает, что вариативность является существенным свойством всех уровней системы языка. Ученый обращает внимание на то, что «с одной стороны, она питает эволюционные процессы в языке, а с другой стороны, играет большую роль в его функционировании» [11, с. 5].

В работе А.И. Домашнева «Об одном типе отношений «система - норма - вариант» в социолингвистике» предлагается создать целостную теорию языковой вариативности, у которой по мнению ученого наблюдаются общие закономерности и своя

собственная специфика: онтология вариативности; факторы, которые обеспечивают появление вариантов; ее роль в развитии и функционировании языковой системы; типология вариативности в различных звеньях языковой системы [12, с. 862]. Отмечается, что понятиями «вариант» и «вариативность» охватываются как различные стороны проявления отношений отдельных единиц разных уровней языковой системы, так и состояние вариативности языковой системы в целом в зависимости от конкретных условий ее функционирования [12, 863].

Из трудов, написанных зарубежными лингвистами, с нашей точки зрения следует отметить исследования классиков мирового языкознания: Ф. де Соссюра, Л. Блумфилда, В. Матезиус, Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсон, Й. Вахека и В. Скалички. Из более поздних работ следует выделить монографии У. Лабова, Э. Сепира, У. Вольфрама и др.

Еще Фердинанд де Соссюр в знаменитом «Курсе общей лингвистики» отмечал произвольность языкового знака: «Связь, соединяющая означающее с означаемым, произвольна, или, иначе говоря, поскольку под знаком мы разумеем целое, вытекающее из ассоциации означающего и означаемого, мы можем сказать проще: языковой знак произволен» [13].

Отдельные моменты, посвященные изменениям фонем можно найти в работе Леонардо Блумфилда «Язык»: «Типичные артикуляций органов речи, Охарактеризованные в предыдущей главе, следует рассматривать как своего рода основу, которая может различным образом видоизменяться. Изменению могут подвергаться: время, в течение которого длится звук; громкость, с которой он произносится; музыкальный тон голоса при образовании звука; положение органов речи, не принимающих непосредственного участия в определяющей данный звук артикуляции; характер перехода органов речи от одной определяющей артикуляции к другой. Различение основных звуков речи, с одной стороны, и их модификаций – с другой, удобно для нашего изложения, но оно не всегда строго проводится в самих фонетических системах» [14, с. 296].

Представители пражского лингвистического кружка В. Матезиус, Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, Й. Вахек и В. Скаличка известны глубоким изучением фонологического уровня языка и его единиц – фонем. Они разработали детальную теорию фонемы, как единицы языка и ее репрезентантов в речи. Вариативность фонем нашла выражение во введении новой терминологии. Наряду с термином «фонема» пражские лингвисты ввели в научный лингвистический обиход термины «фон», как конкретный представитель фонемы в речи и варианты фонем – «аллофоны» [15].

У. Лабов, американского лингвиста, по праву считают одним из основателей социолингвистического направления в языкознании. В его широко известной монографии, посвященной морфологической вариативности, намечается новый ракурс изучения вариантов глагола, а именно его полной и усеченной форм [16]. Во главу угла ставятся социально-функциональные условия, которые, по мнению автора, определяют распределение указанных форм. При разборе различных форм вариантов в языке У. Лабов вводит новую терминологию, с помощью которой описывает фактологический материал вариативности в языке. Отмечается, что при исследовании вариаций английского языка по всему миру необходимо четко различать «несколько категорий: переменные и варианты, и три типа лингвистических переменных – индикаторы, маркеры, стереотипы. Переменная это непоследовательность или расхождение, демонстрируемое конкретной формой языка в сравнении с абстрактным стандартом, вариант – специфическое значение переменной» [16].

Знаменитая работа Э. Сепира «Язык» посвящена разнообразным лингвистическим проблемам, в том числе, среди других проблем, затрагивается вопрос о языковой вариативности. Он трактуется глобально, как непосредственно связанный с вариативностью культур. Культуры народов вариативны, следовательно, вариативны и языки

представителей этих культур. Культура народа, ее носителя полностью определяет состояние языковой системы и ее изменение, т. е. «дрейф». Э. Сепир проводит исследование факторов, которые оказывают решающее воздействие на язык. Он выделяет несколько определяющих факторов: воздействие окружающей среды, воздействие социальной среды, воздействие физической среды. «Иначе говоря, в том, что касается языка, любое воздействие окружающей среды, в конечном счете, сводится к влиянию среды социальной. И все же представляется полезным разграничивать такие социальные факторы, которые более или менее явно восходят к факторам физической среды, и такие, которые очевидным образом с воздействием физической среды не связаны. Подвергаться воздействию в языке может либо его значимая сторона – содержание (т. е. словарь), либо фонетическая система (т. е. система звуков, используемых для построения слов), либо, наконец, его грамматическая форма (т. е. формальные процессы и логические или психологические классификации, используемые в речи)» [17].

Как видно из вышеизложенного материала, как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике понятие вариативности языковых единиц трактуется под различными углами зрения, поэтому следует определить, что такое вариативность, как это понятие определяется в различных словарях лингвистических терминов и в работах лингвистов, принадлежащих к разным школам языкознания.

Каждая единица языка, принадлежащая к любому уровню языковой системы, может изменяться в зависимости от конкретного окружения. Эта способность языковой единицы стала основой для осмысления понятия вариативности или вариантности. Вариативность языковых единиц это их способность модифицироваться в зависимости от контекста.

Трансформации языковых единиц привели к созданию понятия «варианта». В ходе лингвистических исследований было выяснено, что способность использовать варианты присуща всем языковым единицам. Она является одним из их основополагающих свойств.

Термины «вариативности» и «вариантность» как правило, употребляются как синонимы. Лингвистический энциклопедический словарь определяет понятие «вариантность», при этом понятие «вариативность» дается рядом, в скобках, как синонимичное понятие. В этой энциклопедии под «вариантностью» понимается «представление о разных способах выражения к.-л. языковой сущности как об ее модификации, разновидности или как об отклонении от некоторой нормы (напр., разночтения в разных списках одного и того же памятника); 2) термин, характеризующий способ существования и функционирования единиц языка и системы языковой в целом» [18, с. 80].

«Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой содержит определение вариантности в связи с различными видами речи: «вариантность - разнообразие, разнотипность речи, определяемые различными условиями ее употребления, а также различиями в социальной и территориальной принадлежности говорящих лиц» [19, с. 43].

«Словарь-справочник лингвистических терминов» Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова предлагает разграниченное описание вариантов различных уровней единиц языковой системы. Вариант фонемы определяется как «непараллельное чередование звуков». Вариант морфемы – «тождественные по значению и генетически родственные, которые различаются своим фонемным составом». Варианты слова – «видоизменения слова, отличающиеся друг от друга в каком-либо отношении при сохранении тождественного морфемного состава». Варианты фразеологических единиц – «фразеологизмы с переменным составом компонентов, но с одним и тем же значением и одинаковой степенью семантической слитности» [20, с. 48 – 51].

Девкин В. Д. определяет вариативность, как качество пронизывающее всю систему языка и ее реализацию в речи [21, с. 14].

С точки зрения М. Н. Кожинной, вариативность «это фундаментальное свойство языка, обусловленное его социальной сущностью и коммуникативной функцией, обеспечивающее творческий характер языка и эффективность общения. Это имманентное свойство естественного человеческого языка, в противоположность искусственным языкам, для которых вариативность не обязательна [22, с. 129].

Баранникова Л. И. отмечает, что «вариативность появляется как в процессе отражения действительности и выражения обобщенных мыслительных образов в чувственно воспринимаемой, то есть звуковой форме, так и в процессе функционирования языка в качестве важнейшего средства человеческого общения. Вариативность является тем самым общим свойством, заложенным в самом устройстве языковой системы как способ существования и функционирования всех единиц языка, обнаруживающего специфические черты в пределах каждого уровня» [23, с. 19].

В соответствии с концепцией В. М. Бухарова «любое, даже непрофессиональное наблюдение над реально функционирующим языком обнаруживает колоссальное разнообразие способов выражения одного и того же содержания» [24, с. 5].

Блох М. Я. считает, что термины «вариативность», «вариантность», «варьирование», «вариант», «вариация» имеют объяснительный характер и «относятся к терминам-толкованиям» [25, с. 6]. Данная терминология имеет общенаучный характер и употребляется во всех научных исследованиях, так как все существующие предметы, явления, единицы и т. д. могут видоизменяться или из-за своих собственных ресурсов, или под воздействием внешней среды. Следует отметить, что основная сема данных терминов едина, но в разных сферах научных изысканий каждое из приведенных понятий имеет свое семантическое наполнение.

Некоторые лингвисты разграничивают семантические поля терминов «вариативность» и «вариантность». Цитированная выше работа Д. А. Шахбаговой, предлагает раздельное употребление этих двух терминов. Выделяются и последовательно изучаются два вида изменчивости языковых единиц: вариативность всей языковой системно-структурной организации, как глобальное явление на макроуровне и вариативность языковых единиц, как явление на микроуровне. В этой же работе, следует отметить контрастное изучение вариативности – целостности и вариативности – константности [10].

Саморазвитие есть качество существования языковой системы. Система языка выполняет свою главную коммуникативную функцию только тогда, когда она полностью удовлетворяет потребностям общества и развивается вместе с ним. Изменения на разных уровнях языковой системы происходят постоянно. Некоторые из них не принимаются системой языка и исчезают, другие изменения закрепляются, сфера их употребления расширяется, постепенно они становятся общепринятыми и со временем могут закрепиться в языке как нормативные. В самом начале процесса саморазвития изменения языковых единиц могут восприниматься как их варианты, как проявление вариативности в языке. Именно поэтому лингвисты, которые разрабатывают проблемы эволюции языка и его изменений в диахронии касаются вопросов вариативности в своих трудах [26; 27; 28 и др.] В указанных работах отмечается, что свойство языковой системы постоянно изменяться воплощается в вариативности единиц на каждом уровне системы языка. Формы, виды и способы вариативности, разные в разных языках. Они зависят от внешних и внутренних факторов языкового воздействия, как лингвистических, так и экстралингвистических.

Каждая единица языка представляет собой языковой знак, который является двуплановой сущностью. В нем различают план выражения, т. е. форму языкового знака и план содержания, т. е. его значение. Варьирование касается, прежде всего, плана выражения, т. е. форму знака, которая изменяется в соответствии со своим окружением. Варьирование плана содержания, т. е. значения, остается открытым вопросом, так как некоторые лингвисты не считают изменение значения вариативностью. «Что касается варьирования смысловой стороны, т. е. варьирования значений, то

здесь,... наблюдается не столько отношение варьирования, сколько появление новых значений за счет либо расширения объема значения, выражаемого данным знаком, либо изменения содержания значения в связи с приложением данного знака к новой предметной области» [29, с. 228].

Варианты языковых единиц важны для системы языка в глобальном эволюционном смысле, так как именно они способствуют языковому развитию. Эволюция системы языка напрямую зависит от вариативности языковых единиц и определяется ею. Вариативность слова представляет собой универсалию, которая характеризует все языковые системы. Вариативность является неотъемлемым свойством любой языковой системы, даже закреплённой в литературной письменной норме, но наиболее продуктивна вариативность в устной диалектной речи.

Заключение

Таким образом, многочисленные трактовки и точки зрения различных лингвистов по определению понятий, связанных с проблемой вариативности языковых единиц, подтверждают актуальность исследуемой тематики и насущную необходимость изучения данного явления. Обилие разработок служит основой для того, что существует мнение о создании специфического раздела языкознания – вариологии. Сложеникина Ю. В. подчеркивает, что «не смотря на многолетнюю дискуссию по этим аспектам термина, в современной теории языков для специальных целей нет единства мнений, особенно в вопросах системных и внесистемных отношений специальных знаков, в том числе и вариативных» [30, с. 123]. Неустойчивость терминологического аппарата говорит о том, что новое направление изучения языковых явлений находится на стадии своего формирования.

Разбор лингвистических трудов обнаруживает, что исследование проблемы вариативности языковых единиц осуществляется с различных сторон. В рамках разработок по культуре речи вариативность рассматривается с позиций противопоставления понятий «норма – не норма», «норма – диалект», «стили речи» и др. С точки зрения общего языкознания изучаются понятия «онтология вариативности», «вариант», «инвариант», «виды вариативности», «факторы, определяющие вариативность» и т. д. Различные разделы языкознания по своему трактуют понятие «вариативности». Лингвистов, работающих в сфере истории языка интересует диахроническое развитие языковых единиц. Стилисты занимаются способами реализации параллельных средств выражения языковых единиц в разных функциональных стилях. Социолингвистика анализирует стратификационные и территориальные реализации вариантов. Вариативность изучается в аспекте межкультурной коммуникации.

Вариативность является качеством, характеризующим языковые единицы всех уровней системы языка. Для вскрытия особенностей варьирования единиц на разных уровнях языковой системы, вариативность изучается на фонологическом, морфологическом, лексемном, синтаксическом уровне. Варианты значения являются предметом изучения в семантике. Так вырабатывается новая методология, которая подвергает рассмотрению взаимодействие внешних и внутренних факторов в языке.

Широкое и узкое понимание формальной вариативности прослеживается в работе Н. М. Фирсовой [31, с. 85]. Наличие нескольких параллельных способов выражения одного и того же (близкого) фрагмента плана содержания осмысливается как формальная вариативность в широком смысле. При этом, узкий смысл данного понятия трактуется как формальное видоизменение одной и той же языковой единицы при сохранении одного и того же содержания [31, с. 85].

Многообразие подходов имеет положительные и отрицательные черты. Выбор направления исследования в большой степени определяется особенностью лингвистического фактологического материала и общей целью исследования. Не смотря на внушительные достижения в области изучения вариативности, ее понятийный аппарат требует дальнейших уточнений. Этот факт подтверждается высказываниями

В. Г. Гака и А. И. Домашнева, о необходимости разработки общей теории вариативности языковых единиц. В. Г. Гак предлагает новый раздел языкознания назвать вариологией, А.И. Домашнев – вариантологией [31, с. 86].

Подводя итоги, следует сказать, что мы находим наиболее приемлемыми рассуждениям О. С. Ахмановой и Д. А. Шахбаговой, которые различают термины «вариабельность», «вариативность» и «вариантность» и примем определения данной терминологии, которое предлагается в монографии Вербицкой Л. А. *Вариабельность* – свойство языка или его уровней в целом, способность к варьированию нормативных средств. *Вариативность* – взаимозаменяемость вариантов в пределах синхронного подхода и в рамках литературности, нормативности; функционирование нормативных вариантов в речевой деятельности. *Вариантность* – это соположение вариантов (как в синхронии, так и в диахронии), употребление которых отмечено в речи (литературность – нелитературность; старое – новое, правильное – неправильное) [32, с. 19].

Список литературы

1. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. – М.: Наука, 2009.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования: Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. – М.: Наука, 2010.
4. Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. – М.: Наука, 1971.
5. Ярцева В. Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системой языка // Вопросы языкознания, 1983. № 5. – С. 17 – 24.
6. Блох М. Я. Языковая вариантность и её функциональный аспект // Вариативность в германских языках: функциональные аспекты: Сб. ст. – М., 1996.
7. Бродович О. И. Диалектная вариативность английского языка: Аспекты теории. – М., 2009.
8. Торсуев Г. П. Константность и вариативность в фонетической системе. – М., 1977.
9. Торсуев Г. П. Проблемы теоретической фонетики и фонологии. – М., 2008.
10. Шахбагова Д.А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). – М., 1992.
11. Абрамов Б. А. Вариантность финитных конструкций (лексико-структурных основ предложений) // Вариантность как свойство языковой системы. Ч.1. – М.: Наука, 1982.
12. Домашнев А. И. Об одном типе отношений «система – норма – вариант» в социолингвистике // Труды по германскому языкознанию и социолингвистике / Институт лингвистических исследований. – СПб.: Наука, 2005.
13. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть 1. Ф. де Соссюр «Курс общей лингвистики». – М., 1960.
14. Блумфилд Л. Язык. – М.: АСТ, 2009.
15. Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. Сост. – ред. Кондрашов Н. А. – М., 1967.
16. Labov W. Variation in Language // Carrol E. Reed (Ed.). The Learning of Language. National Council of Teachers of English. N. Y., 1971.
17. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. – М. : Наука, 1934.
18. Лингвистический энциклопедический словарь. / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, 1990.
19. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1969.
20. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. – М. : Просвещение, 2001.
21. Девкин В. Д. Предисловие: Парадигматические характеристики лексики // Парадигматические характеристики лексики: Межвуз. сб. науч. тр. – М., 1988.
22. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1982.
23. Баранникова Л. И. О вариантных единицах диалектных систем // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: Сб. ст. – М., 1971.

24. Бухаров В. М. Варианты норм произношения в современном немецком литературном языке: Теоретические проблемы и экспериментально-фонетическое исследование : дис. ... д-ра филол. наук. – Ниж. Новгород: 1995.
25. Блох М. Я. Языковая вариантность и её функциональный аспект // Вариативность в германских языках: функциональные аспекты: Сб. ст. / Рос. АН Ин-т языкознания. – М., 1996.
26. Гвоздецкая Н. Ю. Семантика древнеанглийской поэтической формулы (на материале «Беовульфа» и «Видения креста») цит. по Сулейманова О. А. Лингвистика на рубеже эпох. Идеи и топосы. – М., 2001.
27. Смирницкая О. А. Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков (колл. монография). II. Категория глагола. – М., 1977.
28. Яценко М. В. Лингвостилистические особенности древнеанглийских поэтических переложений Библии: на материале поэмы «Исход»: диссертация ... кандидата филологических наук. – Иваново, 2006.
29. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания, 1984, № 2.
30. Сложеникина Ю. В. О соотношении понятий «значение» и «смысл». К проблеме терминологической вариативности. – М. : Наука, 2006.
31. Фирсова Н. М. Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке: Учебное пособие. – М. : Изд-во РУДН, 2000.
32. Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия (К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы). – Л., 1976.

LANGUAGE VARIATION ISSUE: THEORETICAL FOUNDATION

J. Baghana
E. V. Bondaenko
O. O. Chernova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Baghana@yandex.ru
Bond-elena@yandex.ru*

The article deals with theoretical foundations for language variation issue. It discusses different view points on the subject under study and analyzes classical and modern linguistics works.

Key words: language characteristics, variation, variability, theoretical foundation, different view points.

УДК 811.133.1(6)

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ЛЕКСИКИ В ЯЗЫКЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ ПОРТУГАЛИИ

Ю. С. Блажевич

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
blazhevich@bsu.edu.ru*

Словарь любого языка в мире, в ходе своего развития претерпевает определенные изменения. Не является исключением и язык русских эмигрантов в Португалии. Находясь под влиянием иноязычного окружения, русскоязычные говорящие преобразуют лексику в соответствии с новыми потребностями, которые диктуют изменившиеся условия.

Ключевые слова: семантическая трансформация / адаптация, лакунарные понятия, калька, язык эмигрантов.

Процесс семантических трансформаций, в результате которых лексические единицы русского языка получают модифицированное значение, является одним из активных в русскоязычной среде Португалии. Как правило, семантические изменения затрагивают уже существующие в русском языке слова иностранного происхождения, частично или полностью совпадающие по форме, но имеющие разное содержание (или объем).

В то же время исконно португальская лексика, попадающая в русскую речь в виде окказионализмов, постепенно укореняется в русском языке Португалии и модифицируется семантически. При этом, в основном заимствуются лексические единицы, обозначающие лакунарные понятия или реалии повседневной жизни, а также лексические единицы, отвечающие требованиям закона экономии речевых усилий коммуникантов (например, если в русском языке нет односложного эквивалента).

В основе изменения семантики слов лежат законы человеческого мышления. «Формы семантических процессов должны соответствовать формально-логическим отношениям между понятиями, которых в логике насчитывается пять. Им соответствует пять основных семантических процессов: синонимическое развитие значений, смещение, энантиосемия, расширение или сужение (включая сюда ухудшение или улучшение значения), перенос (метафорический или метонимический). Такого рода семантические, по мнению В. К. Гак, процессы обнаруживаются во всех языках, всюду, где имеет место смена названий или изменение значения слова» [1, с. 144]. Все вышеперечисленные процессы семантических преобразований проявляются в языке русских иммигрантов.

Основными семантическими изменениями, наиболее характерными для русского языка Португалии, являются:

- сужение значения;
- расширение значения;
- смещение значения;
- метонимия (синекдоха);
- метафора;
- эвфемизация;
- семантическое калькирование.

Мы также выделяем в отдельную группу семантические неологизмы.

Процесс вхождения иноязычного слова в язык-рецептор связан с его семантическим развитием, формированием семантических связей слова в новой системе, его функционированием в различных контекстах. Существенной особенностью лексической семантики иноязычных слов является то, что в момент заимствования они, как правило, представляют собой моносемные единицы [2, с. 103]. В дальнейшем заимствованный лексико-семантический вариант может претерпевать изменения, транс-

формироваться. Само заимствование спустя какое-то время может приобрести новое значение (значения).

При семантической адаптации заимствований нередко наблюдаются явления, связанные с сужением или расширением значения.

Сужение значения характеризуется сужением назывной функции слова. Этот процесс нередко носит параллельное название *специализация значения* [3, с. 160].

Как правило, если речь идет о заимствовании собственно португальской лексики, когда в русском языке нет слова частично или полностью совпадающего по форме, то обычно заимствуется лишь одно из значений. Так, например, существительное «*сереайш*» (*cereais*) – употребляется русскоязычными говорящими, как правило, только в значении «хлопья», а не «злаки, крупа», а слово «*кунья*» (*cinha*) было заимствовано лишь в переносном значении – как «*протекция, блат*», а не «*клин*». При этом происходит сужение понятийного поля лексемы.

Схожий процесс наблюдается при изменении уже существующей в русском языке лексике иностранного происхождения.

Так, в русском языке существительное «*эквиваленция*» имеет значение «логическая операция, состоящая в употреблении связок типа «если и только если» в содержательных логических выводах и разговорном языке; выражается через импликацию и конъюнкцию» [4]. В Португалии русскоязычное население употребляет это существительное (по аналогии с португальским «*equivalência*») исключительно в значении «*нострификация*». Например:

«Хочу подчеркнуть: выпускники нашей школы имеют право поступать и в украинские вузы, и в португальские. Только те, кто хочет учиться в Португалии, должны сначала сделать эквиваленцию аттестата в португальской средней школе по месту жительства» [5:05/07/2007].

Специфическим образом также функционирует существительное «*пилюля*». В Португалии помимо совпадающего с русским языком основного значения, существительное «*pílula*» (от лат. *pílula* – маленький шарик) имеет также дополнительное значение «противозачаточный препарат», в результате чего и в русском языке Португалии происходит специализация значения слова и употребляется оно исключительно как «*противозачаточные таблетки*»:

В центре здоровья можно бесплатно получать пилюли (имеются в виду противозачаточные таблетки) <записано со слов информанта>.

Обогащение словаря может происходить путём изменения значений уже существующих слов за счёт **расширения** их значения. Под расширением значения понимается такое развитие, при котором слово, обозначающее первоначально одно понятие, большей частью конкретное и частное, начинает обозначать понятие более общее или происходит расширение понятийного поля.

В связи с тем, что распространенным способом словообразования является изменение значения слова, наиболее распространенным становится расширение значения лексики русского языка под влиянием португальского в тех словах иностранного происхождения, которые имеются в обоих языках.

Например, слово «*госпиталь*» под влиянием португальского «*hospital*» (от лат. *hospitalis* – для гостей) означает не только «*больницу, преимущественно военную*», а используется в значении «*больница любого типа*»: *Моя подруга работает инфекционером (enfermeira – медсестра) в госпитале Амадора-Синтра.*

Аналогичная ситуация наблюдается в использовании существительного «*балерина*», которое расширило свое значение под влиянием португальского «*bailarina*» – танцовщица (любая, не обязательно артистка балета).

Вызывает интерес особенность употребления существительного «*новелла*» (итал. *novella*, буквально – новость), «литературный малый повествовательный жанр, сопоставимый по объёму с рассказом (что даёт иногда повод для их отождествления),

но отличающийся от него генезисом, историей и структурой» [6, т. 18]. В португальском языке *«novela»* или *«telenovela»* означает еще и телевизионный сериал (обычно романтического содержания). Очень часто в русской речи вместо «сериал» звучит «новелла». Поэтому можно говорить о расширении понятийного поля.

«Узы любви». Теленовелла 100 серий по 40 минут. Новелла получила премию TVyNovelas в 1996 году, как "Лучший сериал года". (<http://novelas.forum2x2.ru/t108-topic>).

В русском языке существительное *«стенд»* (англ. stand) означает *«щит для размещения каких-либо экспонатов, книг и т.д., устраиваемый для удобного их обозрения на выставках, в музеях»* [6, т. 23]. Существуют также испытательный, сборочный и стрелковый стенды. В португальском языке это существительное означает также *«выставочный павильон», «автосалон»,* чаще под открытым небом. Эмигранты заимствовали это дополнительное значение, поскольку понятие обладает высокой коммуникативной актуальностью, в результате чего и расширилось значение слова:

«В офисине (мастерской) стенда нас так и спросили: "За чей счет будет ремонтироваться машина?" – за счет сегуры (порт. seguro – страховка) ответили мы. Глаза механика загорелись. – какой сегуры? – "сей ла" (порт. «да кто его знает»)..... испанской сегуры. Тут радости механика не было предела» (http://kz.33b.ru/topic777684_70.html).

В основе процесса **смещения**, т.е. использования для наименования данного понятия названия смежного понятия в пределах одного родового понятия, лежат отношения внеположенности понятий.

Примером, иллюстрирующим смещение значения, является употребление существительного *«газолин»* вместо *«бензин»* вследствие калькирования с португальского *«gasolina»*, когда речь идет именно о бензине. Дело в том, что газолин и бензин в русском языке обозначают разные понятия, газолин считается менее качественным горючим, чем бензин.

Газолин 95й нужно заливать, другой не стоит.

Метонимия – оборот речи – замена одного слова другим, смежным по значению [7, с. 282]. Под метонимией понимается перенос названия одного предмета на другой предмет, находящийся с первым в отношениях ассоциации: часть – целое, род – вид. С помощью синекдохи (разновидности метонимии) целое именуют частью, часть – целым, материал предметом и наоборот, единственное число заменяют множественным.

Проявление метонимии (синекдохи) происходит, например, с названиями торговых марок, для обобщенного обозначения целого ряда продукции, например:

Соназол (Sonasol)– любое моющее средство на основе аммиака;

Серелак (Cerelac)– любая детская растворимая каша;

Тапаруэйра – (искаженное от Tupperware)– пластмассовая коробка с крышкой для хранения пищи;

Ажакс (Ajax) – любое средство для мытья стекол.

Под влиянием португальского языка слово «теннис» стало использоваться для обозначения спортивной обуви и сейчас оно практически вытеснило привычное «кроссовки». Перенесение названия спорта на обувь является метонимией.

Метафора возникает при уподоблении одного явления другому на основе семантической близости состояний, свойств и действий, характеризующих эти явления. С формальной точки зрения, метафорический перенос заключается в употреблении слова (словосочетания, предложения), предназначенного для обозначения одних объектов (ситуаций) действительности, для наименования или характеристики других объектов (ситуаций) на основании условного тождества приписываемых им предикативных признаков [8, с. 28].

Примером может служить существительное «хром» (порт. *sgôto*), которое приобрело также, как и в португальском языке, переносное значение «человек, который ведет себя странно или смешно; дурак»:

Нумерацией автострад занимались какие-то хромы: N7 не существует...

Вчера показывали по телевизору хромов на кастинге программы «Идолы».

Как известно, с помощью эвфемизмов грубым понятиям придают более мягкую, сглаженную форму. Интересно, как русскоязычные говорящие используют понятия новой реальности для проявления творчества в своей речи.

Пиво часто называют «свеженькое» от португальского «*uma frescinha*»;

«*Пойдем выпьем свеженького».*

В португальском языке существует эвфемизм «*uma pessoa de cor*» (дословно «цветной человек»), которое означает «человека негроидной расы». В русском языке Португалии мы также встречаем: *Вчера приходила цветная сеньора*.

Калькирование принадлежит к числу явлений, оказывающих влияние на речь эмигрантов всех волн и на разные подсистемы языка: лексическую семантику, синтаксис, морфологию. Данное явление считается очень активным, даже агрессивным, поскольку кальки проникают в речь даже тех людей, которые строго оберегают свой русский язык и не допускают в него заимствований. «Кальки менее заметны, чем заимствования. Это, так сказать, тайный переодетый враг, а не явный грабитель, который ломится в дом» [9, с. 116].

Существует мнение, что в случае, если общее число калек в речи эмигрантов достигает 20 %, более половины которых не ассимилированы, можно говорить об изменении, ведущих к «умиранию» языка как системы [10: 1993].

Как известно, наиболее простым и показательным видом взаимодействия языков является прямое заимствование, которое заключается в том, что один язык перенимает из другого готовые материальные единицы – слова, морфемы (с теми или иными изменениями, обусловленными спецификой заимствующего языка) и их семантику (полностью или частично в соответствии с условиями заимствования). Однако наряду с прямыми заимствованиями влияние иной языковой системы обнаруживается в появлении языковых единиц, называемых кальками [11, с. 58].

Первая попытка определить термин *калька* принадлежит Ш. Балли. «Кальками, – писал Ш. Балли, – мы называем слова и выражения, образованные механически, по образцу выражений, взятых из иностранного языка» [12]. Если Ш. Балли отмечал только книжные кальки, то Б. Унбегаун изучал зависимость калькирования от типов языковых контактов, поскольку калька всегда подразумевает билингвизм [13].

В настоящее время существует немало определений данного термина. Все они, как правило, содержат общий компонент – наличие перевода (Ср.: «калька – особый вид заимствования путем перевода чужого слова или оборота» [14, с. 394]; «образование нового фразеологизма, слова или нового значения слова путем буквального перевода соответствующей иноязычной единицы» [15, с. 211]). Однако, по мнению Е. В. Жабиной, не следует отождествлять кальку с переводом. При переводе для передачи иностранного слова используются имеющиеся в языке слова. В процессе же калькирования возникает новая модель, новое слово, следовательно, кальки можно расценивать как средство перевода, способствующее образованию в языке новых слов [16, с. 327].

На современном этапе калькирование по сравнению с заимствованием является более активным процессом. Особо следует отметить, что труднее всего выявить кальку семантическую. Семантическое калькирование представляет собой употребление в новых значениях слов языка-реципиента по образцу употребления слов-прототипов в языке-доноре. Главными факторами образования семантических калек являются наличие общих семантических звеньев у лексических единиц контактирующих языков и их фонетическое сходство.

Необходимо подчеркнуть, что исследователь постоянно находится под угрозой не заметить подлинную кальку, особенно семантическую, или принять ее за эквивалент, который не имеет никакого отношения к калькированию. Поэтому идентификация каждой семантической кальки представляет собой серьезную филологическую работу при опоре на определенные доказательства.

Кальки бывают **лексическими (словообразовательными)**, полная ассимиляция новых лексем) и **семантическими**, т. е. заимствованные в одном из значений. Семантические кальки считаются одной из наиболее ярких особенностей лексики русского зарубежья. При таком калькировании под влиянием португальского аналога происходит изменение значения русской лексической единицы, обычно в сторону расширения.

Необходимо сразу оговориться, что лексические (словообразовательные) кальки, которые представляют собой поморфемно переведенное иностранное слово (например, «crossword» – крестословица), почти не встречаются в русском языке Португалии, в отличие от русского зарубежья США, Франции и Германии.

Что же касается семантических калек, то это очень частое явление в русском языке Португалии. В семантических кальках, распространившихся в языке русскоязычного населения, очень ярко проявляется расширение лексического значения.

Показательно семантическое преобразование слова «сертификат», нередко вытесняющее традиционное «*справка*». Перед нами несомненный случай калькирования португальского «*certificado*», которое обозначает также и «*справку от врача*».

Мне сказали в школу принести сертификат из Центра de Saude (Centro de Saude – досл. Центр Здоровья).

Существительное «**декларация**» также начинает употребляться в значении «*заявление/справка с места работы*», т.е. заимствуется дополнительное значение, присущее португальскому эквиваленту «*declaração*»:

«Чтобы продлить разрешение на временное пребывание, необходимо взять декларацию с места работы» [17: 05/07/2009].

В Португалии, когда покупаешь напиток в кафе или буфете, обычно спрашивают «Fresco ou natural?», что означает «охлажденный или комнатной температуры?». Именно поэтому нередко можно услышать выражение «*натуральная вода*» в значении «*неохлажденная, комнатной температуры*»:

Тебе взять холодную колу или натуральную?

Встречаем также следующий пример калькирования значения:

*Хочу снять квартиру, но чтобы в кондиции (калька от выражения “*em condições*” – «в хорошем состоянии; как следует»).*

Проблема семантического калькирования состоит в том, что этот процесс приводит к расширению значения, охватывает большое количество слов, и в результате формируются слова с неопределенно широким значением.

Отдельную группу составляют **семантические (смысловые, идеографические) неологизмы**. В любом языке слова расширяют полисемию, приобретая новые, дополнительные, не свойственные им ранее смыслы. Так рождаются семантические неологизмы. Приведем несколько примеров.

Существительное «**банда**» по аналогии с португальским языком стало употребляться и в значении «*музыкальная группа*» (порт. banda): «*Какая твоя самая любимая банда?*» – «*Сантуш и пекадореш*».

Мы также встретили употребление существительного «**аудитория**» в значении «*аудиторская проверка*».

Сегодня у нас аудитория. И вчера мой шеф, не краснея попросил, чтобы я пришла в одежде “соответствующей”. Это не значит «почище или понарядней». Это значит с «вырезом побольше» (http://region.rc-mir.com/topic787672_380.html).

Существительное «**картон**» приобрело значение «*банковская карта*», поскольку в португальском языке «*cartão*» имеет значение и «*плотная бумага, кар-*

тон», и «карточка» (в том числе и банковская): *А за картон сколько платить в месяц надо?* (имеется в виду банковская карта).

Слово «прима» [итал. *prima* – первая] в русском языке употребляется в следующих значениях:

- 1) *первый или основной звук гаммы, тоника (муз.);*
- 2) *первая струна (ля) на скрипке, виолончели (муз.);*
- 3) *унисон, совпадение одноименных звуков, тонов (муз.);*
- 4) *лицо или инструмент, ведущие первую партию в ансамбле;*
- 5) *первый экземпляр переводного векселя (банк., торг.).*

Поскольку в португальском языке, помимо основного значения *prima* – «первая», также имеется значение «*двоюродная сестра*», в русском языке Португалии «прима» также приобрело значение «*двоюродная сестра*»: *Вероника – это ее прима из Алгарве.*

Следует отметить, что из португальского языка в русский заимствуются многие лексические единицы, которые при этом подвергаются адаптации. **Изменения по форме** вытекают из фонетических искажений заимствованных слов. В последних происходят различного вида трансформации, которые выражаются в добавлении или усечении главным образом гласных звуков.

1. Усечения:

а) синкопа (выпадение звука или группы звуков внутри слова):
инкаргаду вместо порт. *encarregado* – «бригадир, начальник строительной бригады»;

дешумфикадор вместо порт. *deshumificador* – «влагопоглотитель».

б) апокопа (усечение конечных звуков слова):

террамот вместо порт. *terramoto* – «землетрясение»,

парафуз вместо порт. *parafuso* – «винтик»,

контабилист вместо порт. *contabilista* – «бухгалтер»,

картейрист вместо порт. *carteirista* – «вор-карманник».

2. Наращения:

а) эпентеза (добавление звука или группы звуков в середине слова):
проприуритариу (должно быть «проприетариу») вместо порт. *proprietário* – «владелец»;

б) протеза (добавление звуков в начале слова):

не зафиксировано

в) парагога (наращение конца слова):

в ед.ч. бомбейруи вместо порт. *bombeiro* – «пожарник, спасатель»,

в ед.ч. шокуи вместо порт. *choco* – «каракатаца».

Е. А. Земская считает, что словообразовательный механизм русского языка – мощная и активная сила и в отличие от других подсистем русского языка (таких, например, как интонация, фонетика, лексика) не подвергается иноязычному влиянию. Напротив, русское словообразование способно включать иноязычные лексические элементы в словообразовательные модели русского языка для производства лексических дивергентов (или слов-гибридов).

Большинство иммигрантов воспринимают язык эмиграции как нечто остро противопоставленное русскому языку, постоянно сравнивают русские и чужие способы выражения, осмысливают эту разницу и используют ее как средство экспрессии. Именно поэтому они активно применяют русское словообразование, создавая от иноязычных основ слова-гибриды [18].

Полученные в результате слова, образуются путем **аффиксальной деривации**, когда к португальскому слову добавляются русские суффикс или префикс, а в некоторых случаях суффикс и префикс одновременно (парасинтетическое образование), при этом префиксы португальского глагола сохраняются.

Суффиксация. В русском языке Португалии наиболее частотным способом образования гибридов является суффиксация.

• Наиболее многочисленную группу гибридов составляют **глаголы на -ить, реже на -а /-я+ть:**

порт. *cancelar* (отменять) – «канселарить», также «канцеларить»;

порт. *chover* («идти» о дожде) – «шуверить»;

порт. *reclamar* (жаловаться) – «рекламарить»;

порт. *comunicar* (сообщать, передавать) – «коммуникарить»;

порт. *brincar* (играть; шутить) – «бринькарить»;

порт. *trabalhar* (работать) – «трабалять», также «трабалярить»;

порт. *passar* (гулять, прогуливаться) – «пассеарить»;

порт. *finalizar* (завершать) – «финализировать»;

порт. *regularizar* (урегулировать, решить) – «регуляризировать»;

порт. *previsualizar* (комп. предварительно просматривать) – «превизуализировать»

Например: «Вам когда-нибудь приходилось "канселарить" контракты на какие-нибудь предоставляемые вам услуги по телефону? Заключить контракт – достаточно одного вашего слова, но вот его отменить».

«Приглашаю всех приехать в Алгарве и переждать дождик)) у нас не шуверим!! http://region.33b.ru/topic787672_410.html

«...это если я сейчас пойду опять туда рекламарить, буду опять ждать очень долго, чтобы это всё поменяли..» (http://region.33b.ru/topic787672_440.html).

«Надо было раньше периодически коммуникарить лейтуру (сообщать показания счетчиков), чтобы не брали по среднему.

«Шоу после ужина было поставлено на высочайшем уровне. Сразу засомневалась, что артисты – португалы. Точно – не они. Девочки бринькарили с огнем»

«Но ты заметил по фоткам – кругом народу просто валом, не пройти! А погода сегодня супер! Или все так упорно трабаляют?» (http://region.33b.ru/topic774771_840.html).

«Атлантика! а фото №3 какой пляж? Мы его видели, когда по побережью на барке пассеарили из Виламоры до Армасау да Пера» (http://region.33b.ru/topic774771_20.html).

• Вторую наиболее многочисленную группу составляют прилагательные, образованные от португальских существительных (реже от португальских прилагательных) с добавлением следующих суффиксов+окончаний:

-н+ окончание -ый (-н+ окончание -ая)

порт. *hospital* (госпиталь) – «госпиталярный» (также ошпитал – ошпиталярный);

порт. *portenor* (подробность) – «пурменорный» (=подробный);

порт. *alimentação* (питание) – «алиментарный» (=для питания);

порт. *férias* (каникулы, отпуск) – «фериасный» (=отпускной);

порт. *Natal* (Рождество) – «натальный» (=рождественский);

порт. *cansativo* (прил. утомительный) – «кансативный»;

порт. *pojento* (прил. тошнотворный) – «ножентный».

Например:

«Все, что связано с муниципалом, и если это коснулось каких-то анализов, эхографии, *тратаменто* (*tratamento*- лечение) через систему госпиталярную (в частности я говорю о Коимбре) То здесь, все было безупречно... Но про эти кабинеты частников, будь то зубник или гинеколог (все это полная обдираловка)» (http://region.rc-mir.com/topic794963_120.html);

«Геркулес, человек только начинает общаться на форуме, а ты с пурменорными придирками...»;

«Ну отзовитесь те, кому платят целую тонну за восьмичасовой рабочий день при пятидневной рабочей неделе с субсидиями натальными, фериасными, транспортными и еще и алиментарными в додачу..у кого в контракте стоит реально зарабатываемая сумма а не минималка...дайте лицезреть этого счастливича.» (http://region.33b.ru/topic795685_10.html)

–ск+окончание –ий (–ск+окончание –ая)

порт. *sapto* (деревня, сельская местность) – «камповский» (=деревенский);

порт. *paneleiro* (досл. гончар, вульг. в Португалии также – гомосексуалист) – «паналейровский» (=принадлежащий гомосексуалисту / характеризующий гомосексуалиста);

порт. «*Modelo*» (название сети супермаркетов) – «моделовский» (= товар, который продается в супермаркете «*Modelo*»);

Например:

«Это все равно, что сравнивать камповского цыпленка и моделовского эконома!!!»;

«Велосипедист оландеш (голландский) в своих паналейровских шортиках вызывает у нас снисходительную улыбку - турист, ну что с него взять! А наш экономист, едущий на ворованном велосипеде в соседний Лидл за пивом, уже как бы раздражает» (http://region.33b.ru/topic787672_220.html).

Существительные-гибриды встречаются редко, например:

порт. *limpeza* (уборка) – «лимpezница» – уборщица.

Интересно, что в случае с гибридами, префиксальный способ словообразования не является продуктивным. Крайне редко встречается и словосложение.

По мнению Е.А. Земской, можно выделить две специфические функции словообразования в языке иммигрантов, связанные с производством слов-гибридов.

Первая – номинативная: многие не заботятся о чистоте русского языка, поэтому создают в номинативных целях производные существительные (типа, лимpezница (от порт. *limpeza* – уборка), прилагательные (борловый от порт. выражения *de borla* – задаром, бесплатно) и глаголы (лимпарить (убирать), комуникарить (сообщать и др.)). Последнее особенно резко нарушает чистоту русского языка.

Вторая – экспрессивная: у эмигрантов, наделенных чувством юмора и склонностью к языковой рефлексии, широко распространены словообразовательные игры. Нередко они базируются на каламбурном сближении русских и иноязычных слов. Так, в Португалии очень популярно пиво «*Сагреш*», поэтому можно услышать фразу «*пойдем сагрешим*».

Заключение

Главной особенностью русской речи эмигрантов является иноязычность, выраженная активизацией португальских вкраплений и процесса семантического калькирования, вхождением в речь заимствований, в виде грамматически адаптированных и неадаптированных транскрипций и транслитераций, а также слов-гибридов. Причиной типичных особенностей лексического состава русского языка Португалии является интерференция, возникающая в результате языковых контактов эмигрантов-билингвов.

Семантическими изменениями, наиболее характерными для русского языка Португалии являются: сужение, расширение, смещение значения, метафора, эвфемизация, семантическое калькирование. Отдельную группу составляют семантические неологизмы.

Словообразовательный механизм русского языка, в отличие от других подсистем русского языка не подвергается иноязычному влиянию. Напротив, русское словообразование способно включать иноязычные лексические элементы в словообразовательные модели русского языка для производства лексических дивергентов (или слов-

гибридов). В случае с гибридами, префиксальный способ и словосложение не являются продуктивными. Создание подобных гибридов в номинативных целях нарушают чистоту русского языка. Обоснованным можно считать использование гибридов в экспрессивной функции, например, при языковой игре.

Список литературы

1. Гак В.К. К проблеме общих семантических законов // Общее и романское языкознание. – М. : Московский ун-т, 1972. – 297 с.
2. Вуйтович М. Характеристика заимствованных из английского языка имён существительных в русском языке. – *Roznai*, 1984. – 141 с.
3. Степанова М. Д. Лексикология современного немецкого языка. – М. : Высш. шк., 1962. – 309 с.
4. Философский словарь. – М: Издательство политической литературы, 1981. – 444 с.
5. Слово – еженедельная газета в Португалии, Испании и Италии.
6. БСЭ: Большая советская энциклопедия // в 30 томах / Гл. ред. А. Н. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия. – 1975.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: Русский язык, 1988. – 748 с.
8. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб., 2000. – 190 с.
9. Земская Е. А. Речь эмигрантов как свидетельство роста аналитизма в современном русском языке // Жизнь языка: сб. статей к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001а. – С. 68 – 76.
10. Stoffel H.–P. Slav Migrant Languages in the “New World”: Cases of Migrant-before-death? H.–P. Stoffel // *Australian Slavonic and East European Studies*. – 1993. – V. 7. – P. 75 – 89.
11. Матвеева О. В. К вопросу об отношении кальки к заимствованиям // Романо-германская филология: материалы Международной научно-практической конференции. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – Вып. 2. – С. 58 – 62.
12. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 393 с.
13. Unbegaun B. Le calque dans les langues slaves littéraires // *Revue des études slaves*. – RES: 1932. – T.12. – P. 328 – 346.
14. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: учеб. пособие для филол. фак. вузов. – Минск: Высш. шк., 1983. – 456 с.
15. Ярцева В. Н. Калька // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
16. Жабина Е. В. Проблема калькирования в свете англо-немецких языковых контактов // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы международной научно-практической конференции. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – Вып.V. – С. 327 – 330.
17. Маяк Португалии – еженедельная газета для русскоязычных иммигрантов из Восточной Европы в Португалии.
18. Земская Е. А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении, 2001в. – № 1. – С. 114 – 131.

VOCABULARY TRANSFORMATION IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN EMIGRANTS IN PORTUGAL

Y. S. Blazhevich

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
blazhevich@bsu.edu.ru*

The vocabulary of any language undergoes a series of transformations in its development. The Russian language of the emigrants in Portugal is no exception. Russian speakers have to transform lexemes in order to adapt them to the emerging needs of the changed conditions of the foreign language surrounding.

Key words: semantic transformation/adaptation, lacunar concepts, calque, language of the emigrants.

УДК 811.112.2

ИМЕННЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С АДЪЮНКТОРАМИ *ALS* И *WIE* В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Н. Н. Ваховская

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет (филиал),
г. Алексеевка

e-mail:
a.vahovsky@rambler.ru

В рамках статьи автор осуществляет попытку обоснования необходимости проведения этимологического анализа адъюнкторов *als* и *wie* при изучении именных *als*-, *wie*- конструкций, как вспомогательного средства получения сведений об эволюции формы и семантики адъюнкторов и конструкций с ними, так как дифференциация, в которых употребляются современные адъюнкторы *als*, *wie* происходит уже в средневерхненемецком языке.

Ключевые слова: этимология; адъюнктор; именные *als*-, *wie*-конструкции; сравнительное, указательное, временное значение.

Вопрос о синтаксических функциях и семантике именных конструкций с *als* и *wie* неоднократно рассматривался в грамматиках немецкого языка.

В отечественной германистике *als*- и *wie*- конструкции рассматриваются в связи с исследованием общих проблем синтаксиса (приложений, предикативных определений), при этом подчеркивается многообразие синтаксических функций этих конструкций.

В немецкой грамматике в последнее время происходит вытеснение традиционных терминов: в одних случаях их заменяют термины, характерные для структурных течений (Г. Глинц, Дуден, Й. Эрбен, частично В. Юнг), например, “die Artergänzung”, “die freie Artangabe” [1, с. 477 – 478], в других, более современных работах, они заменяются терминологией, взятой из английской лингвистики в сочетании со структурной немецкой терминологией (У. Энгель, Г. Цифонун, В. Шиндлер). Поэтому в немецкой лингвистике образовались пары „Ergänzungen – Angaben“ и „Komplemente – Adjunkte“, последние заимствованы из английской традиции. Они характеризуются в зависимости от валентностных характеристик глагола: Komplemente/Ergänzungen валентнозависимы, Adjunkte/Angaben не зависят от глагола.

В. Юнг [2, с. 205 – 206], Дуден [1, с. 477 – 478], Й. Эрбен [5, с. 87 – 88, 94, 97] относят сочетания с *als*, *wie* к средствам выражения аппозиций: Dr. Meier *als* Arzt, einem Manne *wie* ihm. [1], предикативного определения: Er gilt *als* Fachmann. Er heißt *wie* sein Vater [2], “die Artergänzung”: Er fühlt sich *als* Held; Er sieht aus *wie* ein Clown; Er steht da *wie* ein Ölgötze [1], модального определения: Der Junge benahm sich *wie* ein Erwachsender. Er handelt durchaus *als* Freund. [2], а также атрибута или обстоятельства к прилагательному в сравнительной степени: Er ist schneller *als* du. Er kam eher *als* sie. Sie war munter *wie* ein Fisch im Wasser [2].

К. Умбах [17, с. 7 – 8] рассматривает *als*-, *wie*-конструкции только в функции аппозиции. Аппозиции с *als* и *wie*, как утверждает автор, не сообщают ничего нового о базе, а представляют только «дополнительное пояснение» («zusätzliche Erläuterung»), уточняют базу: Eine Maus als Tier ist belebt, während eine Maus als Computerzubehör unbelebt ist. *Als*-аппозиции называют релевантное качество базы и указывают, как она должна рассматриваться в контексте. *Wie*-аппозиции являются в какой-то мере конверсией («Konverse») *als*-аппозиций. *Wie*-аппозитив называет не качество базы, а экземпляр, который относится к базе.

В. Шиндлер представляет несколько особое направление. Он объединяет все конструкции после номинатива, всё, что находится справа от номинатива, дифференцирует позицию “rechts von...” [15, с. 19]. К этим конструкциям относятся и *als*-, *wie*-конструкции, которые он называет “Translativphrasen” [14, с. 153]. В. Шиндлер описы-

вает семантическую функцию *als*-конструкций как „zusätzliche (nichtrestriktive) Angabe einer dauerhaften, „wesentlichen“ Eigenschaft des Referenten der Bezugs-NP resp. die Bezeichnung einer Klasse von Entitäten, in die der Referent der Kern-NP eingeordnet wird“ и дальше: „*Pia als Lehrerin* kann expliziert werden durch ‚Lehrerin zu sein, ist eine Eigenschaft ‚Pias‘ oder ‚Das Individuum Pia ist ein Element der Menge der Lehrerinnen‘“ [14, с. 162].

Таким образом, общим для нерестриktивных *als*-конструкций (аппозиций) является то, что база обозначает личность (лицо), а *als*-конструкция – определенную роль или функцию, и из многочисленных ролей или функций извлекается релевантная роль/функция для той или иной ситуации и приписывается референту.

Все структуры с *wie* как, например, *Ein Arzt wie Kuno hätte das wissen müssen* В. Шиндлер относит к атрибутам, которые являются с семантической точки зрения рестриktивными модификаторами их именных баз [14, с. 144].

С. Ханеман также определяет *wie*-конструкции в составе именных словосочетаний как атрибуты. Но семантически она подразделяет их на две группы: рестриktивные и нерестриktивные. Рестриktивные атрибуты ограничивают определяемое имя экстенционально. Нерестриktивные атрибуты характеризуют определяемое имя, могут дополнительно поясняться такими словами как: *etwa*, *beispielsweise* или *zum Beispiel* [10, с. 190].

Als-, *wie*-конструкции рассматриваются, прежде всего, как рестриktивные/нерестриktивные конструкции, которые, при непосредственном определении баз выступают в синтаксической функции атрибута, аппозиции. При дистантном положении *als*-, *wie*-конструкции выступают в качестве предикативных определений, обстоятельств.

Таким образом, рассматриваемые нами конструкции состоят из базы и сочетания со служебной частицей – *als* или *wie*, многофункциональность и полисемантичесность которых отмечают этимологические и современные словари [7, том 1, с. 246 – 259, том 14, с. 1448 – 1491; 13, с. 17 – 18, 742 – 743; 9, с. 95, 1739; 12, с. 12, 689], а также ряд лингвистов [10, с. 18 – 29; 16, с. 46; 14, с. 153ff; 11, с. 410ff., 427].

В современных грамматиках, рассматривающих служебные слова *als* и *wie*, указывается на сочетание в них синтаксических и морфологических характеристик предлога, союза и наречия [5, с. 201; 8, с. 673f; 3, с. 329ff. и др.].

Й. Эрбен считает, что *als* приближается к союзу (может заменяться в большинстве случаев *für* и *zu*): *Er gilt als großer Gelehrter*. (oder: *für* einen großen Gelehrten). *Als* (oder: *zur*) *Entschädigung zahlen*. По Эрбену, *als* и *wie* не имеют падежного управления. При присоединении апозитивного или предикативного имени после *als* и *wie* может употребляться номинатив так же часто, как и согласование в падеже: *den Kaiser nur als bloßen Verwalter (Akk) der weltlichen Dinge und Regent (Nom) von kirchlichen Gnaden ... (Regent statt Regenten)* [5, с. 201]. Употребление номинатива, по-видимому, сохранилось с того времени, когда употреблялся “чистый” номинатив без *als*.

В грамматике П. Айзенберга *als* и *wie* относятся к координативным (сочинительным) союзам. По мнению П. Айзенберга, именные фразы являются конъюнктами и выступают вместе, как в следующем примере, в качестве дополнения: *Wir verehren Herrn Meier als unseren Chef* [3, с. 329ff.].

Из-за неясного статуса *als* и *wie* лингвистами вводились разные термины, например: предлоги без падежного управления “Präposition ohne Kasusforderung” [11, с. 410f.], „Präpositionen mit freier Kasuszuweisung“ [18, с. 75f.], “Translative” [14, с. 154ff.], адъюнкторы “Adjunktoren” [19, с. 61f.], сравнительные частицы “Vergleichspartikeln” [10, с. 11], сравнительные юнкторы “Vergleichsjunktoren” [16, с. 47].

На наш взгляд, в примерах типа: *Ich als Europäer*, *Ich als Arzt* (4, с. 100) подразумевается не семантическое сравнение, а скорее идентификация (отождествление), дифференцируемое *als*, поэтому употребление в данном случае термина «сравнительный юнктор» представляется не совсем оправданным. *Wie* также не всегда употребля-

ется как «чисто» сравнительная частица (*Vergleichspartikel*). Как и *als*, *wie* вводит адьюнкты с функциональным значением. Поэтому мы придерживаемся терминологии Г. Цифонун, В. Шиндлера и считаем *als* и *wie* адьюнкторами.

Как отмечает грамматика Г. Цифонун, адьюнкторы *als* и *wie* имеют оперативную функцию, т. е. они делают из фразы или (сравнительного) предложения адьюнкт, который имеет самостоятельную синтаксическую функцию и характеризуется различными типами связи. Ядром сочетания является именная, предложная фраза или фраза протерма, с которой адьюнкторная фраза связана формально отношением идентичности падежа. Ядро характеризуется адьюнктом дополнительно. Это осуществляется на основе отношений определения, классификации, сравнения, в том числе количественного (*als*) или на основе общих качеств (*als*, *wie*) [19, с. 61].

Как видно из анализа точек зрения, каждое из приведённых определений выделяет одну из многих функций *als* и *wie*, которые актуализируются в зависимости от взаимодействия значений компонентов конструкции между собой, от её положения в синтаксической структуре высказывания, от лексического значения самих адьюнкторов. Таким образом, в зависимости от этих факторов *als* и *wie* могут приобретать свойства, приближающие их к функции союза или к функции предлога или оставаться в «маргинальном», «срединном» положении, которое и характеризует их как адьюнкторов в именной конструкции, прежде всего, с функциональным значением.

В этимологическом словаре Клуге [12, с. 12] *als* относится к союзу, который произошёл из средневерхненемецкого языка (mhd.) *als*, *alse*, *alsō* “*ebenso, so, als, als ob, weil*” и употреблялся, таким образом, как *also*; древневерхненемецкое (ahd.) *alsō* (“*ebenso, wie*”) образовалось от *al* “*ganz*” и *sō* “*so*”. *Wie* произошло от *hwio*, *hweo* (гот. *hwaiwa* “*wie*”), ahd. *wio* [12, с. 689].

В словаре Г. Пауля [13, с. 17 – 18, 742 – 743] *als* определяется также как сокращённая частица от *also*=mhd. *alsō* (“*ganz so*”). Наряду с этой формой существовала в mhd. редуплицированная форма *alse*, *als*. Между этими тремя формами вначале не было различия в употреблении, они обозначали “*so*”: *warum tust du also?*, так как в mhd. каждое указательное местоимение также могло быть сравнительным.

Позже у частицы *als* стало преобладать сравнительное значение, указательное почти не сохранилось, т. е. *als* приобрело функцию сегодняшнего *wie*: *weiß als Schnee*, а также использовалось в значении “*z. B.*”: *diejenige (Sprachen) als die französische*. Из сравнительного значения развилось употребление *als*, которое имело значение того слова, к которому оно относилось и могло употребляться в атрибутивном или предикативном отношении: *er ist als Bettler gestorben, ich schätze ihn als Künstler*. В том случае, когда отношение было чисто предикативным, мог употребляться наряду с *als* предлог *für*: *ich sehe die Sache für eine Kleinigkeit an*. Возникает конкуренция различных типов конструкций с *als* – *für* – конструкция без частицы.

Wie, ahd. (*h*)*wio*, mhd. *wie* (гот. *hwaiwa*) произошло от корня *wer*. Частица обозначает образ действия или степень сравнения (*wie ist das zugegangen?* – *wie groß ist er?*)

В словаре Гриммов [7, том 1, с. 246 – 259, том 14, 1448 – 1491] реконструируются следующие значения *als* и *wie*.

I. 1) *Als*, которое произошло от *alles* (nom. и acc.), mhd. *allez*, использовалось часто в 16 и 17 в., но позже перестало употребляться, так как смешивалось с *als*=*also*. Если это *als* употреблялось в аккумулятиве, то оно получало обстоятельственное значение и соответствовало mhd. *allez semper, continuo*, в разговорной речи имело значение *immer, gewöhnlich, zuweilen, eben bei*;

2) *Als*, многозначное, произошло от готских коррелятов *sva* и *svê* (они обозначали греческие οὐτως и ὡς), которые перешли в древневерхненемецкое *sô*, *svasvê*, позднее стало *sôsô*, кроме этого им всегда предшествовало *al*, которое не влияло на их значение, и в результате ahd. *alsô* имело значение готских *sva* или *svê*. В течение времени *alsô* в значении *ita* (так) сохранилось, *alsô* в значении *ut* (как) перешло в средневерхненемецком языке (mhd.) в *alse* и *als*, в нововверхненемецком языке (nhd.) в *als*.

„Die kraft von *also* ruhte im *so*, nicht im *al*, von dem *so* ist aber dem *als* nur das auslautende *s* geblieben, folglich in unserem *als* das wesen jener goth. partikeln fast nicht mehr zu erkennen“ [7, том 1, с. 248].

II. В нововерхненемецком языке (nhd.) *wie* объединились три разные прагерманские формы: 1. **hwê* (инструментальное к idg. **quo-*), 2. аблаутное **hwô*, 3. сохранившаяся в гот. форма *hwaiwa*. **hwê* являлось универсальным вопросительным словом, **hwô* имело сравнительное значение [7, том 14, с. 1448].

Als имело **сравнительное значение** и могло стоять рядом с глаголом: *das du zornig werdest als ein wütender hund*, существительным: *glauben als ein senfkorn*, прилагательным в положительной степени: *weis als schnee* [7, том 1, с. 248 – 251].

Когда *alsô* перешло в mhd. *alse* и *als*, в nhd. в *als*, вопросительное *wie* (гот. *hwaiwa*, *hwê*) стало употребляться в качестве сравнительных и указательных союзов наряду с *so* и *als*, началось смешение и перенесение значений, вытеснение частицей *wie* частицы *als* [7, с. 248]. В XVIII в. вместо *als* со сравнительным значением с глаголом и существительным стало употребляться *wie*: *sauft er sich vol wie ein schwein*, в современном языке *als* больше в таких структурах не употребляется, а только *wie*: *geflogen kommen wie eine taube, worte wie ein schwert* [7, с. 249, 250].

После прилагательных и наречий *wie* стало также употребляться в положительной степени вместо *als*, которое употреблялось в сравнительной степени (Komparativ) вместо *denn*, т.е. «был разрушен весь древний организм» [7, том 1, с. 250]. Это употребление сохранилось и перешло в современный немецкий язык (см.: 9, с. 95, 1739). Но, как отмечает словарь Гриммов, в разговорной речи встречается („man unterm Volk täglich hört“): *weißer wie Schnee, lieber wie dich* [7, том 1, с. 250]. Здесь *wie* употребляется в значении противопоставления, что показывает смежность *als*- и *wie*-конструкций.

До того как *wie* стало употребляться вместо *als* в сравнительных структурах, там употреблялась совмещенная форма *als wie* („gehäufte *als wie*“): *weiser als wie schnee* [7, с. 251, 1484]. Такое устаревшее употребление, сохранившееся в разговорной речи, отмечают и современные словари: *obgleich er sich da nicht so fühlte als wie zu Hause* (вместо *wie*), *eine schönere Umgebung, als wie man sie hier in der Stadt hat* (вместо *als*) [9, с. 95]. *Es glänzt als wie durch Silberflor Goe* [13, с. 17].

Важно отметить, что кроме сравнительного значения, *als* имело и указательное значение.

В **указательном значении** *als* употреблялось с глаголом: *Maria gebar als jungfrau, Christus starb als mensch*, хотя в mhd. и ahd. употреблялся «чистый» номинатив: *des starb er mensche und starb niht got, si gebar in maget*, который обозначал *mensche wesende, maget wesende*. В настоящее время вместо *mensch wesend* говорят *als mensch* [7, том 1, с. 255].

Если вместо указательного *als* употреблялось *wie*, то предложение имело совсем другое значение: *Christus starb wie ein mensch, in menschlicher gebärde, N. herschte wie ein kaiser, kaiserlich*, что обозначало *nicht ein mensch, kaiser seiend*. Гримм отмечает следующие различия *als* и *wie*: *ich befehle als herr (weil ich herr bin); ich befehle wie ein herr (in eines herrn weise, der sich auf herschen versteht)*, хотя в некоторых случаях это различие не имеет значения: *er gieng in die gefahr als ein beherzter, wie ein beherzter mann* [7, том 1, с. 255].

Первоначально указательное значение *als* употребляется в современном языке для более подробного пояснения базы: *Schmidt als Vorgesetzter; ihm als leitendem Arzt*. Таким образом, функциональное значение *als/(wie)* (роль, назначение) формировалось под влиянием (или при участии) не только его сравнительного, но и указательного значения.

Можно выделить в современном немецком языке следующие классы именных функциональных конструкций с адьюнкторами *als* и *wie*:

• **Название профессии или должности, чин, положение в обществе:**
als (wie) Arzt, Lehrer, Leiter, Königin, Schriftsteller, Politiker, Vertreter, Zeuge, Mitglied, Präsident, Künstler и т. д.

(1) Es gibt nichts Deprimierenderes für die Leute als einen Clown, der Mitleid erregt [Böll, 110];

(2) ... er wurde überall als Arbeiterkind eingeführt und vorgestellt... [1, с. 213].

Характерным для этих примеров является то, что роль, выраженная в конструкции с адьюнктом als, приписывается основе, как существующее ко времени выражения качество.

• **Обозначения неодушевлённых предметов.** Эта группа адьюнктов выражает функцию, назначение.

Например:

(3) Wo das Geld aufhörte, zum Ausgeben da zu sein, wo es unantastbar wurde und in Tabernakeln als Ziffer existierte [1, с. 167];

(4) Sie hatte einmal unserem Briefträger fünfundzwanzig Pfennige als Neujahrstrinkgeld gegeben... [1, с. 163].

Это часто не естественные, не природные объекты, а артефакты, продукты физической и умственной деятельности. Эта их особенность выражается специальными средствами, прежде всего, глаголами, дифференцирующими общее значение функции (назначения). Специфика als и wie как средств выражения адьюнктивности (функциональности), как средств выражения значения (пред)назначения здесь особенно очевидна: betrachten als, wie; ausnutzen als, wie; rechnen als, wie и др..

Wie-адьюнкт выполняет уточнительную, конкретизирующую функцию:

(5) Menschen wie Thomas... [3, с. 322];

(6) ... sie brauchen jetzt Männer wie Barberini... [2, с. 89].

Такие конструкции могут трансформироваться с помощью глагола *ähneln* в сравнительные предложения:

Menschen wie Thomas... → Menschen ähneln Thomas;

Männer wie Barberini... → Männer ähneln Barberini.

Функциональное значение этих конструкций можно показать трансформацией с *sein*: адьюнкт *wie* устанавливает также отношение предикации, но “направление предикации” другое, чем у als-адьюнктов [10, с. 191].

→ Barberini ist (ein) Mann;

→ Thomas ist (ein) Mensch.

Эта трансформация показывает, что *wie*-адьюнкт является в какой-то мере конверсией als-адьюнкта. Различия в направленности предикации (включения) позволяют (с помощью трансформаций) более чётко разграничить совмещённые в семантической структуре сравнительные и функциональные значения адьюнктивных конструкций.

• **Роль в социальном устройстве, которая относится в большинстве случаев к возрасту.**

К этому классу относятся следующие адьюнкты:

als (wie) Kind, Jugendlicher, X-jähriger, Rentner, Student и т. д.

(7) Weißt du, worauf ich als Kind immer Hunger hatte? [1, с. 159].

Выражаемая предикация ограничена здесь временным периодом.

Словари также отмечают **временное** употребление *als* и *wie*, но только в сложных предложениях [7, т. 1, с. 257 – 259, т. 14, с. 1491; 13, с. 18, 742; 9, с. 95, 1739]. В простом предложении временное значение *als* не обсуждается, хотя примеры, в которых *als* имеет временное значение, приводятся: *ich habe als Mädchen (in meiner Mädchenzeit, als ich Mädchen war) immer davon geträumt* [9, с. 95]. В таких конструкциях *als* используется (по Дудену) для более подробного пояснения базы [9].

Общие значения в этих типах конструкций формируются, прежде всего, на основе словарного лексического значения адьюнктора *als* и слов определённой семантики: *Kind, Junge, Mädchen, X-jähriger*, словосочетаний *junger (alter) Mensch* и др.

Например:

(8) In Siena, als junger Mensch, sah ich, wie ein paar Bauleute eine tausendjährige Gepflogenheit, Granitblöcke zu bewegen... [2, с. 11].

Дифференциация временного значения может осуществляться дополнительными лексическими средствами: *schon... , noch... damals...*:

(9) Dieser Galilei hat schon als junger Mensch über die Maschinen geschrieben [2, с. 108];

(10) Zwei dieser Deutschen ... hatten sich schon als Kinder in Deutschland gekannt [3, с. 413];

(11) Er hatte verstanden, was mir damals als Junge das Wichtigste war ... [3, с. 413].

Такой адъюнкт может быть также заменён обстоятельством времени *damals*:

(12) Als sehr junger Mensch, angesteckt von Studentenfreunden, hätte er bald auf den Sozialismus geschworen; damals war er senem Elternhaus ganz entfremdet [3, с. 273];

(13) Weißt du, worauf ich als Kind immer Hunger hatte? [Böll, 1, 159] → Weißt du, worauf ich damals immer Hunger hatte?

Обстоятельство времени *damals* указывает на время действия, не определяя действующего лица, характеризует любой период жизни или деятельности, относящийся к прошлому, в отличие от адъюнкта, который точно указывает, к какому периоду жизни лица относится данное действие.

В словарном (неактуализированном) значении полифункционального *als* совмещены функциональное и темпоральное значения. Функциональное значение мыслится здесь как временная характеристика, временное положение.

Таким образом, движение границы внутри значения полифункционального адъюнктора *als* определяется контекстом, позицией в структуре высказывания. Образуются различные комбинации совмещённых (смежных) значений временных конструкций. Временное значение выражает соответствующие естественные условия реализации функционального значения – при его преобладании, и, наоборот, при ярко выраженном временном значении функциональное является сопутствующим и также совмещённым: → (*damals*), *als ich noch jung war* («временная» трансформация); → (*so*), *wie ein junger Mann* («атрибутивная» трансформация).

Значением временных адъюнктов является указание на то, в какие этапы жизни или деятельности лица происходит действие.

(14) Wir hatten als Jungen jahrelang miteinander gespielt [1, с. 156];

(15) Ich merkte als Junge nur immer, dass ihr irgendwie peinlich zumute war – und später erst fiel mir ein, warum [1, с. 161].

Выражаемая предикация ограничена здесь временным периодом. Поэтому *als*-адъюнкт можно заменить временным придаточным предложением:

Wir hatten als Jungen jahrelang miteinander gespielt. → Als wir Jungen waren, hatten wir jahrelang miteinander gespielt.

Ich merkte als Junge nur immer, daß ihr irgendwie peinlich zumute war – und später erst fiel mir ein, warum. → Als ich Junge war...

Уточняя время действия, адъюнкт наряду с этим характеризует и само лицо указанием на его возраст, должностное положение и др. ко времени совершающегося действия. Такой адъюнкт относит время совершения действия к конкретному периоду и ограничивает действие этим временем. Вследствие этого в большинстве случаев действие, как и характеристика, имеет отношение к прошлому, и сказуемые употребляются в прошедшем времени.

Итак, с адъюнктом *als* прежде всего связано значение функциональности и противопоставления, с *wie* – функциональности и уподобления. Граница этих структурообразующих значений проходит внутри адъюнктов *als* и *wie* и смещается под влиянием различных факторов в сторону редукции или экспансии того или другого.

Дифференциация значений, в которых употребляются современные адъюнкты *als*, *wie* происходит, таким образом, уже в средневерхненемецком языке (mhd.). Из

множества значений, характеризовавших *als* и *wie* в средневерхненемецком языке (*als*: сравнительное, указательное, временное, идентичности; *wie*: вопросительное, сравнительное, временное) одни значения почти исчезают (сравнительное *als* с существительными и глаголами, а также в положительной степени сравнения прилагательного или наречия), другие получают более широкое распространение (сравнительное значение *wie*). Формируется отношение идентичности (тождества), выделяется функциональное значение, происходит его дифференциация. Развивается синонимия средств его выражения. Дифференциация осуществляется под влиянием различных факторов, прежде всего, под влиянием контекстуального взаимодействия значений компонентов конструкции с адьюнкторами *als* и *wie*, а также этимологической связи новых значений с исчезнувшими, например, объединённые *als wie*.

Список литературы

1. Дуден. Грамматика современного немецкого языка / Дуден. – Л.: Учпедгиз, 1962. – 702 с.
2. Юнг В. Грамматика немецкого языка / В. Юнг. – «Лань» - 1996. – 544 с.
3. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik / P. Eisenberg. – 2. Aufl. Stuttgart: J. B. Metzler, 1989. – 581 S.
4. Engel U. Syntax der deutschen Gegenwartssprache / U. Engel. – Berlin, 1996. – 316 S.
5. Erben J. Abriss der deutschen Grammatik / J. Erben. – Berlin, 1963. – 226 S.
6. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine deutsche Grammatik / H. Glinz. – Bern und München: Francke Verl., 1952. – 505 S.
7. Grimm J. u W. Deutsches Wörterbuch. B-de 1-16 / J. u W. Grimm. – Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Verlag von S. Hirzel/ Leipzig, 1854 – 1960. – S. 245 – 260, 1448 – 1492.
8. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Duden. – Mannheim, 1984 – 789 S.
9. Duden. Deutsches Universalwörterbuch A-Z, hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarbeitern der Dudenredaktion unter Leitung von Günther Drosdowski. 2. völlig neu bearb. u. stark erw. Aufl. Mannheim/Wien/Zürich: Dudenverlag, 1989. – 1816 S.
10. Hahnemann S. Vergleiche im Vergleich. Zur Syntax und Semantik ausgewählter Vergleichsstrukturen mit 'als' und 'wie' im Deutschen / S. Hahnemann. – Tübingen, 1999. – 233 S.
11. Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G. Helbig, J. Buscha. – VEB Verlag Enzyklopädie Leipzig, 1972. – 629 S.
12. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache / F. Kluge. – Walter de Gruyter & Co. Berlin und Leipzig, 1934. – 740 S.
13. Paul H. Deutsches Wörterbuch / H. Paul. – VEB MAX Niemeyer Verlag: Halle (Saale), 1959. – 782 S.
14. Schindler W. Untersuchungen zur Grammatik appositionsverdächtiger Einheiten im Deutschen / W. Schindler. – Tübingen: Niemeyer (=Linguistische Arbeiten 246), 1990. – 354 S.
15. Schindler W. NP-ZUSÄTZE im Deutschen / W. Schindler // Paul Valentin (Hg.), Rechts von N [NP-Zusätze = APPOSITION (und Verwandtes)]. – Tübingen: G. Narr, 1992. – S. 119 – 134.
16. Thurmair M. Vergleiche und Vergleichen. Eine Studie zu Form und Funktion der Vergleichsstrukturen im Deutschen / M. Thurmair. – Tübingen. 2001. – 300 S.
17. Umbach C. Termpräzisierung als Mittel der lexikalischen Desambiguierung in der Sprachverarbeitung / C. Umbach. – umbach@cs.tu-berlin.de
18. Wunderlich D. Zur Syntax der Präpositionalphrasen im Deutschen / D. Wunderlich // Zeitschrift für Sprachwissenschaft 3, 1984 – S.65 – 69.
19. Zifonun, G. et al. Grammatik der deutschen Sprache / G. Zifonun, L. Hoffman, B. Strecker. 3 B-de. – Berlin, 1997. – 2570 S.

Список источников

1. Böll H. Ansichten eines Clowns. Roman. / H. Böll. – Kiepenheuer & Witsch, 1997. – 237 S.
2. Brecht B. Werke. / B. Brecht. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1988. – 191 S.
3. Seghers A. Das Vertrauen. Roman / A. Seghers. – Aufbau-Verlag Berlin und Weimer, 1973. – 455 S.
4. Zweig St. Novellen. / St. Zweig. – Серия «Читаем в оригинале». – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2001. – 320 S.

NOMINATIVE FUNCTIONAL STRUCTURES WITH ADJUNCTORS *ALS* AND *WIE* IN GERMAN

N. N. Vakhovskaja

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

a.vahovsky@rambler.ru

In this article the author makes an attempt to substantiate the necessity for an etymological analysis adjunctors *als*, *wie* in the studying of nominative *als*-, *wie*-structures as an aid in obtaining information about the form and semantics evolution of adjunctors and constructions with them, as the differentiation where modern adjunctors *als*, *wie* are used takes place in the Middle High German already.

Key words: etymology, adjunctor, nominative *als*-, *wie*-structures, comparative, demonstrative, temporal meaning.

УДК 1811.161.1 + 811.1111 ' 27

О ВЛИЯНИИ ДИСКУРСИВНЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ ОЦЕНОЧНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КОНЦЕПТА "MULTICULTURALISM" В БРИТАНСКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ СОЦИУМЕ

О. Д. Вишнякова
Д. М. Костина

*¹ Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова*

e-mail: ol-vish@mail.ru

*² Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: dkostina@bsu.edu.ru

Концептуализированная область "multiculturalism" характеризуется высокой репрезентативной способностью выражения оценочности, связанной с содержательной спецификой данного концепта, выступающего как политическое и социокультурное понятие, вызывающее неоднозначные толкования и оценки.

Ключевые слова: оценочные характеристики, концепт, мультикультурализм, культуроспецифические черты, дискурс, контекст.

Как отмечают исследователи, основными категориальными уровнями смысловой парадигмы с точки зрения ценностной категоризации являются концептоцентрический и пропозициональный. Концептоцентрический уровень включает предметные концепты, в то время как возникающие на их основе в процессе употребления, обусловленного оценочностью и предикативностью, содержательно репрезентирующие аксиологическую шкалу ценностные концепты являются частью пропозициональной парадигмы. Как указывает И. В. Чекулай, общая иерархическая структура смысловой парадигмы была бы нарушена в том случае, если бы в данном процессе не учитывался важнейший фактор, предворяющий непосредственную, реальную речевую актуализацию. В данном случае «понимается деятельность ментальная, направленная на формирование ценностного содержания передаваемой от адресанта оценочного сообщения, или субъекта оценки, информации ценностно-кваликативного характера адресату или адресатам этого сообщения» [13, с. 150]. На данном этапе, как отмечает ученый, оформляются основные прагматические параметры оценочного высказывания, включающие учет фактора адресата, возможность прогнозирования реакции собеседника [13].

Как известно, формирование концептов осуществляется в результате мыслительного процесса, что представляет собой, по словам Е. С. Кубряковой, «один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в мозгу (психике) человека». [10] На основе интерпретативного опыта осмысления действительности и взаимодействия с окружающим миром формируются оценочные концепты, иными словами, «оценочное осмысление объектов окружающего мира и образование в результате этого оценочных концептов в нашем сознании» [3, с. 16 – 39]. Исследователь отмечает, что главной отличительной особенностью оценки является ее антропоцентричность [4, с. 25 – 37].

Обращаясь к проблеме оценочности в процессе репрезентации концептуализированной области "multiculturalism", рассмотрим ряд примеров, позволяющих выявить наиболее существенные дискурсивные факторы, обуславливающие данный процесс.

Как отмечает Е. С. Кубрякова, «под дискурсом следует иметь в виду именно когнитивный процесс, связанный с реальным речепроизводством, созданием речевого произведения, текст же является конечным результатом процесса речевой деятельности, выливающимся в определенную законченную (и зафиксированную) фор-

му» [10, с. 164]. Данная проблематика рассматривается в работах целого ряда ученых: Т. А. ван Дейка, включающего в понятие «дискурс» текст как абстрактный теоретический конструкт, реализующийся в дискурсе [9], Н. Ф. Алефиренко [1], М. Стаббса [17, с. 3] и др. Отметим в этой связи тот факт, что анализ дискурса включает в себя анализ условий социального контекста.

Как известно, реализация термина «дискурс» предполагает рассмотрение функций языка в широком социокультурном контексте [11, с. 86], с учетом специфики устных и письменных форм речевых произведений, процессов их порождения и понимания, факторов интерактивности, функциональной целостности, вариативности, т.е. отражения особенностей различных социально-деятельностных контекстов и намерений авторов. Для выявления специфики дискурса релевантными оказываются такие характеристики, как: 1) целенаправленное социальное действие, 2) условия ситуации общения (включая участников дискурса, их роли, характер коммуникативного взаимодействия и т. д.) 3) ценности, 4) стратегии, 5) жанры. В нашем понимании дискурс – еще более объемная категория, включающая как линейные, синтагматические, так и вертикальные, парадигматические, категориальные отношения, с учетом потенциальных возможностей реализуемых языковых единиц и их структур, в том числе и на ассоциативном уровне. Строго говоря, такое широкое понимание дискурса может включать в себя и собственно системный аспект существования языка, предполагающий умение пользоваться «строительным материалом» и возможностями его потенциала [5, с. 25 – 29]. Дискурс характеризуется нелинейной структурой с точки зрения организации в нем понятий, смыслов, образов. Он «понимается широко – как все, что говорится и пишется, другими словами, как *речевая деятельность*, являющаяся в то же время и *языковым материалом*» [14, с. 29], причем в любой его репрезентации – звуковой или графической [11, с. 90]. В этом отношении особое внимание должно быть уделено тезису о взаимодействии и взаимопроникновении системы языка и реальной речи. О.С. Ахманова подчеркивает, что там, где нет речи, нет и языка: «В языке есть только те слова, которые есть в речи, а тех, которых в речи нет, нет и в языке» [2, с. 92.], следуя положениям, разработанным А.И. Смирницким, важнейшим среди которых является тезис о том, что «язык как ингредиент речи пронизывает всю речь и все ее стороны» [12].

О. В. Александрова и Е. С. Кубрякова, определяя различия между дискурсом и текстом, указывают, что «текст – это готовая данность, которая может изучаться в своей завершенности, КОНЕЧНОСТИ, тогда как дискурс всегда должен изучаться скорее как ПРОЦЕСС СОЗДАНИЯ ТЕКСТОВ со своими отличительными особенностями... Текст – это непосредственная МАТЕРИАЛЬНАЯ ДАННОСТЬ, и мы можем работать с нею как с определенного рода материальным объектом, дискурс – более сложен, и для его анализа нам предстоит реконструировать замысел говорящего, его интенции, его установки и т.п., т.е. определить, помимо того, что есть в порождаемом на наших глазах речевом произведении, тексте – ЗА ТЕКСТОМ или же СВЕРХ ТЕКСТА» [10, с. 194 – 195].

Очевидно, что понятие дискурса является более обширным, чем понятие текста: текст – это конечный продукт, имеющий свои условные рамки, в то время как дискурс – определенная деятельность. Дискурс может рассматриваться как процесс, включающий в себя результат, т. е. текст как формализованную структуру [7], что также включает в себя осуществление подхода к дискурсу как к процессу, находящемуся в режиме on-line с точки зрения его реализации в реальном времени и пространстве. Вместе с тем, вневременной характер межкультурного диалога позволяет подойти к понятию дискурса и в более узком понимании – с точки зрения хранения и упорядочения информации в историческом аспекте создания текстов, ограниченных определенным уровнем развития тех или иных концептуальных сущностей и способов категоризации. В этом смысле дискурс может рассматриваться на уровне феноменов off-line. Вместе с тем, для своего реального времени дискурс, безусловно, интерактивен [6, с. 259].

Обратимся к рассмотрению языковых реализаций, позволяющих определить степень влияния дискурсивных факторов в их комплексе на специфику проявления оценочных характеристик в вербальных репрезентантах рассматриваемого нами концепта.

Так, например: "Teachers at a primary school have been ordered to dress up as Muslims to promote multiculturalism. The West Midlands school is belatedly celebrating the Muslim festival of Eid and told its pupils and teachers to don traditional Muslim dress for the day. All 257 pupils, most of whom are Christians, and 41 teachers – two of whom are Muslims – dressed up. A morning assembly was held to mark the event and an afternoon party was strictly for women only, because Muslim husbands object to wives mixing with other men. Sally Bloomer, head of Rufford primary school in Lye, West Midlands, told The Sun: "I have not heard of any complaints. It's all part of a diversity project to promote multiculturalism." But a relative of one of the staff reportedly said: "Who would put their job on the line? They have been told they have to embrace the day to show their diversity. But they are not all happy" [18].

В данном примере отражены противоречивые оценки описываемого события, данные разными людьми. Очевидно, что как позитивные, так и негативные моменты естественным образом находят свое выражение на уровне реализации языковых средств. Как отмечает М. Н. Володина, «слово в массовой коммуникации обладает повышенной престижностью. Общеизвестна магия печатного слова и особенно слова, звучащего по радио или телевидению» [8]. В контексте анализируемого высказывания мнение официального представителя – директора школы выражено посредством позитивной оценки данного события, однако, высказанной весьма сдержанно, в соответствии с традициями англосаксонского менталитета: "I have not heard of any complaints. It's all part of a diversity project to promote multiculturalism." Вместе с тем, необходимо отметить, что говорящий придерживается официальных рамок передачи информации и считает необходимым разъяснить сущность и цель проведенного мероприятия, предвосхищая возможную неправильную трактовку со стороны слушателей/читателей. Очевидно, что данный факт подтверждает, насколько важным является учет фактора адресата в плане дифференциации социокультурных воззрений в британском обществе.

В то же время само словосочетание "to promote multiculturalism", намеренно реализуемое автором статьи в самом начале и воспринимаемое читателем как цитация официального лица – позитивно настроенного директора школы, может рассматриваться как имплицитное выражение отношения автора к происходящему. Обращаясь к словарным источникам, приведем языковые факты, иллюстрирующие особенности речепотребления глагола "to promote", реализуемого в таких значениях, как "1) give sb higher position or rank: He was promoted sergeant / to sergeant /to the rank of sergeant. 2) help to organize and start; help the progress of; help to found or organize: to promote a new business company; to promote a bill in Parliament; try to promote good feelings (between)" [15]; "1) To give someone who works for you a higher job: He is hoping to be promoted to manager soon. 2) to try to make something happen to help something to be successful: a campaign promoting the use of cycle helmets | She's been on lots of talk shows, promoting her latest film".[16] Отметим, что учитывая вышеизложенное очевидна специфика реализация данного глагола в носящем окказиональный характер словосочетании "to promote multiculturalism", что позволяет рассматривать понятие, выраженное существительным "multiculturalism", как сущность, требующую вмешательства извне, активного участия в процессе ее установления и продвижения, а также, соответственно, возможного столкновения с препятствиями, не способствующими успешности данного процесса. Ассоциативно данный процесс оказывается соотносимым с такими сущностями, как «продвижение по службе», «расширение деятельности коммерческой структуры», «продвижение компании», «проведение кампании» и т.д. В этом плане реализуется и оппозиция "to promote multiculturalism" – "celebrating the Muslim festival". Более нейтральным, эксплицирующим данные единицы словосочетанием,

является единица “to show their diversity”, определяющая цель описанного в тексте мероприятия и в большей степени соответствующая реальному положению дел.

Особую тональность повествованию придает реализация в тексте таких словосочетаний, как “have been ordered to dress up as Muslims”, где глагол “to order” вследствие своих семантических особенностей очевидно ассоциируется с принудительными действиями, что подкреплено в тексте и словами интервьюируемых собеседников: “*They have been told they have to embrace the day to show their diversity*”; “*told its pupils and teachers to don traditional Muslim dress for the day*”; “*Who would put their job on the line?*”.

В этом же аспекте может быть рассмотрена конструкция “is *belatedly celebrating* the Muslim festival”, где наречие “belatedly” в словосочетании “belatedly celebrating”, придающая высказыванию иронический оттенок.

Намеренно претендуя на объективный характер повествования (граничащий в данном случае с сарказмом), автор в целях имплицитного создания особого стилистического эффекта использует параллельные конструкции, в которых осуществляет смысловое противопоставление реализуемых в тексте языковых единиц, в том числе с использованием числительных в целях сравнения: “All 257 pupils, most of whom are Christians, and 41 teachers” – “two of whom are Muslims”, заостряя внимание читателя на специфике чуждой для христианского сознания традиций: “*A morning assembly was held to mark the event and an afternoon party was strictly for women only, because Muslim husbands object to wives mixing with other men*” (поясняя ситуацию посредством обстоятельственного предложения со значением причины: “because Muslim husbands object to wives mixing with other men”) [19].

Заключительная часть повествования может рассматриваться как наиболее очевидно активизирующая внимание адресата. Находясь в позиции выдвижения, предложение “But they are not all happy” характеризует негативное отношение участников мероприятия к данной ситуации, чему способствует реализация отрицания “not” перед прилагательным “happy”. Иначе говоря, оценочный характер повествованию придает специфика выбора языковых средств, реализация которых в данных условиях контекста, в особой лексико-фразеологической сочетаемости, с учетом морфосинтаксических характеристик языковых единиц, обуславливает достижение поставленных автором коммуникативно-прагматических целей.

Рассмотрим еще один пример, тематически связанный с предыдущим высказыванием: “The tragic thing is that there's NOT ONE of the mainstream political parties that will address *this surreal madness*. They don't realise just *how out of touch from the ordinary man and woman on the street their policies are taking them*. *Make no mistake – multicultural diversity = Muslim appeasement*. And unless this policy is reversed; and Muslim immigration halted – I fear that there will be a very bleak future indeed in this country. Do ANY Muslim teachers contemplate dressing up in Jewish devout wardrobe? Or is it “haram” (forbidden) to dress up as Apes and Pigs? What Islamists call Christians & Jews” [18].

В данном случае негативное отношение автора высказывания к предмету описания в тексте отражено на уровне реализации значений таких лексических единиц, как “tragic”, “madness” (в словосочетании “this surreal madness”), “fear”, стилистически окрашенных конструкций, в ряде случаев содержащих этнические номинации: “how out of touch from the ordinary man and woman on the street their policies are taking them”, “a very bleak future indeed in this country”, “contemplate dressing up in Jewish devout wardrobe”, а также реализации иноязычной лексической единицы “haram” (forbidden). Автор использует иконические средства активизации внимания адресата – выделяя языковые единицы в письменном тексте посредством реализации заглавных букв – “NOT ONE”, “ANY”, а также знака равенства для указания на тождественность двух понятий: “multicultural diversity = Muslim appeasement”, синонимический характер которых подчеркивается при помощи парентетического внесения, используемого в функции интенсификатора “Make no mistake”.

Особую роль в создании стилистического эффекта и выражении негативной оценки играет заключительная часть приведенного отрывка, содержащая риторический вопрос, а также отсылку к оскорбительной номинации оценочного свойства: “Do ANY Muslim teachers contemplate dressing up in Jewish devout wardrobe? Or is it “haram” (forbidden) to dress up as Apes and Pigs? What Islamists call Christians & Jews” [18].

Следующий пример. “We do not blame immigrants for failing to integrate: the blame lies at the feet of our rulers for failing to set clear boundaries by requiring them to learn English, respect British culture and obey the house rules. Instead, the British have been exhorted to change the rules to accommodate the newcomers”.

В данном случае оценочная специфика репрезентируется на уровне таких языковых значений, как “do not blame immigrants”, “failing to integrate”, “the blame lies at the feet of our rulers for failing to set clear boundaries”, “exhorted to change the rules”, где тональность повествования может рассматриваться в терминах выражения сожаления, которое вызвано имеющейся социокультурной ситуацией, выступающей в качестве детерминирующего дискурсивного фактора, находящего актуализацию при помощи средств языка.

Приведем еще один пример, в котором оценочная функция реализуется на уровне контекстуально обусловленного смыслового становления семантических значений языковых единиц (положительная оценка – “brought economic benefits”, “the net effect of boosting gross domestic product”; отрицательная оценка – “meaningless”, “gave no indication of the benefit”, граница между которыми обозначена в тексте посредством реализации парентетического внесения “however”): “The Labour government claimed that *immigrants brought economic benefits* and had *the net effect of boosting gross domestic product* by £6 billion a year. However, in 2008, an inquiry by the Lords' economic affairs committee, which included two former chancellors and a Labour economist, said such a measure was *meaningless* because it *gave no indication of the benefit to each member of the population*” [19].

Рассмотрим следующий случай. “Multiculturalism (n) – *The practice of acknowledging and respecting the various cultures, religions, races, ethnicities, attitudes and opinions within an environment* [20].

В данном примере, представляющем собой определение понятия “multiculturalism”, особого внимания заслуживают контекстуально-контактные единицы “acknowledging” и “respecting”, обладающие семантическими характеристиками, выражающими позитивное отношение к объекту описания, соответственно, реализуясь в нейтральном контексте, не будучи отягощенными никакими дополнительными коннотациями и не подвергаясь переосмыслению, служат для выражения положительной оценки.

Таким образом, реализуемый потенциал языковых средств, включающий возможности всех уровней языка в их единстве и взаимодополнении, функционально обусловлен коммуникативно-прагматической задачей выражения оценочного отношения к содержанию высказывания, выходящего за рамки модальности в собственном смысле слова и включающего эмоционально-экспрессивный момент, реализуемый в сфере выявления как ингерентных, так и адгерентных коннотаций, присущих языковым единицам. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о том комплексном подходе, который является необходимым при обращении к анализу оценочности в дискурсивном аспекте. В связи с этим следует также отметить роль социолингвистических факторов в процессе формирования оценочного отношения.

Следующим важным аспектом нашего исследования является рассмотрение специфики реализации оценочных слов в публицистическом дискурсе в области осуждения вопросов, связанных с особенностями реализации концепта “multiculturalism” и его вербальных репрезентантов. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «оценочные слова являются средством оценочной концептуализации и оценочной категоризации мира в языке, поскольку в их семантике отражены дополнительные знания интерпретирующего характера, т. е. отражена вторичная, а не первичная реаль-

ность» [4]. В основе оценочных категорий лежат различные оценочные концепты разного уровня абстракции. Исследователи отмечают, что «специфика оценочных, как и всех модусных, концептов заключается в их содержательной неопределенности, обусловленной зависимостью от других, конкретных концептов и концептуальных структур, которые подвергаются оценке, т. е. в их содержательной релятивности» [4, с. 31].

Обратимся к материалу: “Another of Sir Winston’s grandsons, Nicholas Soames commented in the Commons. On July 17th 2007 he said, “foreign immigration is now 25 times higher than it has ever been in the past, even at the two peaks. *Talk of Britain as a nation of immigrants is absurd. It would be much more accurate to describe us as a nation of emigrants.* Indeed, the number of emigrants exceeded the number of immigrants until the 1980-s” [21].

В данном случае в качестве негативного оценочного компонента высказывания выступает негативно окрашенная единица “absurd”, имеющая в словаре определения: “very silly” [16]; “against reason or common sense; clearly false or foolish” [16]; “unreasonable, foolish, ridiculous” (Hornby). В то же время в данном контексте в сравнительной степени с интенсификатором “much” функционирует прилагательное мелиоративного характера “accurate”, имеющее значение “exactly correct” [16]; “careful and exact; free from error” [15]. Отметим, что данные реализации используются автором сообщения с целью охарактеризовать два противоположных процесса и противопоставить содержащиеся в данном контексте понятия “immigrants” и “emigrants”, выразив тем самым солидарность с внуком Черчилля, Николасом Соамсом, в своем отношении к политике мультикультурализма и связанными с ней процессами.

В этой связи следует подчеркнуть, что, как указывают исследователи, категории оценочных слов, характеризующихся внутриязыковой направленностью, следует отличать от собственно оценочных категорий, репрезентируемых на уровне различных языковых значений, в значительной степени обусловленных интерпретативным характером процесса освоения действительности и находящихся на более высоком уровне абстракции [4]. Вместе с тем, процесс интерпретации первичных знаний, реализуемый посредством языка, обусловлен процессом закрепления механизмов интерпретации в системе языка в виде определенного формата знаний. Особая роль в этом случае принадлежит дискурсивным факторам, включающим как способы и средства воплощения ментальных образований в виде языковых структур и реальных речевых произведений, так и экстралингвистические аспекты, в первую очередь – социокультурные маркеры процесса интерпретации.

Обращаясь к широкому экстралингвистическому контексту, выступающему в качестве одного из мощных дискурсивных факторов в случае реализации публицистического (политического) дискурса, а также репрезентирующим его речевым произведениям, посвященным сохранению британских ценностей, в частности, сохранению индивидуализма, либерализма, свободы, британской идентичности как свойства исконного населения Великобритании, мы установили, что в большинстве случаев подобная сдержанная манера повествования на уровне реального смыслового становления языковых единиц присутствует в качестве выразителя прямо противоположных значений. Этот факт находится в русле известной британской традиции выражения мысли, реализуемой в виде сарказма.

Таким образом, концептуализированная область “multiculturalism” характеризуется высокой репрезентативной способностью выражения оценочности, связанной с содержательной спецификой данного концепта, выступающего как политико-культурное понятие, вызывающее неоднозначные толкования и оценки.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Синергетика культурного концепта и знака в системе языка и тексте. Культурные концепты в языке и тексте : сб. науч. тр. / науч. ред. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород, 2005. – С. 8 – 21.

2. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1957. – 295 с.
3. Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005. – С. 16 – 39.
4. Болдырев Н. Н. Оценочные категории как формат знания Когнитивные исследования языка. Москва – Тамбов, 2008. – С. 29
5. Вишнякова О. Д. Гипертекстовая структура как область развития смысловых составляющих иницирующего текста// CILLOQUIUM: Международный сборник научных статей / Под ред. У. Перси и А. В. Полонского. Бергамо – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2010. С. 25 – 29.
6. Вишнякова О. Д. Язык и концептуальное пространство (на материале современного английского языка). – М. : МАКС Пресс, 2002. – 380 с.
7. Вишнякова, О. Д. Языковой знак как предмет семиотической концептологии. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2008. – 196 с.
8. Володина М. Н. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003.
9. Дейк Т. А. ван. К определению дискурса [Электронный ресурс] / Т. А. ван Дейк. – М., 1998. – Режим доступа: <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm>.
10. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки. – М.: Наука, 1997. – 328 с.
11. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
12. Смирницкий А. И. К вопросу о слове: проблема «отдельности слова». Вопросы теории и истории языка. – М., 1952. – С. 184 – 203.
13. Чекулай И. В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Чекулай. – Белгород, 2006. – 43 с.
14. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.
15. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – London : Oxford University Press, 1974.
16. Longman Dictionary of English Language and Culture: new ed. – Longman; Pearson Education Limited, 2005.
17. Stubbs M. Applied discourse analysis and educational linguistics // P. Trudgill ed. Applied sociolinguistics. – L. etc.: Acad. Press, 1984. – С. 203 – 244.
18. The Daily mail 31. 10. 2007
19. The Telegraph 14. 04. 2011
20. URL: <http://www.inform.umd.edu/EdRes/Topic/Diversity/Reference/divdic.html>
21. URL: National Conservatism: October 2010

THE IMPACT OF DISCOURSE FACTORS ON THE FORMATION OF EVALUATIVE CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT “MULTICULTURALISM” IN THE BRITISH CULTURE AND SOCIETY

O. D. Vishnyakova
D. M. Kostina

¹ *Lomonosov Moscow State University*

e-mail: ol-vish@mail.ru

² *Belgorod National Research University*

e-mail: dkostina@bsu.edu.ru

Conceptualized sphere “multiculturalism” is characterized by high representative capacity for expressing evaluative characteristics connected with the specific features of this concept which is looked upon as a political and social phenomenon interpreted and evaluated differently.

Key words: evaluative characteristics, concept, multiculturalism, specific cultural features, discourse, context.

УДК 811.111 - 26'367

МОДАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ПОЛИПРЕДИКАТИВНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПАРАТАКСИСОМ И ГИПОТАКСИСОМ

**И. О. Ещенко
К. И. Ракова**

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Eschenko@bsu.edu.ru
Xenia57@mail.ru*

Данная статья рассматривает особенности модальности полипредикативного предложения с паратаксисом и гипотаксисом. В статье анализируются разновидности насыщенной модальной перспективы и их характеристики в зависимости от типа полипредикативного предложения, а также определяются условия их формирования.

Ключевые слова: полипредикативные предложения с паратаксисом и гипотаксисом, модальный план реальности, насыщенная модальная перспектива, глаголы-перформативы.

Проблема модальности в течение последних десятилетий находится в центре внимания современных лингвистов, которые изучают различные аспекты ее реализации. Целью данной статьи является рассмотрение особенностей модальности в полипредикативных предложениях с паратаксисом и гипотаксисом как наименее исследованных в современном английском языке. В основе нашего исследования лежит типология полипредикативных структур, предложенная Раковой К. И. [6, с. 130]. Материалом исследования послужили художественные произведения английских и американских авторов XIX – XX веков.

Полипредикативное предложение с паратаксисом и гипотаксисом состоит из отдельных предикативных единиц, модальная характеристика которых репрезентируется при помощи разнообразных средств, образующих морфолого-синтаксический и лексико-семантический компоненты реальных и ирреальных модальных планов. Морфология, будучи одним из разделов грамматики, тесно соприкасается с лексикологией, словообразованием и синтаксисом. В лингвистической литературе существует мнение, что «отношение к лексике предопределено тем, что, с одной стороны, грамматические значения и грамматические категории, выделенные в качестве особых языковых сущностей, проявляются только в конкретных словоформах, с другой стороны, морфологические формы являются языковым средством интерпретации лексической семантики, которая вне этой интерпретации реально не существует [4, с. 10].

В лингвистической литературе при описании модальности простого и сложноподчиненного предложения употребляется термин *общая модальная характеристика предложения*, обозначающий совокупность модальных значений (Э. Е. Курлянд, О. В. Трунова), и термин *модальная перспектива*, который совмещает два аспекта модальности: основной, использующий грамматические средства языка, и дополнительный, сосредоточенный в лексических элементах языка; основной и дополнительный аспекты образуют модальную перспективу сложноподчиненного предложения (Е. К. Андрианова). Исследуя модальность, отечественные и зарубежные ученые используют множество терминов – модальные аспекты, единицы, маркеры, планы.

Идея о том, что существует общая модальность предложения, высказывается многими зарубежными лингвистами (Дж. Лайонз, Ф. Палмер, П. Хемерен), которые используют термин *гармоничная фраза* в отношении сложного предложения. Гармоничность рассматривается на уровне комбинаторики модальных слов и глаголов, которые или усиливают основное модальное значение, или нет.

В нашем исследовании модальности полипредикативных предложений с паратаксисом и гипотаксисом понятие гармоничности необходимо, но недостаточно, в связи со сложным многокомпонентным составом анализируемых предложений.

Опираясь на тот факт, что модальная перспектива полипредикативного предложения с паратаксистом и гипотаксистом не была объектом рассмотрения в предшествующих исследованиях, а также, учитывая структурные и семантические особенности многочастных конструкций, мы предлагаем свое определение *модальной перспективы предложения*, под которой мы понимаем взаимосвязь объективной и субъективной модальностей, отраженных в реальных и ирреальных модальных планах, которые, в свою очередь, состоят из морфолого-синтаксических и лексико-семантических компонентов.

В ходе исследования корпуса примеров полипредикативных предложений из англо-американской художественной литературы XIX – XX вв. было выявлено, что модальная перспектива предложения не гомогенна по своей структуре. На наш взгляд, следует выделить *однородную* и *неоднородную модальную перспективу* предложения, при этом *однородная модальная перспектива* подразумевает наличие модальных планов одного вида: с объективной или субъективной модальностью. Модальные планы, представляющие разнообразные сочетания значений объективной и субъективной модальностей, характеризуют полипредикативные предложения с *неоднородной модальной перспективой*.

В нашем исследовании *однородная модальная перспектива* полипредикативного предложения предполагает *однонаправленность* (сходство значений) всех средств выражения модальности в гипотактических и паратактических комплексах, входящих в его состав. Такими предложениями являются мономодальные предложения с реальной модальностью и мономодальные предложения с ирреальной модальностью.

Неоднородная модальная перспектива предполагает *разнонаправленность* средств выражения модальности (сочетание несопадающих по значению модальных средств). Каждая модальная перспектива характеризуется структурным разнообразием и обладает своей спецификой лексического наполнения, которая подробно будет рассмотрена в данной статье.

В ходе исследования было выявлено, что в рамках полипредикативного предложения наблюдается явление модальной насыщенности, которая предполагает построение модальности из множества репрезентантов: морфологических (наклонение), синтаксических (синтаксические конструкции) и лексико-семантических (модальные глаголы, модальные слова, наречия и частицы). Материал нашего исследования показывает, что модальная перспектива некоторых полипредикативных предложений характеризуются минимальным набором модальных средств выражения, тогда как в других конструкциях могут присутствовать средства всех уровней. Мы выделяем *насыщенную модальную перспективу*, если она объективирует модальные средства всех трех уровней, включая морфологические, синтаксические и лексические средства. Соответственно, под *ненасыщенной модальной перспективой* мы понимаем использование модальных средств только одного или двух уровней.

В данной статье рассматривается насыщенная модальная перспектива полипредикативного предложения с паратаксистом и гипотаксистом, в которой были выделены несколько разновидностей. Насыщенная модальная перспектива может быть сформирована:

- а) наклонением смыслового глагола, глаголом-перформативом и несколькими модальными глаголами (5 % примеров);
- б) наклонением смыслового глагола, модальными глаголами, наречиями и частицами (8 % примеров);
- в) одновременным употреблением всех репрезентантов: наклонения смысловых глаголов, глаголов-перформативов, модальных глаголов, синтаксических конструкций, наречий и частиц (12 % примеров).

Полипредикативные предложения с насыщенной модальной перспективой в ряде случаев не обязательно характеризуются большим объемом, и даже трехчастные предложения могут содержать три разных модальных репрезентанта, но такие предложения составляют единичные примеры:

(1) *I have since been induced to come to the opinion that it must have been there all the time, and must have been beating, but I cannot account for it* [7, с. 12].

Данная трехчастная конструкция содержит в главной части гипотактического комплекса глагол-перформатив *to induce* (*I have since been induced to come to the opinion*), образующий модальный план реальности: герой повествования был принужден прийти к определенному мнению. Придаточное гипотактического комплекса содержит модальность предположения, выраженную модальным глаголом *must* во вторичном значении, формирующую модальный план ирреальности: его сердце, должно быть, все это время было на месте и продолжало биться. Паратактический комплекс (*but I cannot account for it*) характеризуется наличием модальности объективной возможности, выраженной модальным глаголом *can* в своем основном значении, то есть в нем образуется модальный план реальности: герой повествования не может взять на себя ответственность. В данном полипредикативном предложении формируется насыщенная модальная перспектива.

Рассматривая насыщенную модальную перспективу, сформированную наклонением смыслового глагола, глаголом-перформативом и несколькими модальными глаголами, следует отметить, что в проанализированном материале проявляется явная тенденция использования модальных средств всех трех уровней (морфологического, синтаксического, лексического) при расширении объема полипредикативного предложения, например:

(2) *She had not his number nor did she know which of his two Christian names he might have used with his alias; but her Cook's tourist ticket expired at the end of Easter week, and if by then she could not find her child she should go mad.*

Анализируемое предложение представляет собой конструкцию с расширенным паратактическим и двумя минимальными гипотактическими комплексами. Столь объемная конструкция объективирует целый арсенал модальных средств всех уровней; индикативов смысловых глаголов *to have* в первой части расширенного паратактического комплекса (*She had not his number*) и *to expire* во второй его части (*but her Cook's tourist ticket expired at the end of Easter week, and*), образующих модальные планы реальности: автор описывает трудности, с которыми столкнулась женщина, искавшая сына – у нее не было его номера, а срок действия ее билета заканчивался в конце Пасхальной недели. Гипотактические комплексы демонстрируют субъективную модальность, присутствующую как эпистемическая модальность знания, выраженная глаголом-перформативом *to know* в главной части первого из них (*nor did she know*), и модальность предположения, выраженная модальными глаголами *might* (*which of his two Christian names he might have used with his alias*), *could* (*if by then she could not find her child*), *should* (*she should go mad*) в придаточных частях: она не знала, которое из своих двух имен, данных при крещении, ее сын мог использовать в качестве псевдонима, и она сошла бы с ума, если бы не нашла его. В данном полипредикативном предложении формируется насыщенная модальная перспектива.

Довольно интересное явление представляет собой насыщенная модальная перспектива, сформированная наклонением смыслового глагола, модальными глаголами, наречиями и частицами. В лингвистических исследованиях на базе русского языка существует мнение, что модально-персуазивные частицы являются знаком особой квалификативной ситуации – ситуации относительной достоверности, они служат средствами расширения модальной перспективы высказывания, фиксируя его субъективное начало [5, с. 8]. Аналогичное явление можно наблюдать и при анализе модальной перспективы полипредикативных предложений на материале английского языка:

(3) *But presently they were sailing along its coast and its western cape now rose up astern of them, black against the red sky and sharp as if it was cut out of cardboard, and then they could see better what this country was like* [8, с. 207].

Данная конструкция представляет собой расширенный паратактический комплекс с минимальным гипотактическим комплексом. Модальность реальности пред-

ставлена индикативами глаголов *to sail, to rise* в прошедшем продолженном и неопределенном временах (*But presently they were sailing along its coast and its western cape now rose up astern of them*), образующими *модальные планы реальности*: автор описывает путешествие на корабле, когда герои плыли вдоль берега, а его западный мыс поднимался за кормой. Но в следующей части паратактического комплекса (*as if it was cut out of cardboard*) используется модально-персуазивная частица *as if*, которая реализует имплицитный слой высказывания, наличие которого можно рассматривать как фактор усложнения семантической структуры высказывания. Модальная частица *as if* в сочетании с глаголом *to be* образует *модальный план ирреальности*: автор отмечает, что на фоне красного неба очертания берега казались как будто вырезанными из картона. Гипотактический комплекс в постпозиции содержит *модальный план реальности* в главной части (*and then they could see better*), выраженный модальным глаголом *could* в значении *объективной возможности*, и синтаксическую конструкцию *to be like* в придаточной части (*what this country was like*), объективирующую значение *предположения* в *модальном плане ирреальности*: путешественники смогли лучше увидеть, на что похожа эта страна. Все названные средства принадлежат к разным уровням и формируют насыщенную модальную перспективу данного полипредикативного предложения.

Среди проанализированных примеров довольно значительный блок представляют собой полипредикативные предложения, характеризующиеся насыщенной модальной перспективой, сформированной одновременным употреблением всех репрезентантов: наклонения смысловых глаголов, глаголов-перформативов, модальных глаголов, синтаксических конструкций, наречий и частиц:

(4) *It took two porters as well as the driver to hold him in at the station; and I do not think they would have done it, even then, had not one of the men had the presence of mind to put a handkerchief over his nose, and to light a bit of brown paper* [7, с. 50].

Анализируемое предложение, включающее в себя всего четыре предикативные единицы, содержит разнообразные средства выражения модальности: индикатив глагола *to take* в минимальном паратактическом комплексе (*It took two porters as well as the driver to hold him in at the station*) сочетается с частицей сравнения *as well as*, несущей дополнительный смысл. В расширенном гипотактическом комплексе эпистемическая модальность знания выражена в главной части глаголом-интеллективом *to think* (*and I do not think*), а в придаточных с помощью субъюнктива реализована модальность предположения (*they would have done it, even then, had not one of the men had the presence of mind...*). Поэтому *модальный план реальности* усложняется выражением *субъективного* отношения в *ирреальных модальных планах*, что отражается и в переводе, выполненном профессиональным переводчиком:

«Чтобы остановить его у вокзала, кучеру потребовалась помощь двух носильщиков. И то им, наверно, это не удалось бы, не догадайся один из них набросить свой платок на ноздри лошади и зажечь обрывок оберточной бумаги» [7, с. 41].

Отечественные и зарубежные лингвисты отмечали, что определенным модальным конструкциям сопутствуют некоторые лексические единицы с модальной окраской. По мнению Ф. Р. Палмера, существует ограниченное число наречий, которые могут встречаться с эпистемическими модальными глаголами (или модальными глаголами вообще). Они ограничены теми, которые сами выражают суждения, и поэтому встречаются в значительной степени избыточно – *возможно, вероятно* для выражения возможности, и *конечно, определенно* для выражения необходимости [9, с. 57].

Подобные явления устойчивой сочетаемости модальных глаголов и определенных модальных слов проявляются и в полипредикативных предложениях с паратаксисом и гипотаксисом, что наглядно представляет следующий отрывок текста, предшествующий полипредикативному предложению:

(5) “Oh, him?” Said Pug. “Oh, take him and welcome. Glad to have him off my hands. I’ve never seen such a drug in the market in all my born days. Priced him at five crescents in the end and even nobody’d have him. Threw him in free with other lots and still no one

would have him. Wouldn't touch him. Wouldn't look at him. Tacks, bring out Sulky." *Thus Eustace was produced, and sulky he certainly looked; for though no one would want to be sold as a slave, it is perhaps even more galling to be a sort of utility slave whom no one will buy* [8, с. 66].

В анализируемом примере наречие *certainly* означает сильную уверенность со стороны говорящего (*Когда вывели Юстаса, он выглядел, конечно, угрюмым*), но также действует в качестве связи между двумя частями фрагмента текста, поскольку в его предыдущей части содержится информация, подтверждающая уверенность говорящего (*потому что, хотя никто не хочет быть проданным в качестве раба, возможно еще более унижительно быть таким рабом, которого никто не купит*). Данное предложение содержит насыщенную модальную перспективу, выраженную индикативами глаголов *to produce, to look*, модальным глаголом *would* и наречием *perhaps*.

Таким образом, проведенный анализ полипредикативных предложений с паратаксистом и гипотаксистом показал, что четвертая часть от всего корпуса примеров полипредикативных предложений, обладают насыщенной модальной перспективой и характеризуются способностью к расширению за счет увеличения количества конститuentов и усложнения структуры, в отличие от полипредикативных предложений с ненасыщенной модальной перспективой, представленных разнообразными типами анализируемой конструкции. Исследование показало, что определяющую роль в морфологизации модального глагола при формировании однородной модальной перспективы играет контекстуальный фактор.

Список литературы

1. Английский рассказ XX века. Сборник 1. На английском языке / Сост. Н.А. Самуэльян. – М.: Менеджер, 2005. – 288 с.
2. Андрианова Е. К. Модальность сложноподчиненного предложения в современном английском языке: Автореф. Дисс. Канд. филол.наук / Е. К. Андрианова. – Л., 1966. – 22 с.
3. Курлянд Э. Е., Трунова О. В. Модальность предложения и модальность текста / Э. Е. Курлянд, О. В. Трунова // Уровни лингвистического анализа в синхронии и диахронии. – Л., 1986. – С. 75 – 84.
4. Макарова Н. П. Поле модальности и его разноязычные средства: (На материале совр. англ. яз.) / Н. П. Макарова. – Морд.гос.ун-т им. Н. Г. Огарева. – Саранск, 1987. – 14 с.
5. Нагорный И. А. Выражение предикативности в предложениях с модально-персуазивными частями: Автореферат диссертации доктора филол. наук / И. А. Нагорный – М., 1999. – 37 с.
6. Ракова К. И. Типы полипредикативных предложений с сочетанием гипотаксиса и паратаксиса / К. И. Ракова «Научная мысль Кавказа», Научный и общественно-теоретический журнал, приложение № 10 (64) 2004 г. Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы – С. 128 – 138.
7. Jerome K. Jerome. Three Men in a Boat. / Jerome K. Jerome – Moscow, "Manager", 2001. – Pp. 288.
8. Lewis K. S. Chronicles of Narnia: The Dawn Threader / K. S. Lewis – Moscow, Iris-Press, 2003. – Pp. 352.
9. Palmer F. R. Mood and Modality / F. R. Palmer / Cambridge: Cambridge University Press. 1986.

MODAL PERSPECTIVE OF THE MULTIPLE COMPOUND-COMPLEX SENTENCE

I. O. Eschenko
K. O. Rakova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Eschenko@bsu.edu.ru
Xenia57@mail.ru*

The present paper deals with the peculiarities of modality in the multiple compound-complex sentences. Different kinds of full modal perspective and their characteristics depending on the type of the multiple compound-complex sentence are analysed in the article, their forming conditions defined.

Key words: multiple compound-complex sentences, real modal plan, full modal perspective, performative verbs.

УДК 808.2-318+802.0-318

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В ДИАТОПИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ¹

А. Н. Лангнер
Э. А. Бочарова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
langner@bsu.edu.ru*

В работе рассмотрено понятие регионального варианта французского языка в лингвистической науке, представлены основные характеристики и особенности диатопических вариантов французской идиомы, описана история формирования современного французского языка.

Ключевые слова: французский язык, диалект, региональный вариант, территориальный вариант, диатопический вариант, языковая ситуация, архаизм, диалектизм, неологизм, заимствование, калькирование.

Определение понятия «региональный вариант французского языка»

Понятие регионального варианта французского языка вошло в лингвистическую науку во время, когда французские языковеды стали описывать диатопическую вариативность французской идиомы в синхронических срезах. Впервые к исследованию регионального варьирования французского языка обратились во Франции в 1960-х гг. прошлого века. Французские лингвисты пытались выявить главные особенности формирования языковых явлений французского языка в определенном регионе французского государства, а также проследить их функционирование в разные временные отрезки.

По мнению австрийского лингвиста В. Pöll, «... по различным причинам кажется, что используемый в английской и немецкой литературе термин «диалект» (от англ. *dialect* – «диалект» и нем. *Dialekt* – «диалект») не соответствует описанию языковой ситуации, которая сложилась на сегодняшний момент во Франции» [6, с. 25].

Действительно, диатопические варианты французского языка, которые мы наблюдаем на юге Франции или в Бельгии и Швейцарии, представляют собой продукт контакта французского языка со своими историческими диалектами или языками, традиционно именуемыми в лингвистической науке как миноритарные и региональные (фламандский, немецкий / эльзасский, каталанский, корсиканский, бретонский, баскский, окситанский / (ново)провансальский).

Из истории французского языка известно, что прародитель современного общепроанцузского варианта или, как его еще называют в лингвистике, франсийский диалект, начал свою экспансию в другие территории Франции в XII веке. Он удивительно быстро одержал победу над всеми другими галлороманскими языковыми вариантами, которые были образованы на основе народной латыни. «Вживание» франсийской языковой формы проводилось исключительно по политическим мотивам. Данный вариант использовался при дворе короля, начиная с середины XII века. Стабильность монархического правления позволила парижскому диалекту, не имевшему с культурной точки зрения никакой ценности, возвыситься среди других диалектов с богатым уже к тому времени литературным наследием, которое, кстати, могло послужить отличной основой для формирования национального языка Франции (например, нормандский, пикардский или шампанский диалекты).

Борьба франсийского варианта со всеми другими языковыми формами вульгарной латыни явилась причиной образования региональных вариантов французского языка. Процесс, приведший к образованию региональных вариантов французского языка, в целом обладает рядом схожих черт, что и романизация, которой в свое время

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации (МК-1891.2012.6, Сопоставительный анализ региональных и территориальных вариантов французского языка Франции и Африки).

подвернулись территории современной Франции. Как отмечает немецкий лингвист V. Muller, «... большинство региональных вариантов французского языка появилось только благодаря экспансии общего [парижского] языкового варианта в зоны распространения диалектных форм, а также этнических языков. В процессе своего наступления на территории проживания людей франсийский вариант вбирал в себя многие фонетические, морфологические, синтаксические особенности своих диалектов или местных языков. В результате всех этих заимствований был создан дополнительный языковой уровень между региональными диалектами, на которых говорили местные жители, и общим французским вариантом, на котором они хотели говорить. Языки, таким образом, [...] выполняли функцию субстрата. Однако их нельзя сравнивать со старыми субстратными языковыми формами, существовавшими в определенный период истории Франции [...], потому что оболочка общего [парижского] французского языка подверглась незначительным изменениям [...]. Это было естественно, потому что шло формирование регионального промежуточного уровня языка» [4, с. 158].

С течением времени, как мы полагаем, региональный промежуточный уровень франсийского диалекта привел к ослаблению позиций других диалектов, употребляемых местными жителями. Исключение составляет валлонский вариант, который до сих пор оказывает исключительное сопротивление парижскому варианту. Однако уже есть определенные сдвиги и скоро будут видны результаты этого противостояния.

Следует заметить, что описанный процесс формирования регионального промежуточного языкового уровня не может быть применимым ко всем диалектическим вариациям французского языка. Например, изменения французского языка Субсахарской Африки и Канады вызваны совершенно иными причинами:

а) ситуация в Африке субсахарского региона отличается тем, что языковая суперпозиция (преобладание одного языка над другим), возникающая в обществе, постоянно изменяется, т.е. происходит смена главенствующей роли одного языка над другим или другими (исключительная ситуация – использование французского языка как второго языка). Что касается самой Франции, то здесь положению этнических языков ничего не угрожает.

б) формирование канадского варианта французского языка также имеет свои отличительные черты: возникающая языковая вариативность объясняется экспортом с территории Франции различных диалектов, в особенности, из центральных, западных и северо-западных регионов, которые еще по пока невыясненным причинам, стали основой образования койне.

Как показывают наблюдения, чтобы изучить процесс формирования одного варианта французского языка, необходимо учитывать возможное влияние соседствующих языков, а также возникающие культурные и торгово-экономические контакты между людьми.

По мнению немецкого лингвиста L. Wolf, «... особенности диалектической вариативности любого койне или общего языка (в том числе и французского) отчетливо прослеживаются в его устной форме» [12, с. 171]. Французский языковед G. Tuailon полагает, что «... региональный вариант представляет собой единое целое геолингвистических вариантов французского языка» [10, с. 8]. Он относит все неизвестное и необъяснимое в общепольском варианте французского языка к геолингвистическим вариантам французского языка. По его мнению, не существует региональных вариантов, речь только может идти об отдельных особенностях французского языка в том или ином регионе Франции. В своей работе «Размышления о региональном французском языке» G. Tuailon (1983) высказывает мнение о том, что французский язык нельзя рассматривать как отдельную систему, которая не связана с целой частью, т.е. французским языком в общем.

По словам лингвиста L. Warnant, вне зависимости от территории распространения главными признаками любого регионального варианта французского языка выступают как устная форма, так и следующие характерные черты:

- 1) маргинальность, потому что языковая вариативность встречается больше всего на периферии французского лингвистического пространства,
- 2) провинциальность, потому что варианты не привносят ничего качественно нового в систему общей языковой формы,
- 3) региональность, потому что диалекты служат средством региональной принадлежности человека [11, с. 116].

При употреблении прилагательного «провинциальный» по отношению к региональным вариантам французского языка требуется сделать некоторые уточнения. Как полагает L. Warnant, новообразования во французском языке провинциального происхождения в редких случаях способствуют обогащению общего варианта языка. Так, изменения в области фонетики и лексики, которыми сегодня оказываются богаты региональные варианты, абсолютно не имеют никакого значения для установленной литературной нормы общезападного варианта. Очевидно также, что большинство региональных изменений одного варианта чаще всего отвергаются региональными вариантами других территорий. Причиной этому служит наличие аналогичных изменений или наоборот отсутствие языковой необходимости в использовании данных изменений.

При формальной устной коммуникации и, в особенности, в письменной речи, диалектные черты менее всего оказываются заметными для общей массы людей. По крайней мере, это касается франкофонов европейского пространства, которые при обучении вынуждены следовать установленному стандарту французского языка и избегать всевозможных отклонений.

Функционирование региональных литературных произведений и текстов местного назначения, в которых использование регионализмов подчинено эстетическим нормам, практически всегда ограничивается только определенным регионом. На других территориях их просто не воспринимают и относятся как к чужеродному материалу, который не стоит брать в руки и, тем более, читать.

В настоящее время особенности региональных вариантов французского языка многие франкофоны, руководствуясь грамматическими нормами, относят к существующей устной форме речи. Такая интерпретация может привести собеседников из разных регионов к провалу в коммуникации, так как адресант и адресат оказываются не в состоянии отвечать взаимным ожиданиям, им просто не удастся правильно соблюсти логику коммуникативного акта. Данная ситуация вписывается в типичную ситуацию диглоссии и способна привести к возникновению языковой неуверенности (опасности), т. е. боязни лингвистического общения. Данный термин был введен американским социолингвистом В. Лабовым. Его мысль развил Р. Swiggers, который определил языковую неуверенность как «чувство единичной или двойной социальной изолированности» [9, с. 23]. Суть единичной социальной изолированности состоит в том, что для одного из коммуникантов модель коммуникации оказывается чужой. Смысл второй социальной изолированности заключается в том, что собеседники становятся непонятными друг другу, и у них появляется желание исключить из разговора элементы своего варианта, вызывающие частичное или полное непонимание.

В результате возникновения такой ситуации у собеседников можно наблюдать применение различных компенсационных коммуникативных стратегий, которые чаще всего заставляют отказываться от собственного языкового варианта.

Чувство языковой неуверенности (опасности) рождается в случае признания собеседниками языковых отклонений и искажений в сравнении с вариантами, которыми они владеют. Многие черты региональных вариантов французского языка не уживаются в сознании носителей, поэтому у них появляется огромное желание унифицировать все варианты в глобальном масштабе, привести их в соответствие одному эталону – «стандартному французскому языку», «парижскому французскому языку» и т. д.

Если в течение многих столетий понятие регионального варианта расценивалось пуристами как позорное клеймо, от которого необходимо было избавиться, то теперь отмечается, что за последние 30 лет чувство языковой независимости и уникаль-

ности стало заметно сильнее. Искажения и отклонения, которые составляют самобытность диалектических вариантов, приобретают особое звучание и расцениваются как языковой символ малой родины.

Новая интерпретация понятия «региональный вариант французского языка»

Первая попытка изменения существовавшего понимания понятия «региональный вариант французского языка» наметилась в 1972 г., когда вышел «Словарь живого французского языка» («Dictionnaire du français vivant») под редакцией М. Davau, М. Cohen и М. Lallemand. Данная работа была проведена в форме переписи населения и зафиксировала языковые особенности Канады, Бельгии и Швейцарии. Несмотря на то, что использованный метод лексикографов критиковался многими лингвистами из разных областей лингвистической науки, проведенное мероприятие ознаменовало начало всестороннего изучения диалектических особенностей французского языка и их отражение в больших толковых словарях. Начиная с 1970-х гг. прошлого века, наиболее авторитетные словари (Robert, Larousse, TLF и др.) отводят особое место лексике диалектического происхождения. При составлении словарных статей обязательно ведется работа с лингвистами из региона или территории распространения исследуемого варианта французского языка.

Дискуссии по переоценке смыслового наполнения термина «региональный вариант французского языка» все время находится в соприкосновении с такими терминами как: «полиномия», «плюрицентрическая лингвистическая культура» и «плюрицентризм». Термин «полиномия» был разработан Ж.-В. Marcellesi в 1984 г. в исследованиях корсиканского варианта французского языка. Для разных регионов Франции во многих ситуациях данный термин оказывается более чем актуальным, потому что региональный и стандартный варианты французского языка сосуществуют и не мешают друг другу. Никакой четкой иерархии между используемыми вариантами нет, опорными считаются нормы всех языковых форм.

Одной из главных причин современной легитимации региональных вариантов французского языка служит признание того факта, что региональные лексические и фонетические особенности встречаются не только в определенном ограниченном регионе, а напротив – территориях, которые исторически связаны между собой и которые находятся под покровительством определенных национальных структур (например, Французское сообщество Бельгии и Канады). Однако данное замечание не относится к терминам, обозначающим конкретные реалии регионов и территорий (термины фауны, флоры, учреждений, гастрономии и т. д.). Целесообразнее всего говорить о национальных вариантах или просто вариантах французского языка, если это Бельгия и Квебек. В. Röhl предлагает для похожих ситуаций применять термин «территориальный французский язык» [7, с. 170]. Мы разделяем позицию данного лингвиста, но необходимо отметить, что речь идет всегда о вариантах французского языка. В связи с этим, на наш взгляд, лучше употреблять термин «территориальный вариант французского языка».

Наряду с вышеуказанным термином в лингвистической науке логичным видится использование термины «региональный французский язык», «региональный вариант французского языка», который по своей семантике восходит к слову «регион» [5, с. 152]. Например, Юг Франции или Бретань вполне могут быть определены как регионы Франции, а варианты французского языка, которые в них используются, называть региональными. К сожалению, применение данного термина едва ли правомерно по отношению к французской Швейцарии, странам Субсахарской Африки или провинции Квебек в Канаде. Их варианты целесообразнее именовать территориальными, о чем было сказано выше.

В целом переоценка значения диалектических вариантов французского языка способствует одновременно развитию собственных языковых норм стандартного ва-

рианта, а также образованию континуума социальной и стилистической вариации, причем ситуация французского языка Франции не рассматривается в качестве эталона. Сегодня в мире прослеживается тенденция, согласно которой сотни сообществ франкофонии все меньше и меньше ориентируются на метрополию. На Франкофонном саммите в Дакаре (1989) был поднят вопрос о признании термина «франкополифония», иначе говоря, обсуждался плюрилингвизм в контексте франкофонного пространства [1, с. 357]. Но, к сожалению, французская идиома в своей литературной норме остается невосприимчивой ко всем изменениям, приходящим из территориальных и региональных вариантов. Современная франкофония еще далеко от того состояния, в каком сейчас находятся английский, испанский и португальский языки.

Отметим, что тенденции движения французского языка к плюрицентричности не исключают в будущем возврата к своему первоначальному моноцентричному состоянию.

Описание особенностей диатопических вариантов французского языка

Как и классовые диалекты или стратификационные варианты французского языка (социолекты, языки отдельных групп), географические варианты описываются в тесной связи с общим для территории языком и рассматриваются как стилистически нейтральное языковое образование, которое при определенных условиях в состоянии войти в фонд принятой языковой нормы.

По словам G. Starck, формирование и функционирование региональных и территориальных вариантов французского языка, в общем, характеризуется наличием четырех составляющих: *архаизмов, диалектизмов, новообразований (неологизмов и пр.) и заимствований с калькированием* [8, с. 41 – 43].

Архаизмы.

Несмотря на эволюцию нормы общефранцузского варианта французского языка, региональные варианты сохраняют некоторые архаичные элементы. Например, можно наблюдать следующие рудименты старой языковой формы:

- сохранение придыхательного *h* (используется в Бельгии и Луизиане);
- подмена велярного звука [R] апикальным [r] (характерно для всех канадских франкоязычных территорий);
- избыточное употребление наречия *fin* – «вполне, полностью; совсем» (*fin propre, fin saouïl*) (встречается в Бельгии, франкоязычной Швейцарии, Дофине);
- использование существительных *déjeuner* – «обед» / *dîner* – «ужин» в значении *petit déjeuner* – «легкий утренний завтрак» / *déjeuner* – «обед» (фиксируется в сельской местности в центре Франции, а также в Бельгии и франкоязычной Швейцарии).

Диалектизмы.

– В региональных и территориальных вариантах французского языка присутствуют диалектные фонетические, морфосинтаксические и лексические формы, которых нет в стандартном варианте:

- частое употребление формы прошедшего заверченного времени *Passé Simple* (замечено в региональных вариантах Юга Франции и Эльзаса);
- образование формы ближайшего будущего времени *Futur Proche* при помощи вспомогательного глагола *vouloir* вместо глагола *aller* (встречается во франкоязычной Швейцарии);
- использование глагола *être* вместо глагола *avoir* в качестве вспомогательного элемента для образования сложной формы прошедшего заверченного времени *Passé Composé* глагола *être* – «быть, существовать» (*j'ai été* → *je suis été*) (распространено в Бургундии);
- употребление адвербиального местоимения *y* вместо нейтрального местоимения *le*, заменяющего прямое дополнение (характерно для центральных и восточных регионов Франции).

Новообразования (неологизмы).

В диатопических вариантах французского языка происходят эволюционные изменения, которые с точки зрения общепринятой нормы трудно объяснить:

- создание новой лексики, характерной только для некоторых регионов и территорий: *débourdonneuse* → *décavaillonneuse* – «плуг для обработки виноградников» (Дофине), *landage* → *broussaille* – «густой кустарник» (Нормандия), *ardoiser* → *couvreur* – «кровельщик» (Бельгия);

- образование формы женского рода существительных: *auteur* – «автор» → *auteure* – «женщина-автор» (вместо стандартной формы *femme auteur* – «женщина-автор»), *écrivain* – «писатель» → *écrivaine* – «писательница» (вместо стандартной формы *femme écrivain* – «писательница») (Квебек);

- использование словообразовательных средств общепольской нормы для создания новой лексики: *ramasser* – «собирать» → *ramassoire* – «пылесос» (франкоязычная Швейцария), *essence* – «бензин» → *essencerie* – «заправочная станция» (Сенегал).

Займствования и калькирование.

Для региональных и территориальных вариантов французского языка характерно заимствование и калькирование некоторых элементов других языков, с которыми они контактируют:

- *drache* – «ливень» (вместо стандартной формы *plui battante / averse torrentielle* – «ливень») – заимствование из фламандского языка (Бельгия);

- препозиционное употребление прилагательных по модели английского языка (без придания дополнительной стилистической окраски): *un réputé ingénieur* – «опытный инженер» (вместо стандартного варианта *un ingénieur réputé* – «опытный инженер»), *le controversé débat* – «спорные дебаты» (вместо стандартного варианта *le débat controversé* – «спорные дебаты»);

- заимствование из эльзасского диалекта существительного *quiche* – «пирог, запеканка», которое впоследствии вошло в общепольскую лексику.

Вышеописанные составляющие в каждом из исследуемых вариантов французского языка (региональных или территориальных – диатопических) проявляют себя по-разному. Например, препозиционное употребление прилагательных в территориальных вариантах объясняется следующим образом: в Канаде изменение места положения прилагательного объясняется влиянием грамматического строя английского языка, который находится в положении адстрата; в Бельгийском королевстве данный феномен вызван влиянием целого ряда адстратов – фламандских диалектов – и одного субстрата – пикардского диалекта. Следует заметить, что бельгийская языковая ситуация усложняется еще и тем, что субстратный пикардский диалект сам испытывает воздействие фламандских диалектов. Таким образом, получается, что мы имеем дело с прямым и опосредованным влиянием фламандских диалектов на французский язык данной территории.

Последний пример показывает некоторую несостоятельность выдвинутой гипотезы G. Starka, поэтому J.-В. Martin сомневается в правомерности употребления категорий «архаизм» и «диалектизм» по отношению к региональным и территориальным вариантам французского языка, потому что последние выступают маркерами местных наречий или говоров [3, с. 63].

История развития французского языка, его вариантов демонстрирует, что архаическими языковыми явлениями можно считать препозиционное употребление прилагательных в Бельгии, равно как и избыточное использование формы прошедшего совершенного времени *Passé Simple* в региональных вариантах Юга Франции.

Чтобы четко разбираться в том, что является характерной чертой и признаком регионального или территориального варианта французского языка, необходимо иметь подтверждение того, что выявленный языковой феномен не входит в обновленную норму общепольского варианта. Только подробный анализ лингвистических карт, при условии целесообразности его применения, способен выявить региональную

и/или территориальную принадлежность языкового явления, объяснить причину его возникновения. Конечно, не стоит ограничиваться только данным видом анализа, потому что он может давать определенные сбои. По мнению французских лингвистов, следует сочетать анализ лингвистических карт с этимологическим исследованием, при котором возможно сделать синхронические срезы различных эпох.

Диалектизм и новообразование (например, неологизм), как полагает В. Röhl, представляют собой две взаимоисключающие категории. Их трудно распознать, потому что созданное языковое явление в субстрате диалекта становится новообразованием системы общепользуемого варианта французского языка [6, с. 35].

Приведенные замечания относительно четырех составляющих, о которых писал G. Starck, подсказывают, что выделение характерных черт того или иного диалектического варианта французского языка должно проводиться обязательно с учетом фонетических, фонологических, лексических, морфосинтаксических и синтаксических особенностей. К этому списку следует добавить исследование лингвокультурологической составляющей, т. е. описание национально-культурной специфики, так как оно позволяет исследователю определить и, что самое главное, понять существующие линии развития французского языка в рамках единого франкоязычного мира.

Подводя итог, следует отметить, что сегодня, когда франкоязычный мир существует как единая система, целостность которой обеспечивается как самим фактом исторического формирования, так и тем, что варианты, ее составляющие, находятся в постоянном контакте между собой, требуется систематизация всех имеющихся на данный момент теоретических и практических знаний и взглядов по вариативности французского языка. Сопоставление в исследованиях фонетических, фонологических, лексико-семантических, морфологических, синтаксических и лингвокультурологических особенностей вариантов французского языка в диалектическом контексте может помочь лучше понять новые формы процессов, связанных с глобальным развитием французского языка, культуры и других атрибутов франкофонного общества.

Будучи самобытными образованиями, региональные и территориальные варианты французского языка, как правило, развиваются в тесной связи с общепользуемым вариантом и способствуют его обогащению и обновлению. В то же время сами они испытывают на себе его нормализующее влияние. Дифференциация осуществляется главным образом в рамках общих тенденций развития французского языка и на основе общего материала. Именно данный факт не позволяет французскому языку внутри и за пределами Франции сформироваться в такие формы речи, которые можно было бы уверенно назвать новыми языками.

Отличительной чертой современных проводимых исследований должен быть синтетизм, т.е. сведение в единый корпус региональных и территориальных особенностей французского языка. Использование данного принципа позволит отразить органическое единство как различающихся, так и общих для Франции и франкоязычных стран языковых явлений.

Список литературы

1. Chaudenson R. La typologie des situations de francophonie // Le français dans l'espace francophone. Description linguistique et sociolinguistique de la francophonie. Vol. 1. Paris : Champion. – P. 357 – 369.
2. Davau M., Cohen M., Lallemand M. Dictionnaire du français vivant. – Paris : Bordas, XVI+, 1972. – 1338 p.
3. Martin J.-B. Le français régional. La variation diatopique du français de France. // Le français moderne 65/1, 1997. – P. 55 – 69.
4. Muller B. Le français d'aujourd'hui. – Paris : Klincksieck, 1985. – 302 p.
5. Poirier C. Le français « régional » : méthodologies et terminologies // Français du Canada – Français de France. Actes du colloque de Trèves du 26 au 28 septembre 1985: eds. Niederehe H.-J., Wolf L. – Tübingen : Niemeyer (Canadiana Romanica 1). – P. 139 – 176.

6. Pöll B. Francophonies périphériques : Histoire, statut et profil des principales variétés du français hors de France. – Paris : L'Harmattan, 2001. – 236 p.
7. Pöll B. Le français ou les français ? La difficile naissance de la pluricentricité // *Lengas* 43, 1998. – P. 163 – 182.
8. Starka G. Les français régionaux : exposé général // Actes du colloque « Les français régionaux ». – Québec. – P. 31 – 45.
9. Swiggers P. L'insécurité linguistique : du complexe (problématique) à la complexité du problème // *Cahiers de l'Institut de Linguistique de Louvain* 19, 3-4, 1993. – P. 19 – 29.
10. Tuaille G. Réflexions sur le français régional // *TraLiLi* 15, 1977. – N° 1. – P. 7 – 29.
11. Warnant L. Dialectes du français et français régionaux // *Langue française* 18, 1973. – C. 100 – 125.
12. Wolf L. Le français régional. Essai de définition // *TraLiLi* 10, 1972. – N° 1. – P. 171 – 177.

THE FRENCH LANGUAGE WITHIN THE CONTEXT OF DIATOPIC VARIATION

A. Langner
E. Bocharova

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
langner@bsu.edu.ru

The article studies the notion of the regional variant of the French language in Linguistics, presents the main characteristics of diatopic variants of French idioms and their distinctive features, and describes the history of formation of the contemporary French language.

Key words: French language, dialect, regional variant, territorial variant, diatopic variant, state of language, obsolete word, dialecticism, neologism, loanword, calquing.

УДК 811.111

КЛАССИФИКАЦИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ПРЕДЛОГОМ «WITH»: ТРАНСФОРМАЦИОННО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

О. А. Маркова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет (филиал),
г. Старый Оскол*

*e-mail:
Markovaz86@yandex.ru*

В статье освещаются вопросы употребительности предлогов в зависимости от широты их семантики. Возможность синтаксических трансформаций предложных конструкций рассматривается в связи с различиями в семантике предлога. Статья содержит сравнительный анализ конструкций с предлогом «with», касается вопросов, связанных с разной частотностью употребления данных конструкций, затрагивает особенности функционирования модели «with NX» в определенных семантических типах контекста.

Ключевые слова: семантика предлога; предложная конструкция; предложно-именные сочетания; трансформация предложения; структурно-семантический тип конструкции, функционально-обусловленность; семантический тип контекста.

Проблема, связанная с трансформационным потенциалом синтаксических конструкций с предлогом «with» заключается в том, что данный вопрос межъязыковых преобразований вообще и грамматических в частности продолжает оставаться актуальным. К тому же, семантическая роль предлога очень велика, так как он сообщает отдельному словосочетанию (а через него часто и всему предложению) свое значение, которое конкретизирует и обогащает отношения «знаменательных» слов между собой. Внимание ученых привлекают вопросы, касающиеся содержания и характера семантики предлогов.

Отметим тот факт, что предлоги английского языка являются словами, которые не только указывают на наличие известных отношений между «знаменательными» словами в предложении, но при помощи своих значений раскрывают и уточняют содержание и характер этих отношений.

Указанные выше содержание и характер семантики предлогов чрезвычайно разнообразны. Например, в предложении – *she worked with diligence* – предлог with устанавливает подчинение обстоятельств сказуемым; а в предложении – *Don't be angry with me* – налицо предложное дополнение.

Выделим три основных подхода к анализу семантики предлогов – функционально-стилистический, ассоциативно-семантический и семантико-контекстуальный.

Первый подход реализован в работах Т. Е. Коноваловой. В результате исследования, проведенного ею, было выявлено то, что употребительность предлогов частично зависит от широты их семантики. Рассмотрены случаи, когда функционально-стилистическая обусловленность оказывается более важным фактором, чем число отношений, которые предлог может передавать. Например, предлог with имеет 5 обстоятельственных значений и по частотности употребления в художественной литературе занимает второе место. Функционально-стилистическая обусловленность проявляется не только в частотности употребления предлогов, но и в том, какое количество возможных значений реализуется в тексте. Число значений, свойственных широко-значным предлогам, колеблется от 3 до 33 в русском языке и от 3 до 19 в английском языке [10, с. 42 – 43].

Например, в англо-русском словаре Мюллера В. К. предлог with имеет семь значений:

1) указывает на связь, совместность, согласованность во взглядах, пропорциональность с; *he came with his brother* – он пришел вместе с братом; *to deal with somebody* – иметь дело с кем-либо; *to grow wiser with age* – становится умнее с годами и др.;

2) указывает на предмет действия или орудие, с помощью которого совершает-

ся действие; передается творительным падежом: *to adorn with flowers* – украшать цветами; *to cut with a knife* – резать ножом;

3) указывает на наличие чего-либо, характерный признак: *with no hat on* – без шляпы; *with blue eyes* – с голубыми глазами;

4) указывает на обстоятельства, сопутствующие действию: *with care* – с осторожностью; *with thanks* – с благодарностью;

5) указывает на причину от, из-за; *to die with pneumonia* – умереть от воспаления легких; *her flat was gay with flowers* – цветы оживляли ее квартиру;

6) указывает на лицо, по отношению к которому совершается действие у, касательно, с (о); *it is holiday time with us* – у нас каникулы; *things are different with me* – со мной дело обстоит иначе; *to be honest with oneself* – быть честным перед самим собой; *be patient with them* – проявите терпение по отношению к ним;

7) несмотря на; *with all his gifts he failed* – несмотря на все свои таланты, он не имел успеха.

Как известно, очень многие предлоги обладают яркой лексической семантикой. Рассматриваемый нами предлог *with* относится к категории грамматических предлогов (прежние падежные отношения) – *she writes with her left hand*.

Следует отметить, что не все предлоги были использованы для передачи прежних падежных отношений и далеко не все указывают на синтаксическое подчинение (дополнение, определение, обстоятельство). Однако предлог *with*, наряду с предлогами *of*, *to*, *by*, сильно грамматизировался.

В основе второго подхода лежит концепция С.Т. Болтуновой, которая в своей работе подчеркивает тот факт, что данный предлог является средством выражения ассоциативной связи. Предлагаются для рассмотрения случаи, когда предлог *with* выражает основную, неосложненную каузальную связь: ... *it bursts with over-repletion and dies from actual nourishment*; ... *and protoplasm is of the type known as an emulsoid colloidal solution in which the suspended particles are swollen with water*. Также, приводятся примеры трансформаций, при которых именной член с предлогом *with* допускает трансформацию во временное, условное и причинное придаточное предложение. Например: трансформация предложения (1): *the rate of enzyme synthesis increases when (if, because) the concentration of inducer increases*.

Трансформация предложения (2): *sea water under natural conditions always expands when (if, because) temperature increases*.

Трансформация предложения (3): *the wind-driven circulation gradually vanishes when (if, because) depth increases*.

Трансформация предложения (4): *When (if, because) the first meiotic metaphase sets in the nuclear membrane disappears...*

Трансформация предложения (5): *When (if, because) salinity increases the temperature of the density maximum of sea water decreases*.

В этом исследовании кроме глаголов со значением изменения, возникновения, исчезновения в словосочетаниях с предлогом *with* обнаружены также глаголы, обозначающие определенные физические, химические или биологические процессы, становление которых вызвано определенными факторами, например: 1) *With very rapid freezing salts and brine may even accumulate at the surface of fast ice* (Princ., p. 83); 2) *With more illumination, the vesicles line up and then fuse to form a few thylakoids* (Dow., p. 37); 3) *On the other hand, with the ingestion of blood the gut contents and the body wall becomes rapidly distended to a remarkable degree* (Arth., p. 1968).

Принципиально новые решения проблемы дает тот факт, что предложно-именные сочетания в этих предложениях также допускают интерпретацию через придаточные предложения времени, условия, причины, что подтверждается посредством следующих трансформаций:

Трансформация предложения (1): *When (if, because) very rapid freezing takes place salts and brine may even accumulate at the surface of fast ice*.

Трансформация предложения (2): *When (if, because) there is more illumination, the vesicles line up and then fuse to form a thylakoids.*

Трансформация предложения (3): *On the other hand, when (if, because) blood is ingested the gut contents and the body wall becomes rapidly distended to a remarkable degree.* Автор статьи приходит к следующему выводу – специфика выражения причинно-следственных отношений предлогом *with* заключается в том, что он в большинстве случаев выражает причинность в синкретизме с отношениями обусловленности, одновременности [3, с. 112 – 114].

Третий подход связан с рассмотрением вопроса, касающегося функционирования модели «with NX» в определенных семантических типах контекста. Здесь уместно обратить внимание на то, что интерес к данной модели связан с тем, что её статус, несмотря на довольно большое число исследований, не нашел еще адекватного описания в лингвистической литературе. В нормативных грамматиках и в имеющихся специальных исследованиях конструкция *with NX* отождествляется с так называемым абсолютным оборотом, компоненты которого выражают отношение деятель-действие, т.е. предикативное по содержанию отношение. При подобной трактовке предложной конструкции принимаются во внимание лишь смысловые отношения её компонентов, характер же грамматических связей конструкции (формула строения) остается невыясненной [2, с. 10 – 16].

Следует подчеркнуть, что для определения внутренней структуры конструкции, а также выявления закономерностей ее появления и функционирования в речи необходимо выяснить причины взаимозависимости компонентов конструкции, что возможно при учете не только грамматических, но и лексических значений элементов сочетания, а также степени их коммуникативной значимости.

Наряду с этим необходимо отметить следующее – учет всех этих факторов позволил Л.Н. Бескровной выделить 28 структурно-семантических типов конструкции, определяемых классом слов, выступающих в качестве второго компонента конструкции (а именно: I – with NpN, II – with Nven, III – with Nving, IV – with NA, V- with ND, VI – with N to V, VII – with N (as/for)N), и лексико-грамматическим разрядом существительного (Npers; Nobj; Npart; Nabstr). В результате работы с текстами художественной литературы на английском языке был получен материал, представленный в виде таблицы и, анализ которого позволил заключить, что у предлога «with» больше лексического значения, чем грамматического. Также, собственные наблюдения показали, что уровень десемантизации сравнительно низок у данного предлога.

Таблица

Уровни десемантизации предлога «with»

with +noun	with +pronoun	with +adjective noun	fixed expressions with “with”
1) <i>tried to lure it to her with smiles and gestures;</i> 2) <i>she could think of him now with indifference;</i> 3) <i>they leaped into the air with joy;</i> 4) <i>and yet it fills me with elation;</i> 5) <i>the words seemed to issue from his lips with difficulty;</i> 6) <i>He wrote a cheque with a fountain-pen</i>	1) <i>with their stiff black hair;</i> 2) <i>to keep her with us;</i> 3) <i>she covered her face with her hands;</i> 4) <i>with his beautiful politeness;</i> 5) <i>with his malicious little smile;</i> 6) <i>this little bald-headed man with his monkey face should have aroused in the alien woman so devastating a passion;</i>	1) <i>an idiot with a huge hydrocephalic head;</i> 2) <i>with an idiot perversity;</i> 3) <i>it was her habit to look on with an indulgent smile;</i> 4) <i>with a solemn emptiness;</i> 5) <i>Kitty looked at her with staring, harassed eyes;</i> 6) <i>The Mother Superior, still holding Kit-</i>	1) <i>What is wrong with his morals?;</i> 2) <i>The girl fell violently in love with him;</i> 3) <i>I’ve got to put up with her for the rest of my life;</i> 4) <i>she was seized with terror;</i> 5) <i>it was breath of her life to keep up with the phrases of the day;</i> 6) <i>I’m in love with that boy;</i> 7) <i>in connection with these trusts;</i>

<p><i>heavily chased with gold;</i> 7) <i>Could fear go with a smile?;</i> 8) <i>It filled him with a sort of remorse;</i> 9) <i>“Then it was serious”, said Jon with a catch in his breath;</i> 10) <i>That «small» emotion, love, grows amazingly when threatened with extinction;</i> 11) <i>«Only water-colour», said Jon with honesty;</i> 12) <i>Soames, coming up to the city, with the intention of calling in at Green Street at the end of his day.....;</i> 13) <i>... in the matter your lady is carrying on with a foreigner;</i> 14) <i>with a glance at Boris Strumolowski....</i> 15) <i>She said with a sort of disgust;</i> 16) <i>«He can't even love with conviction»;</i> 17) <i>She could see that he was seething with feelings he wanted to express, but she didn't mean to help him;</i> 18) <i>Her mother answered with a shrug of her shoulders.</i></p>	<p>7) <i>Finally, to Jack Cardigan, with his shining stare;</i> 8) <i>He was like a man uninsured with his ship at sea;</i> 9) <i>she stood with her arm akimbo and her dreamy eyes looking past him;</i> 10) <i>Only with his mother had he, up till then, been absolutely frank and natural;</i> 11) <i>Jon answered with his kiss;</i> 12) <i>those two with its faint rustle;</i> 13) <i>to leave her alone with them was strange;</i> 14) <i>Off with their heads, they say...</i> 15) <i>She went up with her head whirling...;</i> 16) <i>She would be sympathetic with their love;</i> 17) <i>It will rest with her a long time, I hope...</i> 18) <i>with that chap, for all he knew – she was a young woman!</i> 19) <i>... tracing a pattern with his finger on the dusty surface of a little rustic table;</i> 20) <i>She was leaning back..., with her knees crossed.</i></p>	<p><i>ty's hand, smiled with soft tenderness;</i> 7) <i>The two nuns looked at her with tender interest;</i> 8) <i>the unexpected knowledge that she was with child had overwhelmed her with strange hopes and unforeseen desires;</i> 9) <i>He made no compromise with the public taste;</i> 10) <i>A blackbird broke in on his reverie with an evening song;</i> 11) <i>The dog came slowly with a grudging tail;</i> 12) <i>he looked up, with adoring eyes;</i> 13) <i>Jolyon took her hand, and said with a wry smile: «Ah! Why on earth are we born young?»;</i> 14) <i>with a good-natured obtuseness;</i> 15) <i>He was in full fig, with a white waistcoat and a white flower in his buttonhole;</i> 16) <i>She accepted the remark with considerable relief;</i> 17) <i>with countless pigeonholes;</i> 18) <i>It's these people with fixed ideas who are the danger;</i> 19) <i>Impressed with the queer charity of that thought, he entered the summer-house and sat down.</i></p>	<p>8) <i>How deal with it!</i></p>
---	---	---	------------------------------------

Исходя из данных таблицы, мы можем сделать вывод о том, что наиболее часто встречаются конструкции – «with + pronoun», «with + noun» и «with + adjective». В основном, они имеют либо прямое лексическое («Only water-colour», said Jon with honesty; an idiot with a huge hydrocephalic head), либо грамматическое значение (He wrote a cheque with a fountain-pen heavily chased with gold.). Отметим и то, что конструкции, относящиеся к устойчивым выражениям с предлогом «with» встречаются реже. Разная

частотность употребления данных конструкций напрямую зависит от контекста, авторского стиля изложения.

Для сравнения рассмотрим особенности употребления предлогов с прилагательными. Конструкция с прилагательным, прилагательное + предложный оборот: некоторые прилагательные употребляются только с одним предлогом, другие — с несколькими, например: *angry at something* — сердитый на что-то, *angry with someone* — сердитый на кого-то, *thankful to somebody for something* — благодарный кому-то за что-то, *responsible to someone for something* — ответственный перед кем-то за что-то, *anxious for news* — желающий узнать новости, *anxious about one's future* — беспокоящийся о своем будущем. Подчеркнем и то, что лучше всего можно усвоить, какие предлоги следует употреблять после каких прилагательных, наблюдая и анализируя их применение в литературе и разговорной речи.

Ниже приводятся примеры употребления различных прилагательных с разными предложными оборотами (ПК 2).

He was angry with her for having broken her promise.

Он рассердился на нее за то, что она не сдержала своего обещания.

Обратим внимание на то, что в качестве определения употребляется также предложный оборот, состоящий из предлога *with* и существительного, при котором нередко бывает определяющее прилагательное. К такому обороту близко по значению сложное прилагательное со значением притяжательности, т. е. обладания каким-то признаком, например: *a girl with curly hair* (= *a curly-haired girl*) — девушка с кудрявыми волосами (кудрявая девушка), *the man with a long nose* (= *the long-nosed man*) — мужчина с длинным носом (длинноносый мужчина), *a baby with fat fingers* (= *a fat-fingered baby*) — ребенок с пухлыми пальчиками, *the boy with (= wearing) glasses* — мальчик в очках (носящий очки), *the man with a white jacket* — мужчина в белой куртке, *a workman with a ladder* — рабочий с лестницей, *the woman with a baby in her arms* — женщина с ребенком на руках.

Следовательно, предложный оборот с *with* может, таким образом, соответствовать причастному обороту, в котором причастие выражает обладание, принадлежность или свойство.

People with (= having, getting) small pensions often find it difficult to make ends meet nowadays. Люди с маленькими пенсиями (имеющие, получающие небольшие пенсии) часто с трудом сводят концы с концами в наше время.

The apple trees we planted three years ago are covered with blossom this year. Яблони, которые мы посадили три года назад, зацвели в этом году.

The explorers were confronted with gorges (that were) almost impassable and rivers (that were) often unfordable. Путешественники натолкнулась на почти непреодолимые ущелья, и на реки, через которые часто невозможно было перебраться. *I must find somebody for you to play tennis with.* Мне надо найти кого-нибудь, с кем вы могли бы играть в теннис.

В английском языке есть много других способов выражения вежливой просьбы.

Will (would) you be so kind (good) as to help me with this luggage?

Не будете ли вы добры (будьте добры, будьте любезны) помочь мне перенести этот багаж!

Perhaps you'd like to help me with this luggage.

Может быть, вы можете мне перенести этот багаж.

They threatened him with death if he did not tell them what he knew.

Они угрожали ему смертью, если он не расскажет им то, что знает

I've come here to have a talk with you.

Я пришел сюда, чтобы поговорить с вами.

В своей статье про глубинную структуру предикации предлога *with*, Дж. Лаккофф обращает внимание на регулярность соответствий между английскими предложениями типа (1.1) и (1.2), имеющих различную синтаксическую структуру, но обозначающих одну и ту же экстралингвистическую ситуацию:

(1.1) Seymour sliced the salami with a knife.

Сеймур нарезал салями ножом.

(1.2) Seymour used a knife to slice the salami.

букв. Сеймур применил для нарезки салями нож.

(1.3) NP1 + V + NP2 + with + NP3

(1.4) NP1 + use + NP3 + to + V + NP2

Схематически поверхностная (синтаксическая) структура этих предложений представлена в (1.3) и (1.4). Лакофф предположил, что глубинная структура у такого рода пар предложений одинакова.

Если смысловой глагол принадлежит к глаголам движения, то выбирается проформа *accompany* «сопровождать»:

(1.5) Harry went to the station with Jim.

Гарри отправился на станцию с Джимом.

(1.6) Jim accompanied Harry to the station.

Джим проводил Гарри до станции.

Если смысловой глагол не принадлежит к глаголам движения, а инструмент является неодушевленным, то выбирается проформа *use* «использовать»:

(1.7) The burglar attacked the man with a hammer.

Взломщик напал на мужчину с молотком.

Наблюдение за функционированием всех типов модели в речи позволило выявить синтаксические связи конструкции с другими элементами предложения, в состав которого она входит, и на основе этих связей выделить типовые модели, отражающие употребление конструкции в речи, т.е. те словосочетания и типы контекста, в которые конструкция входит в качестве зависимого члена.

Всего нами было выделено шесть основных типовых моделей (ТМ). Это глагольные словосочетания типа *to walk with one's head held up* (ТМ 1), адъективные словосочетания типа *a sky pale with rage below and black with rage above* (ТМ 2), субстантивные словосочетания типа *a river with naked children splashing in it* (ТМ 4, 5), конструкции, включающие именное или модальное сказуемое типа *I cannot write with you standing there* (ТМ 3), а также модель, состоящая из конструкции и предложения, законченного в структурном и смысловом отношениях: *So with everybody laughing good-naturedly, I walked over to the piano* (ТМ 6).

Из всего сказанного следует, мы считаем, что именно различные синтаксические трансформации и методика их анализа помогают более точно передать содержание и характер семантики предлога «with» в сочетании с существительным.

Таким образом, можно говорить не только об усилении грамматической функции предлога *with*, но и на расширение его семантики, что отмечается при определенных трансформациях. Соотношение числа структурно-семантических моделей к количеству типовых синтаксических моделей (28 / 6) в целом соответствует общей тенденции естественного языка иметь в своём арсенале ограниченное число грамматических форм при значительно большем количестве семантических типов конструкций.

Список литературы

1. Бескровная Л. Н. Предложно-именные словосочетания типа *with+N+X* в современном английском языке / Л. Н. Бескровная // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / МГПИЯ им. Мориса Тореза. – М., 1974.
2. Бескровная Л. Н. Функционирование модели типа *with NX* в определенных семантических типах контекста / Л. Н. Бескровная // Функционирование языковых единиц в контексте: Сборник / Воронежский гос. университет; Науч. ред. Крымова И. В. – Воронеж, 1982. – С. 10 – 16.
3. Болтунова С. Т. Обозначения причинно-следственных отношений простыми первообразными предлогами в английских научных текстах / С. Т. Болтунова // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты: Сборник научных трудов / АН СССР; Кафедра иностранных языков; Отв. ред. М.Я. Цвиллинг. – М: Наука, 1985. – С. 2 – 114.
4. Бурлакова В. В. К вопросу о лексическом значении предлога / В. В. Бурлакова // Ис-

следования по английской филологии: Сборник / Ленинградский гос. университет им. А. А. Жданова; В.4.– Отв.ред. Иванова И. П.. - Л., 1971.– С. 177 – 186.

5. Васильева Э. П. Системные характеристики синтаксических конструкций с дистанцированным предлогом в современном английском языке / Э. П. Васильева // Системность в реализации языковых единиц различных уровней: Межвузовский сборник научных трудов / Куйбышевский гос. университет, Отв. ред. Харьковская А. А. – Куйбышев, 1987. – С. 69.

6. Власова Ю. Н. Системный характер синонимии в синтаксисе / Ю. Н. Власова // Синтаксис предложения и сверхфразового единства в английском языке: Сборник статей / Ростовский-на-Дону гос. пед. ин-т; Отв. ред. Устименко Г. А. – Ростов-на-Дону, 1978. – В. 2. – С. 21.

7. Горбунова Т. П. Синтаксическая омонимия в современном английском языке (на материале одного типа сочетаний) / Т. П. Горбунова // Ученые записки // 1-ый МГПИЯ им. Мориса Тореза; Отв. ред. Колшанский Г. В. – М., 1964. – Т. 31 – С. 119 – 130.

8. Селигсон П. Другие важные предлоги (1) *by/WITH* // Английский предлоги // П. Селигсон. Сложные грамматические конструкции / К. Синглтон. Русская версия Е. В. Уваровой. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 40 – 41.

9. Ковалева Л.М. Проблемы структурно-семантического анализа простой глагольной конструкции в современном английском языке / Л. М. Ковалева. // Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1987. – 224 с.

10. Коновалова Т. Е. Специфика употребления предлогов с широкой семантикой в разных функциональных стилях / Т. Е. Коновалова // Функционирование языковых единиц: Межвузовский научный сборник / Саратовский гос. университет; Отв. ред. Баранникова Л. И. – Саратов, 1986. – 50 с.

Список источников примеров

1. Maugham W. S. *The Painted Veil* / W. S. Maugham. – М.: Менеджер, 2003.
2. Maugham W. S. *Selected Short Stories* / W. S. Maugham. – М.: Менеджер, 2004.
3. John Galsworthy *To Let* / John Galsworthy. – М.: Менеджер, 2003.
4. Мюллер В. К. Новый англо-русский словарь / Издательство «Русский язык», В. К. Мюллер, В. Л. Дашевская, В. А. Каплан и др. – 9-е изд. – М.: Рус. яз., 2002. – 880 с.

CLASSIFICATION OF ‘WITH’-STRUCTURES: A TRANSFORMATIONAL GRAMMAR APPROACH

O. A. Markova

*Affiliation
of Belgorod State
Research University
at Sary Oskol*

*e-mail:
Markova386@yandex.ru*

The article deals with the usage of prepositions, depending on the amplitude of their semantics. A possibility of syntactical transformations of the prepositional constructions is considered in accordance with the differences in prepositions semantics. The paper contains a comparative analysis of structures with the preposition «with», deals with the questions connected with a different frequency of use of the given structures, especially affecting the peculiarities of functioning of the model «with NX» in certain semantic types of context.

Key words: semantics of a preposition; prepositional construction; preposition-nominal combinations; sentence transformation; structural-semantic type of a construction; functional-stylistic conditionality; semantic type of a context.

УДК 811.133.1

КОНЦЕПТ *ВОДНОЕ ПРОСТРАНСТВО* КАК СИСТЕМНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

А. Л. Медведева
С. А. Моисеева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
stacia08@bk.ru
moisseeva@bsu.edu.ru*

Статья посвящена исследованию содержания и структуры концепта «водное пространство», рассматриваемого как системное ментальное образование, представленное в виде поля. На основе анализа словарных данных описаны макросистемы, определяющие строение и основные когнитивные признаки ментального образования «водное пространство».

Ключевые слова: концепт, поле, вербальная репрезентация концепта, номинация, пространственные признаки.

Изучение языковой картины мира часто выступает как инструмент исследования концептосферы народа, которая складывается вербализованными и невербализованными образами предметов и ситуаций, организующими сущность концептов. Категория концепта распространена в настоящее время в исследованиях, принадлежащим разным наукам, в том числе когнитивной лингвистике. В рамках когнитивного подхода осуществляется рассмотрение процессов концептуализации и категоризации, отражающих особенности объективации и моделирования в системе языка продуктов мыслительной деятельности человека.

Формирование концептов происходит при участии базисных когнитивных категорий – универсальных, базовых концептов, в число которых входят пространство, время, число и др. [5, с. 52]. Окружающая человека природа способствует формированию ассоциативных представлений, на основе которых строится система вербальных обозначений объектов действительности. Как отмечает Л. А. Манерко, «речемыслительная деятельность человека опирается на языковую модель мира и использует хранящиеся в сознании концепты, существующие как синтез наивных и научных представлений о пространстве и времени, переплетённых между собой сложными взаимоотношениями разного типа и закреплённых в языковом знаке...» [4, с. 47].

Актуальность данного исследования связана с неполной изученностью структуры концепта *водное пространство* в аспекте его полевой организации, а также необходимостью систематизации имеющихся данных о содержательной стороне данного концепта. Многие учёные (Л. Г. Бабенко, Н. В. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.) отмечают, что для концепта и для концептосферы характерна полевая структуризация. Полевой подход признаётся одним из наиболее перспективных способов исследования репрезентации и моделирования языковой картины мира при изучении системных отношений языковых единиц.

Поле определяется как «совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединённых общностью содержания и отражающих понятийное, предметное и функциональное сходство обозначаемых явлений» [2, с. 380]. Объектом исследования при полевом подходе могут вступать комплексы средств, являющиеся репрезентантами разных языковых уровней, но выполняющие сходные семантические функции, что позволяет представить их как парадигматические, синтагматические, ассоциативные, а также понятийные, морфосемантические, функционально-семантические и др. виды полей [6, с. 8]. Данная группировка характеризуется системностью, что подразумевает наличие таких фундаментальных его свойств, как «взаимосвязь составляющих его элементов и структурная самостоятельность, преду-

смаатривающая унифицированное толкование слов, относящихся к одной группе на основе единых установленных параметров с учётом знаковой природы языка» [6, с. 9]. Поле, так же, как и его отдельные элементы, не имеет чётких внешних границ. Полевое структурирование позволяет раскрыть диалектические связи между языковыми явлениями и внеязыковой действительностью, механизм которых и их закономерности дают возможность обнаружить особенности языкового сознания [9, с. 7].

Ментальную сферу, связанную с представлениями французского народа о водном пространстве, мы обозначаем как концептуальное поле, под которым понимается ментально и семиотически разработанная область этнокультурного пространства, представляющая собой системное целое, признаки которого формируются через взаимосвязь частей по принципу ядра и периферии [3].

Описание содержания концепта предполагает его полевою стратификацию, то есть вычленение ядра, ближней, дальней и крайней периферии [11, с. 17]. Отметим, что ядро концепта (интенционал) наиболее полно отражено в семантике ключевого слова, его именуемого. Импликационал формирует периферию концепта и представляет собой совокупность признаков, имплективно связанных с интенционалом с разной мерой вероятности [7, с. 54]. Интенционал макроконцепта *водное пространство* образован доминантой *углубление на поверхности Земли, заполненное водой*. В зону ближней периферии содержания концепта *водное пространство*, на наш взгляд, следует включить категории *наличие/отсутствие стока вод, занимаемая площадь, месторасположение, структура*, подразумевающие особенности локализации объекта. Признаки, образующие дальнюю периферию, отражают темпоральный аспект, связанный с постоянным или временным существованием, и когнитивные признаки, объективирующие особенности химического состава воды.

Объектом нашего исследования выступает комплекс средств, вербализующих концепт *водное пространство*. Предметом исследования является анализ этих репрезентаций и моделирование на этой основе состава рассматриваемого концептуального поля. Цель данной статьи – смоделировать соответствующий фрагмент французской языковой картины мира. Материал исследования базируется на данных словарей: «Le Petit Robert» [12], «Larousse» [<http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>], «Trésor de la Langue Française informatisé» [<http://www.cnrtl.fr/definition>], «Dictionnaire des synonymes de la langue française» [13] и «Новый французско-русский словарь» под редакцией В. Г. Гака и К. А. Ганшиной [8].

Вербализованная часть макроконцепта *водное пространство* представлена лексикализациями, участвующими в формировании визуального, тактильного и в некоторых случаях звукового образного компонента. На уровне вербализаций концепта *водное пространство* ключевое слово отсутствует, что позволяет судить о его нечёткой структурированности, однако можно выделить две макроструктуры с идентификаторами *водоём* и *водоток*. Вместе с тем присутствуют понятия, которые не входят и в одну из этих группировок – это самые крупные водные пространства: *océan* 'океан' и *mer* 'море'. Известно, что языковой знак выступает средством доступа к концептуальному знанию, соответственно, языковая номинация раскрывает исследователю концепт как единицу мыслительной деятельности, в связи с чем описание концепта часто производится через анализ средств его языковой объективации.

Итак, ядерными семами, присущими ЛЕ *océan* являются: *большая площадь, большой объём, большая глубина, солёная вода*, дифференциальная сема представлена признаком *'отсутствие чётких границ'*. Отметим, что данная лексема обозначает понятие Мирового океана – *l'Océan (L'Océan infini; l'immensité de l'Océan)*, так и его части – *Océan Atlantique, Indien, Pacifique, Glacial* [TLFi]. У лексем *mer* (f) отмеченный дифференциальный признак является относительным, поскольку в зависимости от географического положения различаются моря внутренние, окраинные и межконтинентальные [1], поэтому концепту *mer* свойственно доминирование в его структуре диспозиционального когнитивного слоя, т.е. совокупности признаков, которые можно счи-

тать возможными, вероятными [11, с. 15]. Так, во французском языке для обозначения внутреннего моря существует лексема *méditerranée* (f) (*les mers méditerranées* – ‘внутренние моря’) [12, с. 1174]. Средиземное море, относящееся к разряду внутренних морей номинируется во французском языке ЛЕ *Méditerranée* (имя нарицательное стало именем собственным), что связано с формированием метафорического образа, создание которого основано на переосмыслении рассматриваемого объекта. Понятие о внутреннем море также вербализовано раздельнооформленными единицами – *mer fermée*, *mer inférieure*, об окраинном – *mer secondaire*, *mer bordière*, о межконтинентальном (межостровном) – *mer intercontinentale*. В следующем фрагменте море метафорически именуется озером, т.е. является внутренним, ограниченным:... *la mer n'est plus qu'un vaste bassin, un lac d'un bleu intense par les beaux temps* (Zola 1971, p. 87).

Отметим, что когнитивный признак *обширное пространство* часто актуализируется в языке при метафорическом употреблении ЛЕ *mer*, например: *A droite et à gauche, des bois épais, des futaies séculaires montent des pentes douces, emplissent l'horizon d'une mer de verdure...* (Zola 1971, p.17). Что касается структурных компонентов, то интерпретационное поле концепта, образный компонент которого формируется представлениями о наиболее крупных водных пространствах, включает в себя признаки энциклопедической зоны: *отсутствие чётких границ* и *наличие полного или частичного ограничения берегами*; признак *большая глубина* образует фрагмент регулятивной зоны в содержании концепта.

Ядерными признаками когнитивной структуры *водоём* как компонента концептуального поля *географическое пространство* являются *естественная впадина, скопление воды на поверхности или в недрах земли*. У французских лексем такие характеристики, составляющие информационное содержание максимально полностью реализуются в следующих словарных дефинициях: 1. *grand bassin*; 2. *le territoire argosé par le fleuve* [12]. Информационный признак *чёткие границы* и *внутреннее положение* свойственны единицам, обозначающим замкнутые водные пространства, они присутствуют в компонентном составе французских ЛЕ: *lac* (m), *loch* (m), *bayou* (m), *chott* (m), *poue* (f). Инвариантной для перечисленных единиц является сема *стоячая вода* – ‘*eau stagnante (dormante)*’ [12], которая связана с восприятием рассматриваемого объекта на основе метафорического переноса, формируя при этом комбинированный, перцептивно-метафорический образ. Имени концепта-домена *lac* соответствует переводной эквивалент ‘озеро’. В нижеприведённом примере актуализируется ядерная сема данной ЛЕ *окружённое сушей*: *Ils étaient sur le bord d'un superbe lac entouré de rochers et de montagnes majestueuses* (Genlis, Chev. Cygne, t. 1, 1795, p. 186) [TLFi].

Лексическая единица *loch* – заимствованное слово, используемое для номинации озёр в Шотландии, имеющих *вытянутую форму* и располагающихся в *углублениях долин*. В Северной Африке, где из-за засушливого климата существует много пересыхающих водоёмов, располагаются солёные озёра, номинируемые ЛЕ арабского происхождения *chott*. К замкнутым водным пространствам относятся также лагуны – ‘*lagune*’ (f). В основе представлений о данном объекте лежат концептуальные признаки *расположение на отмели, окружённость сушей и песчаной косой или баром*, что подтверждается следующим примером описательного характера: *La lagune de Venise, séparée de l'Adriatique par une étroite bande de terre, mesure environ 50 km de longueur sur 10 de largeur* (Q. de Rochemont, Trav. mar., t. 1, 1900, p. 159) [TLFi]. К этой мини-группе мы относим также лексем *bayou* и *poue*, обозначающих старицу, т.е. периодический затопляемый участок земли, участок реки или рукав, отделившийся от её прежнего русла. Единица *bayou*, заимствованная из индийского языка, используется для обозначения старицы в Луизиане (США). Как видим, номинативная плотность французской лексики подгруппы *замкнутое водное пространство* достаточно велика. Семантические компоненты, конкретизирующие значения существительных, вербализующих концепт *замкнутое водное пространство*, соотносятся с признаками энциклопедической зоны его интерпретационного поля и заключаются в характеристиках формы, месторасположения, химического состава воды, происхождения водоёма.

К следующей мини-группе отнесены лексемы *baie* (f), *ria* (f), *lagon* (m). Их информационный компонент складывается из специфических пространственных признаков *сообщение с морем* и *обособленность отрезками берега*. Признаки интерпретационного поля реализуются в разновидностях денотата, так ЛЕ *lagon* обозначает приливную или атоллую лагуну. В «Новом французско-русском словаре» у лексемы *baie* отмечены два переводных русских соответствия: 'бухта' и 'залив' [8, с. 92], что указывает на иное разграничение этих понятие во французском языке. ЛЕ *ria*, заимствованная из испанского языка, переводится перифразами 'длинная узкая бухта' или 'затопленная приморская долина' [8, с. 935], в дефиниции этой лексемы присутствует признак *удлинённая узкая форма*. Компонентный анализ лексики данной подгруппы показал, что присущими соответствующему концепту признаками энциклопедического характера являются: *характер замкнутости, положение, размер, форма и происхождение*. Разнообразие характеристик, объективируемых в содержании рассматриваемого концепта отражают не только основообразующие метрические и топологические аспекты понятия *водное пространство*, но и особенности функционирования, химического состава, формы существования, месторасположения.

Лексемы *marais* (m), *marécage* (m) и *maiche* (m), объединены в отдельную подгруппу, с одной стороны, они могут быть рассмотрены как единицы номинирующие определённый вид *водного пространства*, а с другой – они характеризуют местность как тот или иной тип суши. Информационный компонент концепта *болото* включает признаки *избыточно увлажнённая территория, наличие соответствующей растительности* (мхи, пушица, вересковые, болотный мирт, тростник [10, с. 38]), *образование торфа* [13], соотносящиеся с периферическими аспектами макроконцепта. Лексема *marais* имеет более широкий объём значения, она переводится как 'болото' и 'топь', что свидетельствует о присутствии регулятивной зоны в интерпретационном компоненте содержания концепта. Лексема *marécage* имеет дополнительные семы, обозначающие определённый вид ландшафта, включающий в себя болотистую местность со специфичной для неё растительностью, как продемонстрировано в следующем примере: *Dans une autre [métairie] que traverse le gros ruisseau, où il déborde souvent, la terre, faute de fossés d'écoulement, est retournée aux alentours au marécage, encombrée de plantes aquatiques, si spongieuse qu'elle en est devenue élastique sous le pied* (Pesquidoux, Livre raison, 1932, p. 217) [TLFi].

ЛЕ *maiche*, номинирует болота в Луизиане отличающиеся своим приморским положением и отсутствием древовидной растительности (2). Особый интерес представляет лексема *sebk(h)a* (f), пришедшая во французский язык из арабского, обозначающая определённый вид водоемов в Сахаре [12, с. 1783]. Эта ЛЕ неоднозначна и переводится также как *солёное озеро, болото* [9, с. 968]. Этномаркированностью также характеризуется лексическое значение существительного *targette* (f), используемого для обозначения болотистой местности в Италии, и *fagne* (f), номинирующего нагорное болото в Арденнах. Заболоченная местность может использоваться человеком для организации какой-либо деятельности, например, сельского хозяйства, так болотистые земли, отведённые под овощные и фруктовые культуры в Пикардии называются *hortillonage* (m) (2). Эта номинация репрезентирует утилитарную составляющую интерпретационного поля концепта *болото*. Характеристики, свойственные болотистой местности, включены в значение единицы *fondrière* (f). Такие характеристики входят в состав энциклопедической зоны, представленной признаками *месторасположение* и *химический состав*.

Отдельную подгруппу также составляют номинации, обозначающие заливы, поскольку их интегральными сематами являются *часть водоёма, наличие свободного водообмена, которые* определяют информационное содержание концептов *golfe* (m), *échancrure* (f), *fjord* (fiord) (m). Лексема *golfe* 'залив', являющаяся в этой подгруппе по своему компонентному составу более общей, нейтральной и включает в себя наиболее характерную для этого понятия сему *водное пространство, непосредственно сообщ-*

щающееся с морем и с сушей: *Golfe de Gascogne, du Mexique; golfe Persique* [TLFi]. Её разновидностью выступает *anse* (f), единица, номинирующая небольшую бухту, синонимичными которой являются *calanque* (f), относящаяся к прованскому диалекту, и слово скандинавского происхождения *crique* (f). Существительное *échancrure* имеющая дифференциальные семы *малый размер* и *полукруглая форма* и переводится на русский язык как 'небольшой полукруглый залив' [9, с. 353]. Когнитивный классификатор *форма* актуализируется также значением метафоры *bras* (m) *de mer*, номинирующей узкий морской залив. Как показывает анализ компонентного состава, характеристики денотата наиболее полно соотносятся с признаками ядра и ближней периферии содержания концепта *водное пространство*. Наличие этномаркированной лексики в вербализации концепта указывает и на присутствие признаков дальней периферии, к таким единицам относится *fjord* 'фьорд', заимствованная из норвежского языка, ее отличительные семантические компоненты: *узкая форма, большая глубина, положение, наличие высоких крутых скалистых берегов, льдов*. Фьорды находятся в Скандинавии, а также на острове Гренландия (Скорсби, самый большой фьорд в мире [<http://ru.wikipedia.org/wiki/Скорсби>]). Энциклопедическая зона интерпретационного компонента включает в себя признаки, связанные с характеристиками денотата по форме, занимаемой площади, глубине, пересекаясь с содержанием образного компонента; признак *особенности побережья* относится к регулятивной зоне.

Понятие *водоток* характеризуется концептуальными признаками *поток воды, наличие течения, суженная вытянутая форма*, составляющими информационный компонент данного концепта и репрезентируемыми ЛЕ *bassin* (m) и *cours* (m) *d'eau*. К водотокам относятся проливы, реки, потоки, ручьи. Концепт *пролив* в научной картине мира вербализуется при помощи лексемы *canal* (m), тогда как в наивной он представлен единицами: *détroit* (m), *bras* (m) *de mer*, *pertuis* (m), *raz* (ras) (m) [13], где обобщающими являются существительное *détroit* и раздельнооформленная ЛЕ *bras de mer*, основанная на метафорическом переносе. Их интегральной семой соответствует когнитивный классификационный признак *узкий участок моря*, как это показывает содержание следующего фрагмента: *Le pas de Calais séparant la France de l'Angleterre. Pour l'obtenir, ce portait, elle avait franchi le détroit, s'était installée à Londres [la baronne Desrodes]* (Lorrain, Phocas, 1901, p. 95) [TLFi].

ЛЕ *bras de mer* характеризуется также наличием признака *вторжение во внутреннюю часть берега*: *On s'en allait par les îles, tout un dédale compliqué de terres et de bras de mer, que forment les embouchures réunies de la Meuse, de l'Escaut et du Rhin.* (Van der Meersch 1943: p. 136). У лексем *pertuis* и *raz* выявляется общая для них дифференциальная сема *узкий пролив*, но отличительным признаком последней является *большая масштабность* и *бурный поток*, которые актуализируются в нижеприведённом отрывке: *Malgré le calme, nous sommes terriblement secoués par le raz, et la mer par gros temps doit être affreuse ici* (Charcot, Voy. îles Féroë, 1934, p. 41) [TLFi].

Лексема *pertuis* номинирует проливы между островом и континентом, а также между двумя островами на западных берегах Франции: *Pertuis breton, d'Antioche, de Maumusson* [TLFi]. Особый интерес представляет лексема *manche* (f), обозначающая пролив путём метафоризации: основное значение этого слова в современном французском языке - 'рукав', однако этимологически оно восходит к латинскому *manica, manus* - 'рука', что указывает проявление антропоцентричности в процессе наименования. Данная единица, кроме того стала именем собственным: *La Manche*.

Реки и водоёмы, являясь водными пространствами небольшой величины, издавна были связаны с жизнедеятельностью человека, обусловив в дальнейшем коммуникативную релевантность соответствующих концептов в языковом сознании. Во французском языке номинация *eau* (f), их обозначающая, свидетельствует об их особой важности для человека, поскольку является многозначным словом, объективирующим, в первую очередь, концепт *вода*, и служит для формирования метафорического образа. В связи с этим наиболее общее наименование реки как концепта-домена

представлено раздельнооформленной единицей *cours (m) d'eau*, но в языке закрепились и более конкретные номинации: *fleuve (m)* и *rivière (f)*, дифференцируемые в зависимости от местоположения, полноводности и скорости течения. Лексема *fleuve* обозначает реку, впадающую в море, ядерными семами для данной ЛЕ будут *большой объём*, *полноводность*, *скорость течения*. Лексеме *rivière* свойственны следующие характеристики: она впадает в другую реку, она менее полноводна, и имеет меньшую скорость течения. Ср.:... *au carrefour de trois vallées qui lui apportent leur liquide tribut, (...) l'humble cours d'eau se transforme en petite rivière. La géographie lui a déjà imposé son nom de fleuve, l'illustre nom qu'il gardera pour porter les imposants bateaux de mer et résister à l'impétueux effort des mascarets. Mais il n'est encore qu'un fleuve adolescent...* (Coppée, Bonne souffr., 1898, p. 52) [TLFi].

Дифференциальными семами ЛЕ *riviérette (f)* 'речушка' выступают *медленное течение* и *малый размер*. Французские лексемы *défluent (m)*, *marigot (m)*, *affluent (m)*, обозначающие приток, рукав реки, обладают интегральными семами, относящимися к микрогруппе, номинируемой ЛЕ 'река', они различаются между собой определенными семами: *affluent* можно рассматривать в качестве разновидности *rivière*, с основным дифференциальным признаком относительной *автономности* по сравнению с *défluent* и *marigot*, обозначающих рукав реки, ответвление её русла. Этномаркированной ЛЕ *marigot*, пришедшей из Карибского языка, свойственны такие семантические признаки, как *болотистый рукав реки*, *приливной канал*, *затопляемое болото*. Для обозначения дельтового рукава реки используется номинация *diverticule (m)*. Существительное *confluent (m)* объективирует в языке понятие о слиянии рек. В засушливых районах Северной Африки существует географическая реалья, представляющая собой пересыхающую реку, называемую *oued*, 'вади' (m).

В отдельную лексическую подгруппу можно заключить номинации, обозначающие объекты, являющиеся лишь частью реки или ее специфическими характеристиками. К ним относятся: лексема голландского происхождения *rigole*, например, переводится как узкое место, но имеет специфические признаки – *заросли тростника*, *обнажение песчаных пластов*, *наличие определённых видов рыб на данном участке*;

более общая номинация узкого места реки – *pertuis*;

source – исток, верховье (р. ex. *les sources du Nil*);

aval – низовье, нижнее течение реки;

estuaire – устье, во французском языке используется для номинации лимана, залива с извилистыми высокими берегами, т.е. эту лексему можно отнести к микрогруппе, обозначающей залив; в Бретани эстуарий носит специфическое название *aber (m)*; *embouchure* – обобщенная номинация устья, место впадения реки в море, озеро или другую реку (*embouchure d'un cours d'eau, d'un fleuve, d'un torrent*); сема *устье* является инвариантной и для единицы *grau (m)*, отражающей национальную специфику семантики, номинируя место впадения водотока в море в провинции Лангедок;

mouille – устье, ложе реки;

delta – дельта реки;

résurgence – место разгрузки подземной реки [9; 12; TLFi].

Концепты *пролив* и *река* обладают сходным составом интерпретационного поля, которое образовано признаками энциклопедической зоны *сообщение с более крупным водным пространством*, - и утилитарной зоны, что обусловлено важностью доступа к более крупным водным пространствам и направленной на это деятельностью.

В следующую минигруппу входят лексемы *torrent (m)*, *gardon (m)*, *gave (m)*, переводным соответствием которых является ЛЕ 'горный поток', 'горная река' [13], основным дифференциальным признаком этих ЛЕ будет *большая скорость течения*, о чём свидетельствует устойчивые словосочетания *torrent blanc d'écume*, *bouillonnant*, *écumant*, *déchaîné*, *fougueux*, *furieux*, *impétueux*, *rapide*, *tumultueux* [TLFi]. Единицы *gardon* и *gave* отличаются национальной спецификой: *gardon* номинирует горный поток в Севеннах, а *gave* – в Пиренеях и является словом гасконского происхождения.

Большой скоростью течения характеризуются также водопады, вербализуемые во французском языке раздельнооформленной единицей *chute (f) d'eau*, синонимический ряд которой во многом конкретизируется семьей *масштабность*: ЛЕ *cascade (f)*, заимствованная из итальянского языка, обозначает водопад, который может быть образован несколькими потоками, *cataracte (f)* используется для обозначения более крупного водопада, представленного одним большим потоком воды, *cascatelle (f)* номинирует небольшой водопад [12]. Особенности денотата связаны с эстетической оценкой, что формирует соответствующую зону в интерпретационном поле концепта, образом которого выступает водный поток в горах, где содержание его связано со зрительной перцепцией. В то же время представление о нём связано с информацией об опасности, невозможности или нежелательности передвижения по такому водотоку и, следовательно, данные факты свидетельствуют о представленности признаков регулятивной зоны, которые пересекаются не только со зрительным, но и с тактильным перцептивным компонентом.

Таким образом, четыре лексические подгруппы, номинирующие реки, проливы, горные потоки характеризуются одной интегральной семьей *наличие течения*. Конституенты этих подгрупп овнешняют концепт *водоток*, когнитивные классификационные признаки которого во многом соотносятся с аспектами не только ядра концепта *водное пространство*, но и его ближней периферии.

Проведённый анализ показал, что столь высокая номинативная плотность концепта *водное пространство* во французском языке обусловлена особенностями национальной специфики. Очевидность данного положения связана с различными факторами: внутренними языковыми процессами, географическим положением Франции, а также внешними влияниями, результатом которых являются заимствования и этномаркированная лексика. Интегральные признаки микроконцептов обнаруживаются в пределах классификационных категорий: *занимаемая площадь, степень динамичности, доступность для человека, сообщение с другим водным пространством*, что обуславливает преобладание в содержании концепта *водное пространство* энциклопедических и утилитарных признаков. Мы выяснили, что во французском языке нет конкретного обобщающего слова для номинации водных пространств, ядро концептуального поля характеризуется неоднородностью, в то же время анализ материала показал, что лексика, вошедшая в лексико-семантическую группу *водное пространство*, представляет собой обширную по объёму и разнообразную по составу тематическую группу.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь – М.: 1997. – 1600 с.
2. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: АСТ, 1998. – 1600 с.
3. Кошарная С. А. К вопросу о языковом символизме // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: Материалы межвуз. конф., 8-9 декабря 1997 г.: – Белгород, 1998. – Вып. III. – С. 90-91.
4. Манерко Л. А. Научная картина мира в свете когнитивно-дискурсивной концепции в лингвистике // Научно-техническая терминология: научно-реферативный сборник. – Вып. 2. – М.: Госстандарт России, ВНИИКИ, 2002. – С. 47 – 48.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 204 с.
6. Моисеева С. А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках: Монография / С. А. Моисеева. – Белгород: Издательство БелГУ, 2005. – 264 с.
7. Никитин М. В. Развёрнутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2004. – № 1. – С. 53 – 64.
8. Новый французско-русский словарь / В. Г. Гак, К. А. Ганшина, - 10-е изд. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 1160 с.
9. Попова З. Д. Когнитивно-семантический анализ языка. Монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2006. – 226 с.
10. Скиннер М. География. А – Я: Словарь-справочник / М. Скиннер, Д. Редферн, Дж. Фармер / Пер. с англ. К. С. Ткаченко. – М.: ФАИР-Пресс, 1999. – 528 с.

11. Стернин И. А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1 / Науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – с. 8 – 18.
12. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Le petit Robert. P.: Le Robert, 1992. – 2172 p.
13. Dictionnaire des synonymes de la langue française / par P. Ripert. – P.: Booking international, 1995. – 325 p.
14. Van Der Meersch M. L'Empreinte du dieu. – Bruxelles: Editions du Nord, 1943. – 241 p.
15. Zola E. Contes et nouvelles. – М.: Editions du progress, 1971. – 317 p.

Список источников:

1. TLFi - <http://www.cnrtl.fr/definition>
2. Larousse - <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>
3. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Скорсби>

THE CONCEPT WATER SPACE AS A SYSTEM FORMATION

A. L. Medvedeva
S. A. Moisseeva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
staciao8@bk.ru
moisseeva@bsu.edu.ru*

The article is devoted to the research of the contents and the structure of the concept “water space” considered as a system mental formation represented as a field. The macrosystems determining the structure and basic cognitive features of the mental formation “water space” are described on the basis of the dictionary data analysis.

Key words: concept, field, concept verbal representation, nomination, spatial features.

УДК 81.2/7-9

СРЕДСТВА СНИЖЕНИЯ КАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В АНГЛИЙСКИХ НАУЧНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

А. П. Миньяр-Белоручева
А. В. Вестфальская

*Московский
государственный
университет
им. М.В. Ломоносова*

*e-mail:
ostvera@mail.ru*

Некатегоричность высказывания является отличительной чертой языка историка. Историк не только регистрирует события, но творчески их переосмысливает и оценивает. К одному и тому же предмету исследования историк подходит с разных точек зрения, опираясь, прежде всего, на те представления и воззрения, которые характерны для среды, его окружающей. В распоряжении историка находятся разнообразные средства выражения некатегоричности высказывания и оценки.

Ключевые слова: некатегоричность высказывания, оценка, научные исторические тексты, средства выражения, модальные глаголы, модальные наречия, безличные глаголы, конструкция “rather than”.

Настоящее исследование посвящено способам выражения некатегоричности высказывания в английских научных исторических текстах. Некатегоричность высказывания, свойственная национальному менталитету носителей английского языка и относящаяся к стилеобразующим категориям научной речи, особенно отчетливо проявляется в оценке исторических фактов, событий и явлений. Несмотря на то, что оценка, непременно сопутствует описанию и анализу всего, что произошло в исторической реальности, историк не может быть категоричен при установлении значимости исторических событий, поскольку у него всегда есть возможность по-новому взглянуть в глубь веков или в недавнее прошлое и пересмотреть данную им оценку произошедшего, которая может отличаться от его прежней или традиционно принятой в историографии. Существует несколько факторов, обуславливающих пересмотр оценки исторического прошлого. Это могут быть новые исторические источники, в которых историк различает сообщения разного уровня достоверности, или новый подход к исследованию прошлого, изменившийся под влиянием смены научных парадигм. Историк у себя свойственно не только регистрировать события, но и творчески их переосмысливать. Независимо от периода исторического развития человеческого общества изучаемого историком, ученые пришли к выводу, что «картина канувшей в Лету цивилизации исторически изменчива, и не одна из истин о ней высказываемых, не устанавливается на вечные времена» [3, с. 11]. Именно это не позволяет историку высказываться категорично. Более того, история, будучи идеологической наукой, всегда стремится дать объективное представление о прошлом, что также приводит историка к необходимости воздерживаться от вынесения суждений, не допускающих иного толкования и оценки. В то же время историк, не может абстрагироваться от среды его окружающей, он является выразителем мировоззрения своего класса, представителем своей эпохи, своей социальной среды, своего общества и всегда должен достаточно четко обозначить свою позицию и оценку историческому прошлому. Формы миропонимания историка, помимо лексики, могут отражаться в структуре и стиле его произведений, сообщать им индивидуальность. Это особенно отчетливо проявляется при анализе способов выражения оценки исторических событий, которая присутствует во всех научных исторических произведениях. Специфика истории как предмета предопределила выделение и оформление особой формы изложения научных исторических текстов, отличительной чертой которых является некатегоричность высказывания, проявляющаяся в выборе языковых средств.

Некатегоричность высказывания, как известно, предполагает наличие альтернативных мнений. Имея один и тот же предмет исследования, историк подходит к нему с разных точек зрения, опираясь на представления и воззрения, характерные для определенного этапа развития исторической мысли. Ученому-историку необходимо четко осознавать идеологическую установку общества для того, чтобы его работы смогли достигнуть желаемого результата. В научных исторических текстах оценка выражается не только эксплицитно благодаря использованию экспрессивно-эмоционально-оценочных единиц, но и имплицитно, в скрытом виде, вследствие использования разных средств выражения некатегоричности высказывания.

Особенно сложно оценить события новейшей истории, относящиеся к периоду «холодной войны». Термин «холодная война» был создан в 1947 г. Бернардом Барухом, советником президента США Гарри Трумена для обозначения политики США и СССР, направленной на обострение и сохранение состояния международной напряженности, на создание и поддержание опасности возникновения «горячей войны» («балансирование на грани войны»), цель которой заключается в оправдании безудержной гонки вооружений и увеличении военных расходов [2].

На протяжении холодной войны, длившейся со времени произнесения знаменитой «фултонской», программной, речи У. Черчилля 5 марта 1946 до 1991 г., историки по-разному оценивали эту необычную войну, основная цель которой заключалась в стремлении не развязать реальную войну, которая могла привести к уничтожению всего человечества. Этот сорокапятилетний период отношений между СССР и США подразделяется на три этапа, каждый из которых оценивается по-разному историками, представляющими разные школы исторического анализа.

Первый этап, длившийся шесть лет с 1946 по 1953 гг., относится к наиболее острому. Это было время завершения Потсдамской (Берлинской) конференции (Potsdam Conference), гражданской войны в Греции (1946 – 1949 гг.), образования НАТО в 1949 г. и Корейской войны (1950 – 1953 гг.), когда конфронтация между СССР и США достигла своей вершины.

Второй этап скрытой конфронтации, приходится на последующие двенадцать лет с 1953 по 1975 годы. Эта стадия характеризуется уменьшением напряженности между СССР и США в целом, несмотря на то, что в отдельные годы наблюдалось резкое обострение отношений. Так, в 1962 г. Карибский кризис (Cuban missile crisis) привел две супердержавы на грань ядерной войны и вызвал пересмотр отношений между ними, завершившийся намерением сократить ядерное оружие с обеих сторон. Однако, несмотря на то, что в середине 1960-х гг. вооруженные силы США проводили крупномасштабные наступательные операции в Южном Вьетнаме, напряженность между двумя супердержавами уменьшилась. Реальная разрядка напряженности в этот период началась с германского вопроса 1969 года, продолжилась конференциями в Хельсинки по ограничению стратегических вооружений (SALT), безопасности и сотрудничеству в Европе, 1973 – 1975 гг. и завершилась Хельсинкской декларацией (*Helsinki Declaration*), документом, подписанным главами тридцати пяти государств в столице Финляндии 30 июля – 1 августа 1975 года.

Третий этап «холодной войны» пришелся на 1975 – 1991 гг. и закончился ее окончанием. Разрядка напряженности (*détente*) предшествующего этапа, завершилась в 1979 г. после вторжения войск СССР в Афганистан, подавлением движения Сопротивления в Польше в 1980 году и размещением советских ядерных ракет в Восточной Европе в 1982 году. Напряженность между СССР и США продолжилась с приходом М. С. Горбачева к власти, который понял, что разрушающаяся Советская экономика была не в состоянии продолжить гонку вооружения, навязанную ей США. В 1988 г. было объявлено, что СССР более не намерен вмешиваться во внутренние дела других государств. В конце 1980-х гг. наблюдалось устойчивое улучшение отношений между СССР и США. В 1991 г. после распада Советского Союза президент США Дж. Буш официально провозгласил окончание «холодной войны».

На протяжении «холодной войны» две супердержавы асинхронно проводили политику то послабления, то ужесточения, синхронные действия двух государств привели к ее завершению, что привело к непредвиденным последствиям. Это не могло не найти своего отражения в научных произведениях историков в их интерпретации и оценке событий эпохи «холодной войны». Так, Э. Хобсбаум, крупнейший современный британский историк, рассматривает «холодную войну» как холодный мир, другие историки придерживаются иного мнения. Однако, несмотря на различные оценки, даваемые историками «холодной войне», многие из них стремятся соблюдать некатегоричность высказывания, не дают идеологической оценки, не проявляют явно выраженных симпатий к какой-либо из сторон и противостоят нагнетанию страха перед ядерным конфликтом и военными амбициями противоположного лагеря.

Как известно, оценка исторического факта предполагает вскрытие объективной связи между данным фактом и тенденцией развития исторической действительности. Несмотря на то, что оценка является универсальной категорией, способы ее выражения рассматриваются как индивидуальные особенности стиля автора. Это объясняют тем, что оценка относится к интенциональному аспекту языка, где преломление картины мира в сознании говорящего осложняется целым рядом факторов [5, с. 9]. Для историка это усугубляется зависимостью от его идеологизированного мировоззрения, что объясняет взаимосвязь и взаимообусловленность рационального и эмоционального в даваемой им оценке, требующей некатегоричности высказывания.

Следует подчеркнуть, что некатегоричность высказывания обусловлена спецификой исторического анализа, которая не позволяет историку быть безапелляционным в высказываниях, давать однозначную оценку событиям и фактам прошлого на основе имеющихся в его распоряжении источников и данных. Ученый всегда должен иметь возможность пересмотреть свои взгляды, изменить свои оценки по мере поступления и анализа новых источников, что и позволяет ему сохранять некатегоричность высказывания.

Являясь специфической чертой языка историка, некатегоричность высказывания предоставляет в его распоряжение разнообразные средства для выражения его собственного мнения относительно определенного исторического события и его оценки. При этом сохраняется традиционно установленная логика научного изложения. Таким образом, историк располагает разнообразными средствами выражения некатегоричности высказывания и оценки. В их число входят:

- аксиологические предикаты,
- модальные дескрипторы (модальные глаголы),
- аппроксиматоры,
- модальные наречия,
- безличные глаголы,
- конструкция “rather than”.

Необходимо отметить, что способы выражения оценки обусловлены их типом и подразделяются на объективные и субъективные, среди которых вычленяются аффективные и оценочные (эвалюативные) [10, с. 84]. Многие исследователи, отмечая взаимодействие субъективного и объективного факторов в оценке, подчеркивали, что объективность оценки соотносится с категоричностью высказывания и оценки, а субъективность – с некатегоричностью высказывания и оценки. Таким образом, некатегоричность высказывания и субъективность оценки находятся в прямой пропорциональной зависимости друг от друга. Субъективность высказывания усиливает некатегоричность. Некатегоричные высказывания отражают не результат познавательной деятельности, а субъективное мнение передающего информацию. Мнение по определению – это суждение выражающее оценку кого-либо или чего-либо. Оценка указывает на субъективность мнения, на то, что она относится к личному мнению говорящего, не претендуя на объективность, в которой заложена имплицитная категоричность. Для выражения некатегоричности высказывания вообще и оценки

в частности историки используют не только аксиологические предикаты [5, с. 9], в состав которых входит опорное слово “*assess*” или “*assessment*”, такие как: *scientific assessment of events, historical assessment of the world, correct assessment, history moves on and requires new assessment of new events, to use historical equipment to reach a correct assessment, the system of assessment*, но и другие, более широкие и разнообразные, лексические средства, которые наряду с оценкой могут отражать и «концептуальный мир» ученого, который скорее всего отличается от мира и оценок читателя.

Считается, что модальность является универсальным средством выражения оценки [5, с. 9]. Некатегоричность высказывания проявляется вследствие использования разных модальных дескрипторов, под которыми понимают слова и словосочетания, которые с достаточной степенью повторяемости употребляются в научном тексте для выражения имплицитной оценки и установления характера связи между сообщением и объективным миром [6, с. 164]. Было установлено, что модальные дескрипторы интердисциплинарны по своему характеру и могут быть использованы в равной степени в текстах различных областей науки [1].

Некатегоричности высказывания историк достигает, прежде всего, благодаря использованию модальных глаголов. Если расположить в линейной последовательности по мере нарастания в них категоричности модальные глаголы, то на шкале, варьирующейся от более слабых к более сильным, они будут расставлены следующим образом: *might have, might, may, could, can, would, must*. Некатегоричность высказывания не позволяет историку сохранять объективность при изложении исторических событий, поскольку некатегоричность относится к неподлежащему доказательству субъективному мнению историка. Мнение, по определению, является суждением, выражающим оценку кого-либо или чего-либо, причем оценочное высказывание всегда подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом [5, с. 22].

Модальный глагол *might* в сочетании с *Perfect Infinitive*, находясь на самом в начале шкалы, выражает наивысшую степень некатегоричности, что позволяет говорить скорее о толковательной функции данной конструкции, а не оценочной. В предложении: “*Theoretically, it might have been possible to consolidate a united front among the democracies while conducting negotiations with the Soviet Union about an overall settlement*” [11, с. 445], конструкция *might have* передает субъективное мнение историка о сложившейся ситуации, который, тем не менее, допускает и иной ход событий, и альтернативное толкование, так же как и альтернативную имплицитную оценку, которая непременно присутствует в любом некатегоричном высказывании. Однако имплицитно оценочную, выражающую некатегоричность конструкцию, следует отличать от омонимичной ей конструкции, передающей гипотетическое высказывание, которое обуславливает некатегоричность высказываний в научных текстах.

Неверифицируемые предположения историк может передавать также посредством конструкции *might have*, которая, оставаясь в рамках категории некатегоричности, изменяет свою функцию и вместо оценки, выражает виртуальные высказывания. В предложении: “*The consequences of the end of the Cold War would probably have been enormous in any case, even had it not coincided with a major crisis in the world economy of capitalism and with the final crisis of the Soviet Union and its system. Since the historian's world is what happened and not what might have happened if things had been different, we need not consider the possibility of other scenarios*” [11, с. 251], помимо конструкции *might have*, передающей гипотетическое высказывание, функционирует модальный глагол *would*, который повышает категоричность высказывания, усиливая имплицитную оценку передаваемого сообщения.

Сопоставляя модальные глаголы *may* и *can*, следует сказать, что первый выражает более слабую степень категоричности, то есть является более некатегоричным, чем второй, что повышает возможность высказывания иного мнения и вынесения имплицитной оценки, при этом следует помнить, что модальный глагол *may* соотносится с оценкой практических действий, а *can* – теоретических [12, с. 111].

Модальный глагол 'may', будучи третьим от нижней границы на шкале категоричности, позволяет историку более уверенно высказывать свое мнение и давать личную оценку описываемому, что он не допускает существования иного мнения и иной оценки. В предложении: "Even then, we may detect in the Gulf War of 1991 against Iraq a belated compensation for the awful moments in 1973 and 1979 when the greatest power on the earth could find no response to a consortium of feeble Third World states which threatened to strangle its oil supplies" [12, с. 244], модальный глагол 'may' указывает на то, что историк, оценивая практические действия в Персидском заливе 1991 года, не настаивает на принятии его мнения и оценки.

В предложении "The Second World War had barely ended when humanity plunged into what can reasonably be regarded as a Third World War, though a very peculiar one." [8, с. 226] модальный глагол 'can', у которого некатегоричность снижена, позволяет историку быть более безапелляционным в своем высказывании, при этом допустимость существования альтернативного мнения понижается и субъективность оценки повышается.

Модальный глагол *must* находится в высшей точке шкалы категоричности, поэтому историки предпочитают приводить его в цитатах: "Shultz began by lecturing Gorbachev, as early as 1985, on the impossibility of a closed society being a prosperous society: 'People must be free to express themselves, move around, emigrate and travel if they want to. ...'" [9, с. 213].

Стремясь смягчить категоричность высказывания, историк вместо не допускающего возражений и сомнений модального глагола "must" использует его в конструкции *must have*, что несколько снижает категоричность свойственную модальному глаголу *must*: "Stalin, a master practitioner of *Realpolitik*, must have expected America to resist the new geopolitical balance established by the Red Army's presence in the center of the European Continent" [11, с. 428].

В научных исторических текстах некатегоричность высказывания достигается также путем использования аппроксиматоров, т. е. лексических средств выражения приблизительности для снижения категоричности высказывания. Относительно приблизительных номинаций В. В. Виноградов писал следующее: «Говорящий как бы не решает признаться свои слова адекватным отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли. Поэтому он снабжает свои высказывания оговорками, стилистическими оценками и замечками. Сюда относятся такие модальные слова и словосочетания, как: буквально, так сказать, собственно говоря, коротко (откровенно) говоря, вообще говоря и т. п.» [4, с. 577]. Можно сказать, что это в полной мере относится и к английскому языку. О. Дюкро считает, что аппроксиматоры следует использовать прежде всего при аргументировании собственных доводов, поскольку вежливость, подчеркивающая некатегоричность высказывания или оценки, сильнее категоричности, так как ее сложнее опровергнуть: «легче настраивает противника в пользу собственного мнения, чтобы затем окончательно убедить его той же номинацией, но точной» [7]. По мнению Дж. Сейдока, использование аппроксиматоров делает высказывание более достоверным, исключая любую подтасовку фактов [13].

Аппроксимация достигается путем использования следующих лексических средств:

– модальных наречий *possibly*, *perhaps*, *probably*, которые выражают разную степень уверенности историков в своих предположениях, так, модальное наречие *hardly* выражает наибольшую степень сомнения: "Hardly any of them even tolerated the legal existence of local communist parties" [8, с. 249], *perhaps* – большую вероятность: "Perhaps with Reagan in mind, he promised that he would not "climb the Berlin Wall and make high-sounding pronouncements" [9, с. 248];

– безличных глаголов *seem*, *evident*, *suggest*, *hold*, которые позволяют подать случившееся менее резко: "Having exhausted their country by catching up in offensive mis-

siles, they suddenly faced a new round of competition demanding skills they had no hope of mastering. And the Americans seemed not even to have broken into a sweat.” [9, с. 227];

– конструкции ‘rather than’, которая смягчает категоричность утверждения, а, следовательно, и оценки: “Even the USSR and its allies, though denouncing the German danger, of which they had bitter experience, did so for propaganda rather than out of real fear” [8, с. 236].

Подводя итог, следует отметить, что оценка может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно. Историки предпочитают давать оценки используя имплицитные средства выражения, одним из которых является некатегоричность высказывания. Читателю сложнее не согласиться с тем, что не имеет четкого вербального выражения, и, следовательно, может быть воспринято и интерпретировано по-разному. Эксплицитные лексические единицы, которые используются для выражения оценки, предоставляют читателю большую возможность не согласиться с мнением историка, опровергнуть его явно выраженную оценку.

Список литературы

1. Ахманова О. С., Никитина С. Е. О некоторых лингвистических вопросах составления дескрипторных языков // Вопросы языкознания. М., 1965, – № 5. – С. 111 – 115.
2. БСЭ/«Холодная война» – slovari.yandex.ru
3. Гуревич А. Я. Избранные труды. Том 2. Средневековый мир. М.-СПб., 1999.
4. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2006.
6. Лапшина В.П. Лингвистические особенности научного реферирования английского научного текста и проблема модальных дескрипторов. Дис. ...канд. филол. наук. - М., 1973.
7. Ducrot O. La prevue et le dire: Langage et logique. P. 1973.
8. Hobsbawm, E. The Age of Extremes. L. 2004.
9. Gaddis J.L. The Cold War. L. 2005.
10. Kerbrat-Orecchioni C. L'enanciation: de la subjectivite dans la langage. P., 1980.
11. Kissinger H. Diplomacy. N.Y. 1994.
12. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. Moscow: “Vyssja skola”, 1982.
13. Sadock J. Truthand approximation. – In: Proc.3d annu. meet. Berkeley linguist, soc., 1977.

NON-CATEGORICAL MEANS OF EXPRESSION IN ENGLISH ACADEMIC TEXTS ON HISTORY

A. P. Miniar-Beloroutcheva
A. V. Vestfalskaya

Lomonosov
Moscow
State
University

e-mail:
ostvera@mail.ru

The article deals with non-categorical linguistic means of expression in academic texts on history. A historian is not only a chronicler, he does not only analyze the existing historical sources and academic texts, but he is a rethinker and a reevaluator of the events of the past. One and the same historical fact he can assess from different points of view prompted by the values and ideology of his class and society. At his disposal a historian has different non-categorical linguistic means to express his attitude to the historical facts.

Key words: non-categorical, means of expression, academic texts on history, modal verbs, modal adjectives, ‘rather than’ construction.

УДК 81'22

ПРИРОДА ЭМОЦИЙ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ И ЯЗЫКОЗНАНИИ

А. П. Седых

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru

Статья посвящена онтологии и способам классификации эмоций в русле лингвокультурологического подхода к анализу языковых явлений. Эмоции рассматриваются как определённый тип языковой идентичности, функционирующий в рамках специфических способов обмена коммуникативной информацией. Универсальные и национально-культурные способы вербализации эмоций соотносятся с определённым типом категоризации действительности. Перспективы исследования способов вербализации эмоций видятся в рамках когнитивно-коммуникативных методик выявления эмоционально-экспрессивных параметров языковой личности.

Ключевые слова: эмоция, лингвокультурология, языковая идентичность, способы вербализации эмоций, языковая личность, семиотика когниции и коммуникации.

Введение

Ещё в начале XIX в. В. фон Гумбольдт отметил, что язык как деятельность человека пронизан чувствами. В настоящее время лингвистика вновь обратилась к его учению, призывавшего изучать язык в тесной связи с человеком. В свете этой концепции вполне осуществимо и лингвистическое осмысление системных эмотивных средств. Являясь неотъемлемым компонентом духовной культуры, эмоции, при всей своей универсальности, проявляют в разных языках определенную специфику вербализации, обусловленную присущей говорящим субъективностью интерпретации окружающей действительности, что представляет несомненный интерес для лингвистики. Лингво-психологическая и лингвистическая интерпретация данных, представленных в языке, позволяет рассматривать последние как репрезентацию особых знаний, стоящих за фактами естественного языка, как репрезентацию конструкторов концептуального сознания.

Во все времена люди испытывали, испытывают и будут испытывать одни и те же чувства: радость, горе, любовь, грусть. Человечеством накоплен огромный эмоциональный опыт. В связи с этим психологи говорят об универсальности эмоций, сам перечень которых отражает общечеловеческий опыт осмысления психической деятельности человека.

Проблематика эмоций традиционно изучается психологами и психоаналитиками [13; 30], которые выделяют различные функции эмоций: *отражательную* [23]; *регуляторную* [32]; *когнитивную* [11; 14].

Действительно, эмоции многогранны: они затрагивают чувства и опыт, физиологию и поведение, формы познания и концептуализации. Эмоция объединяет в себе разные явления: **эмоциональные реакции**, которые имеют свой аналог во внешних способах выражения; **эмоциональные состояния**, которые связаны с внутренним эмоциональным переживанием, не имеющим внешнего проявления [18, с. 206].

К классу эмоций относят настроения, чувства, аффекты, страсти, стрессы. Это «чистые» эмоции. Они включены во все психические процессы и состояния человека. У человека главная функция эмоций состоит в том, что благодаря эмоциям мы лучше понимаем друг друга, можем, не пользуясь речью, судить о состояниях друг друга и лучше преднастраиваться на совместную деятельность и общение. Замечательным, например, является тот факт, что люди, принадлежащие к разным культурам, способ-

ны безошибочно воспринимать и оценивать выражения человеческого лица, определять по нему такие эмоциональные состояния, как радость, гнев, печаль, страх, отвращение, удивление. Это, в частности, относится и к тем народам, которые вообще никогда не находились в контактах друг с другом.

Жизнь без эмоций так же невозможна, как и без ощущения. Эмоции, утверждал знаменитый естествоиспытатель Ч. Дарвин, возникли в процессе эволюции как средство, при помощи которого живые существа устанавливают значимость тех или иных условий для удовлетворения актуальных для них потребностей [7, с. 90].

Теория и методология исследования

Выделяют три основных эмоциональных состояния: эмоции, чувства, аффекты [19]. Раскроем каждое понятие для лучшего понимания их отличий.

Эмоции – (франц. *émotion*, от лат. *emoveo* – потрясаю, волную), субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде удовольствия или неудовольствия, радости, страха и т. д. Эмоции могут вызываться как реальными, так и воображаемыми ситуациями. Они, как и чувства, воспринимаются человеком в качестве его собственных внутренних переживаний, передаются другим людям, сопереживаются. Эмоции относительно слабо проявляются во внешнем поведении, иногда извне вообще незаметны для постороннего лица, если человек умеет хорошо скрывать свои чувства. Они, сопровождая тот или иной поведенческий акт, даже не всегда осознаются, хотя всякое поведение, как мы выяснили, связано с эмоциями, поскольку направлено на удовлетворение потребности. Эмоциональный опыт человека обычно гораздо шире, чем опыт его индивидуальных переживаний. Чувства человека, напротив, внешне весьма заметны.

Эмоции и чувства – личностные образования. Они характеризуют человека социально и психологически. Подчеркивая собственно личностное значение эмоциональных процессов, В. К. Вилюнас пишет: «Эмоциональное событие может вызвать формирование новых эмоциональных отношений к различным обстоятельствам...» Предметом любви-ненависти становится все, что познается субъектом как причина удовольствия-неудовольствия» [4, с. 89]. Эмоции обычно следуют за актуализацией мотива и до рациональной оценки адекватности ему деятельности субъекта. Они есть непосредственное отражение, переживание сложившихся отношений, а не их рефлексия. Эмоции способны предвосхищать ситуации и события, которые реально еще не наступили, и возникают в связи с представлениями о пережитых ранее или воображаемых ситуациях.

Следует отметить, что неоднократно предпринимались попытки выделить основные, «фундаментальные» эмоции. Также надо отметить, что разные ученые включают разные виды эмоций в данную категорию эмоциональных состояний. Так, в категорию эмоций Р.С. Немов включает такие позиции как *агрессивность (враждебность), апатия, депрессия, интерес, любовь, симпатия, страсть* [19]. По мнению А. Г. Маклакова следует выделять иной ряд эмоций: *радость, удивление, страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд* [16].

Чувства – особый вид эмоциональных переживаний, носящих отчётливо выраженный предметный характер и отличающихся сравнительной устойчивостью. В этом смысле чувства связаны с представлением о некотором объекте – конкретном или обобщённом (например, чувство любви к человеку, к Родине). Как устойчивое эмоциональное отношение к объекту может не совпадать с эмоциональной реакцией на него в конкретной преходящей ситуации.

Чувства носят исторический характер. Они различны у разных народов и могут по-разному выражаться в разные исторические эпохи у людей, принадлежащих к одним и тем же нациям и культурам. В индивидуальном развитии человека чувства играют важную социализирующую роль. Они выступают как значимый фактор в формировании личности, в особенности ее мотивационной сферы. На базе положитель-

ных эмоциональных переживаний типа чувств появляются и закрепляются потребности и интересы человека. В отношении окружающего его мира человек стремится действовать так, чтобы подкрепить и усилить свои положительные чувства. Они у него всегда связаны с работой сознания, могут произвольно регулироваться [15, с. 90].

Чувства носят предметный характер, связываются с представлением или идеей о некотором объекте. Другая особенность чувств состоит в том, что они совершенствуются и, развиваясь, образуют ряд уровней, начиная от непосредственных чувств и кончая высшими чувствами, относящимися к духовным ценностям и идеалам.

Аффекты – особый вид эмоций, отличающихся большой силой, бурным протеканием, выраженными вегетативными симптомами (например, страх, ярость). Аффект не предшествует поведению, а как бы сдвинут на его конец. Это реакция, которая возникает в результате уже совершенного действия или поступка и выражает собой его субъективную эмоциональную окраску с точки зрения того, в какой степени в итоге совершения данного поступка удалось достичь поставленной цели, удовлетворить стимулировавшую его потребность. Аффекты способствуют формированию в восприятии так называемых аффективных комплексов, выражающих собой целостность восприятия определенных ситуаций. Развитие аффекта подчиняется следующему закону: чем более сильным является исходный мотивационный стимул поведения и чем больше усилий пришлось затратить на то, чтобы его реализовать, тем меньше итог, полученный в результате всего этого, тем сильнее возникающий аффект. В отличие от эмоций и чувств аффекты протекают бурно, быстро, сопровождаются резко выраженными органическими изменениями и двигательными реакциями [31].

Каждый из описанных видов эмоций внутри себя имеет подвиды, а они, в свою очередь, могут оцениваться по разным параметрам – например, по следующим: интенсивности, продолжительности, глубине, осознанности, происхождению, условиям возникновения и исчезновения, воздействию на организм, динамике развития, направленности (на себя, на других, на мир, на прошлое, настоящее или будущее), по способу их выражения во внешнем поведении (экспрессии) и по нейрофизиологической основе.

Лингвистов также интересуют чувственные сферы языкового пространства [26; 6], их культурная значимость [8], номинативная плотность [3].

Поскольку в психологии нет единого понимания и четкой терминологической дифференциации родственных понятий (эмоция, чувство, аффект), мы, следуя терминологической традиции отечественных лингвистов-эмотиологов [28; 18], используем термин «эмоция» как **собирательное понятие**.

Разные культуры по-разному относятся к различным эмоциям, наделяя переживания и проявления отдельных эмоций социальной коннотацией, что влияет на воспитание и социализацию. В свою очередь, эмотивность воздействует на систему представлений о мире, социальную организацию и семантическое воплощение тех или иных элементов в структуре значения языковых единиц, коррелирующих с эмоциональным состоянием человека.

Отражение мира в языке – это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с языком полный комплект культуры, в котором уже заложены черты национального характера, мировоззрение, мораль и т. п. [24, с. 91].

Природу языка можно понять и объяснить, только исходя из самого человека и его мира. В современном мире исследователи языка все чаще обращаются к теме человеческого фактора, что предполагает изучение языка в тесной связи с человеком. Человек неотделим от эмоций, которые непосредственно проявляются в его речи, движениях, мимике, голосе.

Закономерный интерес исследователей к процессам манифестации эмоций в языке и речи привел к формированию нового научного направления – лингвистики эмоций (эмотиологии), векторы которой нацелены на эмоциональную среду бытова-

ния языка: эмоциональную языковую личность, эмотивные знаки языка и их эмотивную прагматику, эмоционально окрашенные контекстуальные понятия [29, с. 130].

Эмоции играют важнейшую роль в самосознании, в формировании и поддержании чувства **самоидентичности**. Теория дифференциальных эмоций рассматривает эмоцию как наиболее фундаментальный способ организации ощущений.

В современном языкознании все более растущее внимание исследователей привлекают проблемы, связанные с исследованием проблем когнитивности, а эмоции рассматриваются также как специфическая, своеобразная форма когниции, отражения и оценки окружающей человека действительности [5, с. 29; 6, с. 35].

Не ослабевает интерес исследователей к эмоциональному фону высказывания. Эмоциональный фон присутствует при порождении любого высказывания. Однако описание всех степеней и способов влияния эмоций на речь и ее восприятие представляет собой не решенную до конца проблему.

Концептуальная база для конструктивных обобщений по данной проблематике представлена в работе К. А. Долинина, отмечающего, что типичные высказывания аффективной речи – это не разрушенные фразы, а неготовые, недостроенные предложения. Учёный в своей работе убедительно показывает, что в спонтанной речи при наличии эмоционального фона высказывание не проходит полной обработки, как происходит для письменной, подготовленной речи, а подается на выход грамматически неоформленным или оформленным на скорую руку [9].

По Ш. Балли, для синтаксиса эмоциональной речи характерны парцелляции – модели, подчеркивающие коммуникативную структуру: сегментированные предложения, эллиптические конструкции различных типов, повторы разного рода, механизмы хезитации, выражающие эмоцию за отсутствием других адекватных средств или связанные с ощущением недостатка времени или усилий для перепланирования речевой программы [1].

В. Г. Гак предполагает наличие особого психолингвистического механизма, действующего на уровне, как предложения, так и целого текста, в компетенцию которого входят разделение текста на эмоционально-оценочный (маркированный) и диктальный (нейтральный) блоки и их расположение в определенном порядке, чаще всего первый в начале и / или конце высказывания, а второй – в его середине [6].

Замечено, что для эмоционально-экспрессивного синтаксиса типичны такие специфические черты, как парцелляция, сегментация, лексические повторы с синтаксическим распространением, вопросно-ответные построения в монологической речи, цепочки номинативных предложений, вставные конструкции, экспрессивное словорасположение, наличие синтагматической расчлененности, реализующей общую тенденцию к сегментации речи на отдельные смысловые блоки, доступные для удержания и оперирования ими в оперативной памяти.

Эмотивный синтаксис формализуется при помощи способов изменения порядка слов (дислокации, инверсии, интеркаляции) и способов реорганизации эмотивных структур (репризы, редукции, компрессии, реконструкции), актуализирующих такие грамматические категории как транспозиция и парцелляция [27].

Другие исследователи указывают на повышенную вероятность применения некоторых моделей вопросительных и восклицательных предложений, имплицитных более тесную связь с эмоциями по сравнению с другими предложениями [2]. Традиционно выделяется преимущественное употребление слов и фразеологизмов, где предметно-логическое значение зависит от контекста (бранные слова, междометия, восклицательные и оценочные фразеологизмы, типовые для данной коммуникативной ситуации клише и т. д.).

В прикладной фонетике отмечается повышенная роль супraseгментных единиц для передачи эмоций. Разработки ученых в этой области позволяют разделять эмоциональные состояния (тревогу, радость, гнев) по набору акустико-фонетических параметров (численная оценка и распределение пауз, средний уровень интенсивности

речевого сигнала, латентное время речевой реакции и т. д.). Исследователи обращают внимание на значимость анализа речевого ритма при исследовании интонации в связи с изучением эмоционально окрашенной речи [17; 10].

В целом, рассматривая механизм порождения и восприятия речи в условиях эмоциональной или иной помехи, большинство исследователей отмечают общую тенденцию к стереотипизации речи, тенденцию к ранее усвоенным речевым навыкам при нарастании эмоционального напряжения.

Итак, эмоция – одна из форм отражения мира, обозначающая душевные переживания, волнения, чувства [28, с. 181]. Уникальность эмоций сравнительно с другими объектами номинации обнаруживается, прежде всего, в многообразии и богатстве языковых средств их выражения, которые включают соответствующую лексику, фразеологизированные синтаксические конструкции, особую интонацию, порядок слов. Многозначность эмотивных лексических единиц, в том числе и междометий, не вызывает трудностей у носителей языка, так как разнообразные значения подсознательно усваиваются во время общения в социуме на фоне средств, обеспечивающих снятие полисемии в контексте.

Эмоции универсальны, а структура эмотивной лексики не совпадает в разных языках, имея национальную специфику. В связи с этим, выделяются универсальные и национально-культурные эмотивные смыслы в семантике языковых знаков. Иными словами, опыт человечества в познании эмоций закрепляется в языковых единицах, которые могут быть использованы для выявления способов вербализации базовых общечеловеческих эмоциональных состояний психики [11; 20], но имеющих специфические для каждой из наций, признаки языковой манифестации, связанных с особенностями эмоциональной языковой картины мира и способов коммуникативных интеракций.

Межличностные связи возникают вследствие различных социальных контактов, т. е. коммуникативного взаимодействия. Умение и способность общаться напрямую зависит от социального опыта или восприятия, которое основано на выстраивании стимулов, окружающих нас, в значимую структуру. Структура эта определяется культурой. Сюда относится ряд культурных условностей, правил, соглашений, которые воспитываются в нас членами одной социальной группы, к которой мы принадлежим. Таким образом, они накладывают ограничения на нашу коммуникативную гибкость.

В центре любого гуманитарного знания находится человек и все, что связано с его деятельностью. Одной из центральных составляющих человеческой деятельности является общение. Еще М. М. Бахтин определял сущность человека через диалог, понимаемый как качественное взаимодействие личностей, основанное на понимании и сводящееся к «персональной ответственности» и «участности». По мысли учёного, сущность человека раскрывается именно во внутреннем и внешнем общении [цит. по 21].

Различают как минимум два вида общения: вербальное и невербальное.

Общение, осуществляемое с помощью слов, называется вербальным (от лат. *verbalis* – словесный). Главным средством здесь служит язык – это система знаков, служащая средством человеческого общения, мыслительной деятельности, способом выражения самосознания личности.

При невербальном общении средством передачи информации являются такие знаки: позы, жесты, мимика, интонации, взгляды, интерьер. В этом случае знак – это любой материальный объект (предмет, явление, событие), который выступает в качестве указания и обозначения и используется для приобретения, хранения, переработки и передачи информации. Невербальные средства общения чаще всего используются для установления эмоционального контакта с собеседником, что важнее, так это поддержание эмоционального контакта в процессе беседы.

Частью человеческого общения, понимаемого в таком смысле, является речевая коммуникация. Ее образуют речевые акты, участвующие в процессе передачи информации и обмена деятельностью.

Экспрессивные способы номинации предоставляют богатый материал для исследования механизмов функционирования национальной языковой личности. Эмоциональные речевые акты можно рассматривать как своеобразное вместилище функционирования, репрезентации и фиксирования отношений коммуникантов друг к другу и к миру. В коммуникативных ситуациях, отличающихся высокой степенью эмоциональности, часто используются языковые единицы со специфической семантикой и структурой.

В процессе коммуникации могут быть выделены различные способы вербализации эмоций. Техники вербализации эмоций включают:

а) непосредственную вербализацию собственных эмоциональных состояний коммуниканта;

б) косвенную (опосредованную) вербализацию эмоций;

в) метафорическую вербализацию эмоциональных состояний коммуниканта.

К основным вербальным способам передачи эмоций следует отнести лексические (словообразование, фразеология) и синтаксические средства, которые выступают интегральной частью эмоциональной языковой картины мира.

Заключение

Эмоциональная языковая картина мира представляет собой совокупность определенных компонентов, в которую входят эмоциональные представления, эмоциональные понятия, эмоциональные концепты. Вербализуясь, данные компоненты формируют сложное структурно-смысловое образование. Эмоциональная языковая картина мира формируется в результате оценочной деятельности человеческого сознания при ментальном освоении действительности.

Важное место в лингвокультурологических изысканиях занимает традиционно актуальная для мировой филологии проблема – язык эмоций. В отличие от традиционного семасиологического описания вербализации эмоций, лингвокультурологический подход имеет значительную теоретическую и практическую ценность, как для филологии, так и для всего гуманитарного знания.

Манифестация эмоций этноспецифична по определению, что обусловлено разнообразными факторами экстра- и интралингвистического порядка. Механизмы передачи эмоций могут быть как вербальными, так и невербальными. Каждая конкретная семантико-психологическая и эмоционально-эстетическая манифестация эмоциональных состояний обусловлена особенностями языкового сознания личности как обобщенного образа носителя и проводника культурных, языковых, коммуникативно-деятельностных и поведенческих реакций.

В практическом сознании носителей языка сформирован «образ» базовых эмоций, принятый в данном лингвокультурном сообществе, при этом каждый индивид имеет собственный вариант данного образа.

Специфика репрезентации эмоций в языке определяется дескрипциями эмоций на всех уровнях языковой организации (лексическом, синтаксическом, лексико-графическом, фразеологическом, паремическом, афористическом и пр.), изучение которых обнаруживает скрытые связи между различными феноменами окружающей действительности. В любой лингвокультуре наличествует более или менее продуктивные типы тропных конструкций, что обусловлено этнокультурными факторами среды и спецификой структурирования французского языка и коммуникации. Особая роль принадлежит эмотивному потенциалу синтаксиса, эмотивным стратегиям употребления языковых единиц. Закономерности употребления языкового материала могут быть определены как индикаторы национального мировидения и коммуникативного поведения представителей нации, отражающие специфику национальной языковой картины мира и особенности вербализации эмоциональных реалий того или иного лингвокультурного сообщества.

Для выявления типологии вербализации эмоций во французской лингвокультуре мы предлагаем использовать схему анализа, включающую элементы классификации номинантов эмоций Н. А. Красавского. Данная классификация выявляет следующие способы лексикографической репрезентации языковых единиц: 1) родовидовые определения; 2) релятивные определения; 3) отсылочные определения; 4) комбинированные определения [12].

Сущность родовидовых определений заключается в принципе гипергипонимической организации лексической языковой системы. Родовидовые семы актуализируются словами самой широкой семантики.

Релятивный способ репрезентации выполняет уточняющую функцию. Данный принцип определения предполагает толкование значения языковых единиц через корреляции с другими языковыми единицами, преимущественно через синонимические отношения. Здесь также дается интерпретация вторичных номинантов эмоций.

Отсылочные определения номинируют эмоции второго порядка (сопутствующие). Комбинированные – используют различные типы толкования (родовидовые и релятивные).

В схему анализа мы включаем также способы тропной вербализации эмоций, фразеологической репрезентации, цветовые корреляты, афористический и паремический фонд. Типология манифестации эмоциональных состояний личности иллюстрируется примерами из художественных произведений, прессы, разговорного дискурса.

Таким образом, выявление типологических характеристик вербализации базовых эмоций в любой лингвокультуре основывается на комплексном лексикографическом, речевом и коммуникативном анализе языкового материала.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961.
2. Баранов А.Н. Эмоциональная экспрессия – язык – текст // Филология / Philologica. – 1993. – № 1. – С. 6 – 10.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М., 1997.
4. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. – М.: Просвещение, 1976. – 143 с.
5. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки = *Semantica funcional da valorizacao* / Е. М. Вольф; отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 228 с.
6. Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. – 1997. – № 3. – С. 87 – 93.
7. Дарвин Ч. Выражение эмоций и животных и человека. – Соч., т. 5. – М., 1939.
8. Додонов Б. И. Эмоции как ценность. – М.: Политиздат, 1978.
9. Долинин К. А. Стилистика французского языка. – Л.: Просвещение, 1978. – С. 229 – 274.
10. Златоустова Л. В. Когнитивная природа эмоций и их типология // Когнитивные аспекты языка: Материалы конференции. – Минск, 1999.
11. Изард К. Эмоции человека. – М.: Изд-во МГУ, 1980.
12. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: Монография. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
13. Леонтьев А. Н. Мотивы, эмоции, личность // Психология личности. Тексты. – М., 1982. – С. 71 – 81.
14. Лурья А. Р. Диагностика следов аффекта // Психология эмоций. Тексты. – М.: МГУ, 1984.
15. Макдауголл У. Различение эмоции и чувства // Психология эмоций. Тексты. – М.: МГУ, 1984.
16. Маклаков А. Г. Общая психология. – СПб.: Питер, 2001. – 592 с.
17. Манеров В. Х. Экспериментально-теоретические основы социальной идентификации и интерпретации говорящего: Автореф. диссертации доктора психол. наук. – 1993.
18. Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – 106 с.
19. Немов Р. С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. – 4-е изд. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – Кн. 1: Общие основы психологии. – 688 с.
20. Нойманн Э. Происхождение и развитие сознания. – М.: Рефл-бук; Ваклер, 1998.
21. Пешков И. В. Введение в риторику поступка. – М., 1998.

22. Седых А. П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов). – М.: Компания Спутник+, 2004. – 269 с.
23. Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947.
24. Столин В. В. Самосознание личности. – М., 1983.
25. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов // Славянское языкознание. XI международный съезд славистов. – М., 1993. – С. 308.
26. Телия В. Н. Лексические модусы экспрессивности // Памяти Г.В. Колшанского. Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореца, 1987.
27. Турбина О. А. Сравнительно-историческое исследование тенденций формирования французского классического предложения. Автореферат диссертации... доктора филологических наук. – Екатеринбург: Уральский Государственный педагогический институт, 1966. – С. 34 – 35.
28. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. – 192 с.
29. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // Вопр. языкознания. 1994. – № 1. – С. 20 – 25.
30. Юнг К. Г. Психологические типы. – СПб.: Азбука, 2001. – 736 с.
31. Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. – М., 1969.
32. Buller D. Communicating of Emotions // Nonverbal Communication. The unspoken dialogue. 2 ed. – New York; London; Tokyo: The McGraw-Hill Companies, 1996. – P. 271 – 296.

NATURE OF EMOTIONS AND THEIR CLASSIFICATION IN HUMANITIES AND LINGUISTICS

A. P. Sedykh

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
sedykh@bsu.edu.ru*

The paper deals with the problem of linguistic identity, particularly of the emotional identity and is devoted to the ontology and the methods of classification of emotions in line with linguistic and cultural approach to the analysis of linguistic phenomena. Emotions are considered as a certain type of language identity, functioning in specific communicative ways of information exchange of. Universal and ethnocultural ways of emotion's verbalizing are related to the specific type of categorization of reality. Prospects for research of this type of verbalizing are seen as part of cognitive-communication techniques to identify the emotional and expressive language settings.

Key words: emotion, lingual culture, linguistic identity, verbalizing of emotions, semiotics, cognition and communication.

УДК 373.167.1

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ И ДИСКУРСА (ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ВОПРОСИТЕЛЬНЫМ ПРЕДЛОЖЕНИЯМ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Т. Е. Соболева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
soboleva@bsu.edu.ru*

Одной из проблем, связанных с прагматическим подходом к анализу языка, стало различие предложения и высказывания и их отношение к языку и речи. Отнесенность предложения либо к речевой, либо к языковой компетенции говорящего, выносит в фокус исследования разные комплексы проблем: модально-коммуникативные в первом случае и логико-синтаксические – во втором.

В статье отмечается, что при дискурсивной актуализации в рамках смыслового содержания реализуется динамическое взаимодействие семантического и прагматического значений в пределах общих возможностей, которые предопределяются языковой системой.

Ключевые слова: язык, речь, инвариантные модели, парадигматика, синтагматика, дискурс, полифония, аргументативное значение, косвенный речевой акт.

Положение о языке как определенным образом организованной системе впервые в лингвистике четко сформулировал Ф. Соссюр. Ученые, разделяющие точку зрения Ф. Соссюра, углубляют и уточняют толкование языковой системы (М. Н. Кожиной, Г. Хельбига, А. В. Бондарко, Л. М. Минкина, А. Н. Харитоновой, Ж. Моэшлера и др.). При этом всякий раз отмечается, что языковая система является не материальной, а идеальной лингвистической реальностью [1].

Не все лингвисты согласны с тем, что системная организация присуща и морфологии, и синтаксису. Так, Г. Гийом относит к языковой системе единицы морфологии, а к сфере речи – явления синтаксиса [2]. По мнению Гийома, язык и речь интегрируют свои свойства в речевой деятельности, в конкретном речевом акте:

ЯЗЫК → РЕЧЬ → РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К системообразующим признакам языковой системы ученые относят инвариантные модели, а разграничение языка и речи проводят часто по линии парадигматика-синтагматика [3, с. 18].

Ряд исследователей считает, что синтаксис возможно рассматривать наряду с морфологией – частью языковой системы. Для системы синтаксиса характерна определенная композиция [4 и др.]. В качестве единиц синтаксической системы признается существование предложений, конкретных в смысле составляющей их лексики, но абстрактных в плане их виртуальности. Эти единицы грамматически и лексически оформлены и характеризуются наличием грамматического подлежащего и грамматического сказуемого. В основе предложения лежит структурная схема, или модель. Модель предложения всегда семантически, она обладает локутивным значением, т. е. информативностью, и без учета лексики ее изучение невозможно. По мнению М. П. Ионицэ и М. Д. Потаповой, одного лексического заполнения схемы недостаточно для формирования коммуникативно-ориентированного высказывания [5, с. 13]. Предложение как виртуальная единица актуализируется в высказывании, т. е. превращается из элемента языка в элемент речи. Процесс актуализации предложения в высказывание предполагает введение его в речевой акт, т. е. в акт коммуникации.

Изучение языка в прагматическом аспекте было бы невозможным без теории речевых актов, в основе которой лежат идеи Дж. Остина [6], являющейся центральным понятием для прагматики. Согласно этой теории, обобщение понятия речевого акта представляет собой трехуровневое образование, которое включает локуцию (ин-

формативность), которую иногда рассматривают как отдельный речевой акт со своим локутивным значением. Последнее представляет, по сути, интегрированное содержание языковых средств, которое предстоит коммуникативно ориентировать в речи.

Вторая часть обобщенного речевого акта - иллокуция, которая включает в себя два неразделимых понятия, относящихся к анализу речевого акта и к самой семантике высказывания: иллокутивный акт/иллокутивная сила, где иллокутивный акт – речевой акт в его отношении к манифестируемой цели, тогда как иллокутивная сила – цель говорящего, манифестируемая им в определенных условиях [7, с. 7 – 21]. Наконец, в обобщенном речевом акте выделяют перлокуцию (результат) – ”процесс воздействия речи на мысли и чувства аудитории и посредством этого воздействия на дела и поступки людей” (там же). Конечно, перлокуция представляет собой более изменчивую величину характеристики высказывания в сравнении с иллокуцией, поскольку перлокутивный эффект может быть разным, в зависимости, в частности, от интенции и эксплицитной или имплицитной аргументации самого высказывания. Можно говорить об универсальности и специфичности иллокуции также, как и перлокуции, в зависимости от угла зрения, под которым рассматриваются эти явления. Например, в одном языке, или как явление многих языков. Вместе с тем, главным понятием в теории речевых актов, по мнению Остина, является понятие иллокуции, которую английские ученые Стросон и Серль трактуют по-разному: соответственно «открытая интенция» и «коммуникативное намерение» [8, с. 151 – 169]. Многие ученые подчеркивают ведущую роль иллокуции, на фоне которой остальные уровни речевого акта (локуция, а в особенности перлокуция) не привлекают особого внимания лингвистов.

Одной из проблем, связанных с прагматическим подходом к анализу языка, стало различие предложения и высказывания и их отношение к языку и речи [9, с. 22]. Такое разграничение уже предпринималось в рамках традиционного и структурного синтаксиса (И. Г. Торсуева, Л. П. Чахоян, G. Siouffi, D. Van Raemdonck), где предложение и высказывание противопоставлялись друг другу как единицы двух разных синтаксических уровней: конструктивно-синтаксического (предложение) и коммуникативно-синтаксического (высказывание).

Отнесенность предложения либо к речевой, либо к языковой компетенции говорящего, выносит в фокус исследования разные комплексы проблем: модально-коммуникативные в первом случае и логико-синтаксические – во втором. Лингвисты рассматривают иногда предложение как некую абстрактную и потенциальную сущность, абстрактную схему (Л. С. Бархударов), структурную схему (Н. Ю. Шведова), синтаксему (И. К. Леков). Общим при всем многообразии определений является признание за предложением статуса языковой единицы как структурной схемы, модели, характеризующейся своей синтаксической структурой и значением, которое выводится из значений составляющих его слов. Высказывание же определяется как единица коммуникации и наделяется чертами, противопоставляющими его предложению, среди которых основными называются: коммуникативная направленность, актуальное членение, интонация, смысловая завершенность (независимая от структурной завершенности), ситуативность, коннотативность. Хотя, например, для О. Дюкро само значение предложения не является чем-то само собой разумеющимся, обусловленным, и способ определения содержания предложения не сводится к обобщению значений его компонентов. Ученый подчеркивает, что главным образом, значение предложения определяется по показателям, присущим речевым актам, например, правилам аргументации: [...] la phrase comporte l'instruction de chercher, pour ses énoncés, tel ou tel type d'utilisation argumentative [10, с. 81]. Лингвистический компонент должен, таким образом, быть дополнен другим, прагматическим компонентом, задача которого – придать смысл различному содержанию в значении фразы. Такой подход логически мотивирован его пониманием языковой системы как единого целого, где дихотомия язык/речь упразднена. С этим трудно согласиться, поскольку, по мнению многих исследователей, наличие в языке структурных моделей, являющихся контекстно

независимыми, представляется очевидным. Например, сам факт системно-языкового противопоставления повествовательных и вопросительных моделей по структурному признаку (S-V/V-S) не вызывает сомнений.

Некоторые лингвисты, признающие дихотомию язык/речь, считают, что предложение принадлежит только речи (В. А. Звегинцев, Э. Бенвенист, Г. Гийом). Конечно, оппозиция «высказывание-предложение» является условной, «как условно само противопоставление языка и речи, ибо одно не существует без другого, как не существуют раздельно сущность и явление» [5, с. 11]. Тем не менее, разделение единой сущности «предложения-высказывания» на две единицы все же целесообразно как методологический прием, который способствует более четкому выделению, отграничению и ограничению объектов исследования в зависимости от его целей [5, с. 11].

В основе предложения лежит структурная схема, или модель, которая является означающим знака-предложения, выполняющим «опосредующую функцию» [11, с. 268]. Это возможно, поскольку системно-языковая модель предложения сама по себе содержательна, и ее содержание – это сигнификативное значение предложения. Сигнификативное значение синтаксической формы в определенной степени представляет локутивное (информативное) содержание предложения. Другими словами, можно утверждать, что локуция, прежде всего, – содержание структурной модели предложения, а не только его «чистый конструкт». Однако при этом необходимо учитывать структурно-релевантную лексику. Поскольку актуализация предложения предполагает его соотнесение как виртуального знака с реальностью, предложение обязательно должно быть коммуникативно ориентировано в речи. При субъективизации предложения в речи актуализируется ментальная структура – суждение, которое в заданном контексте/контексте приобретает определенную тема-рематическую организацию.

По мнению А. В. Бондарко, значение той или иной единицы в языке представляет собой элемент языковой системы, тогда как конкретный смысл – это явление речи, имеющее ситуативную обусловленность [12, с. 50 – 51]. Языковая модель предложения виртуальна, поскольку не имеет реальной референтной соотнесенности. В аспекте прагматической теории структурно-семантический прототип речевого высказывания – это виртуальная модель (локутивный образец). В речи же представлены иллюкутивные варианты, которые реализуют локутивные модели не только в содержательном, но и структурном планах. При таком подходе, как было отмечено, выделяются три составляющих предложения: синтаксис, семантика и прагматика.

В дискурсе языковые формы употребляются как в своей первичной функции, при симметрии (соответствии) структурного и семантико-прагматического уровней, так и во вторичной функции, когда имеет место асимметрия (несоответствие) вышеназванных уровней. В первом случае говорят о прямом речевом акте, во втором – о косвенном [13, с. 16].

Вместе с тем, положения интегрированной прагматики позволяют более четко показать разницу между формальным языком и естественным. Так, для прагматики важной составной частью является теория косвенных речевых актов, которые отличаются особым вариантом взаимодействия информативного и аргументативного (прагматического) значений высказывания. Фраза: *Avez-vous une montre?*, которая может обозначать простой запрос информации, в определенной коммуникативной ситуации может выступать как речевой акт-императив: *Avez-vous une montre? (= Dites-moi l'heure!)*. На примере косвенных речевых актов возможно проследить взаимоотношение коррелятивных пар понятий: семантики (информативности) / прагматики (аргументации, иллюкуции), что отражается на соответствии означающего-означаемого сложного знака-предложения. В случаях, когда прагматика «берет верх» над семантикой, изменяется ее коммуникативная ориентация, которая входит в противоречие с внешней структурой высказывания, например, вопроса.

Таким образом, в прямых речевых актах наблюдается симметрия означаемого и означающего, тогда как в косвенных речевых актах нарушается равновесие прагма-

тического и семантического значений предложения, что влечет за собой асимметрию денотативного и сигнификативного значений. Эту же мысль подчеркивает Н. Ф. Алефиренко: «Любой знак косвенного именованья (метафорическое сравнение, метафорическое и метонимическое сочетание, фразеологизм, поговорки), возникнув на базе дискурса, характеризуется асимметрией формы и содержания, когда смысловое содержание означаемого знака не вытекает непосредственно из линейно организованного смысла означающего» [14, с. 8]. Обычно, в косвенных высказываниях аргументативность превалирует над информативностью.

Некоторые косвенные речевые акты могут быть поняты вне контекста, им свойственно только «косвенное» значение, представляемое их структурой, и в первичном значении такие конструкции не употребляются. Таковы, например, общевпросительные предложения с отрицанием, где чаще всего встречаются глаголы *pouvoir*, *vouloir*, употребленные в кондиционале: *Ne pourriez-vous pas passer le sel?* (= *Passez le sel!*). Подобные предложения приняты системой языка, поскольку как в первом, так и во втором случае общевпросительные высказывания являются независимыми от контекста. Что касается частновпросительных предложений, то среди них довольно редко встречаются контекстуально независимые косвенные речевые акты. Например, по аналогии с предыдущим примером, используя частный вопрос, можно привести следующее высказывание: *Qui pourrait me passer le sel?* Оно также будет являться косвенным речевым актом императива: *Qui pourrait me passer le sel?* (= *Quelqu'un, passez le sel!*) Вопросительное местоимение *qui* имплицитно предполагает наличие нескольких коммуникантов, о которых мы можем узнать только из контекста. Контекстуально независимыми косвенно речевыми актами можно считать частновпросительные предложения, используемые иногда в качестве риторического вопроса, типа: *Qui peut tout savoir?* имплицитно содержащее ассертивное высказывание: *Qui peut tout savoir?* (= *Personne ne peut tout savoir*). Подобные риторические вопросы обычно встречаются среди готовых изречений, пословиц и поговорок.

Вопрос по своей сути является речевым актом, который устанавливает права и обязанности партнеров по коммуникации: тот, кто задает вопрос, обозначает свое право его задать, и требует от собеседника на него ответить. Эта особенность вопросительных предложений приближает речевой акт-вопрос к речевому акту-приказанию, который ставит в затруднительное положение собеседника, это можно наблюдать, в частности, в ситуации сдачи экзаменов. В ряде случаев вопрос задается с целью простого запроса информации, без явного принуждения на него отвечать присутствующему адресату; в том случае, если вопрос задается самому себе, то говорящий (думающий) берет себя в качестве свидетеля своих размышлений.

Наконец, в некоторых коммуникативных ситуациях, вопросительное предложение не соответствует речевому акту-вопросу, но косвенно принимает значение другого речевого акта.

Если попытаться аналитически воспроизвести расположение обобщенных моделей вопросительных предложений в языковой системе, то, очевидно, в центре определенного микрополя следует расположить конструкции с соответствием означаемого и означающего, так как в этом случае как структура, так и значение языковой прототипической модели отвечают вопросительной иллюкции; периферию, очевидно, займут конструкции с косвенным значением, поскольку их структура «скрывает» несоответствующее ей содержание. В речи для таких предложений достаточен нулевой контекст.

Центральные модели могут реализовать в речи несколько значений. Предложения, воспроизводящие в речи эти типовые модели, потенциально многозначны (1). Периферийные модели потенциально однозначны (2):

(1) -*Qu'est-ce donc qui te plaît?*

- *Tout ce que vous voulez détruire...* (Sartre. *Le diable et le bon Dieu*, 96).

(2) -[...] *quel est le soldat qui gagne une guerre a lui tout seul?* (Sartre. *Le diable et le bon Dieu*, 124).

Характер взаимодействия семантического и прагматического значений в случаях полной независимости и полной зависимости от контекста является различным: в контекстуально независимых высказываниях это взаимодействие статично, в контекстуально зависимых косвенных речевых актах – динамично. По мнению В. Г. Гака, в косвенных речевых актах (в дальнейшем КРА) иллокутивный эффект «не соответствует прямому значению высказывания, но обуславливается фоновыми знаниями [...] говорящих, условиями общения» [13, с. 15]. Вследствие этого проблема косвенных речевых актов связана с понятием импликатур, по правилам которых адресатом выводится иллокутивная сила речевого акта. Коммуникативная импликатура представляет собой «определенные выводы, которые можно сделать на основании содержания высказывания без привлечения отношений логической импликации» [9, с. 530]. Субъектом импликатуры является «говорящий или (по метонимическому переносу) взятое в контексте речи высказывание» [15, с. 29]. Значение импликатур речевого общения «состоит не только в том, что они подсказывают технику вывода косвенных смыслов, но также и в том, что они уточняют прямой смысл высказывания, исключая другие интерпретации, совместимые с его значением» [15, с. 30].

Сторонники интегрированной прагматики признают, что аргументативное значение и в языковой системе не перестает быть прагматическим: именно в языковой системе зафиксировано относительное равновесие информативного и аргументативного (прагматического) значений, поскольку последнее всегда однозначно в системе языка и потенциально однозначно/многозначно в речи [16, с. 15 – 25].

Именно в речи, под влиянием контекстуальных условий, прагматическое значение может доминировать над семантическим, и иллокуция предложения (его целевая установка) не совпадает с системной (языковой).

Теория речевых актов предполагает сложную функциональную структуру компонентов дискурса. В актуализированной лингвистической реальности различают: изолированного говорящего и других субъектов коммуникации, наличие которых рассматривается как одна из существенных характеристик теории высказывания – его полифоничность [9, с. 324 – 326]. Такой подход с точки зрения интегрированной прагматики позволяет пересмотреть классическое положение о единичности говорящего. В трактовке системы личных местоимений, предложенной Э. Бенвенистом, которые подразделяются на указатели и заместители, остается неопределенным само понятие «говорящий». Пристрастие О. Дюкро к семантическому анализу в интегрированной прагматике привело его к рассмотрению речевой деятельности, определяемой как продукт многих голосов или точек зрения, что свойственно, по мнению ученого, дискурсу вообще, и литературному в частности. Понятие «рассказчик» противопоставляется не только главным действующим лицам (персонажам) повествования тем, что он (рассказчик) определяет точку зрения, на основании которой представлена история, но в равной степени и автору, предполагаемому лицу. Для настоящей статьи данное положение является важным, так как исследуемые простые и сложноподчиненные вопросительные предложения в основном используются в так называемом «авторском тексте», то есть в художественных произведениях, в драматургии, там, где реже встречаются высказывания, воспроизводящие спонтанную речь.

Во многом театральный, или художественный дискурс, проявляет функциональную аналогию с повествовательным дискурсом, а также затрагивает саму проблематику высказывания. Существование двойственной ситуации коммуникации: внутренней (персонаж-персонаж) и внешней (автор-читатель), показывает, что проблема точки зрения не сводится к условной единичности говорящего, лингвистическим показателем которого является категория первого лица [9].

Итак, традиционному положению о единичности говорящего О. Дюкро противопоставляет теорию полифонии высказывания. Понятие полифонии включает идею многочисленности голосов в одном высказывании. Наиболее яркими примерами полифонии являются негативные, иронические высказывания:

1. Il ne fait pas beau.

2. (sous une pluie battante): Quel temps magnifique!

Отрицательное высказывание, по мнению Дюкро, состоит не в подтверждении ложности предложения, а в столкновении двух точек зрения: первая соответствует подтверждению «il fait beau», а вторая – выражению отрицания этого утверждения. Эти две точки зрения не принадлежат говорящему: они являются результатом двух различных высказываний, взятых на рассмотрение говорящим, и только со второй он соглашается.

Во втором примере ироническое высказывание не должно, как считает Дюкро, интерпретироваться согласно классическому представлению, что оно имплицитно выражает противоположность тому, что утверждает. Согласно Сперберу и Вилсону, анализ которых частично принимает Дюкро, было бы непонятно, какой именно указатель на противоположность реальному факту мог бы быть уместным с точки зрения коммуникации. В действительности, в любой иронии есть намек или ссылка на полифонию: говорящий своим речевым актом отсылает нас к высказыванию или точке зрения, представляющей абсурдной в реальных условиях, и которую говорящий отказывается принимать.

Анализ примеров подтверждает, что догматичному представлению о единичности говорящего следует предпочесть понятие полифонии, которое устанавливает различие между говорящим (определяемым как ответственным за речевой акт) и участником коммуникации (определяющим одну или несколько точек зрения, взятых на рассмотрение говорящим).

В общем интегрированная прагматика наделяет значение предложения следующими указателями:

- 1) указателями на аргументативный потенциал (т.е. иллокуцию);
- 2) указателями на возможные последствия, к которым может привести реальное продуцирование предложения (контрастный речевой акт);
- 3) указателями на точки зрения (на других говорящих), выраженных во фразе.

Таким образом, в дискурсе предложение приобретает смысловое содержание, которое представляет денотативное значение – то, что оно обозначает в реальной коммуникации. При дискурсивной актуализации в рамках смыслового содержания реализуется динамическое взаимодействие семантического и прагматического значений в пределах общих возможностей, которые предопределяются языковой системой.

Список литературы

1. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука. 1969. – 307 с.
2. Guillaume G. Grammaire particulière du français et grammaire générale.- Les Presses de l'Université Laval, Québec. 1973. – 400 p.
3. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., исправ. и доп. – М.: Высш. шк. 1986. – 220 с.
4. Минкин Л. М. Системные свойства предложения и прагматика речи // Современные проблемы романистики: функциональная семантика. – Том 1,2. – Том 2. – Калинин. – 1986. – С. 25 – 27.
5. Ионице М. П., Потапова М. Д. Проблемы логико-синтаксической организации предложения. – Кишинев: Штиница. 1982. – 135 с.
6. Остин Дж. Слово как действие// Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс. 1986. – С.122-129
7. Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XXVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс.1986. – С. 7 – 21.
8. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVII. Теория речевых актов. – М.: Прогресс. 1986. – С. 151 – 159.
9. Mœschler J., Reboul A. Dictionnaire encyclopédique de pragmatique. – P.: Edition du Seuil. – 1994. – 579 p.

10. Ducrot O. La valeur argumentative de la phrase interrogative // *Logique. Argumentation. Conversation (Actes du Colloque de Pragmatique)*. – Fribourg : Peter Lang. 1981. – P. 79 – 110.
11. Барт Р. Основы семиологии // *Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму*. – М.: Изд. Группа «Прогресс». 2000. – 536 с.
12. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. – Л.: Наука. 1978. – 123 с.
13. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // *Иностр. яз. в школе*. – 1982. – № 5. – С. 12 – 16.
14. Алефиренко Н. Ф. Имплицитность художественного слова как когнитивно-дискурсивная категория // *Научные ведомости Белгородского госуд. ун-та. Серия Гуманитарные науки*. – 2011. – № 12 (107). Вып. 10. – С. 5 – 11.
15. Арутюнова Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики // *Новое в зарубежной лингвистике*. – Вып. XVI. – *Лингвистическая прагматика*. – М.: Прогресс. 1985. – С. 3 – 42.
16. Минкин Л. М. Некоторые вопросы теории языка и речи // *Вісник Київського лінгвістичного Університету*. – Т. 3. – № 2. – Київ: Видавничий центр КДЛУ. 2000. – С. 15 – 25.

PRAGMATIC FEATURES OF THE LANGUAGE SYSTEM AND DISCOURSE (THE CASE OF INTERROGATIVE SENTENCES IN FRENCH LANGUAGE)

T. E. Soboleva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
soboleva@bsu.edu.ru*

The article deals with the problem connected with the pragmatic approach to the analysis of language. Denotation of the sentence may belong either to the speech or to the linguistic competence of the speaker, considering different complex of problems: modal-communicative in the first case and logical-syntactic problems in the second. It is noticed that at discursive actualization within the limits of the semantic context.

Key words: implicitness, text, discourse, invariant models, polyphony, indirect speech act.

УДК 81.1

ИДЕИ ТОЖДЕСТВА В ПЕРИОД КЛАССИЦИЗМА И РОМАНТИЗМА

И. П. Солодовник

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Solodovnik@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются точки зрения на категорию тождества, его формообразующую роль в философских и лингвистических концепциях представителей немецкого классицизма и, частично, романтизма (И. Г. Фихте, И. Кант, Ф. В. И. Шеллинг, Г. В. Ф. Гегель и др.), а также точки зрения представителей постмодернизма, постструктурализма (Ж. Делез, Т. Адорно и др.), «ведущих борьбу» с традиционными классическими взглядами на роль тождества, считающих, что системы, основанные на тождестве, ведут к тоталитаризму, смерти, а традиционная системообразующая роль тождества якобы переходит к различию.

Ключевые слова: тождество, различие, первофеномен, язык, субстанция, логический принцип.

Основные положения тождества были сформулированы уже в античности (досократики, Платон, Аристотель), в период неоплатонизма, патристики, схоластики, в трудах Спинозы, Лейбница, но наиболее полное развитие они получили в период немецкого классицизма.

Известны положения Платона и Аристотеля о креативной способности идеи, (эйдоса, формы), о том, что под влиянием формы абстрактное тождество переходит в тождество конкретное, особенное, единичное. Форма является той силой и причиной, благодаря которой (рассудочная) возможность превращается в (чувственную) действительность.

Проблема тождества связана в той мере с принципами формообразования в логике, в лингвистике, в какой форма является решающим фактором обеспечения тождества вещи. Это особенно характерно для античности (пафос формы), реалистских направлений схоластики.

Романтизм и классицизм немецкой философии восходят к философии, искусству античности, их многообразным проявлениям, взглядам, теориям. Винкельмановская «благородная простота и спокойное величие» (“*edle Einfalt und stille Größe*”) и его «образы высшей красоты и идеального человечества» [1], платоновско-аристотелевские идея, эйдос, логос служили источниками творческого вдохновения и прообразами теории многочисленных представителей немецкого романтизма, классицизма. Идея, эйдос, *morphé* – прообразы гегелевской идеи, системы, закона. Но, как считает Г. Флоровский, несмотря на кажущуюся абстрактность идеи (платоновского и аристотелевского эйдоса), она в античности всегда конкретна. Поэтому формула Винкельмана не совсем точно передаёт положение вещей. «Идеи не абстракции, не родовые понятия; это – «смысловые изваяния», как далее цитирует Г. Флоровский Плотина [2, с. 414], у которого первоначалом является Ум (Нус), сменивший платоновскую идею, а основным формообразующим фактором было Единство (Единое) Ума и Души [3, с. 15, 29, 70].

Проблема логического и лингвистического формообразования является другой стороной проблемы поиска первоначал (основположений, первопричин, первофеноменов). В материалистической и позитивистской философии и лингвистике «форма ищется».

Разделявший в некоторых вопросах метафизики материалистические взгляды Спиноза считал первоначалом природу, которая характеризуется самотождественностью, является причиной самой себя, вечна, бесконечна. Основой его онтологии было тождество Бога и Природы (пантеизм), учение, которое разделяли и другие мыслители, в том числе и Гете. Его (Спинозы) идея о неразрывном единстве бытия и мышле-

ния, духа и природы, души и тела, оказывает влияние на многие великие умы того времени – Гете, Лессинга, Гердера, их философско-лингвистические взгляды [4, с. 16], [5, с. 65].

Мысль Спинозы о том, что многообразные вещи чувственного умопостигаемого мира – это различные модусы единой субстанции, повторяет мысль досократика Диогена Аполлонийского о тождественной «в своих инаковениях субстанции» [6, с. 175], о дифференциации тождества как источника многообразия природных вещей, что является также ключевым положением традиционной классической теории формообразования в языке, перекликается с известным постулатом Соссюра о том, что в языке нет ничего, кроме тождеств и различий.

У Лейбница первоначально, основным принципом формообразования является предустановленная гармония, в которой находятся первоэлементы, первоначала (монады). В систему средств его упорядочения (гармонизации) входил принцип оптимальности, т. е. достижение максимального эффекта при минимуме затраченных средств, в частности использовавшийся им при разработке требований, условий создания универсальных языков и, что особенно важно для наших рассуждений, фундаментальный принцип тождества неразличимых [6, с. 304]. Это также один из основных этапов формирования трансцендентальной философии тождества немецкого классицизма.

Тождество природы и духа, субъекта и объекта, составлявшее суть классической философии, в период романтизма трансформируется в сферу человеческого. Оно характеризует различные направления романтической мысли в философии, языкознании. Романтическое направление (вторая половина XVIII в, начало IX в), в своих ранних стадиях совпадает с поздним Просвещением. Они обнаруживают сходства в постановке проблемы человека, в проявлении интереса к первоначальному, фольклору, поэзии. Идеи немецких романтиков в философии и языке развивались параллельно идеям классической философии. Культ разума, характеризовавший учения Лейбница, Декарта, идеи Просвещения были восприняты романтиками несколько по-другому, чем классиками. Имеется в виду интерес к человеку. Это различие характеризует труды Канта, но более отчетливо проявляется в работах Гердера по философии, культуре, языку, в работах А. Шлегеля, Новалиса, А. Гримма, К.-Ф. Беккера, вплоть до В. фон Гумбольдта.

Новалис выделяет в учении Платона идею тождества субъекта и объекта [6, с. 55], отмечается преемственность идей Канта и Гумбольдта в вопросах философии языка (А. В. Гулыга, В. М. Павлов, В. И. Постовалова). В. М. Павлов, посвятивший ряд своих трудов проблемам философии языка, отмечает последовательность Гумбольдта в поисках источника упорядочения чувственных впечатлений, сопоставляя их с априорными категориями разума Канта [7, с. 154].

Идея тождества проходит через всю философию Фихте. Как и античные философы, другие представители классической философии, он пытался вывести науку из одного принципа, первоначала. Таким первоначалом у Фихте является деятельность. «Идея есть самодовлеющий источник живой деятельной жизни, вечно текущей из себя самой; она не нуждается ни в чем другом и не допускает ничьего влияния на себя» [9, с. 271]. Первичный акт познания у Фихте – это, таким образом, самоотождествление ($A=A$). У Фихте «Я» – «думающий субъект», устанавливает сам себя (setzt sich selbst), собственное бытие. Природа у него продукт Я, продукт духа [10, с. 114], опыт возникает из Я. Я продуцирует в себе не-Я, «чужое в себе». В самой глубинной сути Я – это чистая, бесконечная деятельность. Опыт – производное Я, производное деятельности. Но у Фихте не только опыт, но и (теоретический) разум (Vernunft) – это деятельность [10, с. 114]. Высшим основоположением у Фихте является суждение Я есмь Я [11, с. 136].

Кант тоже говорил о том, что Опыт и Разум образуют единство (Единое) и происходят из одного источника. Он отдавал предпочтение практическому рассудку. Философия Фихте – первая модель философии тождества [11, с. 136].

Точка зрения Канта на происхождение опыта и рассудка отличается от точки зрения Фихте. У Канта – это «вещи в себе» (Dinge an sich), у Фихте, как уже говорилось, опыт возникает из Я, из субъективного [10, с. 114].

У Канта Я – трансцендентальный субъект, «не некая абстракция от человеческой природы, а само движение дефиниционной спецификации к полной и окончательной индивидуальности, единичности, т.е. деятельность по логической обработке всякого содержательного знания» [11, с. 152].

Следует отметить, что Кант широко пользуется тождеством как «мыслительным инструментарием» (Платон) для характеристики других категорий, соотнося вначале познавательные категории («Критика чистого разума»), этические («Критика практического разума»), эстетические («Критика способности суждения») между собой, а также сопоставляя эти категории внутри каждого из типов.

Это характерно для его учения об априорном синтезе, основном вопросе трансцендентальной логики (Как возможны априорные синтетические суждения?). Трансцендентальное единство апперцепции (Коперниканский переворот Канта в философии) характеризуется такими этапами, как «схватывание» представлений, сведение многообразного содержания созерцания в единый образ. Далее, это «репродукция» – воспроизведение представлений в памяти и, наконец, «апперцепция» – узнавание, установление тождества воспроизведенных представлений с явлениями, благодаря которым они даны (в том числе и узнавание самого себя, сознание самотождественности Я [12, с. 54]). Трансцендентальное единство апперцепции (чистое «Я», рассудок, трансцендентальный субъект) предполагает синтетическое единство апперцепции как единство многообразия представлений, аналитическое единство апперцепции как тождество сознания в представлениях [11, с. 78].

Кант разграничивал аналитические и синтетические категории. Аналитические суждения характеризуются, как известно, тождеством, синтетические предполагают дополнительную информацию, основанную на опыте. В аналитических суждениях осуществляется пояснение значения (понятия) без его расширения, без нового знания, в синтетических суждениях происходит расширение знания, получение новых знаний [13, с. 22].

Синтетические знания – это научные знания, предполагающие установление причины, а причина не выводится из опыта. Поэтому разграничение Кантом аналитических и синтетических суждений (в схоластической экзегетике разграничение экзегезы и эпексегезы) было значительной вехой в развитии учения о тождестве. Оно имеет большое значение для лингвистики, для анализа синтаксических отношений.

При оперировании понятиями Кант использует процедуру трансцендентальной рефлексии. Основными видами сравнения были так называемые универсальные «топы», среди которых тождеству и различию отводилось первое место [13, с. 201], [11, с. 83]. Анализируя проблемы трансцендентальной философии Канта, современные философы связывают тождество с рассудком, различие с чувственным созерцанием, с рассудком связывается форма как определение, а материя как определяемое – с чувственным созерцанием [11, с. 84]. Тождество оказывается в ряду «определение-форма-рассудок», а различие в ряду «определяемое-материя-чувственное созерцание».

Следует также отметить, что идеи человеческого, социального (анимизация) восходят к софистам. Частично они встречаются у досократиков – микрокосм Демокрита, гилозоистически понимаемый космос [6, с. 182]. Вехами развития этого направления в философии, лингвистике были, начиная от идей софистов (Ср.: Протагор – «Человек есть мера всех вещей»), идеи истины, самости как свойств, делающих человека человеком, самим собой, платоновские идеи дуализма души и тела. С другой сто-

роны, идеи воплощённости человека в природе, его целостности, которые развивались в трудах Аристотеля, находили своё продолжение в трудах Канта, эпохи раннего просвещения.

Идеи представителей классической немецкой философии, романтизма (Гердер, Гегель, Гёте, Фихте, Шеллинг) нашли свое отражение в философии языка. В философии языка, как она начала складываться в немецкой лингвистике и философии (Г. К. Лихтенберг, И. Г. Гаман, Й. Г. Гердер, В. фон Гумбольдт), происходит отход от абстрактной идеи, свойственной рационализму, закладываются основы сравнительно-исторического языкознания, формируется понимание языка, как фактора, обуславливающего мышление [14, с. 104]. Критикуется точка зрения Канта, согласно которой познание, возможность знания обуславливается «чистым разумом», «сознанием вообще», не учитывается при этом роль языка. Отдавая предпочтение категориям рассудка, Кант, как известно, придавал большое значение практическому опыту. Согласно взглядам представителей «философии языка», язык является не просто орудием, инструментом мышления (разума), а его воплощением. Язык есть разум, а критика разума есть критика языка [14, с. 105]. Априорным условием познания, условием возможности знания вместо кантовской «чистой идеи» («чистого разума») становится язык. Язык становится символической реальностью, опосредующей отношение субъекта к миру, фиксирующей коллективный опыт познания мира и влияющей на способы его познания [14, с. 128].

И. Г. Гердер создает историческую теорию языка. Следуя Гаману, он придает эмпирические черты, эмоциональный, поэтический (народный) характер рационализму Лейбница, Декарта в осмыслении сущности языка, его происхождения, видит ясность идеи только в соединениях, связях слов, как и Аристотель, видел в этом тождество вещи. (Заметим, однако, что, заменяя трансцендентную реальность сознанием (Разумом), Декарт мыслил его уже в становлении).

Язык понимается Гердером как органическое единство содержания, формы и инструмента (Werkzeug) мысли [15, с. 100]. Гердеру и, прежде всего, Гумбольдту также была близка идея первоначала, первопричины и дифференциации их как источников многообразия языковых форм. Язык Гумбольдт, как известно, рассматривал как деятельность, как творческое начало, а во всех творениях человека видел естественные причины, природное начало. «Здесь главный источник разнообразия выражений для одного и того же предмета. Если, например, в санскритском слон называется то дважды пьющим, то двузубым, то снабженным рукою, то каждое из этих названий, очевидно, содержит в себе особое понятие, хотя все означают один и тот же предмет» [16, с. 49, 91, 92]. Тождество образует логическую основу метода Гумбольдта, который передается известной формулой диалектического тождества «то же самое и другое».

В структурной концепции К.-Ф. Беккера язык – это организм, язык отождествлялся с логикой, структура языка – это структура мышления.

Для исторических концепций А. Гримма, Г. Пауля характерно установление генетического тождества явлений языка, связь с телеологической целесообразностью.

В функциональной трактовке языка В. фон Гумбольдта язык есть совокупность внутренних форм – проявлений творческой деятельности духа по выражению мысли звуком. Язык отождествляется (как и в современной когнитивной концепции) с тем мыслительным содержанием, которое он выражает. Гумбольдт говорил, что язык есть часть психических процессов, которые находят выражение, которые выражены. Язык как идеальная часть психических процессов отягощён материей, материальным [17, с. 12, 13].

Хотя Гёте себя философом не считал, но место его в философии уникально и очень значительно. Его творчество – художественное, научное, публицистическое – служит богатым источником философских, да и лингвистических идей, не говоря уже о культуре, естественных науках, теории литературы. В философии ему отводят место между Фихте и Шеллингом. Свою философию он называл гилозоизмом (всеобщая

одушевленность материи) [12, с. 163, 165]. В теории познания, как уже говорилось выше, Гёте следовал учению Спинозы, был пантеистом, в онтологии придерживался монистических взглядов (Ср. его известные философские стихотворения «Одно и всё», «Завет», учение о первофеномене, пронизанные идеями тождества, трагедию «Фауст» и др.).

Ф. Шиллер (как говорит об этом А. Ф. Лосев) видел в наивности изображения древних греков природу. Наивное древних греков недостижимо совершенно, оно дано как природа [18, с. 15]. Ф. Шиллер устанавливает логические отношения между природой и идеей, устанавливает взаиморавновесие – тождество: природа дана нам как идея, а идея – как природа [18, с. 20]. Описательность Винкельмана у Шиллера становится логически расчленённой. В его тождестве научная картина мира смыкается с мифической.

Известно всеобщее стремление («притязания разума») идеалистической философии «вывести или построить весь мир из его первоначал до последней песчинки: идеализм веровал, что мир так построен.... Идеалистическое мировоззрение поляризовано. Оно как бы, раздвоено изначально: пафос бесконечности и пафос формы...» [2, с. 415]. Эти два начала были, как сказано выше, поляризованы. Пафос бесконечности наиболее чётко выражен у И. Г. Фихте. Но всегда побеждал пафос формы [2, с. 415].

Если до романтизма и классицизма тождество называлось в числе свойств других первофеноменов бытия (Платон, Аристотель), в числе первоначал, первичных сущностей (Декарт), как мыслительный инструмент при использовании других категорий в познании мира (Платон), то у Шеллинга тождество – это, прежде всего, объединяющее начало субъективного и объективного, природы и духа, понятия и бытия.

В отличие от Фихте, который высшим основоположением считал деятельность, Шеллинг считает таковым «интеллигенцию – действующую силу самой природы» [11, с. 144]. Шеллинг поддерживает идею об изначальности тождества субъекта и объекта, как она формулируется у Фихте. Но в отличие от Фихте, рассматривавшего Я как основной принцип философии, Шеллинг, поддерживая идею об изначальности тождества субъекта и объекта, отдавал, как и Спиноза, предпочтение объекту, природе. Одни философы подчеркивают этот момент противоречия между учениями о тождестве у Фихте и у Шеллинга, другие отмечают, что и у Шеллинга «тождество субъекта и объекта суть любого априорного синтеза, где Я как самообъективирующееся мышление оказывается не только высшим синтезом а priori, но условием всех синтезов вообще» [11, с. 146]. Эта мысль является центральным положением философии тождества. И, конечно же, упоминавшаяся выше мысль Диогена Аполлонийского о дифференциации тождества как источнике многообразия природных вещей была поддержана Шеллингом. Это ключевое и плодотворное для современной лингвистики понятие философии Диогена Аполлонийского повторяется в работах А. Ф. Лосева, А. В. Гулыги, других ученых. Философия тождества, которая характеризует классический трансцендентализм вообще, связывается прежде всего с именем Шеллинга. Это, как уже говорилось выше, тождество субъекта и объекта, материи и сознания, реального и идеального [12, с. 202]. Оно составляет основу его философии, философии тождества (отмечается, однако, что между объектами и субъектами допускаются количественные различия [12, с. 180]). Трансцендентальная философия, будучи вначале противопоставленной натурфилософии, превращается в «систему тождества» [19, с. 186]. Абсолютное тождество становится не причиной универсума, а самим универсумом [12, с. 180]. Шеллинг, утверждавший абсолютное тождество, в то же время говорил, что «ни одно тождество в природе не абсолютно, следовательно оно всегда только неразличенность» [20, с. 215]. Закон полярности Шеллинг рассматривает как всеобщий мировой закон. Здесь он продолжает учение Фихте об абсолютном методе: выдвигается тезис, который противопоставляется антитезису и снимается синтезом, что, как известно, было развито в диалектической логике Гегеля [12, с. 203].

Прекрасное для Шеллинга – совпадение духовного и материального (для Гегеля – обнаружение духа) [12, с. 186]. «Красота дана всюду, где соприкасается свет и материя, идеальное и реальное... «Согласно идеи, истина и красота есть тождество субъективного и объективного...» [20, с. 216]. Платоновская идея, как говорит Г. Флоровский, открылась в немецком идеализме, прежде всего, с художественной своей стороны [2, с. 424].

Язык Шеллинг называет высшим символом хаоса, в познании он неизменен, а в речи всё положено как единство. Тождество в речи ещё более очевидно, если рассматривать её со стороны обозначения, поэтому он называет речь символом тождества всех вещей [20, с. 215]. Гласные он связывает с духом, согласные с формой [20, с. 216]. Творческая деятельность духа по выражению мысли звуком, повторим Гумбольдта, состоит здесь не в метафизическом, эмпирическом обозначении мысли, а в возвышении звука до выражения мысли. У Шеллинга гласные выдыхают дух, согласные образуют форму.

Гегель рассматривает природу как источник возникновения сознания. Для нее характерно развитие. Систему его философии образует тождество природы и духа, а также понятие абсолютного разума. Субъект и объект образуют тождество в абсолютном разуме. То есть Гегель поддерживает идею тождества противоположностей Шеллинга и продолжает создание системы тождества, в которой предполагается единство логики и онтологии [20, с. 215].

Прасимволом (первоосновой), формообразующим фактором у Гегеля является бытие, у раннего Шеллинга – тождество, т. е. субстанция Гегеля была заменена онтологизированным логическим принципом тождества [21, с. 46]. Субъективный идеализм Канта и Фихте у Гегеля (под влиянием раннего Шеллинга) уступает место объективному идеализму.

Для Гегеля умозаключение есть всё, оно организует всё бытие, вне умозаключения нет бытия (сущего). Организующим началом любого умозаключения служит самость, или логическая сущность понятия Я. Я характеризуется единичным объемом, этот объём (экстенционал) не фиксирован, не допускает обобщения, следовательно, Я только интенционально, исторично, а поэтому выводится за пределы тождества неразличимых Лейбница [11, с. 150]. Если трансцендентальное единство апперцепции Канта предполагает (как об этом речь шла выше) трансцендентального субъекта – чистое Я, в качестве высшего основоположения априорных синтетических суждений, причем высшее Я (трансцендентальный субъект) – это не абстракция от человеческой природы, а «движение дефиниционной спецификации к полной и окончательной индивидуальности» (это Лейбниц, Кант, логическая обработка содержательного знания), то у Гегеля направление логических умозаключений детерминируется духом, история которого совпадает с природными процессами [11, с. 152]. Поэтому совпадение абсолютного духа (трансцендентального субъекта) и природных процессов образуют тождество. Это гегелевская система тождества.

Как мыслительный инструментарий тождество используется Гегелем при разработке положений диалектической логики, при анализе категорий бытия и становления. Так, тождество категории бытия и категории Ничто дают становление. Используя тождество при анализе рефлектирующей сущности, Гегель уделяет внимание самому тождеству: разграничивает абстрактное и конкретное тождество. Последнее включает в себя момент различия [12, с. 258, 261].

У Гегеля первичным является мышление. Мышление является источником всего сущего, не зависит от человека. Оно отчуждает «иное», природу. Мышление – саморазвивающийся процесс познания (абсолютная идея). Оно развивается ступенчато, набирает силу, преодолевает свое инобытие, абсолютный дух «преобразуется» в самосознание человека. (Ср.: триада Гегеля, закон отрицания отрицания). Диалектику тождества и различия хорошо иллюстрирует одно из положений его философии: «Тождество в своем равенстве самому себе не равно себе и противоречиво, а в своем различии, в своем противоречии тождественно с собой ... в нем самом совершается это дви-

жение перехода одного из этих определений в другое; и это именно потому, что каждое из них есть в самом себе противоположность самого себя» [22, с. 250].

В связи с тождеством Гегель развивает понятие формы, считая истинными лишь те произведения, в которых содержание и форма тождественны [12, с. 262]. Актуальны ставшие хрестоматийными мысли Гегеля о тождестве содержания и формы. Аристотель, как уже говорилось выше, называл общее, повторяющееся в вещах, истинной, Гегель считает тождественное в явлениях законом.

Представители психологического направления в языкознании считали, что источником всякой деятельности, в том числе и языка, является дух народа. Изменяющийся дух содержит в себе нечто постоянное, которое определяет его изменения. Идея постоянного в изменчивом, идущая из античности, составляет, как известно, суть определений тождества во всех его проявлениях и формах. Мысль об идентичности сущности языка и его происхождения принадлежит Г. Штейнталу [23, с. 372].

В последнее время широко распространена критика тождества как источника тоталитарного мышления. Представителями постмодернизма, критической теории, философии деструктивизма предпринимаются атаки на тождество, закон тождества как основу западноевропейской философии, ведущей якобы к тоталитаризму, к смерти. Считается, что буржуазная «самость» формируется как субъект власти, а «господство выражается через тождественность, которая является чертой всей западной культуры – от олимпийской мифологии до культурной индустрии» [24, с. 492]. Критика начинается обычно с повторения отдельных высказываний популярных философов – Гегеля, Витгенштейна, Хайдеггера, которые с оговорками, в определенных контекстах говорили о «бесполезности» так наз. «чистого», «пустого» тождества при недиалектическом подходе к его анализу, считая его в действительности важнейшей категорией философии, логики, лингвистики. Ср.: «Силу высочайшего из всех первых основоположений имеет положение тождества» [1, с. 28]. На критике системы, закона, порядка, тождества сошлись многие философские направления. К. Поппер усматривал в формах, структурах, отношениях между понятиями стремление к насилию, тоталитаризму, Фегелин обвинял систему, логику Гегеля за уничтожение гуманности человека [25, с. 35]. Целенаправленная и острая критика тождества ведется с 60-х годов, особенно со стороны французского постструктурализма (Ж. Делез, Ж. Деррида, Ю. Кристева и др.). Отмечаются связи между некоторыми направлениями немецкой критической теории (Хоркхгаймер, Адорно), феноменологии Гуссерля, онтологии Хайдеггера в отношении к тождеству и связанным с ним теориям [24, с. 463]. Как пишет автор статьи, «главным устремлением Адорно было обнаружить «пространства, свободные от господства», а значит, и от ненавистного принципа «пуленепробиваемой тождественности». В противовес всей предшествующей философии, считающей благом абсолютное, тождественное, решенное, Адорно выдвигает революционный тезис: «благом может быть только негативное, нетождественное, нерешенное» [24, с. 463].

В русле критики тождества (как первоначала) осуществляется его «замена» различием [26, с. 60]. Ж. Делез, опираясь на положение М. Хайдеггера о том, что (метафизическое (Парменид, Платон, Аристотель), классическое) тождество является не основной чертой бытия, а характеризует со-бытие, которое, в свою очередь, характеризуется повторяемостью, ссылается на «коперниканский переворот» Ницше в онтологии. Тождество не первично, ... оно существует как принцип, но принцип вторичный, оно кружит вокруг Различного ... [26, с. 60], претендует на установление новой парадигмы мышления, новой рациональности, нового логоса, согласно которым Бытие включает в себя различие, выражается в самом различии [26, с. 55], отождествляется с различием [26, с. 58]. Тождество подчиняется различию, и это тождество (тождество различия) определяется как повторение. В онтологии Делёза повторение занимает такое же место, какое тождество занимает в метафизике, классической философии. В классической философии, диалектическом материализме различалось абсолютное (чистое) и диалектическое тождество, предполагающее различие. Повторение считается постоянным воспроизведением тождественности бытия, голым, нумериче-

ским повторением. М. Фуко назвал повторение «дерзкой вибрацией тождеств» [27, с. 459]. Несколько упрощая, можно сказать, что характеристики классического тождества в онтологии Ж. Делёза приписываются различию и повторению.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Положение об основании. – СП(б): Алетейя, 2000. – С. 290.
2. Флоровский Г. Спор о немецком идеализме // Из прошлого русской мысли. – М.: АГРАФ, 1998. – 430 с.
3. Плотин. Избранные трактаты в 2-х томах. М., 1994.
4. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. – Фолио, 2001. – 654 с.
5. Соколов В. В. Спиноза. Мысль. – М., 1977. – 224 с.
6. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989 (ФЭС). – 816 с.
7. Вайнштейн О. Язык романтической мысли. – М., 1994. – 80 с.
8. Павлов В. М. Проблема языка и мышления в трудах Вильгельма Гумбольдта и в неогумбольдтианском языкознании // Язык и мышление. – М.: Наука, 1967. – С. 156 – 162.
9. Фихте И. Несколько лекций о назначении ученого; Назначение человека; Основные черты современной эпохи. – Минск: Попурри, 1998. – 474 с.
10. Störig H. J. Kleine Weltgeschichte der Philosophie. – Stuttgart: Fischer Taschenbuch Verlag, 1980. – С. 360, 364.
11. Шуман А. Трансцендентальная философия. Семиотика и логика. – Минск: Экономпресс, 2002. – 416 с.
12. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. – М.: Мысль, 1986. Изд-ие второе 2001. – 416 с.
13. Кант И. Критика чистого разума. М., Мысль, 1994. – 591 с.
14. Соболева М. Е. Материалы к истории аналитической философии языка в Германии // ВЯ № 2. – 2005. – С. 104 – 130.
15. Herder J. G. Sprachphilosophische Schriften. – Hamburg, 1960. – С. 408, 406.
16. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
17. Попов Ю. В. Общая грамматическая теория в немецком языкознании. – Минск: Вышэйшая школа, 1972. – 296 с.
18. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. – 960 с.
19. Бур М., Ирриц Г. Притязание разума. – М.: Прогресс, 1978. – 328 с.
20. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства. – М.: Мысль, 1999. – 608 с.
21. Постовалова В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. – М., 1982. – 222 с.
22. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. – М.: Мысль, 1974 – 1977. – 336 с.
23. Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1975. – 560 с.
24. Современная западная философия. Словарь. – М., 2000. – 544 с.
25. Прокопенко В. Метафизика и метакритика // Философия языка: в границах и без границ. Вып. 2. – Харьков, 1994. – С. 19 – 37.
26. Делез Ж. Различие и повторение. Петрополис. – Санкт-Петербург, 1998. – 384 с.
27. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – Санкт-Петербург: А-сэд, 1994. – 406 с.

IDEAS OF IDENTITY IN THE PERIOD OF CLASSICISM AND ROMANTISM

I. P. Solodovnik

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Solodovnik@bsu.edu.ru*

The article deals with notions of categorisation of identity, its constructive role in the philosophical and linguistic theories both of German Classicism and of Romanticism (J. G. Fichte, I. Kant, F. W. Schelling, G. W. F. Hegel, J. G. Herder, W. von Humboldt, J. W. Goethe, F. Schiller) as well as of Post-modernism, Post-structuralism (J. Deleuze, Th. Adorno and others). It contrasts their conceptions of classical ideas of the role of identity leading to the totalitarianism, Death, with the traditional constructive role of identity transforming into difference.

Key words: identity, difference, primary archetypal phenomenon, language, substance, logical principle.

УДК 81.1

РЕВЕРСИВНОСТЬ КАК МОДЕЛЬ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

И. В. Чекулай
О. Н. Прохорова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru
prokhorova@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема реверсивности как лингвистического феномена, способствующего формированию языковой картины мира. Авторы показывают, что реверсивность представляет собой универсальное явление, характерное для всех рассматриваемых языков и представленное специфическими языковыми структурами в определённом языке.

Ключевые слова: реверсивность, языковые уровни, языковая картина мира.

Многообразие человеческих языков можно сравнить разве что с многообразием животных и растений на Земле. Что касается флоры и фауны, то учёные уже давно нашли ту общую точку пересечения, которая позволяет связать в единую цепь мироздания такие внешне разные вещи, как амёба, тигр, лилия, дуб, кальмар, шимпанзе, черепаха, клоп и т. п. Как известно, таким методологическим объединителем этих разных с точки зрения повседневного мышления явилась клеточная теория Шлейдена-Шванна. Но вот языкознанию с такой универсальной методологической базой не повезло. Сравнительно-исторические и типологические исследования направлены скорее на поиск дифференциальных черт различных языковых кодов, нежели на какие-то характеристики универсального характера, которые позволяли бы подвести некоторую общую теоретическую базу под описание различных, разноструктурных, имеющих различные генетические корни языков.

Казалось бы, давно пора лингвистам сложить оружие и признать принципиальную несопоставимость различных языковых кодов, если бы постоянно не всплывал один и тот же вопрос, зачастую формулируемый людьми, далёкими от лингвистики: что же позволяет людям, воспитанным в различных общественно-исторических условиях, обладающим различными культурными ценностями и пользующимся в общении разными семиотическими кодами, достигать взаимопонимания, приходиться к взаимовыгодным решениям, осознавать чужие ценности? На наш взгляд, люди разных национальностей и рас, живущие в разных частях света, имеют не только общие биологические параметры, но и определенные механизмы познания действительности и структурных связей между различными элементами этой действительности, которые в той или иной мере отражаются и в общих механизмах языкового структурирования этих знаний.

С этих позиций, как представляется, важным является поиск не столько собственно структурных, или структурно-функциональных, сколько структурно-познавательных характеристик различных языков. В этом плане огромный прогресс был сделан с выходом на передовые позиции такой принципиально новой научной парадигмы, как когнитивная лингвистика. Описание структурирования языковых знаний, детализация таких процессов, как концептуализация и категоризация, явились существенным и необходимым дополнением к описанию значимой структуры единиц разных уровней языковой иерархии.

В то же время в сфере традиционной, «не-когнитивной», семантики, в частности, в областях сравнительно-исторического, сравнительно-сопоставительного, контрастивного языкознания имеются существенные наработки по исследованию семан-

тического взаимодействия различных языков, которые когнитивная лингвистика ещё не в силах переработать из-за обилия проблем исследования внутри конкретных, отдельных или близкородственных языков.

На наш взгляд, приходит время, когда становится насущной потребностью синтезировать данные двух фундаментальных подходов к изучению значения языковых единиц в сравнительно-сопоставительном аспекте. Несомненно, едва ли на данном этапе развития сравнительно-сопоставительных семантических исследований можно говорить о каких-то фундаментальных постулатах общеязыковых механизмов структурирования знания, но вполне закономерным представляется вывод некоторых частных универсальных моделей такого структурирования на основе анализа эмпирических данных о семантике единиц конкретных языков.

На наш взгляд, одной из таких универсалий является реверсивность как один из важнейших механизмов формирования речи, отражающийся в структурах различных языков.

Сам термин «реверсивность» (англ. *reversion* – перестановка; изменение порядка на обратный; изменение движения на противоположное; *тех.* реверсия) в лингвистике используется, но прежде всего в виде дериватов от него. В лингвистике под реверсивом понимается глагол с семантикой обратного действия [1, с. 162]. Реверсивный глагол также рассматривается как префиксальный глагол со значением обратного действия по сравнению с действием, обозначаемым производящим глаголом (*вязать – развязать*) [1, с. 105]. Термин «реверсивная параллельная конструкция» употребляется И. Р. Гальпериным для обозначения структур с двумя последовательными предложениями или частями предложений, в которых порядок слов одного из них инвертирован по сравнению с порядком слов в другом [2, с. 209].

В настоящей работе под языковой реверсивностью понимается своего рода возврат к прежнему состоянию ситуации, выражающийся средствами языка, но возврат, не восстанавливающий *status quo*, а ведущий к дальнейшему развитию ситуации, выраженный, тем не менее, средствами языка именно как возвращение «на прежнее место».

На лексическом уровне реверсивные отношения выражаются лишь в результате логической операции импликации. Например, в таких отношениях находятся слова «выстрел» и «откат», или «отдача», поскольку обязательным объективным следствием выстрела из артиллерийского или стрелкового оружия будет его обратный импульс, передаваемый данными словами, а, с другой стороны, откат или отдача без выстрела невозможны (кстати, в английском языке эти оба понятия передаются одним словом *recoil*). В подобных отношениях находятся также эмоционально-оценочные понятия, такие как «обида», «оскорбление» и «месть», понятия, характеризующие противоположные фазы процесса жизнедеятельности (например, «болезнь» и «выздоровление», «сон» и «пробуждение») и другие. Но в этих случаях присутствует несколько иная степень импликации, определяемая категорией модальности. За обидой не обязательно следует месть, а сон иногда не заканчивается пробуждением, в то время как выстрел и отдача связаны отношениями обязательности.

Наиболее четко категория реверсивности проявляется на синтаксическом уровне в виде такой традиционно относимой к стилистическим явлениям модели, как *хиазм*. Именно *хиазм* позволяет глубже вникнуть в суть исследуемой категории и определить ее основные семантические параметры. Семантическую природу *хиазма* очень точно, на наш взгляд, раскрывает Б. Ю. Норман: «*Хиазм* по своей природе многогранен; в нем, как в фокусе, сходятся интересы различных языковых уровней и аспектов. С позиций речевой деятельности, это один из механизмов формирования лексико-грамматической структуры высказывания. Если подходить к нему с точки зрения синтаксиса, то он занимает свое место в ряду конструкций, построенных по принципу синтаксического параллелизма. Его можно анализировать также в связи с проблемой измененного (инвертированного) порядка слов. Если рассматривать *хиазм* под углом зрения лексики, то перед нами – специфическая разновидность лексико-

семантического повтора: развертывание фразы происходит в таком случае за счет единиц, уже (только что) использованных говорящим» [5, с. 184].

Как видно из приведенной краткой, но емкой характеристики хиазма как речевого явления, это многогранное явление. Оно затрагивает не только синтаксический, но и лексико-морфологический уровень. Мы располагаем данными о том, что в рассматриваемых языках хиазм как стилистическое явление может затрагивать и уровень фонетических единиц. Так, например, в известном юмористическом высказывании, построенном по структуре хиазма *Женщины, мужайтесь! Мужчины, женитесь!* юмористический эффект создается комплексом лексико-морфолого-фонетических факторов, и, по нашему мнению, «зерно» такого эффекта во многом создается именно метатезой начальных звуков обращения и глагола в повелительном наклонении. Аналогичный эффект наблюдается и в следующей реверсии узуально зафиксированного в английском языке устойчивого словосочетания *to sell one's soul/birthright for a mess of pottage* (русскоязычный эквивалент: «продать свое первородство за миску чечевицы»), которое является дополнительным средством речевой характеристики несколько экстравагантного в речах и в поведении персонажа, который хочет выглядеть остроумным в кругу своих друзей, произнося следующий каламбур:

“What Barbara means,” Brett said, pouring more Don Perignon, ‘is that I’ve sold my soul for a mess of pottage.’ He glanced around the apartment. “Or maybe a pot of mes-suage” (A. Hailey. Wheels).

По большому счету, синтаксическая реверсивность задается тематическими отношениями и в структурах, не обязательно имеющими выход в стилистический анализ. С этих позиций даже простой общий вопрос типа *Купили мебель?* предполагает структурно реверсивный ответ, отличный от кратких *Да* и *Нет*, в частности: *Мебель купили* или *Мебель не купили*. Как нетрудно заметить, реверсивность в данном случае выражается порядком слов. Реверсивность вопросов в английском языке достаточно четко выражается в виде так называемых *disjunctive questions*, где собственно вопросительная часть представляет собой обратный (реверсивный) порядок главных членов предложения, например *You haven't received my letter, have you?*

В китайском языке наряду с оформлением вопроса специальной частицей *ma* существует, как известно, и другой способ выражения запроса информации, выражаемого реверсивной структурой *V bu V*, где *V* – это глагол, а *bu* – отрицательная частица, соответствующая русскому *не* или английскому *not*.

Как нетрудно заметить, реверсивные лексические и синтаксические структуры являются свойственными различным языкам, независимо от их принадлежности к определенной языковой семье. Но тогда возникает вопрос: насколько релевантно высказанное в названии статьи утверждение о том, что реверсивность является если и не категорией, то, по крайней мере, существенной характеристикой языковой картины мира? Ведь, по определению, «применительно к лингвистике КМ (картина мира) в любом случае должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка» [3, с. 4]. Пока в приведенных примерах реверсивные структуры и единицы, находящиеся в реверсивных семантических отношениях, показывают лишь особенности плана выражения. Несомненно, они имеют определенную специфику при сопоставлении с аналогичными структурами в других языках, но это еще не дает основания утверждать, что различная структурная оформленность, например, общих вопросов в таких языках, как аналитико-изолирующий английский и изолирующий китайский, является показателем особенностей различных языковых картин мира (далее ЯКМ).

На наш взгляд, основания определения реверсивности как важной составляющей ЯКМ следует искать не только в языковых структурах, не только в семантике языковых единиц, а в структуре мышления в целом, безотносительно к тому, менталитет какого языкового социума отражается в подобных структурах. По мнению авторов данной статьи, реверсивность является универсальным свойством, или, точнее, уни-

версальной ментальной структурой. Несомненно, любая попытка доказать обязательность реверсии понятия, суждения или умозаключения сугобо с ментально-психологических позиций заранее обречена на провал, поскольку в настоящий момент такого объективного инструмента, который бы фиксировал моменты не только реверсии, но и конверсии, тождественности ментальных структур, реализующихся в виде непосредственно регистрируемых мозговых импульсов, пока не существует. Поэтому пока единственным критерием существования подобных структур является их отражение в форме структур и единиц языка и речи.

Начнем с анализа единиц морфологического уровня, поскольку план содержания начинается именно с этих единиц. Механизм реверсивности, на наш взгляд, на этом уровне наиболее четко представлен таким явлением, как метатеза. Как известно, метатеза – это, прежде всего, явление диахронического порядка, возникающее в результате определенных диссипативных состояний языкового развития. Точнее было бы сказать, что метатеза проявляется не столько на морфологическом, сколько на морфонологическом уровне, поскольку она сопровождается перестановкой отдельных звуков, имеющих различные фонологические характеристики. Так, в истории английского языка подобный процесс произошел в среднеанглийский период в связи с изменением формы флексии сравнительной степени имени прилагательного, когда древнеанглийская форма этой флексии *-ra* сначала в процессе редукции безударных гласных сменилась на *-re*, а затем произошла собственно метатеза *-er*: д.а. *ieldra* – с.а. *eldre* – н.а. *elder*.

О морфонологической метатезе можно говорить и в аспекте сравнительно-исторического языкознания, поскольку для языков, связанных «семейным родством», этот процесс носит достаточно системный характер. Например, такое явление можно наблюдать при сравнении германских и славянских слов, передающих понятие «молоко», ср. англ. *milk* и нем. *Milch* с чеш. *mléko*.

Несомненно, это также явления структурного порядка, а не плана содержания. Но в анализируемых языках также достаточно частыми являются случаи метатезы значимых компонентов слова или словосочетания. Следует особо выделить, что это метатезы именно содержательного порядка, поскольку дискретные в плане выражения единицы имеют определенный общий семантический признак. Так, в китайском языке часто встречаются своего рода морфемные «перевертыши», которые передают очень близкие или практически идентичные понятия, например, *mifeng* и *fengmi* (мед и пчела). Подобные явления встречаются и в других языках, хотя и гораздо реже, поскольку имеют определенные ограничения, например, стилистического порядка, е.г. в русском языке нейтр. *кошка* и прост. *кошак* (кошка как биологический вид независимо от пола животного). Это уже явления словообразовательного плана.

На лексическом уровне доля звукового совпадения или подобия реверсивных понятий значительно снижается, но зато резко возрастает их общая мотивационная основа. Именно поэтому большая часть семантических реверсивов при различной звуковой форме часто имеет ассоциации по семантической смежности (как в приведенном выше примере *выстрела* и *отдачи*). Поэтому лексическими реверсивами в различных языках являются синонимы и антонимы (*нагревание*: : *охлаждение*, *находка*: : *потеря* и пр.), а на уровне различных ЛСВ одного слова – энантиосемические значения одного слова, имеющие общую семантическую основу (например, англ. *to scan* – а) просматривать бегло и б) просматривать тщательно; *dust* – а) вытирать пыль; б) пылить, осыпать, напылять).

Особо демонстративной, на наш взгляд, является лексико-семантическая реверсивность в оценочной сфере, поскольку сфера квалификации различных понятий зачастую имеет не только противоположную трактовку как со стороны различных носителей языка в зависимости от их индивидуальных убеждений и взглядов, так и в лице отдельного языкового индивида, в различных условиях по-разному относящемуся к определенному лицу, предмету, явлению, событию. Именно поэтому люди по-

разному трактуют такие концепты русской ментальности, как *демократия*, *пьянство*, *богатство* и др. В основе этого, на наш взгляд, лежит различие между ценностью как внезаковой в аксиологическом плане ментальной сущностью, и оценкой как непосредственной внешней реализацией ценности в определенных социальных, бытовых и прочих условиях акта семиозиса. С этих позиций ценности в основном получают языковое выражение в форме лексических единиц, а оценки реализуются уже в виде речевых синтаксических структур [6].

По этой причине особую наглядность семантическая реверсивность получает именно на синтаксическом уровне в виде сентенций и афоризмов, построенных по уже упомянутой выше структуре хиазма, которую И. Р. Гальперин называет непосредственно «реверсивной параллельной конструкцией» [2, с. 209 – 211). Именно такие изречения показывают семантическую многогранность ментально-языковой реверсии в интерпретации различных ценностей как в отдельном языке, языковой культуре и, соответственно ЯКМ отдельного историко-этнического социума, так и в универсальной ЯКМ. Так, реверсивная структура присуща многим языковым культурам, начиная с античных народов и кончая современным состоянием умов. Сентенции и афоризмы в форме хиазма звучали в устах многих видных мыслителей, политиков, деятелей культуры, искусства и литературы и тем самым легли в основу современного видения мира с общечеловеческих позиций. В качестве примеров приведем лишь некоторые подобные изречения:

– в Священном Писании: *Как вы хотите, чтобы люди поступали с вами, так и вы поступайте с ними* (Нагорная проповедь); *Суббота для человека, а не человек для субботы* (Ев. От Марка, гл. 2, ст. 27); *Кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего ее* (Числа);

– в античных культурах: *Умные большему учатся у дураков, чем дураки у умных* (Катон Старший); *Лучше пусть человек нуждается в деньгах, чем деньги в человеке* (Фемистокл); *Если хочешь быть любимым – люби сам* (древнеримская пословица);

– в европейских культурах: *Сначала ты работаешь на свой авторитет, потом авторитет работает на тебя* (Л. Кумор); *Драма делает театр, а не театр драму* (Б. Шоу); *Люди тратят время на то, чтобы делать деньги, тогда как им надо тратить деньги на то, чтобы делать время* (А. Хирдман); *За деньги покупают власть, а из власти чеканят деньги* (С. Цвейг);

– в латиноамериканских культурах: *Мы убиваем время, но время нас хоронит* (Ж. Машаду д’Асис);

– в восточных культурах: *О, деньги! Иногда кажется, что они есть, а их нет; иногда кажется, что их нет, а они есть* (японское изречение); *Тот, кто учится, не размышляя, впадает в заблуждение. Тот, кто размышляет, не желая учиться, окажется в затруднении* (Конфуций); его же: *Если в человеке естество затмит воспитанность, получится дикарь, а если воспитанность затмит естество, получится знаток писания; Умные не бывают учены; ученые не бывают умны* (Лао-Цзы), его же *Потеря есть начало размножения, множества – начало потери;*

– в русской традиционной культуре: *Добро есть то, что никем не может быть определено, но что определяет все остальное* (Л. Толстой); его же: *Глупость может быть и без гордости, но гордость не может быть без глупости.*

Поэтому неудивительно, что многие из подобных изречений к настоящему времени не только потеряли авторство и стали восприниматься как народная мудрость, тем самым пополнив фразеологический фонд языка. Как известно, фразеологические единицы в концентрированной форме отражают основные ценности определенной языковой культуры, отражая те типичные ситуации, которые существуют в данном обществе и в сфере человеческих отношений между членами общества. Тем самым они становятся важными репрезентантами ЯКМ. Фразеологизмы с реверсивной структурой отражают, как правило, те ситуации, когда разные ценности, качества, достоинства могут пониматься с различных позиций как противоположные, например:

Рус. Мальй не дурак, но и дурак немальй; Господи, убереги меня от друзей, а от врагов я сам уберегусь.

Англ. The long and short of it; Horse and foot (Всеми силами); Live and let live (Живи сам и давай жить другим).

Нем. Leben und leben lassen (Живи сам и давай жить другим).

Следует отметить, что два последних афоризма в английском и немецком языках имеют не только одинаковый план выражения (структурную модель), но и одинаковый план содержания, что также подтверждает мысль об универсальности моделей фиксации концептов в разных языках.

Несомненно, можно поспорить, что хиазм – это, прежде всего, стилистическая фигура, и об этом свидетельствует заимствование данного термина из греческой античной риторики. Но на наш взгляд, использование данной структуры в качестве стилистического явления является не причиной появления реверсивности как категории мышления, а наоборот, следствием реверсивности как одной из основных структур мышления и тем самым средства отражения картины мира в языке и речи. Доказательством этому является тот факт, что реверсивные структуры можно классифицировать исходя из семантических категорий. Так, в частности, можно выделить реверсивные структуры и единицы на основе категории залоговости (*Если хочешь быть любимым – люби; Живи сам и дай жить другим*), реципрокации, т. е. возвратности действия (*Любишь кататься – люби и саночки возить*), отрицания (*Мальй не дурак, но и дурак немальй*), т. е. семантических категорий, лежащих в основе грамматической категоризации. Можно сказать, что в целом доля реверсивных единиц и структур на основе семантических структурных и ценностных категорий намного выше, нежели доля сугубо грамматических категорий. В их основе лежит явление семантического контраста как основания важнейшей из ментальных и лингвистических операций – сравнения; в плане морфологическом – возможность употребления дериватов (*умные умны; ученые учены, любишь – люби*).

Контраст может создаваться в реверсивных структурах и в рамках разных языков, если их единицы совмещены в пределах одной синтагмы, для создания определенных прагматических эффектов. В качестве примера приведем фразу школьника из романа известного украинского писателя О. Гончара «Тронка», который, посмеиваясь над отставным майором Яцубой, бывшим начальником концлагеря в ГУЛАГе, в речи которого часто смешиваются украинские и русские слова, пользуется именно этой структурой в высказывании:

Я на нього дивлюсь, а він на мене смотрє.

В настоящей статье показаны лишь некоторые основные характеристики реверсивности как явления, получающего отражение в языке и речи на различных уровнях иерархической системы языка. Но, как представляется, данный феномен заслуживает своего дальнейшего развития. Как представляется, реверсивность как механизм формирования речи может быть заложен и в семантической структуре дискурсов определенного типа. Его исследование позволяет заглянуть в те глубины порождения языковых единиц и речевых структур, которые могут вскрывать другие, не менее важные факторы создания ЯКМ как целостного ментально-лингвистического представления о собственной жизни, жизни данного языкового коллектива и всего человечества.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 768 с.
2. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка. – М.: Высш. школа, 1981. – 238 с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: Изд-во ЧеРо, 2003. – 349 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
5. Норман Б. Ю. Хиазм: от механики к идеологии // Дискурс, текст, когниция: коллективная монография / Отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010. – С.184 – 199.

6. Чекулай И. В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке. - Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – 236 с.

REVERSITY AS A MODEL OF STRUCTURING KNOWLEDGE (BASED ON MATERIAL FROM RUSSIAN, ENGLISH AND CHINESE)

I. V. Chekulai
O. N. Prokhorova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
chekulai@bsu.edu.ru
prokhorova@bsu.edu.ru*

The article covers the problem of reversion as one of the linguistic phenomena that helps to represent language view of the world. In the article the authors try to prove that it is a universal feature typical of all languages represented by specific language structures in particular language.

Key words: reversion, the levels of the language, language view of the world.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 77.16

ФОТОГРАФИЯ РУБЕЖА XIX – XX ВВ. КАК ИСТОЧНИК ДИНАМИЧЕСКИХ МЕДИА

Е. А. Воронцова

*Воронежский
государственный
университет*

*e-mail:
katvorontjur@mail.ru*

Начало XX в. является переломным периодом в жизни всего европейского сообщества. На это время приходится изменение не только образа жизни людей, но и личностного восприятия и мировоззрения. Сквозь призму становления фотографии как источника подачи и кодирования информации в динамических медиа, можно наглядно проследить трансформацию эстетических взглядов, мировоззрения и культуры русского общества рубежа XIX – XX вв.

Ключевые слова: фотография, кино, образ, восприятие, генезис фотографии, медиа.

Вопросу о коренных изменениях в сознании человека под влиянием медиа одним из первых посвятил свое исследование канадский ученый и теоретик культуры Г. М. Маклюэн. Он анализировал отдельные медиа, начиная с «древних приобретений» [6, с. 12] человека – речь, письмо, дороги, числа, одежда, жилище, деньги, часы, комиксы, транспортные средства, игры, телеграф, телефон, кино, радио, телевидение. Под понятием «медиа» Маклюэн подразумевает изначальное его значение – «посредник», иначе – «средство». Пытаясь вывести универсальный закон, Маклюэн стремился обозначить правила, применимые ко всей системе коммуникации: «Тип и форма медиа важнее того значения или содержания, которое оно передает» [6, с. 15], т. е. сама форма средства коммуникации меняет наше сознание.

Визуальность, обеспеченная фотографией, заинтересовала людей и обусловила неперемное доверие общества рубежа XIX–XX вв. к изображенному на снимке. По крайней мере, во время расцвета фотографии в начале XX в. человек осознавал, что снимок может визуально заменить увиденный однажды предмет, надолго сохранить его в памяти, «ибо фотография в отличие от искусства не творит из материала вечности, она только мумифицирует время, предохраняя его от самоуничтожения, – пишет теоретик и критик кино А. Базен» [1, с. 45]. Можно сомневаться в рисунке, пусть даже и тщательно выполненным живописцем, он никогда не будет обладать в человеческом восприятии силой фотоснимка, который принуждает верить в реальность: «какие бы возражения ни выставлял наш критический разум, мы вынуждены верить в существование представленного предмета, то есть предмета действительно воссозданного, ибо благодаря фотографии он присутствует во времени и пространстве. Фотография заставляет реальность перетекать с предмета на его репродукцию» [1, с. 44].

Чтобы появилась фотография, необходим был длительный период созревания общества, время изобретательских успехов и ошибок. И 7 января 1839 г. настает момент создания первого дагерротипа – предка современной фотографии. Для создания первых снимков от фотографа требовались не только умения, но и существенное тер-

пение и выдержка – порой приходилось стоять неподвижно под солнцем/дождем/снегом долгое время – но того стоил удачный кадр.

Рассматривая фотографию как сообщение (согласно маклюэновской формуле «the medium is the message»), мы не только видим в снимке документ, протоколирующий то, что было в прошлом, но и средство диалога между фотографом и зрителем. Фотография удостоверяла не только момент, запечатленный на снимке, но все события «до» и «после». По утверждению историка культуры О. Гавришиной, «фотография своим фактом предполагает встроенность в последовательность событий, она максимально конкретна и статична, и в то же время она таит потенцию движения» [3, с. 131].

Развивая технические возможности фототехники, изобретатели Т. Эдисон, У. Диксон, Л. де Принс сумели соединить картинку и движение, дав толчок к рождению и повсеместному распространению кино. В отличие от фотографии, кинематограф позволяет объединить два разных фрагмента в один: «Работа кинематографа, т. е. «движущейся фотографии», основана на особенности нашего зрения: глаз человека некоторое время сохраняет зрительное впечатление. Если перед нами в течение одной десятой доли секунды сменяются два последовательных изображения, то зрительные впечатления от этих двух изображений сольются в одно. При демонстрации кинофильма на экране за одну секунду сменяются 24 фотоснимка-кадра, которые в нашем сознании полностью сливаются в одну живую картину» [5, с. 42].

Кадр из фильма несет нам информацию об определенном предмете. Но мы не можем говорить, что это подлинная информация; а в фотографии информация изначально воспринималась как аналог реального мира. В то же время фильм связан с реальным миром и не может быть понят вне безошибочного узнавания зрителем того, какие вещи в сфере действительности соответствуют тем или иным сочетаниям. Кинокадр и фотография являются своеобразными средствами активизации фантазии, домысливания и реконструирования.

Определяя фотографию и кино с позиции феноменологии, классик кинематографической критики З. Кракауэр подчеркивал тяготение фотографии к неисценированной действительности и находил в ней элементы ненарочитого случайного, видя в них главное отличие от кинематографа, действие в котором четко спланировано и базируется на тщательно выверенном сценарии. Получается, что происходящее в фильме четко структурировано, рационально построено его дирижерами – автором сценария и режиссером, главными носителями смыслов выступают выдуманные персонажи – актеры. С фотографией дело обстоит сложнее – возникает слишком много вариативных ситуаций, когда снимки могут быть как созданными спонтанно, так и тщательно композиционно построенными. Но в любом случае фотография тут будет нести безусловную категоричность объекта. Значимость объекта безусловна, он сам по себе спокойно существует вне фотографа. С другой стороны, эта безусловность объекта имеет смысл постольку, поскольку его запечатлевает фотограф, со своим личным творческим потенциалом и видениями: «Для меня фотография – это поиск в реальности ритма поверхностей, линий или оттенков. Сюжет кроит именно глаз, и камере остается просто сделать свою работу – зафиксировать на пленке найденное глазом решение. Снимок должен предстать именно в комплексе составляющих единовременно, как картина; композиция здесь является симультанной коалицией, органической координацией визуальных элементов. Композиция не может возникнуть ни с того, ни с сего, она диктуется необходимостью, и здесь невозможно отделить содержания от формы... Фотограф работает не иначе, как в движении, это нечто вроде предчувствия жизни, и фотография должна в движении поймать это выразительное равновесие» [4, с. 35]. Действительно, поймать – чтобы потом сохранить в статичном состоянии навечно.

Стоит отметить двойственное понимание статичности в фотографии. Да, изображенные на ней предметы застывают, но как быть с теми, которые на более поздних снимках находятся в движении? Тут стоит учитывать специфику ранней фотографии,

когда все ее герои вынуждены были быть статичными. Статичность ранней фотографии французский философ и семиотик Р.Барт считал одной из важнейших характеристик: «Когда фотографию определяют как неподвижное изображение, это означает не только то, что фигурирующие на ней персонажи не двигаются, но и то, что они не покидают ее пределов, как будто им сделали анестезию и прикололи туда, как бабочек...» [2, с. 76]. Восприятие ранних фотографий подобно любованию прошлым, тут ценны сами изображенные на ней люди и события, выступающие маркерами ушедшей эпохи. Фото, сделанные в более позднее время обозначенного нами периода (десятые – двадцатые годы XX в.), благодаря техническому усовершенствованию камеры способны выразить динамику движения, дают толчок к развитию зрительского восприятия и фантазии, открывают широкий простор для творчества самому фотографу. С появлением фотографии «в движении» возникает множество путей решения постановки кадра и даже выражения отношения к происходящему. Человек, по утверждению А. Родченко «приучался видеть с новых точек», а роль фотографа – приучить его правильно воспринимать снимок, для чего «необходимо снимать обыкновенные, хорошо знакомые ему предметы с совершенно неожиданных точек и в неожиданных положениях, а новые объекты снимать с разных точек, давая полное представление об объекте» [9].

Интерес представляет конечность, ограниченность фотографии, которая в отличие от картины, имеет продолжение не только в воображении человека, но и в реальности. Вот что по этому поводу пишет исследователь фотографии С. Кэвилл: «Указывая пальцем на объект фотографии, скажем, на здание, вы всегда можете спросить, что расположено за ним, что им полностью закрыто. Спрашивать то же самое про объект на картине имеет смысл лишь в некоторых случаях. Про сфотографированную область всегда можно спросить, что расположено в прилегающих к ней областях – вне рамки. Спрашивать то же самое про картину, смысла обычно нет. Про объекты фотографии вы можете задать такие вопросы потому, что они имеют ответы в реальности. Мир картины не составляет непрерывность с миром ее рамки; в рамке он находит свои пределы. Так что можно сказать: картина – мир, но фотография – мира» [11, с. 24].

С изобретением фотографии в сознании человека произошел поворот от восприятия классического искусства, созданного умом и воображением живописца, к неторопливому и беспристрастному восприятию реально существующего мира, изображенного на фотографии. Так для большинства фундаментальные вопросы человеческого бытия – «в каком мире я живу?» и «кто я в этом мире?» – стали осмысливаться в начале XX века в образах, создаваемых не искусством, не наукой и не религией, а фотографией и ее производными, «создаваемыми системой современных массовых информационных сетей – изначально на базе печатной продукции – газет, а затем – кино и радио. Так средства массовой информации стали отвечать человеческой потребности массы людей в осмыслении собственного бытия» [8, с. 87].

В книге с говорящим названием «Человек увидел все» исследователь ранней фотографии С. Морозов, резюмирует: «фотография измеряет, сравнивает, сопоставляет, помогает увидеть невидимое, документирует и исследует» [7, с. 180]. Называя фотографию «зримой летописью», автор подчёркивает особую заслугу фотокорреспондентов в отражении действительности такой, «каковой она была» и распространению снимков в массы.

Человек получил возможность рефлексировать над снимками, «путешествовать» в недалекое (пока еще!) прошлое, видеть фотографические репродукции достижений мирового искусства и искусства своей страны. К рубежу XIX – XX вв. под влиянием фотографии и ее трансляции произведений декоративно-прикладного искусства, народного творчества (узоры, декор, лубочный характер изделий), возникают новые мотивы в творчестве таких художников, как Рерих, Бакст, Бенуа, Кустодиев, на что обращают внимание отечественные искусствоведы Г. Ю. Стернин, Г. К. Лукомский, Т. Каждан.

Фотография послужила одной из отправных точек развития массового искусства. Уже в XIX в. такая ее функция, как копирование уже существующих изображений,

была не менее важна, чем продуцирование новых, однако фотографии первого рода практически не упоминаются. С одной стороны, копирование рождало массовость, с другой вследствие слабого развития технических средств было невозможно воспроизвести точь-в-точь похожие снимки – каждый следующий, напечатанный с того же негатива, был непохож на предыдущий, и соответственно, уникален. Фотографы, пропагандирующие неповторимость каждого снимка, среди которых было немало пикториалистов, выступали за принадлежность фотографии к высокому искусству. Их соперниками были фотохудожники – Эль Лисицкий, А. Родченко, М. Игнатович – приверженцы авангардного взгляда на фотографию и сторонники принципа монтажа в ее оформлении. В их работах различные пространственные объекты соединялись в динамичные композиции, но в этом, – уверен исследователь современной фотографии В. Стигнеев, была своя логика: «Фотомонтаж 20-х годов будто схватывал, запечатлевал само состояние сдвига и срыва, который взметнул, перемешал все пласты действительности, так что из обломков стали возникать неожиданные и невероятные образы» [10, с. 314]. Тогда наглядное толкование получали темы общего характера: жизнь, природа, люди. Зрителю предлагалось открыть, что над городом не просто летит аэроплан, а Икар – герой известного мифа, в обилии кранов и многоэтажных зданий предписывалось увидеть Цивилизацию. Так авторы хотели передавать состояние романтическое, выходящее за рамки обыденного, они пытались сконструировать новый мир.

Еще одной любопытной чертой человека начала прошлого столетия является изменение его отношения ко времени. Оно приобретает для него ценность. Выражение «время – деньги» становится актуальным как никогда ранее. Люди начинают остро осознавать конечность своего существования, краткость жизни. На 1920 г. приходится, по крайней мере, четвертое поколение людей, живших под прицелом объектива фотокамеры: они уже не боялись фотоизображения, и в отличие от своих предшественников, приписывающих ему мистические функции, воспринимали его как фиксацию момента реальности, позволяющее донести до потомков внешность и важные события жизни семьи, общества и страны. Было важно, чтобы «снимки давали безвременный или даже вневременный образ» [3, с. 289].

Фотография позволила человеку смотреть на мир фотографически, привила черты, до сих пор свойственные нашей культуре – вариативность, множественность и фрагментарность. Рассматривая фотографию как малую часть образа реальности, человек смог конструировать ход событий, воспринимать каждый момент в качестве уникального, существующего отдельно отрезка времени. Действие происходит как бы здесь и сейчас.

Достоинство изображения в эстетическом плане включала для фотографов-профессионалов «обратимость взгляда», когда собственно фотографические параметры изображенного выходят на первый план, наделяются новыми значениями, свойственными культуре зрения эпохи техногенных изображений. В то же время происходит изменение понимания видения. Человеческое зрение признается недостаточным для фиксации некоторых сторон реальности, например, глазу оказывается недоступна тонкая реальность движения. Зато эта реальность стала достижима посредством фото- и кинотехники. Недостижимость человеком «видения всей реальности» посредством глаз толкает его к научным экспериментам, в том числе в области генетики.

Это было время расцвета модернистских течений в искусстве, как в России, так и на Западе. Художник перекраивал и разделял мир на части, создавая иную динамичную виртуальную реальность – в ответ существующей на самом деле. В советском фотоискусстве того времени выделяются новаторы, своими манифестами подчеркивающие необходимость воспитания в массах нового взгляда на творчество, искусство и жизнь в целом: «Нужно приучить человека видеть с новых точек, – взывает авангардист Александр Родченко в статье «Пути современной фотографии». – «Мы не видим того, что смотрим. Мы не видим замечательных перспектив-ракурсов и поло-

жений объектов. Мы, приученные видеть привычное и привитое, должны раскрыть мир видимого. Мы должны революционизировать наше зрительное мышление!» [9].

С течением времени, при посредничестве фотографии, человеческое сознание сумело осуществить переход в сторону от видимого к образному, к виртуальному. Фото стало самым продуктивным медиумом в субъектно-объектных отношениях фотографа и зрителя, оставаясь им вплоть до наступления эр Телевидения и Интернета, связавших воедино вербальные и невербальные источники информации, и тем самым усиливших интенсивность процесса коммуникации.

Список литературы

1. Базен А. Что такое кино? / А.Базен. – М.: Искусство, 1972. – 384 с.
2. Барт Р. Camera Lucida/ Р.Барт. –М.: Ad Marginem, 1997. – 223 с.
3. Гавришина О. В. Империя света: фотография как визуальная практика эпохи современности/ О. В.Гавришина. – М.: НЛО, 2011. – 289 с.
4. Картье-Брессон А. Воображаемая реальность: эссе / А. Картье-Брессон. – СПб.: Лимбус Пресс: Изд-во К.Тублина, 2008. – 225 с.
5. Кракауэр З. Природа фильма: реабилитация физической реальности: сокр. пер. с англ. / З.Кракауэр. – М.: Искусство, 1974. – 320 с.
6. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа / Г. М.Маклюэн. – М.: Кучково поле, 2011. – 462 с.
7. Морозов С. А. Человек увидел все / С. А.Морозов. – М.: Молодая гвардия, 1959. – 206 с.
8. Найдорф М.И. Культура и мистика СМИ / М.И.Найдорф.-М.: НЛО. 2002. – 215 с.
9. Родченко А. Пути современной фотографии // Новый ЛЕФ, 1928. – № 9.
10. Стигнеев В. Популярная эстетика фотографии / В.Стигнеев. – М.: Три квадрата, 2011. – 343 с.
11. Cavell S. The World Viewed: Reflections on the Ontology of film/ S. Cavell. – Harvard University Press, 1979. – 223 p.

PHOTOGRAPHY OF THE END OF THE XIX-TH TO THE BEGINNING OF THE XX-TH CENTURY AS A SOURCE OF DYNAMIC MEDIA

E. A. Vorontsova

*Voronez
State
University*

*e-mail:
rbakanov@yandex.ru*

The beginning of the 20th Century is a critical moment of the all European`s society life. This is the period of changing not only the mode of people`s life but also their world perception and world view mode. Through the scope of turning photography into Dynamic Media, one observes changes in views, outlook and culture of Russian society of the end of the 19th to the beginning of the 20th Century.

Key words: Photography, Cinema, Image, Perception, Genesis of Photography`s Art, Media.

УДК 070

КРИТЕРИИ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СФЕРЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ

Б. Н. Киришин*Челябинский
государственный
университет**e-mail:
bnk@chelrabochy.ru*

В статье предлагается система критериев, характеризующих процесс иностранных заимствований в сфере печатных СМИ. С ее помощью анализируется ряд российских газет, представляющих различные уровни отечественной медиасистемы, определяется степень их успешности.

Ключевые слова: иностранные заимствования, независимые СМИ, бизнес-модель, разделение мнений и новостей, медиарынок.

Глобализация сделала иностранные заимствования нормой. Однако перенимать – не значит со всем безоговорочно соглашаться. Обыденность этого явления не отменяет необходимости обдумывать его смысл и значение, взвешивать эффективность.

Чтобы оценить масштабы иностранных заимствований в сфере печатных СМИ, необходимо определить систему критериев, характеризующих этот процесс. Это могут быть типичные признаки зарубежных СМИ, освоенные отечественными средствами массовой информации. Наличие или отсутствие их позволяет судить о степени вовлеченности конкретного издания в глобальный медиаконтекст.

На первый взгляд, составление перечня признаков, выявляющих заимствованные черты российских газет, – задача несложная. Достаточно перечислить творческие, организационные, технологические и финансовые особенности функционирования современных российских газет, отсутствовавшие у советской прессы. «Антисоветский» принцип имеет и обратное действие: если газета использует в своей практике стандарты советской прессы, она не может быть отнесена к изданиям западного образца. И этот принцип действительно применим в ряде случаев. Скажем, значительная часть городских и районных газет до сих пор придерживается советской бизнес-модели (государственные дотации) и, по сути, находится вне рынка. Если обратиться к содержательной модели, то совершенно очевидно, что характерная для некоторых российских изданий пропагандистская составляющая абсолютно исключает основополагающий для западной прессы принцип разделения мнений и новостей.

Однако данный определитель степени иностранных заимствований не универсален, поэтому полученный при его помощи перечень критериев нуждается в дополнении с учетом других существенных моментов. Этот свод показателей восприимчивости зарубежного опыта не может быть исчерпывающим, поскольку процесс взаимобогащения национальных медиасистем продолжается непрерывно. На сегодняшний день он может выглядеть так:

1. Важнейший среди критериев – *независимость* средства массовой информации. Это системообразующий показатель, он определяет набор и действенность ряда других жизненно важных факторов деятельности издания, функционирующего в условиях рыночной экономики. В соответствии с западными стандартами свободы слова имеется в виду независимость от властных структур (государственных, муниципальных, партийных). Однако приходится говорить еще и о независимости от крупных коммерческих корпораций. Прежде всего, потому, что в России они нередко бывают афилированными с государством. Кроме того, некоторые крупные корпорации, для которых медиабизнес не является профильным, используют принадлежащие им средства массовой информации не только по их прямому назначению, но и в качестве инструмента для решения своих политических или экономических задач. Или предоставляют их для решения тех же задач государственным органам, взамен получая их

благосклонность или какие-то совершенно конкретные предпочтения. Это обстоятельство необходимо обязательно учитывать исследователям отечественной периодики.

Критерий «независимость» оставляет вне мировой рыночной медиасистемы подавляющее большинство российской прессы. По данным уполномоченного по правам человека В. Лукина, государственные органы контролируют почти 90 % российских СМИ [7]. С учетом ориентированной на государство корпоративной прессы процент будет еще выше.

Эти цифры не должны породить сомнения в справедливости данного критерия. Он отражает реальное положение вещей в российской прессе.

2. Независимый статус издания предопределяет рыночный характер его бизнес-модели. Это очень жесткая взаимосвязь, допускающая самые незначительные отступления. Тем не менее, мы считаем целесообразным введение самостоятельного критерия *рыночная бизнес-модель*. Ее наиболее распространенный вариант сформировался в начале XX века в США и используется в подавляющем большинстве стран мира. Он предусматривает обеспечение экономического механизма газеты главным образом за счет продажи рекламы и реализации тиража. В последнее время из-за экспансии Интернета, деформирующего традиционные СМИ, он дает сбои, однако надежной замены ему пока не найдено.

Дополнительными индикаторами включенности издания в глобальную медиасистему могут служить различные *рыночные инструменты*, которые используют (или не используют) газеты. Для решения стоящей перед нами задачи достаточно упомянуть маркетинг и менеджмент, наиболее укоренившиеся в российской рыночной практике. Их применение может служить показателем рыночной природы средства массовой информации, его причастности к западной модели организации медиабизнеса. При использовании данного критерия исследователь обращает внимание в первом случае (маркетинг) на организацию изучения аудитории, проведение опросов и фокус-групп, акций по продвижению издания и других маркетинговых мероприятий, во втором случае (менеджмент) – на освоение атрибутов регулярного менеджмента (миссия, этический кодекс, документы, регламентирующие рекламную политику издания и т. д.).

3. Очень жесткий и практически безошибочный показатель приверженности западным стандартам ведения медиабизнеса – четкое обозначение оплаченных рекламодателями материалов знаком «*На правах рекламы*». Российским средствам массовой информации соблюдение этого простого правила, несмотря на его законодательное закрепление, дается с огромным трудом. Отступление от него, замена предусмотренного законом обозначения рекламных текстов различными значками «домашнего изготовления» – не только признак неприятия западных норм, но и одна из причин утраты отечественной прессой читательского доверия.

4. *Разделение мнений и новостей* – уже упоминавшийся принцип, сформулированный американской журналистикой и принятый на вооружение большинством западных СМИ. Принятие его или, наоборот, непринятие – символический рубеж для российской прессы, унаследовавшей многие традиции пропагандистской советской журналистики. В первом случае редакция отказывается от манипулятивных технологий, во втором – вольно или невольно использует их, предлагая читателям одновременно с объективной информацией журналистские выводы и оценки. Применение этого критерия предполагает внимание к внешней стороне творческого процесса – различным способам организации содержания на газетных страницах. Они должны быть очевидными для читателя, что облегчает их учет исследователями.

5. Западные *стандарты оформления* газеты – еще один признак ее включенности в мировую систему. Прежде всего, к ним относится получивший широкое распространение в США зауженный формат ежедневной качественной газеты, позволяющий издателям экономить бумагу, а в Европе – таблоидный формат, к которому в ходе революции форматов в первой пятилетке XXI в. по примеру английской «Independent» обратились многие качественные газеты. Еще одна отличительная черта со-

временной западной прессы – короткие тексты. И на этом фоне – усиление визуальной составляющей: широкое применение инфографики, большие фотографии, цвет.

На наш взгляд, перечисленных признаков достаточно для того, чтобы судить о степени влияния международных медиатрендов на российские средства массовой информации, оценить их способность воспринимать и усваивать эффективную зарубежную практику. Они устойчивее других параметров современных печатных СМИ. Можно было бы, к примеру, обратить внимание на различные характеристики содержательных моделей изданий (использование материалов зарубежных информационных агентств, языковые заимствования и др.). Но они не столь стабильны, более изменчивы, бывают обусловлены конъюнктурой текущего момента и поэтому недостаточно надежны для целей глубокого исследования.

С помощью названных критериев мы проанализируем ряд российских газет, представляющих различные уровни отечественной медиасистемы.

Национальный уровень может быть представлен газетами «Правда» и «Комсомольская правда». Выбор этих изданий обусловлен сходством стартовых позиций, с которых они начали продвижение к медиарынку. В советское время это были ведущие общественно-политические газеты с примерно одинаковыми тиражами (10-11 млн. экз. [6, с. 622]). Официально у них были разные издатели – ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ, однако в действительности их деятельность направлялась из единого центра – отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС. Обе газеты «претворяли в жизнь» одни и те же идейные установки, применяя для этого различные творческие инструменты в зависимости от возрастных характеристик своей аудитории. Выходили в свет ежедневно, предназначены всей стране: в советское время – СССР, позднее – России.

Таблица 1

Газеты национальные

Параметры / Издания	Независимость	Рыночная бизнес-модель	Разделение мнений и новостей	Подача рекламы	Дизайн
«Комсомольская правда»	+	+	-	-	+
«Правда»	-	-	-	-	-

На региональном уровне предлагается проанализировать газеты «Челябинский рабочий» и «Южноуральская панорама». У них сходные типологические характеристики. Это общественно-политические издания, регион распространения – Челябинская область, периодичность выхода в свет – 5 раз («ЧР») и 3 раза («ЮП») в неделю, формат – Д-2 («ЧР») и А-2 («ЮП»), объем – 4 – 8 полос. У газет одна задача – информировать жителей Челябинской области о важнейших событиях в регионе, стране, мире.

Таблица 2

Газеты региональные

Параметры / Издания	Независимость	Рыночная бизнес-модель	Разделение мнений и новостей	Подача рекламы	Дизайн
«Челябинский рабочий»	+	+	+	+	+
«Южноуральская панорама»	-	-	-	-	+

Местную (локальную) прессу представляют две газеты города Качканар (Свердловская область) – «Качканарский четверг» и «Качканарское время». Это городские издания, рассчитанные на одну и ту же аудиторию – жителей этого уральского города.

Они информируют их о местных событиях с одинаковой периодичностью – один раз в неделю.

Таблица 3

Газеты локальные

Издания \ Параметры	Незави- симость	Рыночная бизнес- модель	Разделение мнений и новостей	Подача рекламы	Дизайн
«Качканарский чет- верг»	+	+	+	–	+
«Качканарское время»	–	–	–	–	–

Результаты проведенного сравнения могут служить основанием для следующего шага – определения в каждой паре наиболее успешного издания. В первом случае это, несомненно, «Комсомольская правда». Большой тираж (700 тыс. – 3 млн. экз.), корпункты и региональные выпуски практически во всех субъектах РФ, многочисленные зарубежные версии, популярный сайт, сеть типографий, собственные радио и телевидение – все это убедительно подтверждает экономическую эффективность издания.

При оценке экономического состояния «Правды» прежде всего бросается в глаза отсутствие на ее страницах рекламы. Между тем, это важнейший источник доходов газеты в условиях рыночной экономики, он обеспечивает 60-70 процентов ее бюджета. Реализация не столь значительного тиража «Правды» (100 тыс. экз.) не может дать достаточного количества средств для бесперебойного функционирования и развития газеты. Разница, скорее всего, компенсируется дотациями из партийной кассы и внебюджетными доходами (пожертвования и др.). Это типичный для партийной прессы всего мира способ поддержания ее на плаву. Только поддержания – не более.

На региональном уровне предпочтительнее выглядит «Челябинский рабочий». Газете удастся привлечь доходы, обеспечивающие ей независимое существование и развитие. У нее собственная типография, сайт, у выпускающей ее медиагруппы «ЧР-Менеджер» еще два популярных издания.

Выпуск газеты «Южноуральская панорама» осуществляется на средства регионального бюджета. Редакции не удастся создать медиапродукт, гарантирующий платное распространение. «Южноуральская панорама» распространяется в основном бесплатно. Часть тиража, предназначенная для розничного распространения через киоски «Роспечати», реализуется далеко не полностью, несмотря на заниженную стоимость экземпляра (4 руб.). В 2011 г. «Южноуральская панорама» переведена с пятиразового на трехразовый выпуск.

Еще более разительный контраст в третьей паре. «Качканарский четверг» – яркая, многостраничная газета формата А-3 с полноцветной обложкой и разнообразными рубриками, предлагающими читателям привлекательное и актуальное содержание. «Качканарское время» выглядит как скромный бюллетень городской администрации. Небольшой формат (А-4) не позволяет ему представлять все многообразие городской жизни, читателям приходится довольствоваться малым. Столь различные внешние характеристики объясняются различным экономическим положением газет: независимым и благополучным в первом случае и дотационным во втором.

Было бы недопустимым упрощением объяснять ведущие позиции «Комсомольской правды», «Челябинского рабочего» и еженедельника «Качканарский четверг» в своих секторах рынка исключительно восприимчивостью зарубежной издательской практики. Иностранное заимствование в данном случае – факторы рыночной реинкарнации бывших советских изданий. Став рыночными, они стали более успешными в условиях рыночной экономики.

Список литературы

1. Варганова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран: Учеб. пособие / Е. Л. Варганова. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 335 с.
2. СМИ в меняющейся России: Коллективная монография / Под ред. проф. Е. Л. Варгановой; науч. ред. И. Д. Фомичева. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 336 с.
3. Третьяков О. А. Моя стратегия успешной газеты. Самоучитель главного редактора / О. А. Третьяков. – Москва: Вершина, 2007. – 176 с.
4. Иваницкий В. Л. Модернизация журналистики: методологический этюд. – М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики имени М. В. Ломоносова, 2010. – 360 с.
5. Иваницкий В. Л. Основы бизнес-моделирования СМИ: Учеб. пособие для студентов вузов / В. Л. Иваницкий. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 254 с.
6. Советский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия», 1979.
7. Доклад о состоянии прав человека в РФ в 2005 году; www.gipp.ru. 24 апреля 2006 г.

CRITERIA AND EFFICIENCY OF LOANWORDS IN PRINT MEDIA

B. N. Kirshyn

*Chelyabinsk
State
University*

*e-mail:
bnk@chelrabochy.ru*

The author of the article offers the criteria system which describes foreign borrowing process in printed mass media. Using this system the author analyzes a number of Russian newspapers of different types and the level of their success.

Key words: Loanwords, Independent Mass Media, Business Model, Separation of News and Opinion, Media Market.

УДК 070

БЛОГИ КАК СРЕДСТВО ЖУРНАЛИСТСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. А. Кожемякин
А. А. Попов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:
kozhemiyakin@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются актуальные тенденции использования блогов в качестве средства профессиональной журналистики. Авторы описывают причины популярности блогов в среде журналистов, функции блогов, предлагают типологию журналистских блогов и характеризуют особенности дискурсных практик в журналистской блогосфере.

Ключевые слова: блог, журналистская коммуникация, интернет-журналистика, блогер, блогосфера, новые медиа.

«Средства массовой информации, которые не находят себя в сетях, рано или поздно исчезнут», с такими словами 30 марта 2011 г. президент России Дмитрий Медведев спрогнозировал исчезновение СМИ, не нашедших себя в Интернете [10].

Активные темпы развития информационных технологий послужили причиной радикальных изменений в системе массовых коммуникаций. Эпоха Web 2.0 значительно расширила технологические, информационные и мультимедийные возможности Интернета, которые послужили причиной трансформации системы производства и распространения информации.

Последние десятилетия отмечаются беспрецедентным ростом количества блогов в глобальной сети. Становится общим местом расценивать блоги как один из существенных источников информации, составляющих конкуренцию традиционной журналистике. Независимо от того, как трактуют эту ситуацию журналисты – как условия жесткой конкуренции и необходимости выживания (в связи с которой применяется правило «если не можешь одолеть противника, его нужно возглавить») или как появление нового ресурса для развития самой журналистики, стратегия реагирования на вызовы со стороны интернет-технологий остается неизменной. Журналисты приспосабливаются к экспансии цифровой интерактивной среды, используя её для сбора информации в своей деятельности, так и для выполнения ряда профессиональных задач. Свидетельством тому является стремительное увеличение доли журналистских веб-дневников в общем количестве блогов. Говорить о масштабной «дигитализации», по крайней мере, отечественной журналистики пока еще не приходится, однако очевидным является и качественное изменение отношения журналистов к блогам, и рост неуверенности относительно будущего традиционных СМИ. Так, по данным опроса журналистов из 15 стран, проводимого компанией Oriella PR Network, в 2010 г. половина респондентов, что на 20 % больше, чем в 2009 г. утверждали, что традиционные каналы журналистской коммуникации могут уйти с медиарынка в обозримом будущем [11]. Наиболее радикальные оценки предложили шведские журналисты, 30 процентов которых утверждали, что они уже освоили формат блог-журналистики, окончательно «распрощавшись» с традиционными форматами радио, телевидения и прессы. Следует отметить, что по результатам того же исследования наибольший оптимизм в отношении развития блогосферы как «новой площадки для журналистики» испытывали журналисты из Великобритании, Испании, Бразилии и Восточной Европы.

Журналистский блогинг – это далеко не единственное новейшее коммуникационное средство, к которому прибегают в последнее время журналисты. 47 % СМИ используют он-лайн видео- и аудиоролики, около 20 % – видео- и аудио-подкасты, 37 % – обсуждения в социальных сетях и форумах и т. д. Общее же число блогов про-

фессиональных журналистов выросло на 3 % по сравнению с 2009 годом и составило 48,55 % в 2010 году¹.

По данным Oriella PR Network, 85 % британских и 44 % европейских новостных сайтов и 70 % американских газет имеют блоги, а 41 % СМИ в странах Европы, Юго-Восточной Азии, Северной Америки и Бразилии ведут микроблоги Twitter. Важно, что половина этих СМИ размещают в своих блогах и микроблогах от 60 до 100 % информации, не дублирующей в «офф-лайн» версии.

В российском сегменте интернета статистика журналистского блогинга проявляется в популярности сообщества «Paragazzi» [7], объединяющего блогеров, занимающихся профессиональной журналистской деятельностью. На момент написания данной публикации, количество участников сообщества достигало 7808 пользователей.

Такая популярность блогов среди профессиональных журналистов имеет ряд причин.

Во-первых, это причины, связанные с техническими и технологическими инновациями в глобальной системе массовых коммуникаций. Блоги зародились благодаря появлению простого и доступного программного обеспечения, которое сделало публикацию контента в сети более доступной. Специфические технические особенности позволяют авторам блогов публиковать мультимедийную и гипертекстуальную информацию в форме постов или записей. Кроме этого возможность комментирования постов дала начало особому явлению блоговокоммуникации. Все эти технические и коммуникативные особенности «новых медиа» активизировали аудиторию, которая от пассивного потребления информации перешла к производству контента в любой форме и в неограниченном объёме.

Во-вторых, причиной стремительного распространения блогов в среде профессиональных журналистов явились их некоторые особенности, позволившие более эффективно выполнять журналистские задачи. Использование блогов в журналистских целях позволяет оперативно предоставлять информацию, обеспечивать открытость информации, предоставлять возможность выражения собственного мнения, обеспечивать и контролировать обратную связь.

Немаловажную роль в распространении этого средства журналистской коммуникации сыграл также и мировой финансовый кризис, побудивший СМИ различных стран мира выбирать менее затратные, но не менее эффективные средства трансляции информации.

Впрочем, очевидно, что блоги не следует трактовать как своего рода «упрощенную» версию традиционного СМИ. Парадоксально, что экономия бюджета традиционных масс-медиа, направленного на обеспечение коммуникационного канала, привела не только к удержанию старой и даже к получению доступа к новой аудитории, но и, по всей видимости, к серьезным трансформациям формальной и содержательной сторон журналистской деятельности.

Технические особенности блогов и новые принципы журналистской коммуникации

С формально-технической точки зрения блоги обладают рядом особенностей, позволяющих по-новому организовать процесс предоставления информации и обеспечения взаимодействия с аудиторией. Рассмотрим их подробнее.

Использование *ссылок* позволяет устанавливать интертекстуальные связи, обращаясь к другому тексту как информационному или аргументационному источнику, что делает информационные действия журналиста в большей степени открытыми, прозрачными. Референция журналистского материала становится «явной»; текст,

¹ Любопытно, что количество журналистских блогов, зарегистрированных как «гражданские», сократилось с 22% до 18% за тот же период времени.

подготовленный журналистом, создан с расчетом уже не просто на доверие к авторитету его автора или медианосителя, но на фактологическое доказательство.

Тематические метки (теги) позволяют аудитории не просто эффективнее определять тематику сообщений, но также и самостоятельно выбирать те из них, которые сам автор или модератор отнес к определенной теме. Блоггер, в свою очередь, имеет возможность мониторинга популярности или востребованности у аудитории блога тех или иных меток, а значит – тем сообщений.

Функция *комментариев* позволяет оперативно и достаточно точно отслеживать обратную реакцию читателей. Фактически, само сообщение не является законченным текстом, так как получает свое динамичное развитие в комментариях читателей и ответах на них автора блога, что позволяет представить журналистский блог-текст как семиотическое единство с более сложной структурой, нежели «традиционная» журналистская публикация в прессе. Более того, комментирование позволяет автору блога непосредственно ориентироваться на запросы и потребности читателей, корректировать возможные и актуальные интерпретации его материалов. Нередко обсуждения являются причиной для написания нового поста. Большую популярность среди блогов обретают виджеты «Мне нравится», которые одним нажатием на кнопку позволяют читателям статьи моментально выразить свое отношение к ней и сразу же поделиться ссылкой на нее с друзьями. Во-первых, данная технология позволяет владельцам сайтов следить за количеством реальных читателей, в отличие от простых счётчиков посетителей. Во-вторых, в коммуникацию вступают читатели, воздержавшиеся от комментариев к записи.

Возможности, предоставляемыми такими техническими деталями, как поддержка френд-ленты, подписка, управление доступом к контенту в зависимости от «статуса» читателя, эксклюзивное информирование читателей из «списка друзей» или подписчиков ориентированы на создание и поддержку *сообщества*, организация которого строится на различных принципах, главным из которых, на наш взгляд, все же является интерес читателя к публикациям определенного журналиста.

Мультимедийность и *поликодовость* сообщений блога позволяют комбинировать различные средства передачи информации (вербальные, визуальные, графические, аудиальные) и семиотические коды, а значит, добиваться как большей убедительности, так и объективности медийной репрезентации события.

Связь между новыми техническими возможностями и изменением содержательного аспекта сообщения как нельзя лучше иллюстрирует идею Г. М. Маклюэна о том, что трансформации в сфере технического обеспечения коммуникационных каналов неизбежно ведут к изменению стратегий работы с содержанием транслируемых по ним сообщений [9]. С содержательной точки зрения, все эти технические возможности блог-коммуникации безусловно предполагают трансформацию некоторых базовых принципов работы автора-журналиста с текстом и читателем. Соблюдая традиционные этические принципы достоверности, социальной ответственности, профессиональной чести, лояльности к аудитории и правдивости в совокупности с новыми техническими, коммуникативными и социальными возможностями «новых медиа» блог-журналист становится в большей степени и в первую очередь коммуницирующим, интерпретирующим и прогнозирующим профессионалом.

Использование блогов в профессиональной деятельности журналиста требует от него, своего рода, личной «настройки» подачи информации и зачастую необходимости выражения мнения. Даже в случае публикации нейтральной в оценочном плане информационной заметки автор вынужден быть готов к её субъективной интерпретации, если она вызовет интерес и комментарии со стороны читателей.

Помимо этого, высокая степень интерактивности и в известной степени незавершенность и открытость журналистской коммуникации в блогосфере меняют стратегии работы с иницирующим коммуникацию текстом. В блогах он уже далеко не всегда является завершённым продуктом, объективной «инстанцией», «товаром», из-

менение которого принципиально невозможно. Напротив, журналистский текст может быть уточнен, дополнен, исправлен, а значит – изменен в результате обсуждения или дополнительного сбора информации. Более того, такая ситуация расценивается в блогосфере не как свидетельство некомпетентности журналиста, неспособного создать полноценный и законченный медиапродукт, а, напротив, как доказательство объективности и тщательности действий журналиста по освещению событий и предоставлению комментариев к ним.

В целом, если сравнивать традиционные масс-медиа и журналистские блоги, можно заметить у последних одно отличие, которое может вызывать различные оценки. В то время как традиционные медиа испытывают ограничения объема для предоставления информации (количество минут эфирного времени, количество полос газеты) и имеют более или менее явные ограничения, задаваемые форматом медиа, блоги предоставляют потенциально неограниченный объем информации и не имеют жесткого формата. Отсутствие формата в ряде случаев может компенсироваться точно определенной тематикой блога, интересами и предпочтениями автора или особенностями его «оффлайновой» деятельности, однако речь идет далеко не о стандартах содержания, формы подачи и стиля материалов, определяемых совокупностью политик редакции, акционеров и учредителей.

Функции блогов в профессиональной журналистской коммуникации

Технические и непосредственно связанные с ними содержательные особенности блогов позволяют нам уточнить *функции*, которые они выполняют в системе профессиональной журналистики. Заметим, что поскольку речь идет не о т.н. «гражданской журналистике», а о ведении дневников профессиональными журналистами в профессиональных же целях, то ключевой функцией блогов любых типов, видимо, стоит признать информационную. Далее мы обратим внимание на функциональную специфику журналистских блогов, заметно отличающих их от традиционных медиа.

Во-первых, блоги выполняют, по терминологии Романа Якобсона, эмотивную функцию, состоящую в создании условий для *выражения журналистом мнения* относительно фактов и *комментирования* событий. В условиях, когда профиль журналиста, редакционная политика или формат СМИ, с которым аффилирован журналист, накладывают ограничения на содержание, объем и способ изложения журналистского материала, блоги позволяют публиковать собственные тексты без оглядки на формальные или институциональные ограничения.

Во-вторых, значимой функцией ведения журналистом веб-дневника является *поддержка обратной связи* с аудиторией (фатическая функция, по Р. Якобсону). Мониторинг читательского мнения, уточнение информации, сбор необходимых данных, полемика по ключевым вопросам – все эти коммуникативные действия позволяют журналисту не выступать в качестве «информационного оракула», а быть открытым для аудитории источником информации, в полном смысле этого слова информационным посредником, а саму коммуникацию выстраивать не в режиме субъект-объектных, а субъект-субъектных отношений. Отношения между автором и читателем дневника строятся на принципиально иной основе, чем в традиционных масс-медиа: массовая аудитория блогов индивидуализируется, «активный читатель» становится соавтором текста и равноправным участником журналистской коммуникации. В этой связи мы склонны разделять точку зрения А. П. Короченского, утверждающего, что само понятие «обратная связь» не отвечает реалиям блог-коммуникации, в которой отсроченность во времени и пространстве не является принципиальным атрибутом реакции аудитории на сообщение; речь в данном случае, скорее, должна идти об интерактивности, взаимодействии между автором и читателем [8]. Журналист вынужден быть готовым к открытому диалогу с читателем, который зачастую оказывается более компетентным, чем он сам. И если в отношении традиционных СМИ эта установка оставалась скорее этическим требованием, то в условиях блог-коммуникации она стано-

вится вполне ощутимой реальностью и действенным фактором доверия к журналистским материалам.

В-третьих, блоги являются *источником* значимой для журналиста (часто уникальной, редкой для традиционных СМИ) *информации* (референтивная функция). В данном случае речь идет не только об отслеживании степени актуальности и значимости для представленной в интернете общественности тем, но и об использовании блогов с целью поиска уникальной информации, которая не проходит по традиционным источникам. Популярные и обсуждаемые темы – это не единственный журналистский контент. Блоги могут также служить в качестве источника аутентичной или уникальной информации. В данном случае такими источниками могут стать корпоративные или «звездные» блоги. Помимо этого эффективность корпоративных онлайн-дневников с точки зрения PR уже не вызывает сомнений. Организации самостоятельно предоставляют уникальный контент, в результате чего коммуникация между журналистами и организациями существенно упрощается и улучшается.

В-четвертых, блоги могут выступать в качестве площадки для *апробации* журналистского материала перед его размещением в традиционном СМИ (метакоммуникативная функция). В одних случаях это необходимо для сбора и уточнения фактической информации, в других – для улучшения системы аргументации; и в любом случае подобное «тестирование» медиатекста позволяет в конечном итоге совершенствовать в уникальных коммуникационных условиях блога финальный «продукт» профессиональной журналистской деятельности.

В-пятых, журналистский блог, обладая указанными выше возможностью оперативно устанавливать и развивать коммуникацию между блогерами, читателями и блогерами и даже только между читателями, позволяет *создавать и поддерживать сообщества* различного масштаба, образованные по принципу взаимных интересов, схожих взглядов, необходимости оперативного решения профессиональных задач, координации действий по распространению информации и т.п. (*организационная функция*).

Типы журналистских блогов

Исходя из того, какую функцию выполняет журналистский блог мы можем выделить несколько *типов* блогов в системе профессиональной интернет-журналистики. Их наименования мы даем в кавычках, поскольку старались передать их специфику через некоторую образность, а потому не претендуем на формально-терминологическую точность.

Пожалуй, наиболее частотным типом является «*аналитический блог*», представляющий собой разновидность дневника, содержащего авторские интерпретации событий и комментарии к ним. К такому типу можно отнести, например, блог обозревателя газеты «Известия» и журнала «Эксперт» Максима Соколова (<http://m-yu-sokolov.livejournal.com/>).

«*Дискуссионный блог*» создается журналистом не столько с целью выражения мнения или информирования читателей, сколько в соответствии с функциями обеспечения обратной связи и создания сообществ: дискуссия позволяет как провести мониторинг возможных реакций на текст или его интерпретаций, так и скоординировать общие взгляды, позиции и действия. Примером такого блога может выступить дневник обозревателя журнала «Огонёк» Натальи Радуловой (<http://radulova.livejournal.com/>), дискуссии в котором проявляются сотнями комментариев к одной записи. Тематика блога разносторонняя: от юмористических фотографий и светских сплетен до общественно важных проблем.

«*Блог нишевых новостей*» представляет собой дневник, посвященный локальным или специализированным темам (новостям, комментариям), а также их обсуждению с читателями. Как утверждает Г.Бакулев, «главное достоинство [блоговой – Е. К., А. П.] журналистики - в «гипер-локальности» контента, когда авторы предлагают информацию о событиях, которые незначительны даже по меркам местной газеты (ска-

жем, репортаж о соревнованиях в школе)» [1]. К такому типу можно отнести блог Александра Плющева, журналиста радио «Эхо Москвы» и ведущего телеканала «Россия 24» (<http://plushev.com/>). Основная тематика его блога – новости в сфере информационных технологий.

«Блог новостных сериалов» специфичен тем, что он ориентирован на тематически узкое, но развернутое во времени освещение событий. Каждый последующий пост является либо сюжетным продолжением предыдущих записей, либо развернутым ответом на предмет дискуссии в блоге. Этот тип дневника бесспорно ориентирован на реализацию информационной, эмотивной и референтивной функций, но помимо этого его «незавершенная» форма позволяет максимально долго удерживать внимание читателей, и поэтому очевидна также его фатическая функция.

«Имиджевый блог». Для популярных журналистов блог выступает в качестве еще одной публичной трибуны. Отличительной особенностью таких дневников является фактор бренда. Публичным журналистам можно не бороться за своего читателя, бренд работает на этот блог. Заметим, что сам популярный журналист редко вступает в дискуссию со своими читателями. Например, телеведущий и журналист Владимир Соловьёв за период более трёх лет существования своего блога (около 20 000 читателей) опубликовал более 2000 записей, при этом количество личных комментариев Соловьёва составляет лишь 103 [3]. В свою очередь, менее популярный журналист журнала «Русский репортёр» Дмитрий Соколов-Митрич ведёт свой блог на протяжении 5 лет (около 4 000 подписчиков). За этот период журналист опубликовал 4700 записей и оставил почти 17 000 комментариев [4].

Специфика журналистской блог-коммуникации и вызовы современной журналистике

Обратим внимание на некоторые общие для всех типов блогов особенности.

Блоги предоставляют условия для такого «производства журналистского знания», которое, с одной стороны, независимо от многих институциональных и некоторых других (например, корпоративных) ограничений, но с другой стороны, в значительной степени определяется качественным составом участников блог-коммуникации. В этом смысле содержание журналистского блога зависит не столько от внешних по отношению к нему факторов, сколько от особенностей дискурсных практик, характерных для самой коммуникационной среды блога. Журналистский интернет-дневник в большей степени подчиняется закономерностям сетевой горизонтальной коммуникации, чем принципам профессиональной иерархии.

Дискурсные практики в блогах являются в высшей степени открытыми (доступными для интерпретаций, открытого комментирования, критики, уточнения, изменения и даже удаления исходного сообщения автором), но в то же время эта открытость является фактором незавершенности блог-дискурса. Границы как между текстами в пределах блога, так и между блогами и/или блогом и иными ресурсами (за счет гиперссылок) могут размываться, смысловая структура сообщений может бесконечно усложняться (за счет множества комментариев). Эта особенность требует от журналиста, использующего блог в качестве средства коммуникации с аудиторией и коллегами не столько «создавать качественный медиапродукт», сколько участвовать в качественной коммуникации по заданным темам и проблемам с аудиторией, уметь взаимодействовать и выработать совместное с аудиторией знание. Безусловно, это существенно меняет как сущность «институционального статуса» журналиста, переводя его из ранга информационно компетентного и более грамотного, чем аудитория, эксперта в разряд равного читателям индивида, отличием которого является не объем знаний, а информационно-коммуникативный опыт. Журналист-блогер – это не тот, кто осведомлен о происходящем лучше аудитории, а тот, кто умеет продуктивнее работать с информационными потоками.

И, наконец, еще одной особенностью блог-коммуникации в журналистике является не столько ее субъективный характер, а сколь уж мы говорим о таком общении, в котором журналист-профессионал не перестает быть журналистом, менее формализованном социальном общении. Именно наличие минимального количества формальных ограничений, этикетных норм, институциональных стандартов общения делают журналистскую коммуникацию с использованием блогов похожей на индивидуализированные формы общения, однако мы должны помнить, что «дневниковая» журналистика отнюдь не предполагает, что журналист перестает выполнять свои профессиональные задачи.

На наш взгляд, одним из наиболее важных свойств журналистской блог-коммуникации является то, что *медиа-текст перестает быть конечным продуктом*. Он становится одним из элементов в коммуникационной цепи «замысел (информационный повод) – сбор фактического материала – текст – ссылки – исправления – комментирование – развитие текста». Соответственно, повторим, что задачей журналиста становится не столько создать текст, а затем сразу перейти к подготовке следующего материала, сколько участвовать в таком взаимодействии с аудиторией и журналистским сообществом, в котором можно было бы постоянно создавать общественно значимое журналистское знание. Быть журналистом в эпоху интернета – означает создавать не тексты, а коммуникацию.

В целом, по оценке самих журналистов, экспансия новейших медиа и, в частности, блогов в их профессиональной среде, вселяет в них скорее уверенность и оптимизм: около 46 % из них заявили, что с появлением блогов в качестве профессионального инструмента работать стало существенно лучше, в то время как 32 % признались, что ничего радикально не изменилось в их деятельности, а 22 % оценили ситуацию как изменившуюся в худшую сторону. Впрочем, лишь 17 % журналистов признались, что в новых условиях они ощущают, что теряют интерес к журналистской профессии, в то время как 33 % утверждают, что их интерес существенно возрос.

В заключении подчеркнем, что деятельность журналиста в блогосфере, конечно же, не означает, что любое его действие мы должны расценивать исключительно в аспекте его профессиональной принадлежности. Журналисты могут вести сугубо личные дневники, не имеющие ровным счетом никакого отношения к профессиональной журналистике. Журналисты могут вести дневники, посвященные общественно значимым темам, при этом занимаясь публицистикой или пиаром, а не журналистикой. Однако в этой статье мы постарались показать особенности *использования блогов журналистами именно в журналистских целях*. При этом важно понимать, что блог – это не жанр журналистики, а блоггинг – не ее разновидность. Блог – это *средство* (инструмент, платформа) *журналистской коммуникации*, применение которого в сугубо профессиональных целях позволяют журналистике быть в большей степени социально ответственной, более оперативной, более интерактивной и чувствительной к запросам аудитории.

Список литературы

1. Бакулев Г.П. Партиципаторная журналистика // Вестник медиаобразования, Вестник № 4, М., 2008.
2. Блог Александра Плющева // <http://plushev.com/>
3. Блог Владимира Соловьёва // <http://blogs.mail.ru/mail/vrs63>
4. Блог Дмитрия Соколова-Митрича // <http://smitrich.livejournal.com>
5. Блог Максима Соколова // <http://m-yu-sokolov.livejournal.com/>
6. Блог Натальи Радуловой // <http://radulova.livejournal.com/>
7. Интернет-сообщество «Paparazzi» // <http://community.livejournal.com/paparazzi>
8. Короченский А.П., Карпенко И.И. Демократизация медиадискурса: миф или реальность // Global Media Journal. Вып.1. 2010. // http://www.gmj.sfedu.ru/v1i1/v1i1_korochenskiy.htm
9. Маклюэн, Г.М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / Перевод И.О.Тюриной. – М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005.

10. Президент прогнозирует исчезновение СМИ, не нашедших места в Интернете // <http://www.vesti.ru/doc.html?id=440425>

11. Oriella PR Network // <http://orielladigitaljournalism.com/download-report.php>

BLOGS AS A MEANS O JOURNALISTIC COMMUNICATION

E. A. Kozhemyakin

A. A. Popov

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

kozhemyakin@bsu.edu.ru

The article discusses the actual tendencies of blogging in professional journalism. The authors reveal the factors of the high demand of blogs, their functions and types. The key features of discourse practices in the journalistic blogosphere are also considered in the paper.

Key words: blog, journalist communication, internet journalism, blogger, blogosphere, new media.

УДК 070.001

МЕДИАКОНВЕРГЕНЦИЯ И КОНКУРЕНТНАЯ БОРЬБА ЗА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ: НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ РУНЕТА

А. А. Никитенко*Новосибирский
государственный
технический
университет**e-mail:
nikitenko_alex@inbox.ru*

Статья посвящена исследованию медиаконвергенции как конкурентного преимущества новых российских новостных интернет-проектов.

Ключевые слова: медиаконвергенция, интерактивность, медиасреда.

В последнее десятилетие отечественные и зарубежные исследователи много говорят о *медиаконвергенции* — многоаспектном процессе схождения и взаимоуподобления различных СМИ [1; 2; 3; 7; 10; 14]. Сложность содержания конвергенции отметил Г. Дженкинс, рассматривавший конвергенцию и как трансформирующееся медиа-содержание, и как взаимодействие между многочисленными игроками массмедиа, и как миграцию аудитории [7]. И. Итиель де Сола Пул отмечала унификационный и трансформирующий характер конвергенции, сглаживающей различия между медиа «один-другому» (почтой, телефоном и телеграфом) и массовыми медиа (радио и телевидением) [15, с. 23]. При этом приоритет интересов потребителя является основной движущей силой конвергенции [16].

В конвергенции присутствуют две тенденции: во-первых, способность различных сетевых платформ (таких как радиовещание, кабельные сетевые решения, телекоммуникации и т. д.) совмещать схожие наборы сервисов; во-вторых, сращение пользовательских устройств в целое, появление инструментов, совмещающих функции телефона, телевизора, персонального компьютера [17]. К. Йенсен выделяет три исторические ступени развития медиа — естественные (голос, жестикауляция), аналоговые (печать, радио, телевидение) и цифровые, главное отличие последних усматривает в сетевом характере взаимодействия, а также в том, что электронное представление информации объединяет все остальные «медиа-ступени» в рамках единичной платформы [8, с. 66].

При этом все виды массмедиа получают новые добавленные возможности. Так, например, И.И.Карпенко, отмечает, что «конвергенция во многом поспособствовала сведению к минимуму недостатков радио и усилению его достоинств» [3, с. 153].

Л. Манович связывает с конвергенцией процесс трансформации контента через дигитализацию, т.е. преобразование аналоговых медиа в цифровую форму [11, с. 28]. По данным WAN, в 2007 г. половина медийных источников в мире была цифровыми, а к 2020 году их доля возрастет до 80 % [18, с. 59]. Вместе с тем цифровая природа конвергированных СМИ не противодействует «тактильной осязаемости медиаисточников» [7, с. 17], т. е. наличию эффективных инструментов трансформации медийного содержимого как у журналиста, так и у читателя. Н. Негропonte отмечал, что только цифровое представление информации способно удовлетворить потребности всей бесконечно разнообразной и обширной аудитории. Тем самым меняется традиционное понимание массмедиа как фильтра информации, представляющей ее в виде «топ-историй» и «бестселлеров» для разнообразных аудиторий [12, с.84]. В то время, как количество медийных организаций становится больше, аудитория все более и более фрагментируется [10, с. 3].

Особое внимание к феномену конвергенции привлекло временное слияние в США в 2000 г. «новой» и «старой» компаний — интернет-провайдера AOL и медиагиганта Time Warner, специализирующегося на выпуске телевизионных, журнальных и кинематографических продуктов [10, с. 4]. В России тоже появились первые конвергированные медиахолдинги. К примеру, такой крупный игрок рынка, как «Проф-Медиа» владеет изданием «Афиша», сайтами Afisha.ru и Afisha-mir.ru, радиостанция-ми «Авторadio», «NRJ Россия», «Юмор FM», телеканалами «2x2», «ТВ3», «MTV Россия». Кроме того, медиахолдингу принадлежит контрольный пакет акций компании «Централ Партнершип», производителя и прокатчика телевизионной и кинематографической продукции. «Проф-Медиа» владеет и компанией «Рамблер Медиа», которой принадлежит один из крупнейших российских интернет-ресурсов Ramler.ru.

Конвергенция активно влияет на деятельность сетевых СМИ. Формы видео- и аудиоконтента можно встретить на сайтах многих печатных изданий. В 2011 г. на электронном представительстве ИД «Коммерсантъ» (<http://www.kommersant.ru/>) начала свою деятельность одноименная радиостанция. Газета «Московский комсомолец» (<http://www.mk.ru>) планирует на своем ресурсе наладить вещание редакционного интернет-телеканала.

В последнее время выделилась группа сетевых изданий, для которых конвергенция — а именно использование новых медийных форматов, активное взаимодействие журналиста с пользователем, активизация рекламной деятельности в Сети, — стала основным принципом работы и залогом экономической состоятельности. К таким изданиям можно отнести сетевые проекты медиагруппы «Живи!» (сайты журнала «Сноб», телеканала о здоровом образе жизни «Живи!» и еженедельной газеты «F5. Интернет как образ жизни»), интернет-издание «Слон», а также сетевые представительства журнала «Русский Пионер» и газеты «Соль». По ряду параметров к этим изданиям приближаются порталы «BestToday.Ru», «Openspace.Ru» и «Newslanland.Ru».

Для всех этих интернет-СМИ характерно как недавнее появление на отечественном медиарынке, так и поиск новых форм привлечения аудитории и взаимодействия с ней. Основной причиной поиска таких форм стало стремление новых медиапроектов выйти на рынок интернет-рекламы. Рекламная деятельность в Сети неуклонно растет. По оценке Ассоциации коммуникативных агентств России (АКАР), объем рекламы в Интернете увеличилась с 17.6 млрд. рублей до 26.65 млрд. в 2010 году [13]. При этом интернет наряду с телевидением и прессой кардинально изменил свою долю в распределении рекламных площадей. И если доля прессы снижается, то интернет и ТВ неуклонно растут [5]. Лидеры новостного сегмента Рунета показывают высокую рентабельность, немалую долю в которой составляют рекламные доходы. К примеру, доходы ИД «Коммерсантъ» в интернете в 2010 году составили \$11млн, доходы сайта газеты «Ведомости» от интернет-рекламы составили \$4 млн в 2008 году [3].

Выделим наиболее существенные формы работы новых «горячих» сетевых изданий, отличающих их от других сетевых информационных проектов.

Создание единой пользовательской медиасреды

Создание единой медиасреды предполагает такое использование мультимедийного и текстового контента, которое смогло бы использовать достоинства обоих форматов представления информации в создании органичного и удобного для пользователя медийного пространства. Одним из первых подходов к созданию такого медийного конвергированного содержимого стала flash-технология создания интерактивного и мультимедийного содержимого. Появление flash относится к эпохе «доткомов» — периоду активной коммерциализации сайтов в начале 2000-х годов [5, с. 195]. Flash представил «новое видение веба, отличающееся от статичных молчащих текстовых форм, имитирующих эстетику печатной страницы» [5, с. 196].

Современный сайт новостной организации насыщен мультимедийными элементами. Однако зачастую фотографии, видео- и аудиофайлы воспринимаются жур-

наLISTами как «дополнительные» и используются только для поддержки основного текста. Кроме того, существование большого числа популярных сетевых сервисов, специализирующихся на аккумулировании и распространении мультимедиа (YouTube.com, Flickr.com, MySpace.com, Last.fm) зачастую делает бессмысленным представление мультимедиа на сайте сетевого издания. Поэтому «горячие» медиа предложили несколько новых направлений использования мультимедиа.

Первым направлением создания единой медиасреды стала *разработка осмысленных стратегий использования мультимедийных продуктов*. Редакции стремятся сделать мультимедиа составной частью диалога с читателем. В этой связи интересны инициативы сетевой версии журнала «Русский Пионер» (<http://www.ruspioneer.ru>). Раздел «Видео» ресурса служит задаче установления непосредственного контакта с редакцией. В частности, рассказу о литературном семинаре «Пионерские чтения» были посвящены более двадцати видеосообщений. Раздел «Спецпроекты» содержит большое количество аудиоматериала: музыкальные произведения журналистов, аудиоиллюстрации к материалам (к примеру, читатели статьи о якутской рок-группе «103» могут ознакомиться на сайте «Русского Пионера» и с творчеством музыкантов [16]) и т. д.

Для создания единого медиaprостранства редакциями приходится по-новому выстраивать медиасюжеты, менять логику представления информации и взаимодействия с читателями. На сайте «Русского Пионера» читатель активно вовлекается в медиaprостранство ресурса. Так, пользователи создают «wikiроман» «Машинка и Велик, или Упрощение Дублина» в соавторстве с постоянным автором журнала Н. Дубовицким.

Такая форма взаимодействия с читателями заставляет вспомнить мнение С. Нолан, отмечавшей, что новые формы представления информации были благожелательно восприняты журналистами, участвовавшими в первых сетевых проектах, — во многом благодаря тому, что эти формы работы основывались на привычных методах работы в традиционных массмедиа (таких, как подача информации блоками, ранжирование материалов по актуальности и т. д.) Трудности вызвало осознание того, что для успешной деятельности сетевого издания журналист должен поделиться с читателем частью своих функций по сбору и анализу информации. Ведь «привлекательность веба для пользователя заключается в его потенциальной мультилинейности: не только в доступности сотен миллионов фрагментов и случайных текстов, но и в человеческом взаимодействии с этими текстами для создания личных повествований» [26, с. 4].

Вторым направлением создания единого медиaprостранства стало *использование новых жанровых форм журналистских выступлений*, органично совмещающих текст и мультимедиа.

Е. Вартанова указывает, что такое свойство конвергенции, как «слияние прежде различных и разобщенных медиа», порождает новые жанровые единства [4]. Популярные Интернет-медиа предлагают пользователю «трансмедийное рассказывание историй» [20, с. 96], т. е. представление информации в текстовых материалах, снабженных видео- и аудиоматериалами.

К примеру, сайт «OpenSpace.Ru», демонстрирующий устойчивую аудиторию (в мае 2011 г. ресурс посетили 432 561 человек [8]), выбрал интересную тематическую нишу. На ресурсе публикуются материалы об искусстве, кинематографе, музыке, отсутствуют новости политики и общества. Редакция стремится создать интерактивное пространство, в котором текст, видео- и аудиоматериалы составляли бы целостное, актуальное для пользователя новостное пространство. Так, два больших раздела — «Современная музыка» и «Классическая музыка» — аккумулируют текстовые и мультимедийные материалы на одной странице, не разделяя их по видам контента. Действующий на ресурсе проект «Плеер» позволяет прослушать новинки музыкальной индустрии. Каждую композицию предваряет аннотация редакции. Пользователи могут оставлять комментарии к прослушанному материалу и оценивать его. В разделе «Но-

вые имена» представлены обзоры творчества начинающих музыкантов. Обзоры подкрепляются мультимедийными материалами.

«Openspace.Ru» представляет собой «медиа развлечения», направленное на самую широкую аудиторию. В этой связи весьма примечательны выводы испанского исследования [4], где отмечается, что альтернативные издания представляют на своих сайтах преимущественно текстовые материалы. При том, что некоторые альтернативные СМИ предлагают пользователям видео- и аудиопотоки, исследователи отмечают, что «в целом традиционные СМК всё же идут впереди в развитии мультимедийности в информационном обслуживании аудитории» [4, с. 218].

Привлечение читателя к информационной работе издания

Несмотря на то, что журналистские материалы составляют около 4 % всех сообщений, передаваемых в сеть рядовыми пользователями [6, с. 199], в последнее время активизировалось внимание массмедиа к такого рода материалам, обусловленное стремлением опубликовать эксклюзивный контент. Внимание к журналистским статьям, создаваемым читателями, является отличительной чертой новой типологической группы интернет-СМИ.

Внимание к новым формам сетевой активности – социальным сетям и блогам – характерно для всех сетевых СМИ, но именно у «горячих» интернет-массмедиа оно получило выражение в виде определенных продуманных методов работы с читателем. Уместно вспомнить слова Дж. Колодзий, отмечавшей, что конвергенция, помимо самих массмедиа, востребована и потребителями медийной продукции. Читатели ощущают недостаток новых форм интерактивного и мультимедийного присутствия в традиционных СМИ и стремятся сами заполнить эту нишу. И если для традиционных медиа использование конвергированных медийных источников было способом удовлетворения потребностей аудитории, то для гражданских журналистов использование интерактивных и мультимедийных возможностей стало важным фактором возвращения к самой сути журналистской работы [9, с. 217]. Иными словами, «журналисты используют блоги как средство, дополняющее традиционные медийные источники – таких, как газеты, радиоканалы и тд. Любители создают блоги как дополнение сообществ» [9, с. 227].

Первая стратегия предполагает равноправное взаимодействие редакции и читателя в формировании информационной картины дня.

В октябре 2008 г. на отечественном медиарынке появился журнал «Сноб». Целью создания и журнала, и портала Snob.ru стала организация международного сообщества русскоязычных профессионалов и интеллектуалов. Количество посетителей электронного ресурса издания составляет около двух миллионов человек в месяц [14].

Ресурс представляет из себя коллективный блог, наполняемый пользователями. Вмешательство редакции заключается в формировании рубрики «Выбор редакции». Участники могут публиковать комментарии только под своей фамилией и со своей фотографией. Модераторы тематических блогов организуют дискуссии: «Культура», «Наука и технологии», «Политика», «Здоровье и молодость», «Дети», «Как жить», «Медведев». Эти блоги формируются из самых удачных материалов читателей. Тем самым редакция «Сноба» организует пользовательский дискурс. Сообщество в «Живом Журнале» (<http://snob-project.livejournal.com/>) служит поддержке проекта. В нем публикуются как материалы журнала, так и лучшее из читательских блогов.

Среди авторов издания издания «Slon.ru»- внештатные блогеры, среди последних – известные журналисты, ученые, политики, общественные деятели: Дм. Быков, Р. Саттон, Е. Чичваркин, С. Гуриев, А. Навальный. Число блогеров в общей сложности приближается к пятистам, а число активных – к ста [15]. При этом ресурс составляет рейтинг дружественных блогов, размещенных на сторонних блогсервисах. В рейтинге представлены категории «Политики», «Тысячники», «Экономисты», «Бизнесмены», «Медиаобщество» и т. д. Такая тематическая дифференциация позволяет выделить

в сообщениях блогеров наиболее актуальные темы. Читатели портала участвуют и в проекте «Итоги года-2010», формируя свой, альтернативный выбору редакции, список событий года. Голосование читателей шло в номинациях «Слово года», «Заявление года», «Дискуссия года», «Провал года», «Инноватор года» и т. д.

Инициативы редакции нашли понимание у сетевой аудитории. По данным TNS, в марте 2011 г. Slon.Ru посетило 1 416 266 человек [1]. Издатель Slon.Ru Павел Власов-Мрдуляш надеется вывести ресурс на самоокупаемость в 2011 г. [15].

В 2009 году начала выходить еженедельная газета «F5. Интернет как образ жизни» и сайт www.f5.ru. Главная особенность издания — его принципиальная нацеленность на медиасобытия в среде активных пользователей интернета: блогеров, участников социальных сетей. Газета публикует описание самых интересных сетевых событий, обзоры блогерских выступлений и тенденций в блогосфере. Существенную часть из этих материалов составляют высказывания блогеров. Помимо этого, издание наполняется и авторским контентом: для «F5» пишут А. Экслер, Л. Каганов, авторы ресурса Orami.ru.

Сайт издания стремится создать для пользователя интерактивное развлекательное пространство. Интерактивность подкрепляется и представленными на ресурсе рекламными материалами. Так, рекламная компания браузера Internet Explorer 9 представляла специальный раздел «Монитор F5», созданный с использованием стандарта HTML5 и делающий контент мультимедийным и интерактивным.

Такая модель взаимодействия с посетителями принесла свои плоды: за два года удалось добиться 700 тыс. уникальных посетителей в месяц и более 30 тысяч зарегистрированных пользователей [9].

В рамках *второй модели* редакция интернет-СМИ как бы «уходит в тень» и вмешивается в формирование информационной картины дня только в крайних случаях. Самым ярким явлением такого рода стал ресурс «Newsland.Ru», принадлежащий ИД «С-MEDIA». Он представляет из себя новостной блог, наполняемый пользователями. Автор после регистрации может публиковать ссылки на актуальные и остропроблемные материалы в сети. Автоматическое сортировка и наполнение первой страницы сайта происходит при помощи формы оценки статей, голосовать за которые могут только зарегистрированные посетители. Редакторы и модераторы проекта могут участвовать в отборе самых дискуссионных и качественных материалов, представленных пользователями. За короткое время «Newsland.Ru» удалось достичь месячного охвата аудитории свыше 3 млн человек [12].

Успешность этого проекта очевидна в сравнении с результатами посещаемости ресурса «BestToday» (<http://besttoday.ru/>), реализующего схожую модель наполнения. «BestToday» представляет из себя агрегатор новостей из блогов, размещенных как на популярном блогостинге LiveJpotnal, так и под собственным доменным именем. Самые интересные новости и сюжеты отбираются редакторами проекта. Однако проекту не удалось привлечь действительно массовую аудиторию. Пик посещаемости был достигнут в декабре 2010 г. — сайт посетил 130351 пользователь [7]. Причиной такого неуспеха стало то, что блогеры пользовались привычными механизмами поиска и ранжирования информации в блогостингах и поисковых системах. К примеру, «Живой Журнал» представляет своим пользователям динамично обновляющийся рейтинг наиболее популярных сообщений в блогах, а также появившуюся в 2011 г. систему рекомендаций интересных постов LJTimes.

Регионализация новостного продукта

Третья тенденция заключается в усиливающейся регионализации новостного продукта. «Горячие» медиа интересуются информацией из регионов, которая может дополнить федеральные новости.

При этом, в отличие от таких традиционных региональных медийных игроков, как региональные информационные интернет-агентства, новые медиаигроки

стремятся выработать такую внутреннюю структуру, которая позволила бы органично сочетать федеральные и региональные новости. Ярким примером такого подхода стал электронный ресурс пермской общественно-политической газеты «Соль» (<http://www.saltt.ru>), появившейся в 2010 году.

В деятельности сайта видны характерные черты «горячих» интернет-массмедиа: «Соль» представляет большое количество мультимедийного продукта. На ресурсе присутствуют разделы «Аудио», «Видео», «Стихи», «Текст», «Фото». Их наполнение отражает стремление редакции расширить границы журналистского курса. Так, в рубрике «Аудио» редакция помещает обзоры музыкальных явлений. Материалы рубрики выполнены в новых жанровых единствах, органично совмещающие текстовый и звуковой формат представления информации. К примеру, аналитическая статья «Парад побежденных» [11], рассказывающая о непрошедшем конкурсный отбор пермского фестиваля «Белые ночи» музыкантах, иллюстрирована аудио- и видеоматериалами. Свойственно изданию и стремление привлечь читателя к работе издания.

Отличительной чертой сайта издания стала особая внутренняя организация, построенная на выделении разных тематических зон. Такие зоны аккумулируют тематически сходный контент и создают у пользователя ощущение самодостаточности раздела. К примеру, макрораздел «Соль. Пермь» представляет собой, по сути, «издание в издании». Он наполняется как информационными материалами, освещающими жизнь Перми, так и публикациями из блогов пермских деятелей культуры и искусства.

Другие разделы издания не имеют географического маркирования и обеспечивают навигацию пользователя по аналитическим материалам (рубрика «Анализ»), по новостям политики и культуры («Соль. Перемены»).

Благодаря такой информационной политике менее чем за год ресурсу удалось добиться впечатляющей посещаемости: так, в январе 2011 г. сайт посетил 980 091 посетитель [6].

Выводы

Таким образом, новые игроки медиарынка Рунета обладают свойствами, отличающими их от привычных типов интернет-СМИ.

Новые «горячие» интернет-СМИ делают акцент на следующих аспектах своей деятельности:

- 1) выработка новых стандартов взаимодействия с пользователями, позволяющих конкурировать с лидерами рынка интернет-СМИ России;
- 2) активное привлечение конвергированных медийных источников и выработка стратегий их использования;
- 3) трансформация журналистской работы в аспекте использования новых жанровых единств — текста, совмещенного с мультимедийным контентом;
- 4) использование внутренней рубрикации, сегментирование аудитории за счет использования региональных и тематических макроразделов.

Список литературы

1. Аудитория Slon.ru. Март 2011 [Электронный ресурс] // Slon.Ru. — Электрон. версия печ. публикации. — М. — 2011. — Режим доступа : http://slon.ru/advertising/Web_Index_Slon_march_2011.pdf/, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
2. Бакулев Г. П. Конвергенция медиа и журналистика / Г. П. Бакулев. — М. : Институт повышения квалификации работников телевидения и радиовещания, 2002. — 109 с.
3. Болецкая К.. Миллионы в интернете [Электронный ресурс] / К. Болецкая // Ведомости. — Электрон. версия печ. публикации. — М. — 06.02.2009. — Режим доступа : <http://www.vedomosti.ru/newslines/news/2009/02/06/724195/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
4. Варганова Е. Л. К чему ведет конвергенция СМИ? [Электронный ресурс] / Е.Л. Варганова // Информационное общество. — Электрон. версия печ. публикации. — М. — 1999. — Режим доступа : <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/b59df6463a315de4c32568fd0038da32/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.

5. Веселов С. Медиарекламный рынок России в 2010 г.: стагнация или восстановление? [Электронный ресурс] / С. Веселов // Медиа-Атлас. — Электрон. дан. — М. — 16.03.2010. — Режим доступа : <http://www.media-atlas.ru/items/?cat=interview&id=15261/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
6. Динамика количества посетителей ресурса «Соль» (www.saltt.ru) с 01.04.2010 по 30.05.11 [Электронный ресурс] // Top100.Rambler.Ru. — Электрон. дан. — М. — 2011. — Режим доступа : http://top100.rambler.ru/resStats/2159882/?url=%2F%3Fquery%3D%25D1%2581%25D0%25BE%25D0%25BB%25D1%258C&_id=2159882&_page=2&_subpage=2&_site=1&_datarang=2/, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
7. Динамика количества посетителей ресурса «BestToday» (<http://besttoday.ru/>) с 01.05.2010 по 30.06.11 [Электронный ресурс] // Top.Mail.Ru. — Электрон. дан. — М. — 2011. — Режим доступа : [http://top.mail.ru/dynamics?output=flash&what=visitors&period=month&ids=1848307+/,](http://top.mail.ru/dynamics?output=flash&what=visitors&period=month&ids=1848307+/) свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
8. Динамика количества посетителей ресурса «OpenSpace.Ru» (www.openspace.ru/) с 01.06.2009 по 30.06.11 [Электронный ресурс] // Top100.Rambler.Ru. — Электрон. дан. — М. — 2011. — Режим доступа : http://top100.rambler.ru/resStats/1799134/?url=%2F%3Fquery%3Dopenspace&_id=1799134&_page=2&_subpage=2&_site=1&_datarange=2/, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
9. Интернет как образ жизни [Электронный ресурс] // F5. — Электрон. версия печ. публикации. — М. — 2011. — Режим доступа : http://f5.ru/i/docs/F5_МК.pptx/, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
10. Карпенко И. И. Радиовещание в Интернете: формы вещания, специфика профессиональной деятельности журналистов, новые направления развития / И. И. Карпенко // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. — 2009. — № 1. — С. 150 – 58.
11. Князева Е. Парад побежденных [Электронный ресурс] / Е. Князева // Соль. — Электрон. дан. — М. — 05.05.2011. — Режим доступа : <http://www.saltt.ru/node/9176/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
12. Медиакит 2011 [Электронный ресурс] // Newsland.Ru. — Электрон. дан. — М. — 2011. — Режим доступа : http://newsland.ru/public/files/Newsland_MediaKit_2011_v1.ppt/, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
13. Объем рынка маркетинговых коммуникаций России в 2010 году [Электронный ресурс] // Ассоциация коммуникативных агентств России. — Электрон. дан. — М. — 2011. — Режим доступа : http://www.akarussia.ru/knowledge/market_size/id457/, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
14. Подписка на журнал «Сноб» [Электронный ресурс] // Журнал «Сноб». — Электрон. дан. — М. — 2011. — Режим доступа : <http://www.snob.ru/subscribe/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
15. Синдинская М. Чат со Слоном [Электронный ресурс] / М. Синдинская // PlanetaSMI. — Электрон. дан. — М. — 2011. — Режим доступа : <http://planetasmi.ru/blogi/comments/5980.html/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
16. Филимонов Д. Бутэник Пионер [Электронный ресурс] / Д. Филимонов. — // Русский Пионер. — Электрон. версия печ. публикации. — М. — 25.01.10. — Режим доступа : http://www.ruspioneer.ru/specpr.php?id_art=1142/, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
17. Флейшман Л., Жинеста, К., Кальсада, М.Л. Альтернативные СМК в Сети: испанский опыт / Л. Флейшман, К. Жинеста, М. Л. Кальсада // Журналистика и медиаобразование-2008: сб. трудов III Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 25-27 сентября 2008 г.): в 2 т. Т. I под ред. проф. А. П. Короченского. — Белгород: БелГУ, 2008. — 368 с. — С. 215 – 223.
18. Ankerson M. S Historicizing Web Design: Software, Style, and the Look of the Web / M. S. Ankerson // Convergence media history / Edited by J. Staiger, S. Hake. — NY. : Routledge, 2009. — 211 p. — P. 192 – 203.
19. Goh D. H., Ang R. P., Chua A. Y. K., & Lee C. S. Why we share: A study of motivations for mobile media sharing / D. H. Goh, R. P. Ang, A. Y. K. Chua & C. S. Lee // Active Media Technology: 5th International Conference, AMT 2009, Beijing, China, October 22-24, 2009, Proceedings (Lecture Notes in Computer Science) / Edited by Liming Liu, Jinglong Wu, Yiyu Yao, Toyooki Nishida. — Beijing, 2010. — 530 p. — P. 195 – 206.
20. Jenkins H. Convergence culture: where old and new media collide [Текст] / H. Jenkins. — N.Y. : New York University Press, 2006. — 308 p.
21. Jensen K. B. Media convergence: the three degrees of network, mass, and interpersonal communication / K. B. Jensen. — N.Y. : Routledge, 2010. — 195 p.

22. Kolodzy J. Convergence journalism: writing and reporting across the news media / J. Kolodzy. — Lamham, Maryland : Rowman & Littlefield, 2006. — 277 p.
23. Lawson-Borders G. Media organizations and convergence: case studies of media convergence pioneers / G. Lawson-Borders. — N.Y. : Routledge, 2006. — 224 p.
24. Manovich L. New Media from Borges to HTML / L. Manovich // *The NewMediaReader* / Edited by N. Wardrip-Fruin and N. Montfort. — Cambridge, Mass. : MIT Press, 2003. — 823 p. — P. 13 – 25.
25. Negroponte, N. Being digital [Текст] / N. Negroponte. — N.Y. : Knopf, 1995. — 243 p.
26. Nolan, S. Journalism online: the search for narrative form in a multilinear world [Электронный ресурс] / S. Nolan // *Proceedings of the Fifth International Digital Arts and Culture Conference (DAC'03)*, RMIT, Melbourne, Australia. May 19 – 23, 2003. — Электрон. дан. — Melbourne. — 2003. — Режим доступа : <http://hypertext.rmit.edu.au/dac/papers/n.pdf>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. англ.
27. Pearce K. E. Convergence Through Mobile Peer-to-Peer File Sharing / K. E. Pearce // *International Journal of Communication*. — 2011. — № 5. — P. 511 – 528.
28. Pool I. de Sola. Technologies of Freedom: On Free Speech in an Electronic Age / I. de Sola Pool. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983. — 299 p.
29. PricewaterhouseCoopers: конвергенция как эволюция бизнеса [Электронный ресурс] // Интернет-издание C-News. — Электрон. дан. — М. — 17.04.07. — Режим доступа : <http://www.cnews.ru/news/line/index.shtml?2007/04/17/246202/>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
30. The Rise of Lifestyle Media. Achieving Success in the Digital Convergence Era [Электронный ресурс] / Edit. by L. Anne Bantsari, S. Mirza, G. Garrison, J. Slocock, A. Maclean // PWC. — Электрон. версия печ. публикации. — N.Y. — 2006. — Режим доступа : http://www.pwc.com/en_US/us/technology-innovation-center/assets/lifestylemedia-web-x.pdf/, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. англ. — 42 p.
31. World Digital Media Trends 2008 [Электронный ресурс] / Edit. by L. McBride Menschling // World Association of Newspapers. — Электрон. версия печ. публикации. — N.Y. — 2008. — Режим доступа : <http://www.wan-press.org/IMG/pdf/sfn-wdmt-2008.pdf>. — Загл. с экрана. — Яз. англ.

CONVERGENCE AND THE COMPETITIVE STRUGGLE FOR USERS: NEW RUSSIAN NETWORK MASS MEDIA

A. A. Nikitenko

Novosibirsk State Technical University

*e-mail:
nikitenko_alex@inbox.ru*

This article considers convergence as the competitive advantage of new Russian network mass media.

Key words: Convergence, interactive, Media Environment.

УДК 81 (075.8)

ДУХОВАЯ МУЗЫКА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОВЕСТКЕ ДНЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ЖУРНАЛА «ОРКЕСТР»

А. В. Полонский¹
В. Д. Зарицкий²

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: Polonskiy@bsu.edu.ru

² Белгородский государственный институт искусств и культуры

e-mail: noob45_91@mail.ru

В статье рассматриваются особенности осмысления духовой музыки в специализированных музыкальных российских СМИ (на примере журнала «Оркестр» (2006 – 2011 гг.)). Содержательный анализ публикаций позволяет прийти к выводу, что при наличии понимания несомненной социальной, культурной, образовательно-педагогической и воспитательной значимости духовой музыки ее феномен в СМИ остается вне фокуса глубокого осмысления.

Ключевые слова: культура, масс-медиа, общественная повестка дня, музыкальные издания, музыка, духовая музыка.

Фундаментальной реальностью современного общества являются масс-медиа. Формируемая ими общественная повестка дня, то есть совокупность проблем и сюжетов, предъявленных обществу как наиболее значимых, требующих общественного внимания и осмысления [40, с. 32 – 52], задает тематику и характер публичного диалога, вовлекая в него широкую аудиторию. Общественная повестка дня – это актуальный вопрос человеку на языке масс-медиа: *кто ты?* Рассмотрение общественной повестки дня, формируемой масс-медиа, поэтому представляется чрезвычайно перспективным, поскольку дает востребованный обществом ответ на сущностный вопрос о характере циркулирующих в обществе знаний и способе их осмыслении, об особенностях актуальной общественной мысли, что позволяет распознать духовный статус общества, и сделать правильный социальный прогноз.

Этим определяется актуальность поднимаемой в настоящем исследовании проблемы – роли современных специализированных музыкальных изданий, в частности журнала «Оркестр», в формировании общественной повестки дня, а также в формировании художественно-эстетического сознания и музыкального вкуса общества как показателя не только его стилистики, социально-художественного опыта, но и его нравственности, степени причастности к интеллектуальной и культурно-духовной традиции.

Важность осмысления характера массмедийного сопровождения музыкальной практики современного российского общества, обеспечения масс-медиа живого публичного диалога, ориентированного как на культурную традицию, так и на текущую музыкальную жизнь и особенности современного музыкального выбора, становится особенно очевидной, если учесть то, что в России «в сфере вещания, – говоря словами Я. Н. Засурского, – существует довольно мощное присутствие государства» [19, с. 197], которое по сути своей заинтересовано в том, чтобы общество обрело надежную мировоззренческую и нравственно-эстетическую основу и разработало в солидарном усилии всех заинтересованных социальных субъектов свою формулу социального блага, в которой бы учитывались особенности не только текущей жизни, но и национально-культурного опыта народа [31].

Сфера духовной жизни общества, как известно, чрезвычайно многообразна. Ее характер определяется теми культурными и социальными практиками, в которых человек осуществляет себя как субъект и обретает свое имя – национально-культурное и индивидуально-личностное. Одной из таких практик, особенно востребованных сегодня, является музыка – исключительно сложный феномен, обнаруживающий себя в разных аспектах – эстетическом, психологическом, коммуникативном, этнокультур-

ном, социальном, педагогическом. Как особый источник душевной гармонии, музыка позволяет человеку ощутить свою включенность в контекст жизни с присущей ей полифонией опыта, голосов, осмыслений и образов.

О возможностях музыки влиять на человека, на его чувственный опыт, духовный мир и интеллектуальные способности говорится давно, достаточно вспомнить античных философов – Аристотеля, Гераклита, Пифагора, Плутарха. В одном из древних философских трактатов, например, утверждается, что человек, творчески потрудившийся над усвоением музыки, «не запятнает себя никакими неблагородными поступками, но получит, благодаря музыке, величайшую пользу и будет полезен себе и родине» [38]. Особенно актуальными сегодня, хотя, может быть, и не до конца пока еще воспринятыми обществом, являются, на наш взгляд, размышления Платона, который в своих знаменитых диалогах «Пир», «Государство», «Законы» указывал, что музыка как «наука об элементах любви в сфере лада и ритма», благодаря своей опоре на чувство, обладает уникальной способностью настраивать душу на определенный лад, поэтому она должна быть фундаментом государственной системы воспитания [27, с. 425]. Платон полагал, что музыка, слитая со словом и танцем, музыкальная гармония и ритм, исходящие из божественного прообраза, имеют исключительно важное значение для общества. «Пища души – в музыке», – говорил он. При этом Платон видел непосредственную связь между характером музыкальной жизни и духовной силой государства.

Размышления античного философа созвучны сегодняшней научной мысли. Музыкальная практика, особенности звучащих ладов и ритмов несомненно во многом определяют характер общественной морали и духовных притязаний человека. Музыка, во всех ее стилистико-содержательных формах и жанрах, будучи неотъемлемой частью жизни человека и средоточием «многовекового духовно-нравственного и социально-культурного опыта» [28, с. 3], без сомнения является одним из ключевых факторов, формирующих характер ценностной, духовно-нравственной парадигмы общества.

Самым востребованным средством укрепления нравственной силы человека и его связи с отеческой традицией издавна является духовая музыка, отличающаяся особой демократичностью образного языка и уникальной способностью эмоционального воодушевления человека. Она несет в себе идеи гражданственности, патриотизма, чувство переживания Отечества и взволнованно-эмоционального единения людей.

Будучи вовлеченным в мир музыки, современный человек должен уметь понимать музыкальное произведение и его стилистику, правильно интерпретировать созданный в нем художественный образ, точно улавливать интонацию, тембр и ритм музыки, «слышать» ее социальное звучание. Все это требует не только качественной профессиональной подготовки и глубоких знаний, аккумулированных в монографиях, диссертационных исследованиях и учебных пособиях (см.: [10; 26; 3; 21; 4; 23; 30]), но и широкого творческого разговора «о музыке и о себе» в масс-медиа, ориентированных на широкую аудиторию, «жестко осуществляющих когнитивный менеджмент посредством формирования общественной повестки дня» и «обладающих уникальными возможностями формирования у общества важнейшей для него способности – определять свои духовные границы» [32].

Как замечает Т. Адорно, музыка – это «не явление истины, а... идеология» [2, с. 52]. Этим объясняется чрезвычайная важность того, «в каком виде ее узнаёт народ» [2, с. 53], в каком виде она представлена в современных масс-медиа.

Ключевую роль в выполнении этого социального заказа, несомненно, играют специализированные масс-медиа, призванные обеспечивать не только формирование необходимой для научной и научно-методической мысли информационно активной среды, но и продвижение социально значимых идей, включение их и удержание в общественном сознании. Среди таких масс-медиа – издающийся в Москве с 2006 года общероссийский научно-популярный иллюстрированный музыкальный журнал «Оркестр» [1].

Духовная история журнала «Оркестр» восходит к периоду 1910 – 1912 гг., когда он выходил под руководством известного музыканта, дирижера, драматического акте-

ра, музыкального критика и педагога И. В. Липаева, который – под псевдонимом Самаров – в одной из своих программных публикаций в журнале писал: «Городу нужен оркестр... Не надо жалеть средств на культурное предприятие, раз оно будет обслуживать интересы всего населения... Надо всеми силами сочувствовать начинанию людей, у которых впервые зародилась благодарная мысль пойти в ногу с требованиями жизни, необходимо всячески поддерживать их начинание, важное и серьезное» [34].

Сегодня «Оркестр» – это уникальный отечественный журнал, ориентированный на широкую аудиторию любителей и профессионалов, «музыкальных тружеников» (И. В. Липаев), исполнителей, педагогов и студентов. Учредителем журнала является Московский государственный университет культуры и искусств (МГУКИ), творческий и профессорско-преподавательский коллектив которого видит свою духовную миссию в утверждении идей гуманизма и ценностей отечественной и мировой культуры. В редакционный совет журнала входят виднейшие специалисты в различных сферах гуманитарного знания, представляющие не только вузы Москвы и Санкт-Петербурга, но и многих регионов России.

В современных условиях маргинализации высоких образцов музыкальной культуры журнал «Оркестр» видит свою миссию, которая лучше всего выражена в словах Д. С. Лихачева: «Не должно быть слепых к красоте, глухих к слову и настоящей музыке, черствых к добру, беспамятных к прошлому. А для этого нужны знания, нужна интеллигентность, дающаяся культурой» [25, с. 29]. Из осознания миссии формулируется и цель журнала – развитие коллективного творчества, которое в музыкальном образовании и формировании художественно-эстетического вкуса осознается журналом в качестве базового. Как сказал А.Л. Дудин, шеф-редактор журнала «Оркестр», заслуженный работник культуры, профессор МГУКИ, «в наше время, когда от современной информации зависит успех любой профессиональной деятельности, незаслуженно упускается соответствующая информационная работа в области отечественного оркестрово-ансамблевого исполнительства, тем самым сдерживается развитие и популяризация данного вида искусства... В музыкальных средствах информации, журналах и газетах периодически освещаются события, происходящие в области оркестрового искусства, но целенаправленной своевременной и сопутствующей деятельности по данному информационному направлению до сих пор не ведется. Многочисленные просьбы из различных регионов России и зарубежья, пожелания, стремления помочь и поддержать работу по выпуску профессионального журнала, который бы полностью был адресован оркестровым музыкантам, педагогам, дирижерам и композиторам, методистам и исследователям, работающим в этой области, высказываются на всех проходящих семинарах, конференциях, конкурсах и других оркестровых форумах. Но одного желания здесь недостаточно, так как в современных условиях живет и развивается тот, у кого творческий подход к делу оправдывается высоким профессионализмом, умением создать и постоянно развивать материальную основу своего предприятия, а также заботиться о постоянном расширении круга заинтересованных лиц» [13].

Какое же место на страницах журнала, нацеленного на углубление серьезного разговора о культурных практиках современного человека, занимает духовная музыка? Насколько востребованной и эффективной является его просветительская деятельность, направленная на «удержание» в общественной мысли многообразного отечественного и зарубежного опыта духовых оркестров? Насколько действенна его творческая лаборатория исполнительства и учительства?

Как показывает анализ публикаций, журнал «Оркестр» активно откликается научными, научно-популярными, учебно-методическими и сугубо журналистскими публикациями (статьями, портретными очерками, репортажами, информационными заметками, разнообразными интервью и др.) на осмысление духовной музыки как эстетического, культурного и социального феномена. Она получает свое освещение с точки зрения как своих исконных особенностей, так и современных интонационных тенденций, новых выразительных возможностей. *«Духовая музыка, – пишет А. Жульев, – как никакая другая, способна объединить людей. Она является проводником эсте-*

тической культуры в широких слоях общества... Духовая музыка воспитывает патриотизм, поднимает настроение своей жизнерадостностью и оптимизмом» [17, с. 22]. В публикации «Брасс-Бенефис – репортаж из Нортфилда», посвященной форуму медных (brass в переводе с англ. «медь») духовых инструментов, ее автор З. Карташева, отмечая продуманность фестивальной программы, насыщенность его живой музыкой оркестров, вовлекающих человека в действо, говорит, что духовая музыка обладает богатыми возможностями «не только развлекать и доставлять эстетическое наслаждение, но одновременно и решать познавательные и воспитательные задачи» [20, с. 16]. На огромные потенциальные возможности современной духовой музыки, на ее многоаспектность обращает внимание А. Гилев. На вопрос «Что такое собственно “современная духовая музыка”? Жанр, искусство, образование, вид деятельности или “что-то еще”? – он отвечает: «При внимательном взгляде становится понятно, что ясность в данном вопросе отсутствует... Теоретик-музыковед определит духовую музыку как жанр. Музыканты, композиторы, дирижеры и другие практики – как искусство или вид творчества. Издатель и продюсер – как вид музыкальной и коммерческой деятельности. В образовательных учреждениях духовая музыка представлена как учебная дисциплина. В государственных структурах, например, в Вооруженных Силах, духовая музыка чаще предстает как вид служебной, церемониальной деятельности. И так далее. Очевидно одно, что категория “духовая музыка” еще ждет своего целостного понимания с привлечением философии, культурологии и искусствоведения» [9, с. 25]. В очерке Ю. Кружнова «Пора, пора, рога трубят!..» осмысливается феномен русской роговой музыки, которая, безусловно, вносит свой смысл в многоаспектный диалог о человеке, культуре и творчестве: «Звук живет изначально в нас, рождается в нас, и как мы душевно наполнены, так рог и воспроизводит эту нашу наполненность. Здесь не сфальшивишь. Рог – это “детектор лжи”» [22, с. 133].

Особое внимание журнал «Оркестр» обращает на зарубежную и отечественную историю и практику духовой школы, опыт исполнительства на духовых инструментах. Этому посвящены его многие публикации [33; 29]. Среди них – статья Ю. Гусева «Альт-тромбон в камерной музыке XVIII века», в которой рассказывается об активной музыкальной жизни на берегах Дуная, испытавшей сильнейшее влияние итальянской музыкальной культуры. Музыка была важной частью монастырской и придворной жизни Австрии. Легендарная эра музыки в истории Австрии начиналась при основательной поддержке высокопоставленных особ. Не случайно все четыре монарха, правившие в Австрии с 1637 г., были одновременно и композиторами, и исполнителями. Так, например, Леопольд I написал более 300 сочинений. Он искусно играл на флейте, клавесине и скрипке. Автор публикации приводит также весьма показательный пример из жизни Карла VI, который в ответ на комплимент композитора И. Й. Фукса «Очень жаль, Ваше Величество, что Вы не виртуоз (имея в виду, что он не профессионал)», ответил: «Не имеет значения, я все равно лучший» [12, с. 23]. Показательным в этом аспекте является и очень эмоциональная «портрет-презентация» В. Березина «Максим Емельянычев: дирижер их эпохи барокко» о молодом многообещающем московском дирижере, клавесинисте, аранжировщике, выгодно отличающемся от общей массы «заразительностью таланта» и способностью пробуждать «в уставших душах», по словам автора, «юношеское беспокойство» [7, с. 49].

Многие страницы журнала «Оркестр» посвящены различным аспектам оркестрово-ансамблевого исполнительства и преподавания игры на духовых, народных, эстрадных и ударных инструментах, на исполнительскую и учебную практику в российских и зарубежных учебных заведениях, а также на организацию и подготовку музыкальных творческих коллективов как академического характера (симфонических, духовых, фольклорных), так и эстрадно-джазовых. Так, например, В. Березин в своей публикации «История исполнительства на духовых инструментах в отечественном музыкознании» обращает внимание на отечественную исполнительскую практику, отмечая, в частности, что «в отечественной музыкальной культуре, в отличие от западноевропейской, духовые инструменты не занимали достаточно значимых позиций

в самой исполнительской практике. И отечественная исполнительская школа складывалась главным образом эмпирическим путем, выходя из оркестровой практики и возвращаясь в нее» [7, с. 6]. При этом автор публикации дает оценку отечественной практике. По его мнению, «русская духовая школа, долго развиваясь изолированно и сохраняя консервативные принципы, обладала, тем не менее, интересными и своеобразными свойствами. Выйдя на международную арену конкурсов и фестивалей, отечественные исполнители зачастую просто не соответствовали критериям, утвердившимся в Европе. Это вовсе не означало, что нужно скорее отказываться от собственных традиций и гнаться за немецкими и французскими. Однако желание соответствовать западноевропейским школам и конкурировать с зарубежными коллегами на мировом рынке труда обрело весьма конкретные очертания в виде стремления наших молодых музыкантов учиться и совершенствоваться в Европе и США, осваивать опыт признанных зарубежных мастеров. Несмотря на успехи отдельных талантливых виртуозов, в целом это привело к тому, что наши музыканты стали сознательно менять художественно-эстетические ориентиры, все более утрачивая лучшие, характерные черты отечественной школы» [7, с. 11].

Журнал «Оркестр» обращает внимание и на то, что изменяется практика создания духовых оркестров, что в России усиливается позитивная тенденция создания, наряду с самодеятельными коллективами, высокопрофессиональных филармонических, губернаторских, муниципальных, вузовских оркестров. Так, например, А. Дудин описывает создание в 2001 году творческого коллектива «Русская роговая капелла», осуществившееся по благословению настоятеля храма свв. Апп. Петра и Павла Артемия Скрипкина и при поддержке ректора РГПУ им. А. И. Герцена Г. А. Бодровского. В этом автор публикации справедливо видит факт возрождения истоков русского духового искусства и популяризации отечественных духовых инструментов [15, с. 12]. На страницах журнала описывается и опыт Белгородской области: «Сегодня трудно представить культурную жизнь и досуг горожан без муниципального оркестра духовой и эстрадной музыки... Уместно здесь заметить, что администрация области, во главе с ее губернатором Е. С. Савченко самым внимательным образом относится к развитию культуры своей области и в частности к развитию духовых оркестров. Так, своим постановлением он обязал руководителей предприятий и учебных заведений создавать и поддерживать эти коллективы в области» [5].

Важным в журнале является и методико-педагогическое направление, представленное как практическими советами для духового оркестра по инструментовке, осмыслением особенностей психологии и физиологии деятельности музыканта, так и популяризацией опыта известных музыкантов-педагогов – А. В. Вдова, Э. Д. Грача, Б. А. Дикова, Н. В. Калинина, В. С. Попова, А. Т. Скобелева и др. Так, например, одна из публикаций в журнале «Оркестр» посвящена Ю.А. Усову, чей педагогический метод «по содержанию и прогрессивности оказался важным для развития отечественной школы игры на трубе» [39, с. 58]. Объединяющая идея в преподавании духовой музыки сформулирована в публикации А. Дудина и Н. Ирининой «Главная задача – приобщить к музыке» в словах В. Р. Зарембы, выпускника Музыкально-педагогического института им. Гнесиных, ныне преподавателя «оркестра» в школах Нью-Йорка: «Учитель должен быть бескорыстным и отдавать все лучшее, что он знает и умеет, и делать это на высоком духовном уровне» [16, с. 29].

Журнал «Оркестр» воссоздает объемную картину музыкальной жизни, героями которой являются как отдельные музыканты-духовики, так и творческие коллективы – профессиональные и любительские, муниципальные и учебные. Не случайно одним из самых распространенных жанров в журнале становится портрет, создаваемый либо посредством монологического повествования, либо интервью. М. В. Плетнев, К.-П. Таффанель, И. В. Липаев, Ф. Миллс, В. А. Новиков, И. В. Петров, К. К. Тихонов, М. Фергюсон, И. М. Манжух, Э. Грач, А. Ф. Гуляницкий, Г. З. Ройтфарб, В. Кочнев, В. В. Шевердин, В. А. Старков – это только скромный перечень имен музыкантов, чьи судьбы, мастерство и школы представлены на страницах журнала.

Разные рубрики – «Историческое обозрение», «Колонка памяти», «Юбилей современников», «Калейдоскоп гастролой», «Зарубежные новости», «Лаборатория ди-

рижера», «Актуальное интервью», «Вести из регионов» и др. – дают возможность не только увидеть разные аспекты музыкальной жизни России, в том числе в ее международном контексте и в контексте ее регионов, но и вести серьезный, многосторонний и всегда откровенный разговор о достижениях и неудачах современного музыкального искусства, особенностях оркестровой практики и исполнительства на духовых инструментах. Появляются развернутые публикации и информационные сообщения о проводимых как в России, так и за рубежом фестивалях и конкурсах, концертах, научных и творческих конференциях и семинарах, на которых звучит духовая музыка и на которых она получает свое научно-эстетическое, научно-педагогическое и культурно-историческое осмысление. В частности, в публикации Г. Соболя «Такая музыка звучит у нас в судьбе» рассказывается о VIII областном фестивале духовой музыки имени В. А. Старкова «Салют, фестиваль!», посвященном 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Он собирает духовые коллективы Белгородской, Воронежской, Курской области и г. Харькова (Украина), чтобы почтить память *«тех, кто ушел в вечность, с честью исполнив свой долг перед Родиной»*, а также чтобы почтить память талантливого музыканта, дирижера и педагога В. А. Старкова, *«который стоял у истоков создания духовых оркестров в послевоенном Белгороде»* [35, с. 127].

Глубокими по своему содержанию и особенно важными с точки зрения репрезентации пространства духовой музыки, его культурных парадигм являются, по нашему мнению, рубрики «Вести из регионов России» и «Зарубежные новости». Публикуемые в них материалы позволяют увидеть музыкальную жизнь, в ее панорамности и динамике, в ее истории и в сегодняшнем дне, в исполнительской практике выдающихся музыкантов-духовиков, именитых профессионалов и только начинающих свой творческий путь, а также в живой научно-эстетической мысли, особенно востребованной сегодня.

В журнале поднимаются и злободневные проблемы современной оркестровой практики в России. Автор одной из публикаций констатирует, что с середины 90-х престиж профессии музыканта-духовика постепенно падает, о чем свидетельствует в том числе отсутствие серьезного набора на отделение духовых инструментов в том числе Самарского музыкального училища им. Д. Г. Шаталова, которое всегда являлось основным поставщиком кадров в духовые гражданские и военные оркестры [24]. К сожалению, журнал при этом не дает на своих страницах глубокого осмысления опыта работы с детскими музыкальными коллективами, которая требует глубоких знаний – и предметных, и психолого-педагогических, и организаторских. Однако в публикациях, посвященной данному вопросу, хотя и немногочисленных, подчеркнута звучит идея необходимости возрождения в школе традиции духового искусства. Обращается внимание и на материальные проблемы, в том числе на материальное положение музыканта – исполнителя и преподавателя, – не всегда достойное его духовному вкладу [8, с. 41].

Духовая музыка – объемный, многоаспектный феномен, который не всегда легко «свернуть» в масштаб малого журнального жанра: он требует развернутой формы. Тем не менее, тема «музыки воздуха», как определил ее А. Дудин [15, с. 70], проходит через многие публикации журнала, главный вывод которых – духовая музыка должна всегда звучать как в «городском саду», так и на самых «высоких» сценах.

Феномен духовой музыки на страницах журнала «Оркестр», как видим, получает свое освещение и осмысление. Открытость, свобода от ведомственного диктата позволяет авторам журнала высказывать свои принципиальные суждения и давать объективные оценки тем или иным фактам культурной жизни. Тем не менее, заметим, что во многих публикациях журнала преобладает констатирующий способ подачи информации, пересказ, порой излишне беглый, конспективный, а не глубокий анализ и проблематизация, предполагающая поиск сферы непознанного, но требующего своего научного осмысления.

Таким образом, при всей социальной, культурной и образовательно-педагогической значимости духовой музыки ее феномен все еще остается вне фокуса глубокого осмысления, следствием чего является практически отсутствие на сего-

дняшний день серьезного, отвечающего потребностям современного общества развернутого публичного разговора, в котором бы обобщались, рационализировались и проблематизировались существующие осмысления феномена духовой музыки как в ее культурно-исторической перспективе, так и в практике современной жизни.

Духовая музыка в современных специализированных музыкальных изданиях еще ждет своего целостного осмысления – философского, культурологического, искусствоведческого и, на наш взгляд, социально-духовного. Именно этот аспект, социально-духовный, наиболее актуальный для современного человека, ищущего и в музыке ценностные смыслы, духовные основы своего бытия, растворяется на страницах журнала «Оркестр» в массе многообразных осмыслений истории и современной отечественной и зарубежной музыкальной практики. По нашему глубокому убеждению, этот аспект нуждается в самостоятельной разработке и журнал «Оркестр» имеет для этого необходимый потенциал философской, научной, педагогической и музыкально-эстетической мысли.

Список литературы

1. «Оркестр». Общероссийский специализированный (музыкальный) научно-популярный иллюстрированный журнал (2006 – н/в). Сайт: [<http://journalorchestra.ru/history.html>].
2. Адорно Т.-В. Избранное: Социология музыки / Т.-В. Адорно. – М.-СПб.: Университетская книга, 1999. – 204 с.
3. Асафьев Б. В. Музыкальная культура / Б. В. Асафьев. – М.: КомКнига, 1996. – 340 с.
4. Балин А. П. Традиции оркестра духовых инструментов в эволюции джаз-бэнда: 1890-1960-е гг.: Дис. кандидата искусствоведения [Электронный ресурс] / А. П. Балин. – Ростов-на-Дону, 2008. – 229 с. – Режим доступа: [<http://www.dissercat.com/content/traditsii-orkestra-dukhovykh-instrumentov-v-evolyutsii-dzhaz-benda-1890-1960-e-gg>].
5. Белгородские юбиляры // Оркестр. – 2011. – № 1 – 2 (22 – 23). – С. 138 – 139.
6. Березин В. История исполнительства на духовых инструментах в отечественном музыкознании / В. Березин // Оркестр. – 2006. – № 4. – С. 6 – 12.
7. Березин В. Максим Емельянычев: дирижер из эпохи барокко / В. Березин // Оркестр. – 2011. – № 1 – 2 (22 – 23). – С. 47 – 49.
8. Бло, О. Оркестр «Боян» в фокусе проблем музыкального просвещения, образования / О. Блох // Оркестр. – 2006. – № 3. – С. 40 – 44.
9. Гилев А. Г. Духовая музыка России начала XXI века: состояние и перспективы / А. Г. Гилев // Оркестр. – 2010. – № 1 – 2. – С. 25 – 26.
10. Губарев, И. Духовой оркестр / И. Губарев. – М., 1963. – 79 с.
11. Гулыгин М. Музыка в нашей жизни / М. Гулыгин. – М.: Мысль, 1996. – 232 с.
12. Гусев А. Альт-тромбон в камерной музыке XVIII века / А. Гусев // Оркестр. – 2008. – № 4. – С. 23 – 25.
13. Дудин А. История журнала [Электронный ресурс] / А. Дудин // Оркестр. – Режим доступа: [<http://journalorchestra.ru/history.html>].
14. Дудин А. Русская роговая капелла / А. Дудин // Оркестр. – 2006. – № 3. – С. 12.
15. Дудин А. Виват духовому оркестру / А. Дудин // Оркестр. – 2008. – № 4 (13). – С. 69 – 70.
16. Дудин А., Иринина Н. Главная задача – приобщить к музыке / А. Дудин, Н. Иринина // Оркестр. – 2006. – № 4. – С. 27 – 29.
17. Жульев А. Оркестр из 2000 труб: о духовой музыке в Кировограде (Украина) в 1974 – 1982 годах / А. Жульев // Оркестр. – 2010. – № 1 – 2. – С. 22 – 24.
18. Зарицкий В. Д. Квintет духовых инструментов: искусство и педагогика [Текст] / В. Д. Зарицкий // Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова. – 2011. – № 4. – С. 200 – 202.
19. Засурский Я. Н. Журналистика и общество: балансируя между государством, бизнесом и общественной сферой / Я. Н. Засурский // Средства массовой информации постсоветской России: Учебное пособие / Я. Н. Засурский, Е. Н. Вартанова, И. И. Засурский и др.; Под ред. Я. Н. Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2002. – С. 195 – 231.
20. Карташева З. Брасс-Бенефис – репортаж из Нортфилда / З. Карташева // Оркестр. – 2006. – С. 14 – 19.
21. Клейн Э. Г. Военные оркестры как феномен провинциальной культуры России: на материалах Костромской губернии до 1917 года: Дис... канд. культурологии [Электронный ресурс] / Э. Г. Клейн. – Кострома, 2005. – 192 с. – Режим доступа: [<http://www.dissercat.com/content/voennye-orkestry-kak-fenomen-provintsialnoi-kultury-rossii-na-materialakh-kostromskoi-gubern>].

22. Кружнов Ю. Пора, пора, рога трубят / Ю. Кружнов // Оркестр. – 2011. – № 1–2 (22 – 23). – С. 129 – 133.
23. Куликов Е. М. Музыкальные предпочтения как дифференцирующий и интегрирующий фактор российской молодежной субкультуры: Дис. ... канд. социол. наук / Е. М. Куликов. – Ставрополь, 2004. – 165 с.
24. Куликов М. Г. Возрождение детских духовых оркестров по-самарски / М. Г. Куликов // Оркестр. – 2007. – № 1 (6). – С. 52.
25. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев. – М.: Детская литература, 1989. – 65 с.
26. Матвеев В. Русский военный оркестр / В. Матвеев. – М. - Л., 1965. – 100 с.
27. Музыка. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Г. В. Келдыш. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – 672 с.
28. Новиков И. А. Коммуникативные характеристики функционирования музыки в российском социокультурном контексте / И. А. Новиков. – Автореф. дис... к. филол.н. – Ростов-на-Дону, 2009. – 24 с.
29. Ножов, В. Алексей Гуляницкий: титан симфонизма [Текст] / В. Ножов // Оркестр. – 2011. – Вып. 24 – 25. – С. 41 – 43.
30. Перси У. «Не пой, красавица, при мне...»: Культурная территория русского романтизма / У. Перси. – М.: Аграф, 2003. – 336 с.
31. Полонский А. В. Сущность и язык публицистики / А. В. Полонский. – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2009. – 238 с.
32. Полонский А. В. Дискурсивная и текстовая парадигма современности [Рукопись] / А. В. Полонский. – Белгород, 2012. – 144 с.
33. Проскурин С. Барокко вчера и сегодня: проблемы исполнительства на трубе музыки эпохи барокко / С. Проскурин // Оркестр. – 2011. – Вып. 24 – 25. – С. 9 – 13.
34. Самаров. Городской оркестр (Оркестр. – 1910. – № 1) / Самаров // Оркестр. – 2010. – № 1 – 2 (18 – 19). – С. 6 – 9.
35. Соболев Г. Такая музыка звучит у нас в судьбе / Г. Соболев // Оркестр. – 2010. – № 1 – 2 (18 – 19). – С. 127 – 130.
36. Суюмбакиева Т. Духовая музыка сегодня / Т. Суюмбакиева // Музыкальная жизнь. – 2009. – № 2. – С. 48 – 49.
37. Тютюнникова Т. Э. Видеть музыку и танцевать стихи... Творческое музицирование, импровизация и законы бытия / Т. Э. Тютюнникова. – М.: Либроком, 2010. – 264 с.
38. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина [Электронный ресурс]. – М.: Гардарики, 2004. – Режим доступа: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1295].
39. Черных А. Памяти выдающегося педагога Юрия Усова / А. Черных // Оркестр. – 2010. – № 1 – 2. – С. 58 – 59.
40. McCombs M. Setting the Agenda: The Mass Media and Public Opinion. – Cambridge, UK: Polity Press. 2004. – 184 p.

BRASS BAND MUSIC ON THE AGENDA OF MODERN RUSSIAN SPECIALISED MASS MEDIA: REMARKS ON THE MARGINS OF THE JOURNAL "ORCHESTRA"

A. V. Polonskiy¹
V. D. Zaritskiy²

¹ *Belgorod National Research University*
e-mail: Polonskiy@bsu.edu.ru

² *Belgorod state Arts and Culture Institute*
e-mail: noob45_91@mail.ru

The article considers some features of reflexion over brass band music in a specialized journal "Orchestra" (2006 - 2011). The substantial analysis of publications allows concluding that unequivocal understanding of the social, cultural, educational and pedagogical significance of brass band music is present, but the phenomenon of brass band music remains out of focus as the active attention of researchers, specialists and the journalistic community.

Key words: Russian culture, mass media, music publishing, brass music, brass band.

УДК 811

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГЕНДЕРА В ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛАХ

Е. А. Самотуга

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Samotuga@bsu.edu.ru

В статье на материале журнала «Cosmopolitan» рассматриваются особенности объективации культурно-символических форм феминности в глянцевах журналах лингвостилистическими средствами.

Ключевые слова: гендер, масс-медиа, гляцевый журнал, языковая личность, гендерный стереотип, лингвостилистика.

Сегодня человек становится той «сквозной идеей, которая, как показывает опыт ее анализа и описания, пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучить, человека вне его языка» [11, с. 3]. В последнее время особенно возрос интерес к лингвокогнитивным исследованиям языкового сознания в его гендерной парадигме. «Сочетание когнитивной, социологической и культурологической направленности исследований последних лет, – пишет А. В. Кирилина, – выдвигает на первый план индивидуальные характеристики говорящего субъекта как важную составляющую изучения центральной лингвистической проблемы – человек в языке. Новейшие концепции, сформировавшиеся в результате привлечения к лингвистическому описанию информации, поставляемой психологией, биологией познания, культурологией, философией и рядом других антропоориентированных наук изменили точку зрения на традиционный когнитивный подход, при котором познание – это формирование новых ментальных репрезентаций, отображающих реальность. Стало ясно, что основная функция языка состоит не столько в передаче информации и осуществлении референции к независимой от него реальности, сколько в ориентации личности в ее собственной когнитивной области, то есть язык рассматривается как система ориентирующего поведения, где коннотация играет решающую роль. Значимость индивидуальных параметров говорящего субъекта в связи с этим существенно возрастает. Пол человека – одна из важнейших характеристик личности, во многом определяющая ее социальную, культурную и когнитивную ориентацию в мире, в том числе посредством языка» [13, с. 6].

В какой-то степени уже можно обобщать результаты исследований женской и мужской речи, проведенных на материале разных языков – английского, немецкого, в меньшей степени русского и некоторых других. Как показывают исследования, в большинстве случаев целесообразно говорить не о жестких законах речемыслительной репрезентации мужчин и женщин, а лишь о значимых тенденциях. Женщины и мужчины безусловно по-разному оперируют закрепленными в коллективном языковом сознании смыслами, в какой бы форме они ни были представлены (понятийной, образной, символической). Они по-разному объективируют смыслы в языке, что отражается на характере социально-языковой практики, в особенностях их речи на лексическом и грамматическом уровне, в ее стилистическом оформлении [5; 6; 12; 18; 21].

Несмотря на ряд имеющихся серьезных работ в области социолингвистики, психолингвистики, когнитивной лингвокультурологии языковой аспект гендерной проблематики все еще остается востребованным объектом исследований и требует для своего осмысления комплексного подхода, учитывающего как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, с привлечением большого количества эмпирического материала.

Объектом нашего исследования и являются особенности языковой объективации гендера как парадигмальной формы языкового сознания – «особенностей культуры и общественной жизни данного человеческого коллектива, определивших его психическое своеобразие и отразившихся в специфических чертах данного языка» [1, с. 188]. В качестве же предмета исследования выступают лингвостилистические средства, объективирующие смысловое пространство феминности в глянцевах журналах как особом типе сознания, сущность которого и способы языковой объективации еще не получили своего завершающего осмысления. Н. В. Куницына отмечает, что «было бы старомодным или, наоборот, супермодным объявлять холодную войну российскому гламуру. Было бы полезным обратить большее внимание на то, что гламурная журналистика, появившись в российских масс-медиа, ищет лексические, стилистические и жанровые средства выражения, достойные высокоразвитого массмедийного общества» [14, с. 37].

В рамках данной статьи мы сосредоточимся на особенностях репрезентации сознания «человека рода она», как сказал бы В. И. Даль, морфологическими средствами русского языка, обратив внимание на частотность употребления определенных частей речи как одного из опознавательных признаков гендерлекта.

Материалом исследования послужило российское издание журнала «*Cosmopolitan*» (главный редактор – Елена Васильева) – одного из самых популярных сегодня глянцевах журналов, предназначенных для женщин (в настоящее время издается на 34 языках и распространяется более чем в 100 странах). Картотека анализируемых нами примеров составлена методом сплошной выборки (более 2000 контекстов) на основе материалов печатной и интернет-версии (www.cosmo.ru) журнала «*Cosmopolitan*» за 2005 – 2011 гг.

Ведущими исследовательскими методами являются следующие.

Метод наблюдения как общенаучный метод, основанный на непосредственном восприятии и обобщении объективных проявлений рассматриваемого феномена, позволяет увидеть изучаемый феномен во всей полноте и многогранности его проявлений и выявить и зафиксировать его качественные особенности. Наблюдение над текстом и их совокупностями, что предполагает обращение к исследованию масс-медиа, «включает внимание к собственно языковой основе полученных впечатлений» [2, с. 415], благодаря чему обеспечивается осмысление принципов отбора языковых средств. Как писал М. Гаспаров, читая текст, «я стараюсь дать себе отчет в том, что в нем с первого взгляда больше всего бросается в глаза и почему» [3, с. 18].

Метод сопоставления как общенаучный метод позволяет выявить своеобразие рассматриваемого объекта на фоне других.

Метод контекстуального анализа, ориентированный на выявление роли языкового и смыслового окружения в формировании значения рассматриваемой единицы, позволяет определить смысл использованных языковых средств и характер смысловой коллокации.

Метод лингвокультурологического анализа направлен на выявление культурно маркированных фрагментов текста: реалий, особой лексики (заимствований, безэквивалентной, стилистически сниженной), метафор, позволяющих воссоздать целостный фрагмент культуры как особого мировидения с присущей ему национально-культурной спецификой [7 с. 68 – 69].

Статистический метод обеспечивает выявление текстовых закономерностей на основе получения количественных характеристик.

Методологически важными для исследования является понимание сущности глянцевах журналов и их культурной роли в современном обществе, чаще всего справедливо подвергаемых критике как феномен консюмеризма и социального эгоизма. Тем не менее глянцевах журнал – это, как замечает А. В. Полонский, «неоднозначный культурный проект... это не просто журнал стиля жизни с ключевым концептом "гламур", дающий женщине или мужчине актуальные образцы элитарности и вкуса, а массмедийный мировоззренческий ресурс современного общества, претендующий се-

годня на ведущую роль в формировании общественного сознания... механизм жесткого конструирования социально-культурной реальности, всех ее практик, содержательных и культурно-символических форм, культурной, мировоззренческой и гендерной идентичности личности, культуры повседневности» [19, с. 84]. Очевидно, что культурный и социальный потенциал глянцевого журнала, как говорит Ю. А. Долгова, «амбивалентен: с одной стороны, он продвигает иллюзорную реальность, способную сформировать ложные или утопические представления о действительности, с другой – глянец является оппонентом большей части медийной продукции, создавая позитивный эмоциональный настрой и влияя на оптимистические социальные настроения населения, в первую очередь молодежи... Глянцевые журналы продемонстрировали, что являются не только путеводителями по миру моды, но и помощниками в решении проблем, с которыми регулярно сталкивается общество. В связи с этим имеет научное и практическое значение изучение и осмысление их социального влияния в нашем обществе» [8, с. 5 – 6].

Одним из самых востребованных на страницах глянцевых журналов является конструирование гендера, на что обращают внимание все исследователи [15, с. 15].

Гендер – это социально-культурный феномен, включающий совокупность признаков речемыслительной практики и поведения, ассоциируемых в определенной культуре с представителями мужского и женского пола. Гендер как культурно-символический пол не является собственно языковой категорией, однако его содержание может быть раскрыто посредством анализа языковых репрезентаций, что и объясняет востребованность сегодня лингвистических исследований, нацеленных на выявление особенностей в этом аспекте коллективного сознания, а также, по определению Е. И. Горошко, «ментального климата», характерного для современного общества [5, с. 9] с присущими ему гендерными стереотипами. Гендерный стереотип отражает сформировавшиеся в определенной культуре обыденные представления и мнения об эталоне маскулинности и феминности [18, с. 63]. Так, уже у Платона, находим рассуждения о том, что «по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах, однако женщина во всем немоложе мужчины».

При осмыслении гендера как феномена сознания методологически важно также не забывать мысль М. Мамардашвили о том, что «сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть» [16, с. 78], поэтому интерпретация объективированных в языке «событий сознания» не терпит упрощения и механистичности.

Феномен «женской речи» впервые описала, как известно, Робин Лакофф [25]. Исследователями установлено, что приметой женского языкового сознания является тенденция к объективации смыслов посредством прежде всего:

1) **имен существительных**, причем в преобладающем количестве не абстрактных, а конкретных [12], привязанных к фактам реальной жизни, в ее конкретности и стабильности форм;

2) **имен прилагательных**, считающих признаки с освоенных в практике жизни объектов и выражающих прежде всего положительную оценку;

3) **наречий**, выражающих чаще всего положительное субъективно-оценочное значение;

3) **диминутивов**, уменьшительно-ласкательных форм имен существительных и прилагательных, передающих субъективное эмоционально-оценочное отношение к объекту (особенно это характерно, как говорят исследователи, для речи женщин особого, эмоционального склада. «Женщины используют большее количество суффиксов со значением уменьшительности, ласкательности, уменьшительно-ласкательности по сравнению с мужчинами. Это явление отражает потребность женщин в расширении набора выразительных средств для передачи различных оттенков ласкательности, уменьшительности, увеличения степени проявления эмоционально-оценочного признака, подчеркивания характерных особенностей обозначаемого, а также выражения своего отношения к нему» [10]);

4) **междометий**, специализирующихся на выражении эмоции и обнаруживающих, по определению И.В. Трещалиной, «компенсационный или мобилизующий характер эмоциональных элементов женской речи» [22].

5) **эпитетов**, фокусирующих, как говорит В. Г. Глушкова, субъективные особенности эстетического и эмоционального восприятия действительности и ее экспрессивного выражения, в противоположность определениям как результату рационально-логического познания мира, в котором редуцируется познающий субъект [4, с. 7];

6) **олицетворений**, отражающих способность воспринимать мир в образе, а, как известно, чувственно-интуитивная форма мысли в большей степени присуща женскому сознанию.

Как видим, типичным свойством женской речи является явное преобладание наименования над действием, над движением абстрактной мысли, тенденция к обнаружению высоко концентрированной эмоции, экспрессии, образности и положительной оценочности [9, 120 – 131]. Женская речь отличается повышенной экспрессивностью, интенсификацией позитивной оценки, концентрацией эмоционально-оценочной лексики и уменьшительных суффиксов. Е. С. Ощепкова отмечает следующее: «Женский текст... напоминает больше речь в состоянии эмоционального напряжения, часто присутствуют и упоминания своих собственных разнообразных эмоций» [17, с. 102].

Анализ текстов журнала «Cosmopolitan» с точки зрения употребления морфологических средств языка показывает, что в общем фонде лексем, рассчитанном нами на основе репрезентативной выборки, преобладают имена существительные – 19 %, имена прилагательные – 17 % и глаголы – 17 %. На долю наречий приходится 8 %, местоимений – 6 %, междометий – 6 %, предлогов – 7 %, союзов – 7 %, частиц – 6 %, на остальные части речи – 9 %.

Использование большого количества **имен существительных** в текстах журнала «Cosmopolitan» объясняется стремлением сосредоточить внимание на предмете, что, как известно, свойственно женскому сознанию. Однако в анализируемых текстах мы обнаружили большое количество существительных как конкретных (*мужчина, женщина, друг, подруга, очаг, платье, автомобиль, помада* и т. п.) – 59 %, так и абстрактных (*постоянство, счастье, любовь, верность, воля, измена, наивность, простота, удача, возбуждение, воображение, природа*) – 41 %: • «Кто такой мужчина? По идее это сильный, целеустремлённый, храбрый, ответственный, знающий чего хочет, и чего не хочет человек, который держит своё слово и идет по жизни с высокоподнятой головой. Стержень, добытчик, отец, мышцы – всё это про него. Про настоящего. Про мужчину. Итак, мужчина – это не просто стан, оберег, сила, кормилец очага. Это, прежде всего человек! Которому свойственны ошибки, непонимания, эмоции, чувства, желания, трепет и т.д.»; • «Наивной быть хорошо. Иногда. Для себя. Других твоя святая простота, оказывается, может ранить, и даже очень больно. Вера Градова попыталась доказать себе и своей подруге Леле, что иногда наивность, страшно сказать, даже хуже измены! Потому что она жестока... А то, что вечная любовь, настоящая верность, хорошие люди тем не менее объективно существуют, – это тема для отдельного разговора!». Причем среди абстрактной лексики явно выделяется субъективно-психологическая лексика (*любовь, измена*), что, по мнению исследователей, является знаком скорее женского языкового сознания, так и лексика рационально-логическая (*ум, знание, талант*), что репрезентирует скорее мужское языковое сознание.

Особое место в текстах глянцевого журналов занимают **имена прилагательные** с содержащейся в них позитивной оценкой (*хороший, умный, умелый, ловкий, задорный, смелый, общительный, любимый, дорогой, веселый, куражный, счастливый, красивый, нарядный, молодой, нежный, яркий* и т. д.). Их высокий количественный показатель свидетельствует о конструировании стереотипа женского сознания, нацеленного на сочувствие, заботу и восторг: • «Он потрясающий, – Алена пихнула меня ногой под столом. – Какой он веселый, жизнерадостный, как много шуток зна-

ет!», • «Принимая в этом году поздравления с днем рождения, я неожиданно для себя отметила, что все хвалебные речи из разряда “оставаться такой же красивой, умной, доброй” померкли на фоне, казалось бы, скромного определения, “титула”. Одна из знакомых назвала меня “очень гармоничной личностью».

Необходимо также отметить частое употребление в текстах имен прилагательных с приставками *ультра-*, *сверх-*, *экстра-*, что свидетельствует о стремлении к повышенной концентрации эмоции и сопровождающей ее оценки: • «Классическое или ультра-модное? Что украшает Тельца, может не подойти Козерогу...», • «...содержит ультра-черную базу, которая окутывает ресницы глубоким блестящим сиянием...», • «Ультра-легкая текстура "Voile de Soleil" делает нанесение средства быстрым и комфортным», • «...я понял, что сверх-кулинарные способности и были ее особенностью», • «... что бы помочь тебе в создании красивых, пышных и экстра-объемных укладок в домашних условиях».

Глагол является весьма значимым языковым проявлением гендера. Глагол не просто придает тексту динамизм, побуждает к действию, а является знаком действующей, совершающей поступки личности. Исследователи отмечают, что преобладание глаголов активного залога и переходных глаголов отмечается в мужской письменной речи, а в женской – пассивного [13]. Однако **глаголы** в форме активного залога в проанализированных нами текстах используются достаточно часто (*строить, говорить, думать, чувствовать, читать, пробовать, делать, носить* и т.д.): • «Пожалуй, первое, что приходит нам в голову, когда мы думаем, как же завязать и носить новый красивый шелковый платок, – это повязать его на шею», • «Психологи утверждают, что раздвоение чувств – вещь совсем не редкая. И любить сразу двоих еще не трагедия...», • «Где встретит мужа?.. И дело не в волшебстве. Они просто хорошо знают, что хотят получить от фортуны», • «Эти женщины довольно поздно начали строить карьеру, но это не ... Это был очень тяжелый период, пришлось заново строить жизнь».

Использование глаголов в таком количестве (17 %) свидетельствует о том, что гендерная идентификация в журнале «Cosmopolitan» усложняется, поскольку происходит «переключение кодов» [20] с женского на мужской.

Наречия, в преобладающей степени субъективно-оценочные, призваны усилить, дополнить положительную оценку: • «Конечно, из женщин получают самые лучшие в мире снайперы, но это при условии, что они хорошо видят перед собой цель. Увидеть ее четко иногда очень не просто. Попробуй для начала честно признаться самой себе: для кого ты вообще одеваешься? Все было бы очень легко, если бы в жизни, как в бане, сегодня был женский день, а завтра мужской», • «Чудовищно красиво. По законам сказочного жанра Золушка всегда превратится в принцессу, чудовище в красавца...», • «Жизель Бундхен сказочно красива и сказочно богата. О ней мечтает добрая половина мужского населения земли, а женщины... женщины обычно хотят себе прическу ...».

На страницах журнала «Cosmopolitan» встречается большое количество **дими-нутивов** – уменьшительно-ласкательных форм существительных и имен прилагательных, что является, как известно, опознавательным признаком языкового сознания женщины: • «Извините, я в магазин на минуточку зашла за туфлями (или даже туфельками!)...», «прилечь на диван... потом почитать там журналчик...» • «...вместо этого насладиться гладкими ножками в обрамлении коротких юбочек ...», • «...кокетливо хлопать ресничками и таинственно прикрывать глазки!», • «Она молоденькая и хорошенькая, и похожа на Викторию Бэкхем», • «Кра-а-а-а-асенький!» - воскликнула я при виде Fiat».

Значительное количество **эпитетов** в текстах глянцевого журналов, очевидно, связано с тем, что женщины придают больше значения эстетическим свойствам. Самые употребительные эпитеты в глянцевого журнальных текстах: *ослепительный, выдающийся, приятный, шикарный, чувственный*. Для данных текстов нередки эпитеты, связанные с внешними качествами предмета изображения, например: • «... "Чувственный цвет", помада, которая за считанные минуты увеличит естест-

венный объем губ и подарит им красивый сочный цвет. Любой мужчина потеряет голову от ваших соблазнительных губ!», • «Красивая, блистательная, в сияющей короне и пышном розовом платье, она удивительно напомнит «девушек Зигфельда» – в роскошных декорациях, ...», • «... когда тринадцатилетним мальчишкой он посетил Парижский музей, где увидел посетительницу в шикарных красных туфлях на высоком каблуке. ...».

Междометия выступают как выражение эмоциональных реакций на окружающую действительность и являются «специфическими женскими выражениями» [9, с. 90 – 136]: • «Ах, если бы я могла сменить десять платьев за одну свадебную церемонию...», • «Потом поняла: «Ах да, у меня же коса!» Прохожие оборачивались, машины врезались друг в ... «Ах, они натуральные! Боже мой, значит, их с кого-то срезали!», • «Ай, ой, я не могу, ой...» – левая нога на полупальце, правое колено согнуто, и Марика уже гнется назад. Оказывается, ничего невыполнимого нет ...».

«Лингвистика эмоций» (В. И. Шаховский) в журнале «Cosmopolitan» демонстрирует особую востребованность в этом типе текстов эмоционального интеллекта, под которым нами, вслед за В. И. Шаховским, понимается способность распознавать свои собственные эмоции, владеть ими, адекватно их манифестировать» [23, с. 116]. Мы не хотим утверждать, что эмоция присуща только женщине, поскольку известно, что она лежит в мотивационной основе сознания человека, однако мужской и женский языки эмоций не совпадают, не совпадают и репрезентации эмоций в языковом сознании. Женскую речь, отличает более высокая концентрация эмоционально оценочных слов и конструкций в текстах, тогда как мужской речи свойственна стилистически нейтральная оценочная лексика [9].

Для журнала «Cosmopolitan» характерно использование аффектированной лексики и слов, описывающих эмоционально-психологическое состояние человека («Ежедневно я открываю для себя в тебе всё новые и новые чёрточки, которые мне ужасно нравятся!»; ««Милый, я ужасно себя чувствую!» Про себя: «Да не буду – и все!»; «У меня дико чесалась нога под гипсом, все раздражало, и от постоянного недовольства болела голова». В подобных случаях используется разговорная лексика: «Надо было урезать расходы, и я пересела на общественный транспорт. Однако ехать без дела полчаса на трамвае в одну сторону скучно – и я придумала, как использовать это время»).

Интересно также отметить, что в конструировании феминного гендера на стилистическом уровне задействован такой троп, как олицетворение: • «Я люблю в себе все! Но особенно глаза. Они умеют смеяться, радоваться, плакать, а бывает, и злиться» (С, апрель 2009). Заметим, что прием олицетворения чаще всего встречается именно в женских глянцевах журналах, поскольку женщины, как известно, в большей степени склонны наделять неодушевленные предметы свойствами, характерными для людей.

В журнале «Cosmopolitan» частотны эвфемизмы, которые используются в номинативной функции как более «мягкий», сдержанный, тактичный способ фиксации знаний о мире, что, на наш взгляд, также скорее репрезентирует сферу феминности, с присущей ей стремлением уклониться от агрессии и жесткости: • «На самом интересном месте... Когда поцелуй становится неприлично долгим, когда уже невозможно разомкнуть объятия, не обязательно сразу же спешить в спальню» (С, март 2007), • «Если ты думаешь, что в столь интересном положении твой инструктор заставит тебя скручиваться в немыслимые позы – ты ошибаешься. Ведь йога направлена на созидание внутреннего мира. Поэтому большинство будущих мамочек сегодня отправляются на йогу, чтобы, успокоившись, плавно и медленно тренировать свое тело» (С, июнь 2010).

При этом, заметим, что на страницах журнала присутствует значительное количество лингвоцинизмов – слов, оборотов речи и целых высказываний, в которых находит отражение цинизм индивидуального или социального мышления [24, с. 402].

Цинизм на страницах журнала «Cosmopolitan» продуцируется прежде всего как «философия дерзости» или «недоверия» тем идеологическим догмам, тем общепринятым культурным стереотипам и авторитетам, которые в мире Cosmo осмысляются как лицемерие и ханжество и которые подвергаются, соответственно, ревизии. Этот тип мировоззрения, скорее мужского, является яркой особенностью журнала «Cosmopolitan». Пожалуй, самым показательным примером лингвоцинизма в текстах журнала «Cosmopolitan» является калька с англо-американского «заниматься любовью»: • «Я так хочу! На волне эмоций от покупки я рассказала Диме, что хочу заняться любовью, как принцесса – в пышном платье с корсетом» (С, июль 2010), • «В таком мужчине захватывает все: его взгляд, его движения, его страсть... Он готов заниматься любовью где угодно и сколько угодно. Ссориться с ним необыкновенно приятно, ведь после скандалов наступает бурное перемирие!» (С, март 2007), • «Я занимаюсь любовью, а не войной – как в песне. А если любовью заниматься не получается? Я камня на камне не оставлю» (С, май 2007).

Лингвоцинизмы отражают мировоззрение «глянцевого человека» (А. В. Полонский), отражают не только новые ценностные ориентиры «глянцевого мира», где материальные ценности и удовольствие являются основой мировоззрения, главной добродетелью, высшим благом и целью жизни, но и изменение феномена феминности, который обретает новые, мужские признаки.

Интересно заметить, что метафоры, используемые в глянцевых журналах, в большей степени репрезентируют «мужскую» сферу: автомобиль, работа, карьера. Например:

1) метафора – работа-карьера: • «Первая работа иногда запоминается так же хорошо, как первая любовь. Неважно, как давно это было и чем все закончилось» (С, май 2010), • «Уморительная красота. Еще недавно в комедийном жанре главенствовали мужчины. Но ситуация меняется. Сегодня девушки все чаще участвуют в КВН, играют главные роли в скетчках и ситкоммах, состязаются за звание мастера стендап-комедии, а главное – не боятся быть смешными!» (С, июль 2009), • «Карьера или любовь? «Да он женат на своей работе!» – можно услышать от некоторых девушек. А что сказать мужчинам, когда мы сами ведем себя так, что карьера становится третьим лишним в отношениях? Как сделать, чтобы любимый не воспринимал твою работу как соперника» (С, май 2010);

2) метафора – автомобиль: • «Маленькие машины – это удобно. Мы любим мужчин на маленьких машинах. Что бы владельцы огромных монстров ни говорили о безопасности и вместительности, в городе удобнее на маленькой» (С, февраль 2010), • «Опьянение скоростью. Женщина-новичок старается ездить медленно и аккуратно: «Я ползаю потихоньку и никому не мешаю». И мешает всем! Машина, выпадающая из ритма потока транспорта, постоянно создает аварийные ситуации. Поговорив с начинающими водителями, я выяснил причину их страхов. В процессе обучения они никогда не ездили быстрее 40 км/ч и просто не знают, что это такое. Пришла пора почувствовать скорость» (С, октябрь 2006), • «Карету мне, карету! В старой битловской песне поется: *baby, you drive my car*. Но каждая счастливая обладательница прав наверняка мечтает водить не чью-то, а свою личную машину. Это та мечта, которую сегодня не так уж сложно сделать явью» (С, октябрь 2008).

Анализ журнала «Cosmopolitan», языковых и стилистических средств, репрезентирующих феминный гендер, позволяет сделать вывод о моделировании на страницах журнала «Cosmopolitan» женского языкового сознания с элементами новых, мужских черт, формирующих или усиливающих его деятельностно-прагматический профиль. Новый смысловой профиль задет и новый образ женщины – способной не только на чувственное переживание действительности, но и на рациональное ее познание и воздействие.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.

2. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 520 с.
3. Гаспаров М. Л. О русской поэзии: Анализ, интерпретации, характеристики / М. Л. Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2001. – 480 с.
4. Глушкова В. Г. Лингвостилистические особенности эпитетов в художественной прозе С. Н. Есина: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Белгород, 2000. – 22 с.
5. Горошко Е. И. Языковое сознание: гендерная парадигма. – М.– Харьков: ИД «ИНЖЭК», 2003. – 440 с.
6. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: Дисс... докт. филол. наук. – Нижний Новгород, 2005. – 405 с.
7. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: Учеб. пособие / Т. Г. Добросклонская. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 217 с.
8. Долгова Ю. А. Социальный феномен глянцевого журнала в культуре потребления молодежи: Автореф... дисс. канд.соц.н. – Саратов, 2011. – 19 с.
9. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – М.: Наука, 1993. – С. 90 - 136.
10. Кавинкина И. Н. Проявление гендерного фактора в русском языке // [Электронный ресурс] http://envila.by.iatr.org.ua/nfo/courses/conference99/a2_6.html
11. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 264 с.
12. Кирилина А. В. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании / А. В. Кирилина // Филологические науки. – 2000. – №3. – С. 18 – 28.
13. Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: Дисс... докт. филол. наук. – М., 2000. – 330 с.
14. Куницына Н. В. О стилистических особенностях гламурной журналистики / Труды кафедры стилистики русского языка. Вып. 2 / Составитель и науч. ред. Е. К. Гурова. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2008. – С. 37 – 42.
15. Любимова А. Молодежный глянец // Новый ковчег. – 2006. – № 3. – С. 14 – 15.
16. Мамардашвили М. К. Сознание – это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. – М., 1990. – С. 72 – 86.
17. Ощепкова Е. С. Психологические особенности мужчин и женщин, проявляющиеся в письменной речи // Доклады Первой Международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация». – М., 2001. – С. 279 – 289.
18. Полонский А. В. Русское слово в социокультурной перспективе // Русский язык за рубежом. – 2003. – № 3. – С. 61 – 68.
19. Полонский А. В. Дискурсивная и текстовая парадигма современности [Рукопись]. – 2012. – 144 с.
20. Табурова С. К. Гендерные аспекты поведения парламентариев (на материале парламентских дебатов в ФРГ) // Социологические исследования, 1999. – № 9. – С. 84 – 92.
21. Телия В. Н. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности - М.: Наука, 1991. – 214 с.
22. Трещалина И. В. Языковая личность персонажа в прозе А. П. Чехова 80-х - 90-х годов: Дисс... канд. филол. наук. – Тверь, 1998. [Электронный ресурс] // <http://zif.ru/dissertation/>.
23. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурологии. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.
24. Энциклопедический словарь справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. А. П. Сковородникова. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 480 с.
25. R. Lakoff. Language and Woman's Place. - New York: Harper, 1975. – 174 p.

LANGUAGE FEATURES OF GENDER REPRESENTATION IN THE GLOSSY MAGAZINES

E. A. Samotuga

*Belgorod National
Research University*

e-mail:Samotuga@bsu.edu.ru

The article deals with ways and means of linguistic objectification of cultural and symbolic forms of femininity in the glossy magazines.

Key words: gender, mass media, glossy magazine, language personality, gender stereotype, language stylistics.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.014.53

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КЛАСТЕРИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Т. Л. Проскурина

*Белгородский
региональный
институт
повышения
квалификации
и профессиональной
переподготовки
специалистов*

*e-mail:
tproskurina@inbox.ru*

В статье анализируется эффективность сетевого взаимодействия образовательных учреждений как модели функционирования образовательной системы региона. Предлагается введение кластерной модели управления системой образования, которая позволит повысить инновационную активность отдельных образовательных учреждений и конкурентоспособность регионального образовательного сообщества в целом.

Ключевые слова: эксклюзия, реструктуризация сети общеобразовательных учреждений, кластерная модель региональной системы образования.

Управление образовательными системами на региональном и муниципальном уровнях в настоящее время представляется актуальной в практическом и исследовательском аспектах проблемой. Межрегиональная финансово-экономическая дифференциация в России, социокультурные различия актуализируют формирование и функционирование различных как образовательных, так и управленческих (применительно к сфере образования) моделей. И если учесть также реформирование сферы образования, то сегодня можно констатировать интенсивное развитие проблематики, относящейся к внедрению инноваций в системы образования, совершенствованию управления образовательными системами.

Процессы, происходящие в системе образования, являются разновидностью социальных процессов. Тем не менее, Ф. Р. Филиппов, анализируя функционирование и развитие системы образования как социального института, акцентирует внимание на специфических противоречиях, свойственных данным процессам: «Системы образования взаимодействуют и с производительными силами общества, с научно-техническим прогрессом (формируя социально-профессиональные и «человеческие» качества работников производства и науки), и с производственными отношениями (создавая личностные предпосылки для воспроизводства и изменения общественной организации труда), и с социальной структурой общества (распределяя не только знания, но и самих людей по основным «ячейкам»), и с его политической системой (передавая от поколения к поколению важнейшие элементы политической культуры), и с общественной моралью, духовной культурой (формируя у новых поколений соответствующие общественным потребностям духовно-нравственные представления, ценностные ориентации) [1].

Эффективность системы образования в России в значительной степени обусловлена эффективностью её составляющих – региональных образовательных систем. Необходимость совершенствования последних признается большинством исследователей (А. О. Александрова, Г. А. Балыхин, С. А. Беляков, Л. М. Гохберг, Т. М. Давыденко, Л. И. Лурье, А. И. Субетто и др.) [2, с. 21], причем акцент делается на моделировании инновационных систем образования. Проблема, оказывающаяся в центре внимания исследователей, может быть сформулирована таким образом: возможно ли определить модель, сформированную и позитивно освоенную в одном регионе, опосредовать в других? Кроме того, если возможности моделирования конкретной образовательной системы на традиционных основах исчерпали свой потенциал, то есть основания вести речь о кардинальной реорганизации системы.

Как верно заметил М. Н. Руткевич, «образование представляет собой *систему* определённым образом связанных между собой *учреждений, организаций*, выполняющих функции обучения, просвещения, воспитания. В качестве элементов этой системы выступают подсистемы, которые в свою очередь могут рассматриваться как системы меньшего масштаба и, далее, расчленяются на системы ещё более частные, вплоть до конечных элементов отдельных учреждений рассматриваемой системы» [3]. Эта мысль адекватно характеризует ситуацию в системе образования начала XXI века – а именно, интеграцию образовательных учреждений разного уровня и образовательных программ.

В настоящее время на практике апробировано несколько вариантов интеграции образовательных учреждений. Среди них: взаимодействие колледжей и отдельных факультетов, создание учебно-научно-педагогических коллективов, внедрение модели «лицей-колледж-университет», организация на базе отдельных колледжей филиалов вузов [4], создание образовательных округов, ресурсных центров и социокультурных комплексов, формирование сети (ассоциации) общеобразовательных учреждений и учреждений, реализующих профильное обучение [5].

В настоящее время в теории управления большими системами разработано достаточное количество механизмов управления: стимулирование, распределение ресурса, экспертное оценивание, ролевые игры и т. д. [6]. Особенностью названных систем (агломераций) является то, что в них преобладает «человеческий фактор», то есть отношения между субъектами системы [7]. В качестве акторов в них могут выступать как конкретные физические лица, так и группы, объединённые по какому-либо признаку. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно поддерживать и диверсифицировать уже возникшие межсубъектные отношения. Таким образом, возможно выделение определённых контуров большой системы, где имеет место эффект синергии, столь необходимый для создания научно-технических инноваций.

«Основная задача образовательных реформ – поиск общей модели оптимального образования, что обуславливает становление самых разных методов его моделирования: от банальных перерасчетов среднего балла до построения символической функции формирования мира, вытекающей из комплексного знания о переходных процессах на стыке различных реальностей (образование – медицины, образование – информационный мир и т. д.)» [8].

Нас, прежде всего, интересует такая модель функционирования образовательной системы региона, как сетевое взаимодействие образовательных учреждений, ключевая цель внедрения которой – обеспечение условий для получения учащимися качественного общего образования независимо от места жительства. Этот социальный процесс стал, по сути, социальным механизмом преодоления **ЭКСКЛЮЗИИ**¹ – неравенства в доступе к общему образованию. (Эта глобальная проблема неоднократно под-

¹ Эксклюзия – ограничение социальной активности человека (группы людей) до их исключения из общественной жизни вследствие ограничения социальных и гражданских прав человека. – Цит. по Шмидт В.Р. Социальная эксклюзия и инклюзия в образовании / Учебно-методическое пособие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inclusion.vzaimodeystvie.ru/library/#Ш>.

нималась на страницах отечественной и зарубежной печати [9]). Таким образом, сетевое образовательное сообщество региона при условии последовательной реализации данной модели может получить следующие характеристики: открытость, мобильность (способность к структурно-содержательной модернизации образования в соответствии с потребностями рынка труда в регионе), управляемость, рефлексивная восприимчивость к инновационным изменениям.

Совершенствование качества итогового результата образования заложено в идее построения школьных образовательных округов, сформированных вокруг базовых (опорных) школ, количество которых к 2010 году выросло до 120 [10].

«Под реструктуризацией сети общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности, понимается оптимизация региональной системы образования, обеспечивающая повышение качества образования за счет более эффективного использования материально-технических, кадровых, финансовых и управленческих ресурсов общеобразовательных учреждений на основе их концентрации и кооперации» [11].

Данная реструктуризация имела целью реализацию следующих направлений:

1) формирование сети базовых сельских школ, обеспечивающих высокое качество знаний учащихся, желающих получить среднее и высшее профессиональное образование;

2) создание систем и центров дистанционного обучения в сельских удалённых территориях (с неразвитым транспортным обеспечением);

3) образование комплексов, в состав которых войдут общеобразовательные учреждения, учреждения начального и среднего профобразования, учреждения дополнительного образования и социально-культурные объекты, расположенные в сельской местности;

4) модификация малокомплектных сельских школ в филиалы общеобразовательных учреждений основного или среднего (полного) общего образования.

На основе названной Концепции в Белгородской области была разработана региональная целевая программа «Развитие сети общеобразовательных учреждений региона: обеспечение условий для получения качественного общего образования независимо от места жительства», а также ряд нормативно-правовых актов Белгородской области и инструктивно-методических документов [12].

К 2009 – 2010 уч. г. сеть общеобразовательных учреждений Белгородского региона была представлена следующими моделями: *базовая (опорная) школа с сетью филиалов; ассоциация образовательных учреждений; социокультурный комплекс; ресурсный центр по организации профильного обучения*. Рассмотрим основные характеристики данных моделей [13].

Базовая (опорная) школа с сетью филиалов

Модель «Базовая (опорная) школа» - образовательная организация, реализующая программы общего образования, оснащенная современным телекоммуникационным и компьютерным оборудованием; имеющая высококвалифицированный педагогический коллектив, обладающий опытом инновационной деятельности. Основная цель базовой (опорной) школы - обеспечение обучающимся высокого уровня основного общего и среднего (полного) образования, необходимого для продолжения образования в учебных заведениях начального, среднего и высшего образования посредством создания условий для эффективной и качественной реализации государственного образовательного стандарта. Базовая школа является юридическим лицом и имеет организационно-правовую форму муниципального бюджетного учреждения. При создании базовой школы образуется школьный округ – территория, обслуживаемая этой школой. Создание данного вида сетевого взаимодействия образовательных учреждений предполагает реорганизацию малочисленных и малокомплектных **сельских** школ в качестве филиалов. По отношению к филиалам базовая (опорная) школа

выступает в качестве ресурсного центра. Базовая школа может быть центром дистанционного обучения. Данная модель успешно апробируется на базе МОУ «Гимназия № 2» г. Белгорода.

Ключевым фактором, способствующим функционированию социальной сети, является **оптимальное территориальное размещение**. Так, гимназия № 2, школы № № 7, 37, 29, 27 и Белгородский государственный университет располагаются в непосредственной близости друг к другу. Для указанных школ гимназия становится опорной; с вузом же и отдельно с его факультетами заключены договоры о сотрудничестве. В настоящее время **сложилась система традиций сотрудничества**: оказания методической помощи, курирования кафедрами направлений в работе, проведения методических семинаров и семинаров по обмену опытом работы, предоставления производственных площадей. Гимназия является базой для прохождения педагогической практики студентов; входит в Ассоциацию БелГУ. Достаточно высокий когнитивный уровень учащихся гимназии; выбор обучающимися и их родителям профиля обучения; численность обучающихся в старших классах позволяет открыть разные профили обучения с учётом потребностей социума. Сеть позволяет использовать потенциал действующих на данной территории культурных учреждений и учреждений дополнительного образования: Дворца детского творчества, Дворца культуры «Сokol», Центра молодежных инициатив, Городского дворца культуры, библиотеки, кинотеатра «Радуга», Детской музыкальной школы № 3, спортивных школ № № 2, 5, 8 и др.

Одной из целей введения модели «опорная школа» является организация профильного обучения на старшей ступени образовательных учреждений общего образования и предоставление возможности учащимся получить образование в соответствии с образовательными потребностями и возможностями через выстраивание индивидуальных образовательных траекторий и маршрутов.

Базовая школа является наиболее технически или кадрово оснащенной. А высшее учебное заведение, соответственно, располагает необходимыми для реализации профильного обучения ресурсами. В этом случае мы имеем пример социального партнёрства в сегменте общего образования, реализованного в виде модели смешанной (горизонтальной и вертикальной) интеграции.

Социокультурный комплекс

Ключевым признаком данной модели является ориентация на создание единого образовательно-культурного пространства, интеграцию школы и социума с акцентом на разные составляющие такого сотрудничества (поддержание и формирование национально-культурных ценностей, профессиональная подготовка, социальная поддержка и защита, формирование здоровьесберегающей среды, формирование социальной и культурной компетентностей учащихся, решение духовно-просветительских задач по воспитанию молодёжи). В качестве примера рассмотрим социокультурный комплекс, сформировавшийся на базе МОУ «Шелаевская средняя общеобразовательная школа» Валуйского района.

Модель взаимодействия с социумом здесь строится на качественно ином уровне, поскольку его ключевыми субъектами являются не только культурно-образовательные учреждения, но весь спектр учреждений, реализующих социальные функции на территории. Так, осуществляется тесное сотрудничество как с Домом культуры, музыкальной школой, библиотекой, детским садом, Станцией юных натуралистов, другими учреждениями дополнительного образования, так и с администрацией сельского поселения, отделением милиции, медицинским учреждением, настоятелем местного храма, музеями, психолого-педагогическим центром, образовательными учреждениями других сёл и т. д. Это позволяет создать оптимальные условия для самоопределения, развития и реализации творческих и интеллектуальных способностей учащихся. Школе в такой модели отводится главенствующая роль как центру социокультурного комплекса.

Социокультурный образовательный комплекс понимается как образовательная единица, представляющая собой интеграцию общеобразовательной школы и учреж-

дений дополнительного образования, реализующая программы дошкольного и общего образования, программы дополнительного образования; а также имеющая материальную базу, позволяющую использовать в процессе образования и воспитания современные технологии. Целесообразно также включение в комплекс учреждений культуры, медицины и профессионального образования.

Ассоциация образовательных учреждений

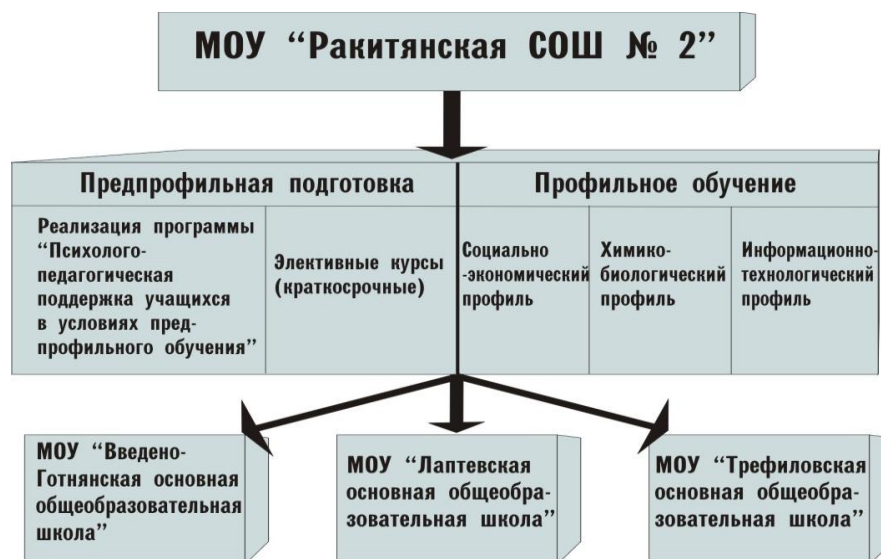
Ассоциация создается для добровольного и свободного объединения школ в целях консолидации различного рода ресурсов и совместного решения организационно-хозяйственных и образовательных вопросов. Ассоциированное образовательное пространство создает возможности для наличия общей образовательной программы для обучающихся и педагогов, объединения ресурсов (экономических, педагогических, методических, социальных и пр.). Также создается возможность для индивидуализации образовательных программ.

В регионе эта модель отрабатывается на площадке МОУ «Лицей № 5» и «Гимназия № 6» г. Губкина Белгородской области. Совместная деятельность в рамках ассоциации проводится по следующим направлениям: проведение совместных мероприятий (лекций, семинаров, форумов, конференций, диспутов, круглых столов, фестивалей, конкурсов и т. д.), координация образовательных программ; вовлечение учащихся школы в учебную и внеурочную деятельность ассоциации, направленное на обеспечение доступа учащихся школы к ресурсам участников ассоциации, наиболее полное удовлетворение индивидуальных потребностей учащихся для выбора путей социализации.

Ресурсный (учебный, аналитический, информационно-методический) центр или центр профильного обучения

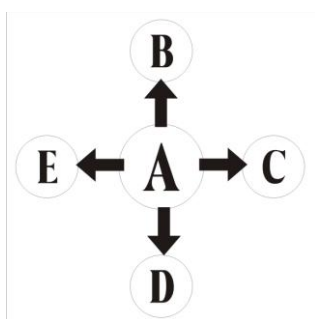
Ключевыми характеристиками ресурсного центра являются: высокая концентрация информационных, методических, материально-технических, кадровых ресурсов, реализация новых образовательных технологий обучения, инновационная деятельность, развитие информационных технологий системы образования, организация профильного обучения, ориентация на достижение высоких образовательных результатов, связь учреждений общего и профессионального образования.

Модель «Школа – ресурсный центр» в Белгородской области апробируется на площадке Ракитянского района. Организация взаимодействия образовательных учреждений и других социальных институтов строится на основании социального заказа (интересы учащихся, запросы родителей). На рис.1 изображена схема сетевого партнёрства.

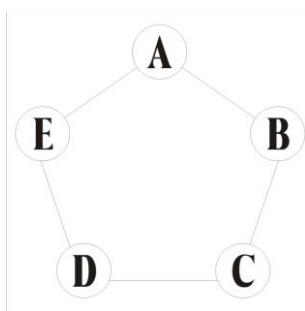

Девятиклассники Введено-Готнянской, Лаптевской, Трефиловской основных общеобразовательных школ включены в предпрофильную подготовку. Это позволяет учащимся расширить выбор элективных курсов, максимально удовлетворив личностные запросы. В настоящее время школа работает над расширением вариативных индивидуальных учебных планов в рамках новой модели, используя дистанционные формы обучения и партнёрство с вузами региона. Существует широкий спектр разных способов организационно-правового оформления **ресурсного центра**: в виде отдельного самостоятельного учреждения с правами юридического лица, в виде структурного подразделения управления образованием либо на договорных основаниях. В зависимости от цели создания ресурсного центра выбирается и содержание положения модели.

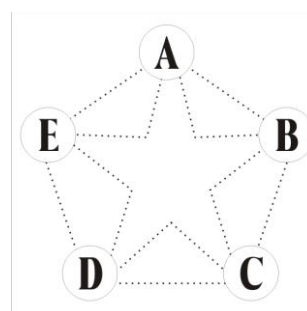
В основе всех вышеописанных моделей, так или иначе, находится сетевая структура организации. Для образовательных сетей характерны следующие достаточно известные в теории менеджмента способы организации:

В модели сети «Колесо» субъект «А» занимает позицию лидера

В модели сети «Круг» позицию лидера не занимает никто

В модели сети «Каждый с каждым» все субъекты занимают равные позиции

Сеть «Колесо»: иерархические сети, стандартизованные по формальным признакам. Сеть «Круг»: отдельные узлы этой сети несут уникальный ресурс, не дублируя, а дополняя друг друга. Каждый узел сети несет в себе определенный функционал и содержание. Сеть «Каждый с каждым»: узлы несут единообразный функционал и пересекающееся содержание. В идеале такое взаимодействие можно представить как конкурирующее (следовательно, развивающее). И отношения подобного рода, на наш взгляд, являются предпосылкой для образования еще одной модели функционирования образовательной системы - кластерной. В отличие от остальных, модель «Каждый с каждым» презюмирует создание наиболее благоприятного коммуникационного климата и эффективного взаимодействия. Эта структура социального партнёрства создаётся с помощью аналитических зависимостей, материально-технических ресурсов, которые необходимы, а также посредством регламентирующих нормативных документов.

Вместе с положительными характеристиками функционирования сети необходимо упомянуть и о возможных трудностях объективного и субъективного характера. К субъективным трудностям следует отнести психологическую неготовность ряда сотрудников учреждений использовать новые методы работы, отказаться от привычных целевых установок без выделения общих стратегических приоритетов муниципальной системы образования. Перераспределение ресурсов, в первую очередь кадровых и организационных, по новым функциям и видам деятельности в период преобразований может вызвать некоторое сопротивление, психологический дискомфорт у работников, чьи должностные инструкции претерпевают изменения. Однако следует помнить, что этот процесс стимулирует модернизацию, выявление перспективных ресурсов развития, за счет которых возможен переход к более высокому качеству деятельности всей системы.

П. Бурдые [14], а вслед за ним Г. В. Градосельская [15] утверждают, что социальная сеть изначально не дана, а должна быть «сконструирована через институализацию групповых взаимодействий, которые используются как надёжный источник других ресур-

сов». В сети выстраиваются отношения взаимных обязательств, аккумулируются интеллектуальные ресурсы, качество которых является показателем эффективности самой сетевой модели. То есть, сетевое взаимодействие – это постоянный процесс планирования изменения организации поведения, являющегося взаиморефлексивным приспособлением людей.

Употребляя выражение «социальная сеть», мы оперируем следующим смысловым наполнением дефиниции: «Это социальная структура, состоящая из множества агентов (субъектов – индивидуальных или коллективных, например, индивидов, семей, групп, организаций) и определённого на нём множеств отношений (совокупности связей между агентами, например, знакомства, дружбы, сотрудничества, коммуникации)» [16]. Подобные отношения сопровождаются передачей материальных и нематериальных ресурсов. Преломляя сказанное относительно системы образования, мы считаем, что **явными преимуществами** сетевого взаимодействия образовательных учреждений могут быть:

- повышение активности акторов (верификация инновационных идей в педагогическом сообществе и децентрализация исполнения и принятия определённых решений);

- реализация принципа индивидуализации образования (учащиеся сами определяют для себя темп работы, уровень усвоения материала в соответствии со своими способностями и временными возможностями);

- эффект «мимикрии» - приспособление (наличие абсолютного лидера в сети провоцирует рефлексию остальных акторов: школы-спутники стремятся повысить качество и эффективность образовательного процесса в своих учреждениях, доводя его до уровня, адекватного базовой школе);

- изменение социальной репутации (отношения с другими акторами (взаимовлияние) и управление со стороны внутреннего лидера);

- поиски согласия – интеракционизм, который проявляется в динамике сети (включение/выключение агентов), изменении связи между акторами (установление доверительных личностных отношений благодаря профессиональным контактам либо изменение предпочтений одним из акторов); введение ограничений и изменение норм деятельности субъектов (степень активности/дезактивации в сетевом пространстве); в модификации решений (корректность задачи, определённой для конкретной модели и отрезка времени).

В этом смысле интересна концепция интеллектуальных сетей Р. Коллинза, который применил сетевой подход для анализа интеллектуальной деятельности [17], уделив особое внимание структурным факторам, влияющим на интеллектуальную деятельность учёных. Коллинз изложил гипотезу о том, что именно **личные контакты** имеют исключительную значимость для формирования структуры интеллектуального социума. Он утверждает, что в интеллектуальном пространстве именно через личные контакты всех уровней (вертикальные и горизонтальные) эффективнее всего осуществляются три взаимосвязанных процесса: 1) передача культурного опыта и интеллектуального капитала последующим поколениям, 2) передача эмоциональной энергии и ролевых моделей поведения, стимулирующих творческое вдохновение; 3) формирование чувства общности, группового единства представителей школы [18]. Действительно, межличностные взаимодействия в сетевой организации (которыми и являются упомянутые образовательные модели) имеют большое влияние на эффективность функционирования, поскольку именно в совместной деятельности формируются знания. «Они являются результатом научения, то есть... представляют собой процесс; во-вторых, они включают в себя те психологические отношения, которые возникли в ходе их создания и усвоения» [19]. Таким образом, интеллектуальная собственность (знания) выступают как социальный объект, а обмен знаниями является видом социальной активности, влияющим на отношение актора к другим субъектам.

Согласно концепции Ю. Хабермаса, подлинная социальная интеграция в системе образования обеспечивается развитием толерантности, культуры диалога, сво-

бодной коммуникации и саморефлексии. Коммуникация, основанная на толерантности и легитимированная системой образования, будет обеспечивать справедливые и легитимные этические решения, служить механизмом социальной интеграции [20].

Применительно к функционированию сетевых образовательных моделей в Белгородской области мысль Хабермаса можно интерпретировать так: становление профессионала происходит не только благодаря обучению по специальным профильным программам, но и в процессе неформального обмена знаниями, опытом (интернет-сообщества учителей, учащихся; блоги; реализация комплексных проектов в виртуальных сетях и т. д.). Кроме того, социальная сеть в образовании является не только инструментом обмена знаниями, но и обучения на протяжении всей жизни. Социальным капиталом, созданным в такой сети, являются **ассоциации инновационного характера**, следствием деятельности которых является повышение инновационной активности отдельных индивидов и региона в целом.

Разумеется, увеличение объема социального капитала посредством формирования образовательных сетей возможно только при обеспечении последовательности и преемственности в деятельности учебных заведений различного образовательного уровня, повышения их ответственности за содержание образования, учебно-методическое обеспечение и организацию учебного процесса. Соответственно возрастают требования к структуре и содержанию учебно-методического обеспечения, поскольку учащиеся должны осваивать определенный объем материала самостоятельно.

Отсюда главной задачей внедрения сетевой (а в будущем – кластерной) модели является изменение психологии участников, понимание ими возможности честного, открытого и взаимовыгодного сотрудничества и конкуренции всех акторов ради общей социально-экономической выгоды. Становление конкурентной среды будет возможным при внедрении системы оценки результатов сетевой деятельности (мониторинг качества образовательных услуг), которая связана с результативностью в деятельности региональной системы образования в целом.

Список литературы

1. Филиппов Ф. Р. Социология образования. – М.: Наука, 1980. – С. 62.
2. Александрова А. О. и др. «Прогноз развития высшего образования в России: 2009-2011 гг.», М.: МАКС Пресс, 2009, 403 с.; Бальхин Г.А. «Управление развитием образования: организационно-экономический аспект», М.: «Издательство «Экономика», 2003. – 428 с.; Беляков С.А. «Модернизация образования в России: совершенствование управления», М.: МАКС Пресс, 2009; Гохберг Л. М. «Наука в Российской Федерации. Статистический сборник», Москва: ГУ-ВШЭ, 2005; Лурье Л. И. «Моделирование региональных образовательных систем», М., 2006; Субетто А. И. Принцип, законы и структура науки об образовании – образованиеведение. Императив Неклассического синтеза. // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77, 65, 67, публ. 10892, 19.12.2003;
3. Руткевич М. Н. Социология образования и молодёжи: Избранное (1965 – 2002) / Предисл. Акад. РАН Л. Н. Митрохина. – М.: Гардарики, 2002. – С. 169.
4. Ушамирская Г. Ф. Управление интеграционными процессами в региональной системе образования. Автореф. дис. ... докт. соц. наук. – Белгород, 2004.
5. Сельская профильная школа Ч. 1 Организационно-методическое сопровождение перехода от модели внутришкольной профилизации к сетевой форме организации обучения – Школа-Ресурсный центр / Учебно-метод. пособие. Под ред. Е. В. Посохиной. – Белгород: ООО «ГиК», 2008. – 208 с.
6. Новиков Д. А. «Механизмы стимулирования в динамических и многоэлементных социально-экономических системах» // АиТ, 1997, № 6, С.3 – 26; Новиков Д. А., Цветков А. В. «Механизмы функционирования организационных систем с распределённым контролем». – М.: ИПУ РАН, 2001; Новиков Д. А. «Механизмы функционирования многоуровневых организационных систем». – М.: Фонд «Проблемы управления», 1999; Бурков В. Н. «Методы теории активных систем в экспертных оценках» / Экспертные оценки в задачах управления, 1982; Новиков Д. А. «Сетевые структуры и организационные системы». – М.: ИПУ РАН, 2003.
7. Воронин А.А., Губко М.В., Мишин С.П., Новиков Д.А. «Математические модели организаций». – М.: ЛЕНАНД, 2008.

8. Лурье Л. И. Моделирование региональных образовательных систем. – М., 2006. – С. 13.
9. Панченко А. М. Власть, веди себя пристойно // *АиФ*. 2000. № 38, С. 3; Филиппов Ф.Ф. Социологический анализ проблем образования / Франция глазами французских социологов. – М.: Наука, 1990.- С. 232 – 241.
10. Из доклада начальника департамента образования, культуры и молодёжной политики Белгородской области «Повышение эффективности региональной системы образования в контексте стратегии социально-экономического развития Белгородчины» – Доклад [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.beluno.ru/new/index.php?option=com_content&view=article&id=97&Itemid=213.
11. Приказ Министерства образования РФ от 16 января 2002 г. № 103 (Д) «О реструктуризации сети общеобразовательных учреждений, расположенных в сельской местности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_34237.html.
12. Приказ управления образования и науки Белгородской области от 15.07.2003 г. № 998 «О создании Центра сопровождения экспериментов по модернизации образования»; Приказы управления образования и науки Белгородской области от 02.04.2004 г. № 528, от 10.03.2005 г. № 375, от 29.03.2006 г. № 472 «О конкурсе на соискание грантов управления образования и науки Белгородской области»; Приказ управления образования и науки Белгородской области от 19.05.2004 г. № 769 «Об утверждении экспериментального учебного плана для общеобразовательных учреждений области»; Постановление правительства Белгородской области от 10.02.2006 г. № 31-пп «Об областной программе «Модернизация педагогического образования в Белгородской области на 2006 – 2010 годы»; Приказ управления образования и науки Белгородской области от 26.10.2006 г. № 1629 «Об организации опытно-экспериментальной работы в 2006/07 учебном году» и др.
13. Нормативно-правовое обеспечение вариативных моделей реструктуризации сети общеобразовательных учреждений и учреждений, реализующих профильное обучение в Белгородской области. Методические рекомендации / Составители: Шипилова Л. И., Ледакова Н. В. [и др.]. – Белгород: ООО «ГиК», 2008. – С. 35.
14. «Определения социального капитала» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socioline.ru/_seminar/library/socnet/set.izm/03.pdf.
15. Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: Учебное пособие / Под ред. Г. С. Батыгина. – М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004 – С. 56.
16. Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартишвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства / Под ред. чл.-корр. РАН Д. А. Новикова. – М.: Издательство физико-математической литературы, 2010. – С. 4.
17. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуальных изменений. – Новосибирск, 2002. – С. 47.
18. Коллинз Р. Сети сквозь поколения: почему личные связи философов важны для их творчества // *Социологический журнал*. – 2001. – № 4 – С. 61.
19. Высшее образование для XXI века: VI международная научная конференция. Москва, 19 – 21 ноября 2009 г.: Доклады и материалы. Секция 4. Психологические проблемы высшего образования / отв. ред. А. Л. Журавлев. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. – С. 4.
20. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.uni-koblenz.de/~instso/albrecht/.../1_6_6_habermas.pdf.
21. Давыденко, Т.М., Пересыпкин, А.В. Многопрофильная кластерная система непрерывной профессиональной подготовки кадров.- *Научные Ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки*, № 6 (77) 2010г., Выпуск 5, – С. 23 – 32.

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR CLUSTERING THE REGIONAL EDUCATION SYSTEM

T. L. Proskurina

*Belgorod Regional
Institute of professional
training and retraining*

e-mail: tproskurina@inbox.ru

The article examines the effectiveness of networking educational institutions as a model of the functioning of the educational system in the region. It proposes the introduction of the cluster model of education management, which will increase the innovative activity of individual educational institutions and the regional educational community as a whole.

Key words: exclusion, restructuring the network of educational institutions, cluster model of regional education system.

УДК 376.2-053

РОЛЬ И МЕСТО УЧЕБНОГО ТЕКСТА В ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ НА ДОМУ

А. В. Черных

Учебный центр
«Будущее»,
г. Харьков

e-mail:
tonplesir312@mail.ru

Становление и развитие нравственных и духовных качеств школьника является одной из ценностей школьного образования. Это касается и тех учащихся, которые по тем или иным причинам обучаются на дому. В данной статье рассматривается вопрос о роли текста художественных произведений классической литературы в процессе обучения таких детей русскому языку.

Ключевые слова: язык, речь, текст, учебный процесс, функции языка и речь, воспитание, нравственность.

Нравственность всегда была и есть одной из наиболее значимых составляющих парадигмы образования. Именно в школьном возрасте происходит становление и развитие личностных качеств школьника: формируются ценностные установки, которые оказывают немалое влияние на его будущую жизнь. Современная концепция педагогической науки предполагает три цели проведения урока: образовательную, развивающую и воспитательную. Это справедливо практически по отношению ко всем учебным предметам, в том числе и к обучению русскому языку. Изучение родного языка предполагает, в первую очередь, формирование коммуникативной компетенции и развитие речевых навыков и умений. Основным средством учебного процесса при этом является текст: лингводидактика имеет герменевтическую природу и тесно связана с работой с текстом и над текстом. Вместе с тем, как писал С. Ф. Шатилов [1], не всякий текст следует считать учебным, а лишь тот, который является образцом для формирования речевых навыков и умений школьников. Однако это утверждение справедливо лишь для лингводидактической составляющей. Говоря же о нравственной составляющей, отметим, что учебный текст должен отвечать задачам развития нравственного самосознания подрастающего поколения школьников, закладывать основу сознательного отношения к жизни и собственным поступкам. По мнению ряда педагогов (В. И. Лозовой, А. П. Тряпицыной, Б. Г. Ананьева и др.) и методистов (Т. К. Донской, А. Д. Дейкиной, В. А. Козырева, М. Т. Баранова и др.), данный аспект должен являться одним из общеметодических принципов отбора учебных текстов, наряду с их коммуникативной направленностью, доступностью, познавательностью и фактором культурной значимости.

В настоящее время обучение русскому языку ведется на основе учебной программы, утвержденной Министерством образования и науки Российской Федерации, и русский язык более, чем какие-либо иные предметы, имеет межпредметную и междисциплинарную связь с изучением отечественной и мировой литературы. Это касается как содержания обучения, так и отбора учебных текстов для обучения русскому языку. Очевидно, что здесь речь идет об использовании художественных текстов русской и зарубежной классической литературы, большинство которых является не только превосходным речевым образцом, но и служит формированию соответствующих нравственно ценностных установок и целям воспитания всесторонне развитой личности, способной к критическому мышлению. Так, например, знакомство с поэзией и прозой А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, С. А. Есенина способствует воспитанию патриотизма, гражданственности, любви к природе родного края, а художественные произведения Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и И. С. Тургенева развивают критическое восприятие негативных явлений в обществе и внутренний протест против них, способствуя становлению сознательности молодого человека.

Знакомство с мировым литературным наследием в ходе обучения русскому языку предполагает обучение как в классе, так и на дому. В современной педагогической практике существует проблема, которая заключается в том, что некоторые школьники в силу разных причин, связанных, прежде всего, с их состоянием здоровья, не в состоянии систематически посещать школу и нуждаются в обучении на дому. И проведенные исследования, и массовая практика показывают, что подобным учащимся свойственен ряд психологических особенностей: замкнутость, нерешительность, пассивное отношение к обучению, утомляемость и др. Эти особенности имеют свои причины как в резкой ограниченности круга общения, так и в комплексе неполноценности, который свойственен детям, нуждающимся в обучении на дому. Исследования многих методистов разных поколений и направлений (Т. А. Ладыженской [2], М. Т. Баранова, Л. П. Федоренко, И. Н. Зайдман[3]) убедительно показывают, что работа с такими детьми по обучению их русскому языку должна строиться не только на общепринятых принципах и методах обучения, но и преследовать иную задачу: наряду с формированием лексико-грамматической и речевой компетентности обеспечить преодоление негативных психологических особенностей, упомянутых выше, а также способствовать развитию нравственных качеств этих детей.

Однако в настоящее время, к сожалению, во многих школах существует формальный подход к обучению детей на дому: это касается как количества учебных часов, которое, на наш взгляд, является явно недостаточным для того, чтобы успешно изучить весь учебный материал, предусмотренный учебной программой, так и содержания проводимых на дому занятий. Они во многом носят формальный или формалистический характер, объективность оценки сформированности соответствующих навыков и умений резко снижена, что влечет за собой появление неверного представления о своей успеваемости со стороны самих учащихся, а также (пожалуй, самое главное) недостаточно сформированное представление о нравственных и духовных ценностях жизни человека.

В конце XIX – начале XX в. до революции 1917 г. в России эти функции во многом были свойственны Православной церкви, которая проводила миссионерскую и катехизаторскую работу для всех учащихся, и немалая роль в этом отводилась преподаванию Закона Божьего в качестве обязательной учебной дисциплины, имевшей межпредметную связь с изучением словесности. Позднее, когда общественные преобразования, вызванные революцией, коснулись и системы образования, она приобрела светский характер, что повлекло за собой как положительные, так и отрицательные явления. К числу первых следует отнести принцип доступности и принцип обязательности обучения для всех детей школьного возраста, даже вне зависимости от состояния их здоровья, места жительства и иных частных составляющих: стали создаваться курсы ликвидации безграмотности (ликбезы), школы рабочей молодежи, обучение по месту работы как в городской, так и в сельской местности, а также была прекрасно налажена система подготовки педагогических кадров в многочисленных педагогических и учительских институтах, количество которых в те годы резко увеличилось. К числу отрицательных моментов следует отнести резко сниженный воспитательный компонент в учебном процессе, особенно по отношению к тем детям, которые в силу каких-то причин не имеют возможности к посещению школы: их приобщение к нравственным ценностям и по сей день зачастую остается под вопросом, в то время как очевидна недостаточность семейного воспитания только со стороны родителей или родственников. Хотя школа в воспитательном аспекте и вторична по отношению к семье, все же последняя не может заменить профессиональный учебный и воспитательный процесс, тем более в условиях современного общества, вызовы которого затронули содержание парадигмы отечественного образования.

О каких же именно нравственных ценностях идет речь? Для ответа на этот вопрос необходимо выделить сущность, которая определяет характер дальнейшего общественного и нравственного устройства мира, где не только не будут совершаться амо-

ральных поступков, но и будут знать, как правильно обустроить жизнь. Этой сущностью является смысл жизни, задумываться о котором человек начинает с детства, в частности, и со школьных лет. Иными словами, речь идет о сущности, которая определяет устойчивость жизненного процесса. Существует множество общепринятых и частных моральных ценностей, при этом последние принято называть принципами (принципами собственного «я»). И задачей учебного процесса является сформировать их таким образом, чтобы они оказались позитивными. В этом немалую роль играет и раннее приобщение к литературному наследию не только путем частного или внеклассного чтения, но и в ходе изучения других предметов, прежде всего, русского языка. Также методистами было установлено, что работа на уроках русского языка и занятиях по развитию речи с классической литературой способствует лучшему запоминанию учебного материала, формируя правильные мыслительные ассоциации. В разные годы эти вопросы в своих работах поднимали такие ученые, как Р. М. Фрумкина, С. Н. Цейтлин, Л. А. Гдалевич [4], Л. С. Выготский [5].

В процессе нашего исследования был проведен эксперимент, в котором приняли дети, обучающиеся на дому, с целью выявления уровня сформированности представлений о нравственных жизненных ценностях и знакомства их с классическим наследием русской литературы. В этих целях мы провели анкетирование детей 11-13 лет, обучающихся на дому (контрольная группа 1) и детей, посещающих школу (контрольная группа 2). В каждую группу входило по 20 человек. Выборка произведена на базе одной из гимназий г. Харькова. В ходе эксперимента нами задавались следующие вопросы:

1. Каким, по твоему мнению, должен быть порядочный человек?
2. Какие качества в других людях больше всего тебе нравятся?
3. Что тебе не нравится в поведении сверстников и других людей?
4. Любишь ли ты читать?
5. Кто твой любимый поэт или писатель?
6. Когда ты читаешь: только в школе, готовясь к урокам или по своему желанию?
7. Что тебе легче написать: изложение или сочинение?
8. Кто твой любимый литературный герой?
9. Все ли ты понимаешь, читая художественные произведения?
10. Отличается ли речь классиков русской литературы от современной манеры общения?

Ответы детей и в первой, и во второй контрольной группах показали, что у них отсутствуют четко очерченные представления о том, какие качества являются положительными, а какие – нет. Ответ «не знаю» дали примерно 35 % от общего числа участников эксперимента. Также примерно 70 % участников, входивших в первую контрольную группу, не смогли ответить на пятый и восьмой вопросы, а отвечая на шестой, сказали, что связывают чтение лишь с обучением в школе и с необходимостью, вызванной им. Также большинство участников исследования согласилось с тем, что для них намного проще написать изложение (примерно 80 %), что связано с тем, что речь идет лишь о письменном пересказе услышанного текста (а не о создании своего собственного на основе личных суждений и знания текста того или иного литературного произведения). В то же время некоторые школьники из первой группы (20 %) указали, что им одинаково сложно написать как изложение, так и сочинение. Это связано, на наш взгляд, с недостаточным уровнем развития речевой коммуникации и лексико-грамматической компетенции, узостью словарного запаса. Практически никто из опрошенных в первой контрольной группе так и не смог ответить на первый вопрос, что связано с отсутствием морального эталона среди других людей у учащихся, которые обучаются на дому. Отвечая на третий вопрос, 60 % указало, что не нравятся грубость, жестокость, нечестность, а остальные участники сказали, что не любят ложь, лицемерие и глупость. Также 5 % ответило, что «не любят тех, кто учится на двойки». Однако достоин внимания тот факт, что практически никто не смог ответить на десятый вопрос (даже участники второй группы), что означает их неспособность понять и

описать разницу между стилями речи русских литературных классиков и современного общества, а также разницу между разными стилями речи русского языка (в данном случае художественным и разговорным). И, наконец, отвечая на первый вопрос, дети из обеих групп ответили, что порядочный человек должен быть «добрым» (60 %), «Хорошим» (35 %), «честным» (15 %) и «умным» (10 %).

Проведенное исследование позволило нам прийти к следующим выводам.

1. Все негативные аспекты в становлении и развитии нравственных качеств школьников, обучающихся на дому, вызваны психологическими причинами, с одной стороны, и недостаточным значением чтения, а также отсутствием культурного эталона, с другой;

2. В большинстве случаев чтение текста художественной литературы воспринимается ими исключительно в порядке пассивной подчиняемости на фоне отсутствия собственного желания и мотивации к самостоятельному знакомству с художественной литературой;

3. Наследие русских классиков литературы во многих случаях служит идеальным образцом учебного текста, который может быть использован в процессе обучения русскому языку;

4. В семьях детей, которые обучаются на дому, недостаточно выражена заинтересованность в получении ими качественного образования и становления полноценно развитой личности;

5. Учащимся, которые обучаются на дому, присущ недостаточный уровень развития коммуникативной и лексико-грамматической компетенции;

6. Одним из ключевых звеньев учебного процесса по изучению русского языка в качестве родного должен являться учебный текст, подобранный в соответствии с общими и частными критериями отбора, при этом основными из них должны являться познавательность и доступность.

Список литературы

1. Шатилов С. Ф. Актуальные проблемы методики обучения русскому языку иностранных учащихся : учеб. пособие / С. Ф. Шатилов. – Л. : ЛГУ, 1985. – 56 с.
2. Ладыженская Т. А. Риторика. 8 класс. Учебное пособие для общеобразовательной школы в 2 ч. / Т. А. Ладыженская. – М.: Рус. яз., 2003. – 130 с.
3. Зайдман И. Н. Терапевтическая дидактика русского языка в контексте работы над письменной речью при индивидуальном обучении / И. Н. Зайдман. – Новосибирск, НГПУ, 1989. – 80 с.
4. Гдалевич Л. А. Принципы работы с детьми при индивидуальном обучении русскому языку / Л. А. Гдалевич. – М., Высшая школа, 1977. – 45 с.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь: психол. исслед. / Л. С. Выготский; под ред. В. Колбановского. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. – 324 с.

ROLE AND PLACE OF LEARNING TEXT IN MORAL-SPIRITUAL DEVELOPMENT OF A SCHOOL PUPILS' PERSONALITY LEARNING PROCESS

A. V. Chernykh

*Learning Center
"The Future",
Karkov*

*e-mail:
monplesir312@mail.ru*

Creation and development of the spiritual and moral qualities of a school pupil are one of the axiological values of the secondary school education. It also touches pupils who are learning at home because of different reasons. In this article is looking up an issue of the role and the place of the text of artistic creatures of the classic literature within the learning process of Russian language learning for such children.

Key words: language, speech, text, learning process, language features and speech, unbringing, morality.

УДК 378.18

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ВОЛОНТЁРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ МИССИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ

И. Ф. Васильева*Белгородский
университет
кооперации,
экономики и права**e-mail:
innavas76@mail.ru*

В статье рассматриваются пути и возможности влияния волонтерской деятельности студентов на подготовку к осуществлению социальной миссии потребительской кооперации как в учебном процессе, так и во внеучебной и внеаудиторной деятельности. Анализируются возможности интеграции идеи волонтерства в различные учебные дисциплины, раскрываются социальные истоки благотворительности.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, социальная миссия, кооперативные ценности, ценностные установки.

В процессе изучения дисциплины «Теория и история потребительской кооперации» студенты кооперативных вузов в разделе «Кооперативные ценности и принципы» изучают такие вопросы, как: «Современные кооперативные ценности», «Социальная миссия потребительской кооперации». В настоящее время социальная миссия кооперации состоит в удовлетворении материальных и духовных потребностей пайщиков, то есть – это не только обеспечение товарами, но и предоставление образовательных и иных услуг, просветительская деятельность.

В этих условиях предприятия и организации потребительской кооперации предоставляют следующие виды социальной поддержки пайщикам и обслуживаемому населению:

- доставка товаров в отдалённые населённые пункты и их реализация по ценам, сложившимся в районных центрах;
- доставка товаров на дом по заявкам населения, в первую очередь инвалидам и пенсионерам;
- реализация хлеба по цене ниже среднерыночной;
- отпуск товаров в долг пайщикам и населению, учреждениям социальной сферы и предприятиям сельского хозяйства;
- продажа товаров по льготным ценам пайщикам и ветеранам потребительской кооперации;
- обеспечение занятости населения общественно – полезным трудом, создание новых рабочих мест в сельской местности;
- содействие развитию личных подсобных хозяйств населения;
- моральная и материальная помощь инвалидам, пенсионерам [6].

Более подробно можно проиллюстрировать работу потребительской кооперации на схеме, представленной ниже [5, с. 205].

Основополагающие ценности кооперативов – это взаимопомощь, взаимная ответственность, демократия, равенство, справедливость, солидарность. Этические ценности – честность, открытость, социальная ответственность, забота о других [6].

Совершенно очевидно, что ценности кооперации и социальная направленность её деятельности созвучны целям волонтеров, или как более привычно для русского человека – добровольцев, что по сути – одно и то же. Например, волонтерская организация «Данко» нашего вуза основными задачами своей деятельности видит:

- приобщение студентов к благотворительной деятельности или службе на благо других;
- формирование потребности у студентов в оказании помощи нуждающимся, заботы о ближнем и др.

Схема. Кооперативная модель хозяйствования

Основной принцип волонтерской деятельности: хочешь почувствовать себя человеком – помоги другому. А девизом члены организации «Данко» выбрали слова А. В. Суворова: «Спешите делать добро».

Изучая в учебном курсе теоретические основы социальной миссии потребительской кооперации, практические навыки в этом вопросе студенты приобретают именно в волонтерской деятельности: учатся сопереживать, воспринимать чужую беду как свою, оказывать реальную помощь и моральную поддержку, безвозмездно трудиться на благо других и общества в целом. Наши волонтеры оказывают помощь детям – сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, людям пожилого возраста, детям дошкольного возраста, а также ухаживают за воинскими захоронениями, оказывают помощь муниципальным организациям в уборке и озеленении города и области. В аспекте педагогических задач польза от вовлечения молодежи в добровольческую деятельность очевидна:

Во-первых, оказывая поддержку детям и подросткам (акции «Мир детства», «Дорогой добра», «Поможем Даше»), старикам (акции «Ветеран живёт рядом», «Чистые окна»), студенты приобретают коммуникативные навыки, навыки общения с различными категориями граждан, учатся слушать и слышать людей, находят индивидуальный подход к каждому, что особенно ценно в профессиональной деятельности менеджеров.

Во-вторых, в ходе организации культурных мероприятий, конкурсов, праздников и акций в социальных учреждениях (Детские новогодние утренники, концерты к праздникам в Детских домах, школах – интернатах, Домах престарелых и инвалидов, ветеранов войны и труда) молодежь развивает свои организаторские способности, учится творчески подходить к выполнению любой поставленной задачи, что незамедлительно в любой профессии.

В-третьих, работая в трудовых бригадах по уборке различных территорий (акции «Экологический десант» по уборке пляжа, «Трудовой десант» по уборке военного кладбища на Мемориале павших в годы ВОВ) ребята учатся просто получать удовольствие от проделанной работы, результатов своего труда и от того, что их труд кому – то принёс радость. То есть студенты приобретают привычку трудиться и приносить пользу обществу, в отличие от многих представителей так называемой «золотой молодёжи», сходящей с ума от праздного времяпрепровождения.

В-четвёртых, решается проблема организации позитивного досуга молодёжи, что помогает направить бьющую через край энергию юношества на решение социальных проблем общества, а не на создание этих самых проблем. Одним из направлений волонтерской деятельности является забота о здоровье окружающих людей, а именно – борьба с курением, употреблением алкоголя и наркотиков, нецензурной бранью, а также профилактика СПИДа и других заболеваний, передающихся половым путем (ЗППП) (Активное участие в реализации внутривузовского проекта «Мы за здоровый образ жизни», выражающегося в проведении месячников борьбы с вышеуказанными пороками человеческого общества. Осуществляется с сентября по январь). Польза от этой работы для дальнейшей профессиональной деятельности молодёжи очевидна. Любой некурящий сотрудник для опытного работодателя, несомненно, предпочтительнее курящего, который через каждые 30-40 минут устраивает несанкционированный «перекур», от чего естественно, страдает рабочий процесс. Остальные пороки просто несовместимы с категориями «здоровье» и «работа».

В-пятых, для педагогов, преподающих любой из предметов, имеются и более широкие возможности использования волонтерства для оптимизации учебного процесса в целом. Например:

- привлечение волонтеров, имеющих отличные оценки и проявляющих научную активность, к оказанию взаимопомощи в освоении учебной программы студентам, испытывающим трудности в освоении материала;
- участие студентов – волонтеров в подготовке электронных учебных пособий, видеофильмов и учебных программ;
- участие студентов – волонтеров в проведении текущих консультаций с отработкой практических навыков во внеучебное время;
- участие студентов – волонтеров в предэкзаменационной консультации [2].

Данное направление деятельности открывает широкие перспективы развития самоуправления и соуправления учебно – воспитательным процессом в вузе.

В-шестых, волонтеры заботятся и о духовном здоровье молодёжи, выстраивая своеобразный мостик между Русской православной церковью и студенчеством (Акции «Подари мне жизнь» совместно с молодёжным отделом Курской Епархии, «Строительство Храма», праздник «Пасхальным светом освещён наш Храм науки»). Работая в организациях потребительской кооперации, молодёжь продолжает сотрудничество с Церковью, как с благотворительными целями, так и в различных других аспектах трудовой деятельности.

Так, например, в Томской области один из священнослужителей, познакомившись с работой сельского магазина, сказал: «Сельский продавец сегодня – практически мой коллега: он выполняет работу духовного пастыря людей». И это действительно так. Кроме заботы о слабых, немощных, страждущих, кооператоров роднит со священнослужителями Русской Православной церкви, других конфессий забота о духовном здоровье людей [1, с. 312].

Забота о материальном благосостоянии людей, прежде всего – сельских жителей и пайщиков – это ещё одна задача потребительской кооперации.

В ходе изучения дисциплины «Теория и история потребительской кооперации» преподаватель, ставя перед собой воспитательные задачи курса, стремится, прежде всего, воспитать у будущих специалистов чувство гордости за принадлежность к потребительской кооперации, преданность кооперативным идеям, глубокое осознание

социального предназначения потребительской кооперации, духовность, неравнодушные к людским бедам и горестям, стремление облегчить жизнь обездоленным [5, с. 203]. Как мы можем заметить, идеальный моральный облик кооператора совпадает с моральным обликом волонтера, его ценностными установками.

Важно отметить, что выполняя социальную миссию, потребительская кооперация несет значительные финансовые затраты, содержит убыточные магазины [3]. А ведь потребительская кооперация – это, прежде всего, торговля, сеть торговых организаций и предприятий общественного питания.

Связь кооперации и добровольчества вызревала исторически. Рассматривая исторический аспект возникновения кооперации как системы в темах курса «Теория и история потребительской кооперации», нельзя не коснуться и связи социальной благотворительности с торговлей. Тема социальной благотворительности в России рассматривалась в работах видных философов, историков, культурологов и экономистов. С выделением социальной работы в особую сферу профессиональной деятельности вопрос благотворительности рассматривается не только в аспекте понятийного аппарата, но и с точки зрения субъективно – мотивационных характеристик. Современная Россия переживает период экономических преобразований, переход от режима уравниловки и тотального распределения к периоду первоначального накопления и перераспределения рынка. Сейчас много говорится о новых «спонсорах», «благотворителях», «меценатах». Часто звучит мысль о преемственности идей социальной направленности купечества и промышленников прошлого и олигархов XXI века. Русские предприниматели (и потомственные купцы, и вышедшие из крестьянства) были православными по своему воспитанию и традициям. Одной из отличительных черт предпринимательской практики купечества, напрямую связанной с православием, была благотворительность и храмосозидание. В этой деятельности проявлялась попытка совместить реальные жизненные дела и стремление к спасению души, желание смягчить «греховный» характер торгово – промышленной деятельности. Тема «греховности капитала» очень характерна для настроения многих российских предпринимателей. Это тесно связано с такой отличительной чертой российского национального менталитета, как отсутствие культа богатства. «Богатство то хорошо, когда человек, приобретая его, сам совершенствуется нравственно и духовно; когда он делится с другими и приходит им на помощь», – заявлял Т. В. Прохоров, – основатель прохоровской мануфактуры. Таким образом, русское купечество в повседневной деятельности сталкивалось с постоянным выбором между экономической целесообразностью и морально – этическими установками. Постоянное противоречие между Делом и духовностью частично разрешалось посредством замаливания грехов, благотворительной деятельностью. Формирующийся дух капитализма не мог вытеснить сущность христианина. Тысячелетняя история православия на Руси, в Московии, в России, система православных ценностей, приоритет духовно – нравственного начала над материальным вошли в сознание русских людей независимо от отношения к вопросу веры [4].

Таким образом, мы можем говорить о том, что связь добровольчества, благотворительности с торговлей и потребительской кооперацией возникла ещё во времена зарождения кооперативов, бурного развития промышленности и торговли и исторически эти категории имеют много точек соприкосновения в ценностно – смысловом аспекте своей деятельности.

Хочется отметить, что внеучебная деятельность волонтерской организации образовательного учреждения интегрируется не только в дисциплины, изучающие работу различных кооперативных организаций, но и во многие другие, например дисциплины таких направлений подготовки специалистов, как юриспруденция, право и организация социального обеспечения, социальная работа. В некоторых учебных заведениях, занимающихся подготовкой специалистов по данным направлениям, созданы юридические клиники [2, с. 113], где оказывается правовая помощь малообеспеченным гражданам, и одновременно студенты юридического факультета обучаются уме-

нию работать с клиентами и давать квалифицированные ответы на их вопросы. Так как задачи таких клиник – бесплатная помощь нуждающимся, забота о незащищённых слоях населения, а это главные задачи волонтерской деятельности, мы можем говорить об интеграции этих двух направлений в работе со студенческой молодёжью.

Непосредственно идеи добровольческого движения пронизывают такие дисциплины как: «Культурология», «Литература», факультативный курс «Основы православной культуры», где прослеживаются тенденции духовно–нравственного развития, ментальности русского народа, его национальный характер, существенными чертами которого являются альтруизм, способность к самопожертвованию, бескорытность, способность принимать близко к сердцу чужую проблему, близость к церкви и православной вере. А главный призыв Бога к православным «Возлюби ближнего своего как самого себя» можно считать основным мотивационным компонентом волонтерской деятельности.

Подводя итоги всего вышесказанного, нельзя не коснуться и проблем, которые возникают на пути вовлечения молодёжи в волонтерскую деятельность. Волонтер – это человек, который участвует в общественно полезной деятельности безвозмездно и на основе осознанного выбора, имеющий активную жизненную позицию и высокие морально – нравственные ценностные установки. Первая проблема – таких людей не очень много среди современной молодёжи. Вторая проблема – большая текучесть кадров внутри добровольческой организации. Некоторые понимают, что бесплатный труд не для них, кто – то переводится с очной формы обучения на заочную по различным обстоятельствам, кто – то меняет своё семейное положение и ему не хватает времени для совмещения учёбы, семьи и общественной деятельности. Однако организация пополняется вновь прибывшими первокурсниками и продолжает работать. Для того, чтобы добровольчество оказывало положительное влияние на учебный процесс и внеучебную работу в целом, необходимо охватить всю массу студентов вуза, для чего во многие акции волонтеров привлекаются для участия все студенческие группы института (благотворительный марафон «Мир детства», акция «Дорогою добра» по сбору книг, игрушек, канцелярских товаров для воспитанников Детских домов и школ – интернатов и др.), а также профессорско - преподавательский состав. Для этих же целей используется широкое освещение всей деятельности волонтеров на сайте института, в институтском печатном вестнике, радиогазете, стенгазетах, распространяются памятки, разработанные волонтерами среди студенческой общественности, листовки размещаются в учебных корпусах и общежитии. Более того, волонтерское движение и учебно – воспитательный процесс профобразования имеют много общего в своей целеполагающей основе. Цель волонтерского движения – создание условий для реализации прав граждан на добровольное, безвозмездное и непосредственное участие в решении социально – значимых проблем населения, общественных объединений, местных сообществ и государства, с целью самореализации, приобретения новых знаний и навыков, повышения профессиональных и организаторских способностей, обеспечения общественной безопасности, защиты национальных и государственных интересов.

Таким образом, мы рассмотрели пути и возможности влияния волонтерской деятельности на подготовку к осуществлению социальной миссии будущими специалистами потребительской кооперации как в учебном процессе, так и во внеучебной и внеаудиторной деятельности.

Список литературы

1. Материалы Международного Форума студенческих научных обществ и молодых ученых светских и духовных учебных заведений в рамках Международного молодежного Конгресса / Духовность – основа единства и развития. – Курск, 2010. – С. 109 – 113.
2. Материалы региональной межвузовской научно - практической конференции (Брянск, 27 – 28 апреля 2006 года) / Социальная миссия кооперации через реализацию национальных проектов // под научной редакцией Власова В. Н., Наперова В. А. (отв. редактор), Яд-виршица А. Е., Часть 1. – Брянск, 2007. – С. 46.

3. Материалы региональной межвузовской научно - практической конференции (Брянск, 27 – 28 апреля 2006 года) / Социальная миссия кооперации через реализацию национальных проектов // под научной редакцией Власова В. Н., Наперова В. А. (отв. редактор), Яд-виршица А. Е., Часть 2. – Брянск, 2007. – С. 23 – 24.

4. Материалы Российской научно - практической конференции / Усиление борьбы с бедностью - стратегия и социальная миссия потребительской кооперации. – М., 2002. – С. 202 – 207.

5. Тешлова Л. Е. Основы потребительской кооперации / Элективный курс. – М., Вита – Пресс, 2005 – С. 20 – 21, 55.

6. URL: <http://www.rusal.ru/map.aspx> (дата обращения 10.06.2011 г.)

7. URL: http://www.mir4you.ru/1825society_/volonter2_18-25/ volonterussia (дата обращения 10.06.2011 г.)

SIGNIFICANCE AND ROLE OF VOLUNTEERING ACTIVITY OF STUDENTS IN PROFESSIONAL TRAINING OF SPECIALISTS FOR REALIZATION OF SOCIAL MISSION OF CONSUMERS' COOPERATIVES

I. F. Vasilieva

*Belgorod
University
of Cooperation,
Economy and Law"*

*e-mail:
innavas76@mail.ru*

This article examines ways and opportunities of influence of volunteering of student's activity on preparation for realization of the social mission of consumers' cooperatives both in classroom and extra-curricular activities. It analyses the possibilities of integration of ideas of voluntarism in different disciplines of the training course. It explores the historical aspect of social origin sources of charity.

Key words: voluntarism, volunteer work, social mission, cooperative values, purpose values.

**МАТЕРИАЛЫ УЧАСТНИКОВ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ:
«ВЫСШАЯ ШКОЛА: ЗНАНИЯ ИЛИ УМЕНИЯ?
ИННОВАЦИОННЫЕ ПОДХОДЫ В ОБРАЗОВАНИИ»,
Г. БЕЛГОРОД, НИУ «БелГУ», 20 – 21 ОКТЯБРЯ 2011 Г.**

УДК 378.1

ПРОБЛЕМАТИКА ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ**Ю. В. Буланова***Северный
государственный
медицинский
университет**e-mail:
ybus@mail.ru*

В статье раскрывается специфика инновационных систем в политической, экономической, образовательной и др. сферах. Проведен анализ зарубежных исследований по проблемам инновационной деятельности, выявлены основные причины, сдерживающие инновационные процессы. Доказывается необходимость разработки методологии, инфраструктуры, инструментария организации инновационных проектов и оценки их эффективности.

Ключевые слова: инновации, инновационные системы, инновационные проекты, инновации в образовании, информационные технологии.

Переориентация общества в середине XX в. на информацию и знание как главные ресурсы развития, последующая глобализация общественной жизни, привели к радикальным переменам как в отдельных сферах общества (политической, экономической, производственной, социально-личностной и др.), так и в общественной организации, в целом. Такие наблюдаемые сегодня процессы, как совершенствование мировых коммуникационных систем; внедрение в структуру производства информационных технологий; тенденция количественного роста высокотехнологичных товаров, именуемых также инновационными; усиление влияния транснациональных компаний, приводят к выстраиванию новых приоритетов во внутренней и внешней политике страны.

В то же время инновационный вектор развития общества становится определяющим. Так, принятая в Европейском Союзе 6 октября 2010 г. концепция «Europe 2020 Flagship Initiative Innovation Union» продемонстрировала необходимость выделения до 2020 г. не менее 3 % от ВВП на исследования и инновации с целью трансформации объединенной Европы в крупнейшую в мире экономику, основанную на знаниях.

В отечественной науке дискурс по проблемам инноваций складывается в конце XX века. Учитывая накопленный опыт зарубежных исследований, инновации здесь получают свое осмысление больше в прикладной экономико-научной мысли, в частности менеджменте, социологии организаций и т. д. (Г.А. Краюхин, Л.Ф. Шайбакова, В. С. Циренщиков, А. А. Мешков, Ю. С. Яковец, Д. Ильенкова, Л.М. Голхберг, С. Ю. Ягудин,

С.В. Ильдеменов, В.П. Воробьев, В.И. Громека, И. Т. Балабанов, А. И. Пригожин). В работах зарубежных исследователей инновации напрямую связываются с социальным прогрессом, понимаемым, в свою очередь как рост технико-технологических возможностей субъекта (Г. Менш, А. Клайхнехт, К. Фримен, Дж. Залтмен, П. Ф. Дракер, Б. Санто, Ла Пьерра, Р. Гремингер, Б. Чакроворти).

Мировая система взаимодействия институтов, участвующих в процессе создания инноваций, основана на особой системе управляемых коммуникаций, благодаря которым появляется возможность эффективно планировать инвестиции, концентрировать средства на наиболее успешных направлениях и создавать эффективные программы, ориентированные на практический результат. В настоящее время выдвинулось два постулата этого направления:

Первый. Коммуникации между наукой, бизнесом и образованием, объединенными в «треугольнике знаний» – системе взаимодействия между образованием, исследованиями/наукой и инновациями. Широкое распространение это определение получило в мире после принятия в 2000 г. Лиссабонской стратегии. Согласно Болонскому процессу, высшая школа находится на пересечении системы образования с областями научных исследований и инноваций, а также является ключевым фактором конкурентоспособности. Европейский институт инноваций и технологий (<http://eit.europa.eu/home.html>) уже трансформировал свою структуру, заменив вершину «инновации» на «бизнес» и определил инновации как рождающиеся в результате взаимодействия вершин треугольника знаний.

Второй. Связи в обществе и государстве: поощрение инноваций и коммуникаций в сфере инноваций во взаимоотношениях с государственными учреждениями всех уровней власти; инноваций через неправительственные организации для формирования общественного мнения, развития творческого потенциала людей и их интеграции; развитие инновационного местного сообщества, создание открытых, прогрессивных регионов, основанных на инновациях и устойчивом развитии; интеграция в глобальное сообщество.

В рамках задачи создания в России эффективной национальной инновационной системы было проанализировано и локализовано много управленческих решений и технологий, таких, как создание технопарков, институтов развития и т. д. Однако в целом система в сфере инноваций пока неэффективна. Причины заключаются в следующем: основная масса инноваций остается невостребованной со стороны экономики, научное сообщество слабо ориентируется в приоритетах и методах инвестирования, государственные структуры не получают полной информации о реальном состоянии технологического развития и потенциала проектов, крупный мировой бизнес не видит адекватных инновационных предложений от российской инновационной системы и слабо с ней взаимодействует (формируя лишь системы «утечки» наиболее перспективных ученых и групп в свои системы корпоративной науки). Знания ученых и инноваторов относительно методов и механизмов включения своих проектов в инновационные процессы остаются на критически низком уровне. Значительный разрыв между академической научно-исследовательской деятельностью и прикладными инновационными процессами не сокращается. Сохраняется, а в некоторых областях знаний растет, разрыв между российскими и западными информационными пространствами науки. Престиж и привлекательность научной и инновационной деятельности среди молодежи невысок.

Приходится констатировать, что государственная политика с самого начала экономических реформ ее принципы и мероприятия, направленные на поддержку инноваций, не дали ожидаемого результата. Причины сложившейся ситуации заключаются в следующем [1, с. 12]:

1. На протяжении длительного периода государственная политика поддержки инноваций фактически отождествлялась с поддержкой науки, а в рамках нее основное внимание уделялось финансовому обеспечению государственных научных организаций. При этом критерии предоставления указанной помощи не отражали необходи-

мость создания у научных организаций стимулов к поиску форм инновационного партнерства с частным бизнесом.

2. При определении приоритетов государственного содействия инновациям главный акцент был сделан на поиске «стратегически важных направлений» технологического развития, на которых планировалось сконцентрировать бюджетные ресурсы. При таком подходе государство фактически подменяло рыночные механизмы как в отборе инновационных проектов для поддержки, так и в определении источников их финансирования. В условиях, когда объем выделяемых финансовых ресурсов был крайне незначительным, оказание помощи «точечным» проектам не могло привести к достижению результатов, имеющих важное значение для всей экономики.

3. На фоне попыток государства напрямую участвовать в финансировании инновационных проектов недостаточно внимания уделялось проблемам, решение которых создавало бы у частного бизнеса стимулы к самостоятельному увеличению объемов инвестиций в инновации.

4. Отсутствие диалога между органами государственной власти, с одной стороны, и отечественным бизнесом – с другой, приводило к многочисленным разночтениям в трактовке базовых вопросов государственного содействия инновациям. В результате правовое оформление принципов такой поддержки и даже попытки сделать это сталкивались с проблемой нечеткости юридических формулировок, носили во многом декларативный характер.

В то же время отличительной особенностью современного развития инновационной деятельности в мировой экономике в целом является тот факт, что вложения в науку и создание новых технологий не являются неременной обязанностью государства. Как показывает практика, в странах «большой семерки» участие государства в инвестировании НИОКР в пропорциональном отношении постоянно снижается, так как эту роль все больше начинают выполнять частные и корпоративные инвесторы. По оценкам специалистов до 70 % научных затрат в развитых странах производится не государством, а частным и корпоративным секторами.

В России по-прежнему недостаточно развита система маркетинга научной и инновационной продукции. Как отмечалось выше, необходимо создание системы (методологии, инфраструктуры, инструментария) маркетинга инновационных проектов, продуктов, научных центров и направлений. Для этого необходимо и дальше развивать механизм анализа развития мировых рынков в стратегическом масштабе (20–30 лет), способный определять зоны и потенциальные ниши для развития, приоритеты разработки инновационных товаров и продуктов.

Обозначенные проблемы в сфере сопровождения инноваций требуют формирования системного концептуального подхода на всех этапах и направлениях развития инновационной системы.

Список литературы

1. Евтушенко В. П. Инновации и инвестиции: две стороны одной медали / В. П. Евтушенко // Россия в глобальной политике, 2010. – № 6.
2. Воронцов В. А., Зарайская Е. С., Рождественский А.В. Инновации в России: «Технологический пат» // Инновации, 2008, – № 2.
3. Дежина И. Г. Большие проекты как стимул инновационного развития России // Инновации, 2010, – № 6.
4. Annual Innovation Report 2009, UK Department for Business Innovation & Skills.
5. Постановление от 9 апреля 2010 г. № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства»; Постановление от 9 апреля 2010 г. № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования».

PROBLEMS OF INNOVATION

Y. V. Bulanova

*Northern State Medical
University*

*e-mail:
ybus@mail.ru*

The article deals with the specifics of innovation systems in the political, economic, educational and other spheres. The analysis of international research on innovation, identified the main reasons for holding back innovation. The necessity of developing the methodology, infrastructure, tools, organization of innovative projects and evaluating their effectiveness.

Key words: innovation, innovation systems, innovation projects, innovation in education and information technology.

РОЛЬ МЕТОДИЧЕСКИХ ЗАДАЧ В РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ФИЗИКИ¹

С. А. Рогозин

*Челябинский
государственный
педагогический
университет*

*e-mail:
serega-010@yandex.ru*

В статье обосновывается необходимость решения методических задач как условия реализации компетентностного подхода в процессе подготовки будущего учителя физики. Методическая задача рассматривается как разновидность педагогической задачи и предлагается алгоритм ее решения.

Ключевые слова: компетенции, компетентность, педагогические задачи, педагогическая ситуация, моделирование.

Процесс вхождения России в Болонский процесс делает высшее образование более рентабельным в глазах мировой общественности, предоставляя возможность выпускникам российских вузов находить применение на европейском рынке труда. В связи с данным вхождением возникает необходимость реформировать отечественное образование на различных уровнях.

В высшей школе процесс реформирования привел к созданию двухуровневой системы высшего профессионального образования (бакалавриат и магистратура). Кроме того, качество результатов образования основывается на компетентностном подходе, который лег в основу разработки федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения (ФГОС ВПО).

В ФГОС ВПО третьего поколения по направлению 050100 «Педагогическое образование» [7] требования к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата представлены не в виде привычных знаний, умений и навыков, а в виде достаточно большого набора общекультурных (ОК) и профессиональных (ПК) компетенций. Под компетенциями мы будем понимать способность применять знания, умения и навыки и личностные качества для успешной деятельности в различных проблемных профессиональных либо жизненных ситуациях [1, с. 29].

Итак, в понятие «компетенция» входят такие составные части как знания, умения, навыки, личностные качества (толерантность, требовательность, целеустремленность, ответственность, способность связать предмет с жизнью и др.), профессиональный опыт. Все перечисленные выше компоненты формируют поведенческие модели, т.е. когда студент, будущий учитель физики, способен не только самостоятельно ориентироваться в той или иной ситуации, но и способен решать стоящие перед ним профессиональные задачи.

Компетентностный подход предусматривает совершенно иную роль студента в учебном процессе: студент должен не просто воспроизводить информацию, а обязан самостоятельно мыслить, быть готовым к решению возникших проблем.

Для того, чтобы будущая педагогическая деятельность учителя физики в школе была успешной, необходимо уже в вузе установить органическую связь между педагогической теорией и педагогической практикой. С нашей точки зрения, одним из таких средств установления связи является моделирование педагогических ситуаций, которые возникают в реальной практике профессиональной деятельности учителя.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Тестовый контроль достижений по теории и методике обучения физике студентов педагогических вузов»), проект № 11-06-00757а.

Наиболее точно дается определение педагогической ситуации в учебном пособии «Общая и профессиональная подготовка» под редакцией В. Д. Симоненко, М. В. Ретивых [5, с. 81]. Педагогическая ситуация – совокупность условий и обязательств, возникающих спонтанно в педагогическом процессе или специально создаваемых педагогом с целью формирования и развития личности обучающегося.

С помощью педагогических ситуаций можно определять достоинства и недостатки педагогического процесса и педагогической системы в целом. Как видно из определения, педагогические ситуации конкретны, могут проектироваться или возникать спонтанно в учебном процессе. Моделирование педагогических ситуаций возможно проводить во время практического занятия, экзамена, в ходе педпрактики и т. д. Так как сущность педагогической ситуации заключается в наличии противоречий между известными знаниями и новыми данными, ее развития и способов разрешения, то ее можно считать проблемной.

И. Я. Лернер характеризует проблемную ситуацию как «явно или смутно осознанное субъектом затруднение, пути преодоления которого требуют поиска новых знаний, новых способов действия» [3, с. 18].

Л. М. Фридман, так же как и И. Я. Лернер, делает акцент на то, что проблемная ситуация – это не просто затруднение, преграда в деятельности субъекта, а осознанное субъектом затруднение, способ устранения которого он желает найти [8, с. 14].

После изучения ситуации, понимания ее проблемности, осознании необходимости ее изменения порождается педагогическая задача. Мы согласны с диссертационным исследованием В. Г. Нагорновой [4] о том, что компетентность учителя соотносима с деятельностью учителя, обеспечивающей единство действий преобразования ситуации в педагогическую задачу.

Педагогическая задача для студента – результат осознания им необходимости выполнения профессиональных действий в условиях задачи, где профессиональные действия включают цель, предмет и способ [10, с. 50].

В педагогической задаче, как и в любой вообще, всегда имеется известное содержание и неизвестное, то есть вопросы: Как? Почему? Зачем? Что делать? Каковы причины поступка? и другие. Данные вопросы связаны с выяснением процессов, фактов, явлений, происходящих в педагогической системе и за ее пределами [6, с. 27].

Решение педагогических задач по теории и методике обучения физике является важной формой профессиональной подготовки будущих учителей физики для их последующей педагогической деятельности. Преподаватель, решая задачи со студентами, включает их в проблемную педагогическую ситуацию, моделирующую процесс обучения. После осмысления ситуации студент может поставить проблему и попытаться найти способы из нее выйти, используя для этого фундаментальные теории, понятия, законы, а также весь свой опыт.

Решение таких задач способствует овладению знаниями практического применения изучаемых законов и закономерностей; формированию и развитию у студентов межпредметных и исследовательских навыков; повышает их общекультурный уровень и др. По ходу решения задач могут возникнуть новые проблемные ситуации, соответственно формулироваться новые задачи (подзадачи), выступающие в качестве частных по отношению к основным задачам.

Разновидностью педагогической задачи является методическая задача. В методической задаче учитывается конкретное содержание изучаемого предмета, его дидактико-методические особенности преподавания. Учебно-методическая задача представляет собой методическую задачу учебного характера и служит основным средством, при помощи которого студенты овладевают методическими умениями в процессе учебно-методической деятельности [2, с. 3]. Учебно-методическую задачу можно рассматривать как проблемную ситуацию, требующую от всех участников педагогического процесса применения методических умений.

Использование учебно-методических задач является идеальным средством имитации реальных профессиональных ситуаций на основе фундаментального зна-

ния, раскрытия в изучаемом материале ценностных, фундаментальных и профессиональных аспектов, что приводит к формированию готовности переноса знаний и умений из учебно-академических в жизненно-профессиональные ситуации. С помощью учебно-методических задач можно диагностировать профессиональные качества будущих учителей физики.

Список литературы

1. Звонников В. И. Контроль качества обучения при аттестации: компетентностный подход: учеб. пособие / В. И. Звонников, М. Б. Челышкова. – М.: Университетская книга; Логос, 2009. – 272 с.
2. Земцова В. И. Комплекс учебно-методических задач по теории и методике обучения физике: методическая разработка / В. И. Земцова. – Орск: Изд-во Орского пединститута, 1995. – 26 с.
3. Лернер И. Я. Проблемное обучение / И. Я. Лернер. – М.: Знание, 1974. – 64 с.
4. Нагорнова В. Г. Преобразование ситуации в педагогическую задачу как средство формирования профессиональной компетентности будущего учителя: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / В. Г. Нагорнова. – Иркутск, 2007. – 250 с.
5. Общая и профессиональная подготовка: учебное пособие для студентов по специальности «Профессиональное обучение»: в 2-х кн. / под ред. В. Д. Симоненко, М. В. Ретивых. – Брянск: Изд-во БГУ, 2003. – Кн.1. – 174 с.
6. Спирин Л. Ф. Теория и технология решения педагогических задач / Л. Ф. Спирин. – М.: Изд-во «Российское педагогическое агентство», 1997. – 174 с.
7. ФГОС ВПО по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (квалификация (степень) «бакалавр»): http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_11/prm46-1.pdf.
8. Фридман Л. М. Логико-психологический анализ школьных учебных задач / Л. М. Фридман. – М.: Педагогика, 1977. – 270 с.
9. Шмырева Н. А. Педагогические ситуации: от теории к практике / Н. А. Шмырева. – Кемерово, 2004.
10. Яковлева Н. М. Подготовка студентов к творческой воспитательной деятельности / Н. М. Яковлева. – Челябинск, ЧГПИ, 1991. – 128 с.

THE ROLE OF METHODOLOGICAL PROBLEMS IN THE IMPLEMENTATION OF COMPETENCE APPROACH IN TRAINING FUTURE TEACHERS OF PHYSICS

S. A. Rogozin

*Chelyabinsk
State
Pedagogical
University*

*e-mail:
serega-010@yandex.ru*

The article substantiates the need to address methodological problems as a condition for the implementation of competence-based approach in the preparation of future teachers of physics. Methodological problem is considered as a kind of educational problems and propose an algorithm for its solution.

Key words: competence, competence, pedagogical tasks, teaching situation, simulation.

УДК 378.1

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАЧИНАЮЩЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

И. И. Морозов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет (филиал),
г. Старый Оскол*

*e-mail:
morozov-box89@mail.ru*

В статье раскрываются субъектная позиция преподавателя высшей школы в образовательном процессе, престиж педагогической деятельности в вузе, факторы, способствующие эффективности деятельности преподавателя. Представлен опыт работы конкретной вузовской кафедры.

Ключевые слова: преемственность, традиции в профессиональной деятельности, преподаватель высшей школы, престиж профессии, самообразование.

Проблема «преподаватель высшей школы» в настоящее время не воспринимается всерьез молодым поколением, не воспринимается она и социумом, поскольку не поддерживается политикой государства. Данная проблема особенно обострилась сегодня: в прошлом в учебные заведения поступали абитуриенты, имевшие достаточно высокий уровень знаний после окончания средней школы, позволявший им проходить конкурсный отбор. Сегодня уровень выпускников школ существенно снизился, и перед вузовскими преподавателями стоят более сложные задачи. Особенно остро это ощущают начинающие преподаватели высшей школы. Отчасти проблему решают «Школы начинающего преподавателя», которые действуют в некоторых вузах. Молодой преподаватель остро ощущает необходимость в освоении и использовании вузовских технологий обучения. Проблема для преподавателя физической культуры обостряется еще и тем, что нынешний выпускник не отличается достаточной культурой здоровьесбережения, у него отсутствуют элементарные знания и компетенции в области физической культуры. Положение усугубляется еще и тем, что материальная база школ сегодня разительно отличаются друг от друга, поэтому уровень подготовки нередко близок к минимуму.

Специфика педагогической профессии проявляется также и в том, что молодой преподаватель самым характером этой деятельности вынужден работать не ниже некоторого заданного коллегами уровня добросовестности. Он практически все время находится на виду у студентов, постоянно - явно или неявно - оценивается ими. Студенты, среди которых у нас есть и мои бывшие и нынешние воспитанники СДЮШОР, постоянно оценивают компетенции, знания и педагогические, профессиональные умения, поэтому необходимо ежесекундно быть собранным, без этого педагогическая деятельность вообще невозможна. Но это требует физической и нервной выносливости, терпения, упорства, высокого уровня самодисциплины и многих других качеств, требующих самовоспитания, самоподдержки и самоформирования. (И. Ф. Исаев, Н. И. Исаева, Л. А. Маркова) Соответствовать даже минимальным стандартам в этом отношении по силам далеко не каждому.

Существуют и материальные проблемы, доминирующая роль которых привела к снижению престижа вузовского педагогического труда - он резко снизился, прежде всего по причине низкой оплаты труда преподавателей вуза, а также по ряду других причин. Кроме того, есть целый ряд производных факторов (В. А. Вербицкий, В. А. Слостенин, В. Д. Никандров и др.). Вследствие этого, в статистических отчетах вузов отмечается существенное увеличение среднего возраста работающих на кафедрах преподавателей, снижение продуктивности педагогического труда и заинтересованности в качестве его конечного результата.

Престиж вузовского преподавания во все времена был высоким. Традиционно после окончания аспирантуры на работу в вуз приходит специалист в той или иной предметной области по профилю защищенной диссертации, абсолютно не знающий теоретических основ преподавания в высшей школе. Отсутствие знаний по андрагогике начинающие преподаватели пытаются подменить общей увлеченностью и доступностью. Поэтому квалифицированный профессионал в практической и научной области, соответствующей преподаваемой учебной дисциплине, выходит к студенческой аудитории как к собранию своих коллег, стремясь лишь удивить ее своей эрудицией. В нашем случае это преподаватель, имеющий опыт тренерской педагогической деятельности, но не накопивший практического преподавательского опыта в вузе, начинающий педагогическое самообразование практически «с нуля». Специфика педагогического труда в вузе сегодня усугубилась новыми функциями преподавателя: сопровождение учебного процесса требует работы с большим количеством бумажных носителей, заполнение учебной документации, подготовки раздаточного материала, проверка рефератов студентов групп СМГ, составление НИР, НИРС, УВР, плана работы с учебной группой, - таких, которые объективно вызывают утомляемость, нервное напряжение, усталость от выполнения однообразных процедур и т. д. Безусловно, все это было в деятельности преподавателя и ранее, однако при той учебной загруженности, которую имел тогда преподаватель вуза, он мог в свободное от занятий время заняться научной работой или самообразованием.

Остаться же без научной работы и заниматься только педагогической деятельностью означает безнадежно отстать от жизни и дойти до такого состояния, когда и педагогическая квалификация постепенно потеряется, и не с чем будет прийти к студентам в аудиторию.

Разрешить такую проблемную ситуацию начинающий преподаватель вуза неспособен без серьезного отношения к педагогике и педагогическим технологиям. Самоучка же продолжительное время будет «набивать себе шишки».

Образовательная деятельность кафедры педагогики и физической культуры СОФ НИУ «БелГУ» обеспечивается высокопрофессиональным кадровым составом. На кафедре работают 2 заслуженных учителя РФ, 3 заслуженных работника физической культуры и спорта, 12 отличников образования, 3 отличника физической культуры и спорта, 5 «Учителей года». Результаты работы ученых кафедры представлены и апробированы на международных, всероссийских и региональных конференциях и симпозиумах. Преподавателями кафедры ежегодно издаются учебно-методические пособия по обеспечению качественного обучения по дисциплинам учебного плана.

Другим важным направлением взаимодействия является сотрудничество ППС кафедры с высшими учебными заведениями зарубежья и своего региона. Прежде всего, это связано с потребностью преподавателей в стажировке по проблемам своих кандидатских и докторских исследований и повышении квалификации. Кафедра педагогики и физической культуры сотрудничает с Академией последипломного образования (Минск, Беларусь), университетом г. Белграда (Сербия), факультетом спорта и физического воспитания г. Нови Сад (Сербия), Йиссык-Кульским государственным университетом (Киргизия), кафедрами Таганрогского, Липецкого педагогических университетов, Елецкого государственного университета.

Молодые преподаватели СОФ НИУ «БелГУ» посещают «Школу начинающего преподавателя», с ними традиционно проводится «круглый стол» в форме переговорной площадки с директором - профессором Беликовой Т. П., которая в ходе встречи выявляет проблемные поля и индивидуальные особенности каждого начинающего преподавателя. Наставники-преподаватели делятся своими первыми впечатлениями о адаптации своих подопечных. Но сложность вхождения в новую социальную роль по-прежнему существует. Сохранение традиций учреждения и традиций российской педагогической науки и российских вузов способствует лучшей адаптации молодых,

начинающих преподавателей, поддерживает неформальное образование в сложившейся педагогической среде.

Преподаватели кафедры педагогики и физической культуры всегда с большим интересом участвуют в научных конференциях, которые проводятся совместно с другими университетами. Положительный опыт научно-исследовательской работы обеспечивает первый компонент — научный, который состоит в функциональном изучении одной из областей знаний и активном усвоении научных исследовательских навыков, готовит к творческой работе в научном учреждении или к эффективной деятельности в организации прикладного профиля. Но второй, педагогический, обеспечивает глубокую теоретическую подготовку и практическое освоение основ обучения в школе, но не готовит к квалифицированной преподавательской деятельности в вузе.

Необходимо восстановить службу сопровождения начинающего преподавателя (не более 6 месяцев) и учитывать, что педагогическая подготовка перспективных студентов и аспирантов является неотъемлемой частью полноценного университетского коллектива, важнейшей системообразующей функцией современной высшей школы.

THE CONTINUITY OF TRADITIONS IN THE ACTIVITY BEGINS TEACHER OF PHYSICAL CULTURE AT UNIVERSITY

I. I. Morozov

*Belgorod National
Research University,
(the Stary Oskol branch)*

*e-mail:
morozov-box89@mail.ru*

The article describes subjective position of instructor in higher education in the educational process, the prestige of teaching activities at the university, the factors contributing to the effectiveness of the instructor. The experience of a particular university department.

Key words: Continuity, Professionalism, University Teacher, Self-education.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2-055.2

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНОГО КОМПОНЕНТА ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН

Н. В. Акиньшина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
nad-1184@yandex.ru*

В статье рассматриваются подходы некоторых авторов к определению понятия «гендерная идентичность». Представлена модель гендерной идентичности. Приведены результаты исследования семантико-символического компонента гендерной идентичности молодых женщин.

Ключевые слова: гендерная идентичность; когнитивный, эмоционально-аффективный, поведенческий и семантико-символический компоненты модели гендерной идентичности.

В последнее время к проблеме идентичности обращаются все чаще и чаще. В поле зрения исследователей попадают национальная идентичность, профессиональная, гендерная и пр. Обращение к данной теме свидетельствует об изменении взглядов и подходов к пониманию самого феномена идентичности. На данный момент существует несколько точек зрения, раскрывающих сущность идентичности. У. Джеймс одним из первых обратился к разработке проблематики характера человека, в рамках которой ученый соприкоснулся с феноменом идентичности. При этом он не упоминает этого термина. В письмах 1890 г. он пишет: «Характер человека проявляется в том его умственном или моральном состоянии, когда в нем наиболее интенсивно и глубоко ощущение собственной активности и жизненной силы. В такой момент внутренний голос говорит ему: «Это и есть Я!» Такой опыт всегда предполагает «элемент активного напряжения, некоторой стойкости и веры в то, что внешние обстоятельства помогут ему, но не полную уверенность в этом. При полной уверенности это состояние переходит в нечто косное и тупое. Отнимите уверенность, и я испытаю (при условии, что я вообще в этом энергетическом состоянии) какое-то восторженное блаженство, горькую решимость сделать все, что угодно, и все преодолеть...и хотя это всего лишь настроение или эмоция, невыраженная в слове, она является глубочайшей основой всех моих практических и теоретических устремлений» [цит. по 10, с. 28]. По убеждению Э. Эриксона, У. Джеймс, в данном случае, говорит именно о переживании чувства идентичности, а не о характере.

Дж. Мид выделял два типа идентичности – неосознаваемая и осознаваемая. Первый тип идентичности базируется на неосознанно принятых нормах, привычках. Это принятый человеком комплекс ожиданий, поступающих от социальной группы, к которой он принадлежит. Второй тип возникает, когда человек начинает размышлять о себе, своем поведении. Переход от неосознаваемой к осознаваемой идентичности

возможен только при наличии рефлексии. Осознаваемая идентичность не означает автономии личности от социума: она формируется при помощи категорий, выработанных в языке. В то же время наличие осознаваемой идентичности означает момент относительной свободы личности, т.к. человек перестает следовать ритуализированному разворачиванию действий и начинает думать о цели и тактике своего поведения [1, с. 136]. Развитие идентичности идет от неосознаваемой к осознаваемой.

Мид считал, что при рождении человек не обладает идентичностью, она возникает как результат его социального опыта, опыта взаимодействия с другими людьми. Таким образом, идентичность возникает только при условии включенности человека в социальную группу и взаимодействии с ее членами.

Э. Эриксон традиционно считается одним из первых исследователей феномена идентичности. Как отмечает О. Н. Павлова, Эриксон в своих работах рассматривает идентичность в трех различных, но взаимосвязанных между собой аспектах: чувство идентичности, процесс формирования идентичности и идентичность как конфигурация [7].

По мнению Эриксона, именно с переживания ребенком «чувства идентичности» и начинается идентичность. Он считал, что «наиболее ранним и наиболее недифференцированным «чувством идентичности» становится чувство взаимного доверия и взаимного узнавания, возникающее в самых ранних отношениях между матерью и ребенком» Закладывающиеся у ребенка основы идентичности зависят от «качества связей ребенка с матерью» [10, с. 113-114]. Отношения матери к ребенку должны сочетать в себе хороший эмпатический контакт с ребенком и твердое чувство собственной уверенности. Это чувство идентичности сопровождает человека всю жизнь, а достигает кульминации своей осознанности в подростковый период в форме переживания «острого осознания идентичности» [10, с. 175].

«Формирования идентичности предполагает процесс одновременного отражения и наблюдения, процесс, протекающий на всех уровнях психической деятельности, посредством которого индивид оценивает себя с точки зрения того, как другие, по его мнению, оценивают в сравнении с собой и в рамках значимой для них типологии; в то же время он оценивает их суждения о нем с точки зрения того, как он воспринимает себя в сравнении с ними и с типами, значимыми для него. Описанный процесс находится в постоянном изменении и развитии: в наиболее благоприятном варианте это процесс постоянной дифференциации, и он становится все более содержательным по мере того, как расширяется круг значимых для индивида лиц: от матери до всего человечества.» [10, с. 32].

Идентичность включает в себя все значимые идентификации ребенка, но изменяет их с целью создания единого и причинно связанного: отказываясь от одних и взаимно ассимилируя другие и объединяя их в новую конфигурацию. Эта развивающаяся конфигурация постепенно на протяжении всего детства устанавливалась и включала в себя конституционально обусловленные свойства, значимые идентификации, эффективные механизмы защиты и последовательно принимаемые роли.

Эриксон выделял следующие виды идентичности: идентичность индивида и группы, или коллективная идентичность. В отношении психосоциальной идентичности им было введено понятие позитивной и негативной идентичности. Негативная идентичность – «идентичность, извращенно основанная на всех тех идентификациях и ролях, которые на критических стадиях развития представлялись им наиболее нежелательными или опасными и в то же время наиболее реальными» [10, с. 184].

Также отметим, что Эриксон рассматривал идентичность как некую структуру, состоящую из определенных элементов, переживаемую субъективно как чувство тождественности и непрерывности собственной личности при восприятии других людей, признающими это тождество и непрерывность. Чувство идентичности сопровождается ощущением целенаправленности и осмысленности собственной жизни и уверенности во внешнем одобрении.

Дж. Марсиа провел операционализацию категории идентичности. В процессе эмпирических исследований и разработки понятия идентичности автор определил

идентичность как «эго-конструкцию, внутреннюю самопорождающуюся, динамическую организацию потребностей, возможностей, убеждений» [11, с. 159].

По его мнению, идентичность актуализируется в ситуациях социального выбора. Например, подросток для достижения идентичности должен решить такие проблемы как: идти работать или учиться, выбор места учебы или работы и т. д. Решение любой жизненной проблемы вносит свой вклад в достижение идентичности. Если решения были приняты самостоятельно, то это приводит к формированию достигнутой (или конструируемой) идентичности. По мнению Марсиа, существует еще один путь формирования идентичности – это постепенное осознание некоторых данных о себе (имя, гражданство, наличие способностей). Это способствует становлению преждевременной идентичности. В целом, становление идентичности происходит на протяжении всей жизни [11].

Далее обратимся к теории социальной идентичности Г. Тэджфела. Идентичность понимается им как когнитивная система, которая выполняет роль регуляции поведения в соответствующих условиях. По мнению автора, Я-концепция личности состоит из таких когнитивных образований, которые связаны с самоопределением: личностной и социальной идентичностью. Личностная идентичность относится к самоопределению в терминах физических, интеллектуальных и нравственных черт. Социальная идентичность определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям: расе, национальности, полу, профессии.

Личностная и социальная идентичности представляют собой два полюса одного биполярного континуума. На одном полюсе – поведение, определяемое личностной идентичностью, на другом – поведение, полностью определяющееся социальной идентичностью [12]. Основным механизмом, который запускает процесс актуализации той или иной идентичности, представлен мотивационной структурой, ориентированной на достижение человеком позитивной самооценки. Человек будет прибегать к межгрупповым формам поведения (речь идет о социальной идентичности), если это приведет к достижению позитивной самооценки. Если позитивная самооценка может быть достигнута в межличностном общении, то он будет актуализировать личностную идентичность.

Г. Брейкуэлл выделяет структурные компоненты идентичности:

а) биологический организм. Он является «сердцевинной» идентичности, со временем становящийся все менее значимой ее частью;

б) содержательное измерение включает в себя все характеристики, которыми индивид пользуется, чтобы описать себя, и которые описывают его как уникальную личность. Они относятся как к социальной идентичности (роли, групповое членство), так и к личностной (ценности, мотивы, эмоции, установки и т. д.). Люди различаются по степени связанности между элементами идентичности: у некоторых людей наблюдается строгая иерархическая структура содержательных элементов, у других – хаотический набор отдельных элементов;

в) ценностное измерение. Каждый элемент содержательного измерения имеет свою оценку, исходящую из социальных норм и ценностей. Оценки изменяются в соответствии с меняющейся социальной ситуацией;

г) время. Развитие идентичности протекает в плане субъективного времени. Биографическое же время определяется содержательным и ценностным параметрами измерения личности, влияя, в свою очередь, на их структурную организацию [1, с. 139].

Ученый высказывает убеждение, что личностная и социальная идентичности являются различными точками в процессе развития единой идентичности. При этом, личностная идентичность вторична по отношению к социальной. Во взаимодействии с социальным миром человек активно усваивает понятия, с помощью которых познает себя. Усвоенные им категории социальной идентичности и социальных ролей обеспечивают: а) формирование структуры личностной идентичности (набора характеристик, используемых для самоописания); б) оценку элементов содержательной структу-

ры. Таким образом, личностная идентичность является продуктом социальной идентичности, но, будучи сформированной, начинает влиять на последнюю. [там же]

Рассмотрев особенности представлений ученых о гендерной идентичности, обратимся непосредственно к феномену гендерной идентичности.

И. С. Клецина отмечает, что в современной литературе можно встретить два термина, соотносимых по смыслу с понятием «гендерная идентичность». Это термины: психологический пол и половая идентичность. Психологический пол представляет собой комплекс психологических, социокультурных и поведенческих характеристик, обеспечивающих индивиду личный, социальный и правовой статус мужчины или женщины [9, с. 282] Второе понятие отображает единство поведения и самосознания индивида, причисляющего себя к определенному полу и ориентирующегося на требования соответствующей половой роли [9, с. 282]. Как отмечает И. С. Клецина, в этом определении подчеркивается согласованность сознания и поведения человека как представителя определенного пола [5].

Сам автор предлагает следующее определение: гендерная идентичность – это аспект самосознания, описывающий переживание человеком себя как представителя определенного пола [8, с. 115].

И. С. Кон определяет гендерную идентичность как базовое, фундаментальное чувство своей принадлежности к определенному полу/гендеру, осознание себя мужчиной, женщиной или существом какого-то другого, «промежуточного» или «третьего» пола [6, с. 190]. По мнению И. С. Кона, гендерная идентичность не дается индивиду автоматически, при рождении, а вырабатывается в результате сложного взаимодействия его природных задатков и соответствующей гендерной социализации. Активным участником этого процесса является сам субъект, который принимает или отвергает предлагаемые ему социальные роли и модели поведения [6, с. 190].

Т. В. Бендас предлагает свой вариант трактовки: гендерная идентичность – это отождествление себя с определенным полом, освоение правил и норм, характерных для этого пола, и демонстрация их в своем поведении [2, с. 338]. Автор делает акцент на поведенческом компоненте: усвоение норм и правил и их демонстрация в поведении.

На основании изученных материалов в гендерной идентичности условно выделяем 3 компонента:

- 1 – когнитивный компонент;
- 2 – эмоционально-аффективный;
- 3 – поведенческий.

Когнитивный компонент гендерной идентичности молодых женщин включает в себя знания о различиях между мужчинами и женщинами, о социальных ролях женщин, о психологических особенностях женщин, а также усвоенные социокультурные описания женщины и гендерные стереотипы, архетипические женские образы.

Эмоционально-аффективный компонент представлен эмоциональной оценкой женских социальных ролей, самовосприятием себя как представительницы женского пола, а также категорией принятия/не принятия себя как женщины.

Поведенческий компонент подразделяется на два аспекта: реальное и воображаемое поведение с представителями своего и противоположного пола. Этот компонент охватывает спектр поведения в рамках основных социальных ролей женщины (мать, супруга, хозяйка, любовница, деловая женщина, подруга).

На когнитивном компоненте (а точнее – на его семантико-символическом аспекте) остановимся более подробно. В рамках данной работы для нас представляют интерес те архетипические образы, которым молодые женщины отдают предпочтение (зачастую сами того не осознавая) и руководствуются в обыденной жизни. Архетип представляет собой универсальные изначальные врожденные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного, распознаваемые в нашем

опыте и являемые, как правило, в образах и мотивах сновидений. Те же структуры лежат в основе общечеловеческой символики мифов, волшебных сказок. Набор архетипов ограничен [4, с. 36]. В своей работе мы опирались на четыре женских архетипических образа: Матери, Кору, Блудницы, Мудрой Старухи.

В целом образ матери связан со способностью к установлению родственных отношений и близости [3, с. 45]. Также отмечается, что этот образ является двойственным, и включает как заботу, защиту, прощение, так и властность, наказание, насилие.

Архетип Кору – это и образ юной девы, и образ энергичной, воинствующей молодой женщины. Кора представляет архетипическую силу женского начала многими способами, прежде всего саму женственность в ее преобразующем и посредническом аспектах [3, с. 46].

Архетип Блудницы включает в себя образ женщины – ветреной возлюбленной, которая легко принимает помощь от окружающих, ставит отношение с противоположным полом на первое место.

В учениях К. Г. Юнга мы встречаем архетипический образ Мудрого Старца, который он охарактеризовал как «Знание, размышление, озарение, мудрость, ум и интуиция» [3, с. 58]. При этом автор отмечает, что Мудрый Старец не является персонажем одной лишь мужской психологии, он может выступать у женщин как воплощение определенной стороны Анимуса, в особенности той, которую Юнг называет положительным Анимусом, помогающей скрытой силой женской мудрости и духа; Анимусом, который преобразует и творит, который побуждает двигаться вперед и вверх без принуждения и подталкивания, направляет, указывает и советует, не командуя и не приказывая [3, с. 58].

На наш взгляд, каждый архетипический образ можно соотнести с определенными социальными ролями. Так, архетипический образ Мудрой старухи соответствует социальной роли деловой женщины (в аспекте «мудрого» подхода к организации производства) и подруги (в плане оказания «психотерапевтической» помощи в частных беседах). Архетип Кору имеет непосредственный выход на роли деловой женщины (в плане энергичности, инициативности деловой женщины), жены, подруги. Архетип Блудницы соответствует роли сексуального партнера. Архетип Матери непосредственно связан с одной ролью женщины – матери.

Для изучения особенностей семантико-символического компонента гендерной идентичности молодых женщин (в частности – женские архетипические образы) нами был подобран диагностический инструментарий, включающий следующие методики:

1) предъявление перечня героинь классической литературы отечественных и зарубежных авторов. В этот список, к примеру, были включены такие известные женские образы, как Пелагея Власова (М. Горький, «Мать»), Софья Мармеладова (Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание»), Джульетта (У. Шекспир, «Ромео и Джульетта»), Наташа Ростова (Л. Н. Толстой, «Война и мир») и т. д. Образы были подобраны по следующим критериям: известность (залогом этого, на наш взгляд, является изучение данных произведений в процессе школьного обучения), соответствие четырем классическим женским архетипам (матери, Кору, блудницы, мудрой старухи);

2) изображения женщин известными отечественными и зарубежными художниками. Вниманию испытуемых предлагались, к примеру, следующие художественные картины: «Сикстинская Мадонна» (Рафаэль), «Юдифь» (Джорджоне), «Портрет Иды Рубинштейн» (Серов), «Портрет старушки с очками в руках» (Рембрандт) и пр.;

Исследование проводилось в группе молодых замужних женщин в возрасте от 20 до 25 лет. Психологическая диагностика проводилась в индивидуальной форме, в течение 20 – 30 минут. Испытуемым предлагался перечень героинь художественных произведений со следующей инструкцией: «Вашему вниманию предлагается перечень героинь художественных произведений отечественных и зарубежных авторов. Выберите из этого списка те женские образы, которые Вам наиболее симпатичны».

Таблица 1

Средние значения по архетипическим образам (по результатам выбора героинь художественных произведений)

Архетипический образ	Молодые женщины
Мать	0,03
Блудница	1,2
Кора	1,6
Мудрая старуха	0,8

Итак, обратимся к полученным результатам. Только одна из числа опрошенных молодых женщин сделал выбор в пользу архетипа матери, а, следовательно, и в пользу соответствующей социальной роли. На наш взгляд, такой результат может свидетельствовать о том, что те классические женские образы, которые считаются уже традиционными образцами Матери (например, Пелагея Власова, Екатерина Ивановна Кабанова), не являются для молодых женщин предметом гендерной идентификации. Возможно, заложенные великими классиками в этих образах материнские качества, особенности поведения (покорность, смиренность, доброта) не находят отклика в душе современных читательниц. Вероятно, современность предоставляет нам новый образ женщины–матери. Хотя, здесь скорее приходится говорить о некотором обобщенном варианте образа современной женщины, частью которой и является женщина– мать.

Для группы молодых женщин также небольшое значение (ср. знач.=0,8) приобретает архетипический образ Мудрой Старухи, который соответствует социальной роли деловой женщины и подруги. В целом, отметим, что для данного архетипического образа характерен значительный багаж жизненного опыта, мудрости, социальной компетентности, что, в большинстве случаев, достигается с возрастом. В связи с этим можно предположить, что эта группа испытуемых сочла себя не соответствующей данным параметрам в силу юного возраста. А может быть, именно возраст зрелых женщин оказался «непривлекательным» для молодых женщин в выборе героинь художественных произведений. Из литературных женских образов архетипу мудрой старухи соответствует: Вера Павловна (Н. Г.Чернышевский, «Что делать»), Мисс Марпл (А. Кристи, «Зеркало треснуло»), Анна Шерер (Л. Н. Толстой, «Война и мир») и т. д.

В данной группе испытуемых преобладающими являются архетипы Кору (ср. знач. = 1,6) и блудницы (ср. знач. = 1,2) (между ними не было выявлено различий: Статистика Стьюдента = 1,759). Напомним, что архетип Кору соответствует социальным ролям подруги, жены, любовницы и деловой женщины, а архетип блудницы – любовнице. На наш взгляд, это вполне закономерно, ведь эти женщины сейчас реализуют себя не только в роли матери, но также жены, любовницы, работающей женщины. Помимо этого не стоит забывать о тех социальных условиях, в которых осуществляют свою жизнедеятельность современные женщины: на арену жизни современного российского общества с завидным упорством прокладывает себе дорогу западная философия успеха и достижения, которой и соответствует активная, воинствующая Кора.

Перед демонстрацией женских образов, запечатленных на картинах великих отечественных и зарубежных художников, испытуемым давалась аналогичная предыдущей инструкция: «Вашему вниманию предлагается картины с женскими образами. Выберите из этого списка те, которые Вам наиболее симпатичны».

Таблица 2

Средние значения по архетипам (по результатам выборов женских образов, изображенных на картинах художников)

Архетипы	Молодые женщины
Мать	2,2
Блудница	0,6
Кора	1,1
Мудрая старуха	0,7

Как видно из табл. 2, молодые женщины (ср. знач. = 2,2) отдают предпочтение тем женским образам, которые транслируют образ матери. К таким образам относятся изображения, на которых женщина, как правило, находится в окружении детей (или с ребенком). Например, ставшая уже эталоном изображения Матери «Сикстинская Мадонна» Рафаэля. Или «Сенокос» Венецианова. Таким образом, изобразительное искусство дает нам непосредственную визуализацию классических женских архетипов. В данном случае, мы можем увидеть, что молодые женщины отдают предпочтение образу матери.

Далее следует архетип Кору (ср. знач. = 1,1), или воинствующей, энергичной девы, которая демонстрирует поведение, выступающее за рамки ожидаемого обществом от женщины. К картинам, изображающим Кору, мы отнесли: «Всадница» К. Брюлова, «Юдифь» Джоржоне и др. Возможно, у женщин вызывают симпатию те представительницы прекрасного пола, которые обладают решимостью и уверенностью в себе, дабы переступить через рамки, которыми общество традиционно ограничивает женщину в ее волеизъявлениях, желаниях, целях.

Последнее место делят архетипы блудницы (ср. знач. = 0,6) и мудрой старухи (ср. знач. = 0,7). С большой долей уверенности можно утверждать, что такой низкий показатель выбора архетипа блудницы связан с воздействием такого фактора, как социальная желательность ответа. Ведь здесь можно сделать выбор тех картин, которые «не скомпрометируют» участницу исследования. Низкий показатель выбора женских образов, соответствующих архетипу мудрой старухи, тоже становится понятен: не каждой будет приятно изображение женщины с признаками ушедшей молодости, хотя и умудренной жизненным опытом.

Таким образом, использованные нами методики предоставляют два способа отображения женских архетипических образов: визуализация (картины художников), их описание в художественной литературе. При выборе героинь художественных произведений преобладающим стал образ Кору, а при выборе женских образов, изображенных на картинах, - архетип Матери. Это обусловлено тем, что при чтении художественных произведений женщины имеют возможность более детально изучить особенности поведения героинь, представляющих тот или иной женский архетип, их стратегии поведения, чувства и переживания. В произведениях они представлены в различных ситуациях и с различных сторон; полотна же художников представляют женщину, «застывшую» в одном каком-либо образе.

Список литературы

1. Антонова Н. В. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии, 1996, - № 1. - С.131 - 143.
2. Бендас Т. В. Гендерная психология. - СПб.: Питер, 2005. - 431 с.
3. Зеленский В. В. Базовый курс аналитической психологии, или Юнгианский бревиарий. - М.: «Когито-Центр», 2004. - 256 с.
4. Зеленский В. В. Толковый словарь аналитической психологии. - М.: Издательство Института общегуманитарных исследований, 2001г. - 324 с.
5. Клецина И. С. Гендерная идентичность и права человека // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. Малиновой О. Ю. и Сунгурова А. Ю. СПб.: Норма, 2005. - С. 167 - 184.
6. Кон И. С. Ребенок и общество: Учебное пособие для студентов вузов. - М.: Издательский центр «Академия», 2003. - 335 с.
7. Павлова О. Н. Идентичность: история формирования взглядов и ее структурные особенности. - М., 2001. // <http://pavlova.narod.ru>
8. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И. С. Клециной. - СПб.: Питер, 2003.
9. Психология. Словарь / Под ред. Петровского А. В., Ярошевского М. Г. - 2-е изд., испр. и доп. - М.: Политиздат, 1990. - 494 с.
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: Пер. с англ./ Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. - М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. - 344 с.

11. Marcia J., Identity in adolescence. In: J. Adelson (Ed.) Handbook of adolescent psychology. New York: Wiley, 1980.
12. Tajfel H., Social identity and intergroup relations. – Cambridge – Paris, 1982.

RESEARCH OF COGNITIVE COMPONENT OF GENDER IDENTITY OF YOUNG WOMEN

N. V. Akinshyna

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nad-1184@yandex.ru*

The article considers some views of different authors on definitions of conception of “gender identity”. It shows the results of research of cognitive component of gender identity of young women.

Key words: gender identity; cognitive, emotional-affective, behavioral and semantic- symbolical components of mode of gender identity.

ПРОБЛЕМА УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ ЖЕНЩИН НА РАЗНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ЭТАПАХ В ПЕРИОД ПОСЛЕ РАЗВОДА

Т. А. Горшенева

*Российский
государственный
социальный
университет, г. Москва*

*e-mail:
tati-imp@yandex.ru*

В статье представлены эмпирические данные о влиянии развода на удовлетворенность жизнью у женщин в различных возрастных категориях. Показано, что независимо от возраста женщины трудно переносят последствия развода. Выявлены значимые факторы, влияющие на удовлетворенность жизнью женщинами после развода: для женщин от 20 до 55 лет такими факторами являются отношения с друзьями и родителями, от 56 и старше – отношения с друзьями и образование.

Ключевые слова: удовлетворенность жизнью; факторы, влияющие на удовлетворенность жизнью.

Понятие «удовлетворенность жизнью» трактуется неоднозначно в научной психологии. Удовлетворенность жизнью часто рассматривается в психологической и социологической науках в контексте качества жизни. В то же время удовлетворенность жизнью трактуется как обобщенное переживание своего бытия, синонимом слова «счастье». Удовлетворенность жизнью выступает в качестве характеристики внутреннего мира человека, субъективного переживания. Проблема удовлетворенности жизнью в отечественной психологии представлена небольшим количеством исследований. Справедливо заметить, что за рубежом изучению субъективной удовлетворенности жизнью было уделено больше внимания.

Анализ работ обнаружил, что понятие «удовлетворенность жизнью» не имеет общепринятого определения, т.к. авторы независимо друг от друга проводят исследования в различных проблемных контекстах, разрабатывают свое понятие удовлетворенности.

Рассмотрим различные точки зрения.

М. Аргайл считает, что удовлетворенность жизнью – это рефлексивная оценка прошлого и настоящего положения дел [1].

По мнению Л. В. Куликова, удовлетворенность жизнью включает принятие содержания своей жизни личностью, состояние благополучия и комфорт [4]. Также он считает, что удовлетворенность жизнью определяет поступки субъекта, его жизнь во многих аспектах, оказывает огромное влияние на настроение, психическое состояние.

С. Витни говорит о том, что удовлетворенность как соотношение между тем, что имеется в наличии (или тем, как наличная ситуация воспринимается, ощущается) и некой моделью сравнения, с которой, по какой-то причине, наличная ситуация должна совпадать [11].

Р. Эммонс видит удовлетворенность жизнью в виде когнитивной стороны субъективного благополучия, которая показывает глобальную оценку личностью своей жизни и отражает насколько реальная жизнь человека похожа на идеальную в его представлении [10].

Во многих работах удовлетворенность личности своей жизнью рассматривается как феномен внутренней жизни, как оценка, характеризующая жизненную ситуацию и переживания человека.

Основаниями для оценивания своей жизни и субъективных переживаний являются критерии и стандарты, которые определяет сам человек, в зависимости от того, какие факторы он считает важными: внешние обстоятельства жизни, от него не зависящие, или решения, поступки, которые совершил, успешность в делах и пр.

Анализ различных вариаций понятия «удовлетворенность жизнью» позволяет нам выделить общие признаки:

- удовлетворенность жизнью представляет собой субъективное переживание;
- удовлетворенность жизнью складывается из ряда оценок различных сторон жизни человека, проблемных ситуаций, ТЖС, которые мешают реализовываться.

В общем, удовлетворенность жизнью – это субъективная составляющая самореализации человека.

В каждом возрасте человек обладает определенными ресурсами, т.е. «сильными сторонами», которые помогают справляться ему с трудностями.

Ресурсы в классификации С. Хобфолла включают: 1) материальные объекты (доход, жилье, материальные фетиши) и нематериальные (цели и желания); 2) внешние (семья, друзья, работа, социальный статус) и внутренние переменные (профессиональные умения, навыки, интересы, жизненные ценности, система верований и т.д.); 3) психические и физические состояния; 4) волевые и эмоциональные характеристики, служащие средствами преодоления трудных жизненных ситуаций [2].

Исследования проблемы удовлетворенности жизнью у женщин после развода весьма противоречивы. В одних говорится о том, что возраст не влияет на оценки удовлетворенности жизнью, что субъективные переживания связаны с занятостью, материальным состоянием, состоянием здоровья, образом жизни и др. А в других исследованиях говорится о значимости возраста.

В нашей работе мы пытались определить влияние развода на удовлетворенность жизнью у женщин в различных возрастных категориях. Нами было исследовано состояние удовлетворенности жизнью 120 женщин в возрасте от 21 до 67, имеющих высшее образование, период развода которых составляет от года до 7 лет. Выборка проводилась путем случайного отбора дел в судах и органах ЗАГС. В контрольную группу вошло 60 замужних женщин, которые не имеют опыта развода.

Для исследования субъективной удовлетворенности жизнью мы применяли модифицированную «шкалу субъективной оценки удовлетворенности жизнью А.В. Либиной» [5]. Респонденты были разделены на три возрастные группы: I – от 21 до 40; II – от 41 до 55; III – от 56 и выше.

Сравнительный анализ позволил выявить факторы, влияющие на удовлетворенность жизнью женщинами в определенном возрастном периоде. Полученные данные по экспериментальной и контрольной группам представлено в табл. 1 и табл. 2.

Наиболее типичные трудные возрастно-психологические ситуации взрослого человека связаны с неудовлетворенностью личной жизнью, профессиональной деятельностью, а также с переоценкой собственных достижений. Период ранней зрелости характеризуется тем, что человек, в первую очередь, ориентирован на получение профессии и создание семьи. Из полученных нами данных видно, что значимыми факторами для женщин I возрастной группы являются отношения с друзьями и родителями. Это возраст наибольшей половой активности, хотя для женщин экспериментальной группы отношения с противоположным полом не столь значимы. У многих из тех, кто имел опыт развода в этот период, в дальнейшем создать семью не удастся, меняется представление о своей жизни, иногда теряется интерес к тому, что раньше было главным. Удовлетворенность положением в обществе у замужних женщин выше, чем у женщин после развода. Именно в этот период начинаются поиски смысла жизни, переоценка ценностей. Женщины, ориентированные на замужество и воспитание детей, после расторжения брака переключаются на работу, но их удовлетворенность профессией меньше, чем у респондентов контрольной группы.

В середине жизни человека в его профессиональной деятельности может возникнуть стадия стагнации, способствующая нарушению психологической устойчивости человека, которая связана со снижением профессиональной активности, также отсутствию восприимчивости. Хотя удовлетворенность профессией у женщин II возрастной группы в нашем исследовании достаточно высока. В этом периоде женщина

стремится контролировать свою жизнь в целом, но такая сложная жизненная ситуация, как развод, подрывает ее веру в свои силы. Именно в этот период развод может повлиять на серьезные перемены в жизни, вплоть до смены профессии, религии и т.д.

Таблица 1

Уровень удовлетворенности жизнью у женщин экспериментальной группы

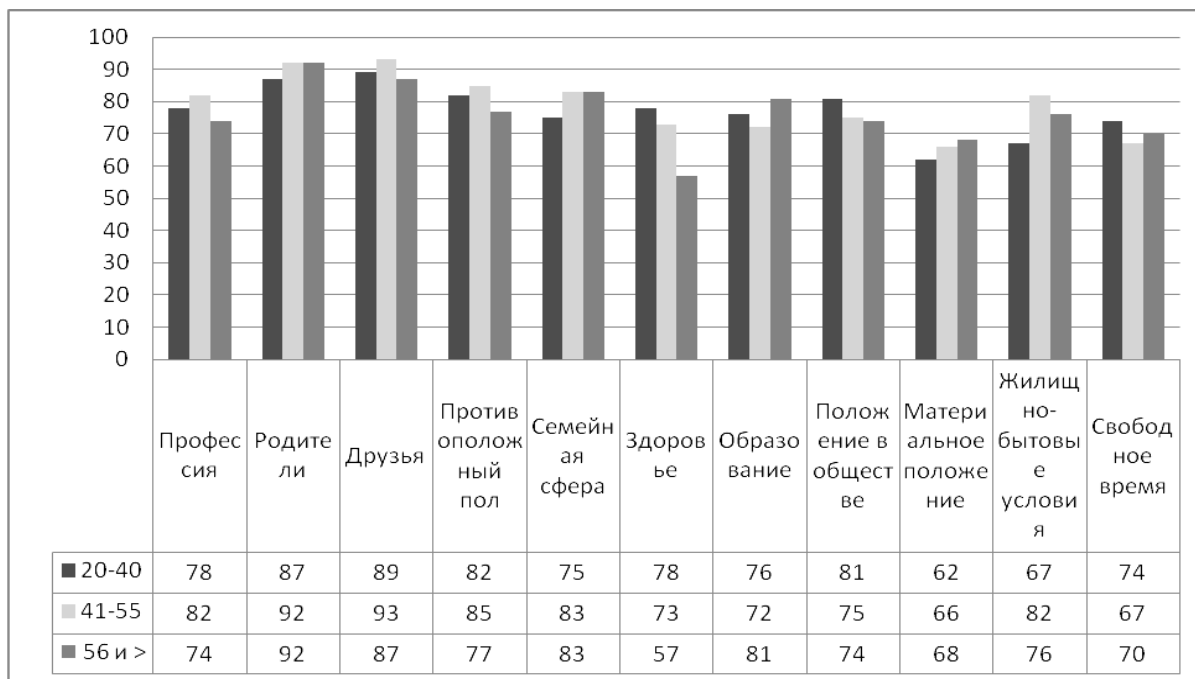
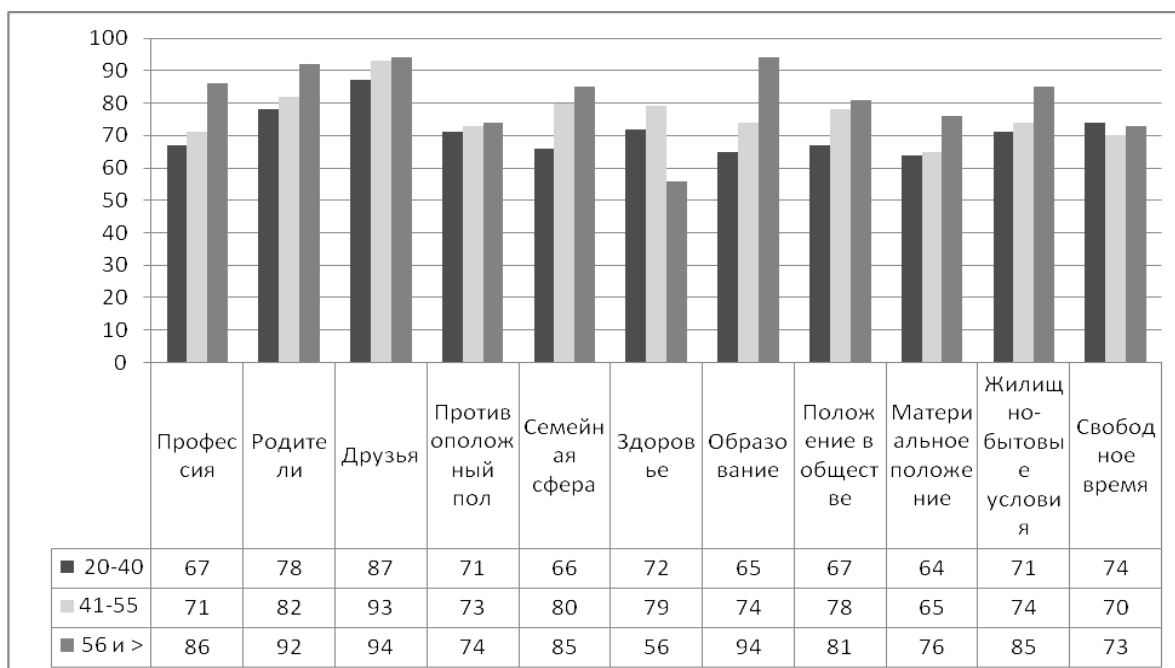

Таблица 2

Уровень удовлетворенности жизнью у женщин контрольной группы

Поздний период в жизни человека связан с большим количеством возрастных трудностей. Это, прежде всего, выход на пенсию, когда происходит изменение соци-

альной роли, изменение структуры психологического времени, часто ухудшается материальное положение человека. Довольно значительная разница между группами видна в удовлетворенности своим положением в обществе. Человек проходит через период критической самооценки и переоценки того, что было достигнуто, ухудшение здоровья, потерю красоты и физической формы, отчуждение в семье и в отношениях. В исследовании мы выявили, что развод не влияет на удовлетворенность отношениями в семейной сфере.

Из таблиц видно, что показатели удовлетворенности в I возрастной группе ниже показателей в других возрастных группах. Это говорит о том, что в возрасте 20 лет женщина только «входит» во взрослую жизнь и нуждается в поддержке, развод подрывает ее веру в собственные силы.

Также трудно переносить последствия развода женщинам II и III возрастных групп, которые привыкли к определенному образу жизни. Новые финансовые и социальные обстоятельства, возникающие в результате развода, могут быть мучительными для них, тем более если они вынуждены сосредоточиться на задачах (поиск работы, учеба, свидания), которые обычно решаются в период ранней зрелости [3].

Но на всех возрастных этапах наиболее важной является способность осознания собственной психологической реальности, принятие этой реальности, понимание собственных возможностей и ограничений в различных сферах своей жизни [8].

В науке имеются исследовательские данные о влиянии на удовлетворенность жизнью следующих факторов: доход (уровень материального благосостояния), занятость, образование, религия, брак и семья, ее отсутствие, поведение и образ жизни, пол, биологические факторы, личностные характеристики и т. д. При этом ни один из перечисленных факторов не определяет целиком уровень удовлетворенности жизнью, а является лишь его частью [7].

Список литературы

1. Аргайл М. Психология счастья – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2003.
2. Водошнянова Н.Е., Штейн М.В. Оценка оптимизма и активности личности // Практикум по психологии здоровья/ Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб, 2005.
3. Крайг Грэйс, Бокум Дон. Психология развития. 9-е изд. – СПб.: Питер, 2008.
4. Куликов Л. В. Психология настроения личности: Дис. ...д-ра психологических наук. – СПб., 1997.
5. Либина А. В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации. – М.: Экспо, 2008.
6. Мансурова И. С. Особенности выраженности надежды в связи с удовлетворенностью жизнью и оценкой значимых событий : автореф. дис. ... канд. псих.наук : 19.00.05. – М., 2008.
7. Соколова М. В. Шкала субъективного благополучия. – Ярославль: НИЦ «Психодиагностика», 1996.
8. Фомина А. Н. Проблема активизации ресурсов личности человека в трудных возрастно-психологических жизненных ситуациях – Н. Новгород, 2000.
9. Шаповаленко И. В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). – М.: Гардарики, 2005.
10. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / Под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2004
11. Withey S. B. Values and social change// Subjective elements of well-being, New-York, 1976.

PROBLEM OF LIFE SATISFACTION OF WOMEN AT DIFFERENT AGE LEVELS AFTER DIVORCE

T. A. Gorsheneva

*Russian State
Social University*

*e-mail:
tati-imp@yandex.ru*

The article presents empirical results of the impact of divorce on life satisfaction among women in different age categories. It is shown that regardless of the woman's age is difficult to endure the consequences of divorce. Identified the significant factors affecting women's satisfaction with life after divorce: women 20 to 55 years of such factors. are relationships with friends and parents, from 56 and older - with friends and Education.

Key words: life satisfaction, factors influencing satisfaction with life.

УДК 159.923-057.875

КУЛЬТУРНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СТРЕМЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ

Н. И. Исаева
Н. М. Волобуева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Isaeva@bsu.edu.ru
nataliavolobueva@yandex.ru*

В статье представлены результаты эмпирического исследования культурно-психологических стремлений к саморазвитию студентов, имеющих различный уровень жизнестойкости. Показано, что жизнестойкие студенты имеют более развитые стремления к саморазвитию по сравнению с нежизнестойкими. Данные различия выявлены в силе стремлений и степени их реализации у студентов рассматриваемых групп.

Ключевые слова: жизнестойкость, культурно-психологические стремления, самосознание, самопознание, самоотношение, саморегуляция.

Российская система образования находится на стадии перестройки и пересмотра основных положений, поиска ценностей и построения новой системы, ориентированной на мировые стандарты, взамен старой. Такое неустойчивое положение сказывается на процессе и особенностях образования современных студентов. Перед вузами ставится задача подготовки конкурентоспособного специалиста, мобильного и готового к любым изменениям и новшествам. Однако, по данным большинства исследователей, эта задача учебными заведениями в полной мере не осуществляется. Основным моментом для получения такого результата является не только обучение студентов профессиональным знаниям и навыкам, но также воспитание и развитие полноценной, здоровой и гармоничной личности, с развитым стремлением к саморазвитию. Именно это, по нашему мнению, позволяет будущим специалистам реализовывать себя в полной мере в своей учебной и профессиональной жизни, активно приспосабливаться ко всем изменениям и новшествам образовательной среды.

В нашем исследовании мы рассматриваем жизнестойкость как характеристику личности, которая позволяет студенту развиваться в любых условиях, и ориентирует его на процесс развития и самосовершенствования. Благодаря наличию этого качества студент делает выбор в пользу будущего, нового, неизведанного, а не «стоит на месте», боясь сделать шаг вперед. Любые испытания (сессии, ответы на семинарах, участие в конференциях, исследованиях, конкурсах, грантах и т. д.) жизнестойкий студент воспринимает как опыт и активно включается в предлагаемую деятельность.

Это происходит благодаря высокому развитию компонентов жизнестойкости (вовлеченность, контроль, принятие риска). Как отмечает Л. А. Александрова, вовлечённость является важной особенностью представлений в отношении себя, окружающего мира и характера взаимодействий между ними, которая мотивирует человека к самореализации, лидерству, здоровому образу жизни и поведению. Вовлечённость позволяет чувствовать себя значимым и ценным и включаться в решение жизненных задач даже при наличии стрессогенных факторов и изменений [2, с. 83 – 84]. Люди с развитым компонентом контроля убеждены в том, что борьба может повлиять на результат происходящего, и они сами строят свою судьбу. Д. А. Циринг считает, чем более выражен этот компонент, тем больше человек уверен в эффективности собственной активной позиции [7].

Те, кто имеет развитый компонент принятия риска (вызов), воспринимают все происходящее с ними (и позитивное, и негативное) как опыт, на основе которого можно научиться чему-либо. Он помогает человеку оставаться открытым окружающей

среде и обществу. Благодаря развитию данного компонента, любое событие переживается как в качестве стимула для развития собственных возможностей.

Мы задались вопросом о том, есть ли различия в стремлениях жизнестойких и нежизнестойких студентов. Для этого, провели исследование жизнестойкости и культурологических стремлений среди студентов различных факультетов НИУ «Белгородский государственный университет». В качестве основных методик использовались следующие: Тест жизнестойкости (Д. А. Леонтьев, Е. И. Рассказова), психологическая культура личности (модификация методики О. И. Моткова).

По данным пилотажного исследования жизнестойкости студентов (в рамках внутривузовского гранта на тему «Развитие жизнестойкости как условие подготовки молодежи к жизнедеятельности в инновационном обществе» 2010 г), мы выяснили, что лишь 16 % учащейся молодежи (студенты НИУ «Белгородский государственный университет») обладают развитой жизнестойкостью, у большинства (60 %) жизнестойкость развита на среднем уровне. По нашему мнению, среднего уровня развития данного качества недостаточно для оптимального функционирования в условиях современного образования. Поэтому мы считаем развитие жизнестойкости у современных студентов актуальной проблемой современного образования. Развитию жизнестойкости будет способствовать оптимальная выраженность культурно-психологических стремлений у студентов в соотношении с их реализацией в собственной жизни.

О. И. Мотков вводит понятие «базовой личности», которая, по его мнению, является «каркасом» личности. Она определяет характер отношений человека с самим собой и окружающим миром. Включает в себя: базовые стремления, характерологические и культурологические тенденции, жизненные предназначения, функциональные тенденции [6]. Через соразмерность культурно-психологических стремлений и степень их реализации, проявляется психологическая культура личности. Она обеспечивает устойчивое и гармоничное функционирование личности в целом. Н. И. Исаева считает, что психологическая культура отражает высокий уровень самосознания, саморегуляции и готовности личности к целенаправленной работе по личностному и профессиональному саморазвитию и самосовершенствованию [3]. В качестве культурно-психологических стремлений мы выделяем те, которые относятся к сфере самосознания. Самосознание способствует достижению внутренней согласованности личности. Кроме того, в юношеском возрасте оно является наиболее важным процессом. Оно развивается за счет рефлексии и самоуглубления (К. С. Абульханова-Славская, И. С. Кон, В. В. Ряшина и т. д). Студенчество – возраст становления профессионального и личностного самосознания, которое является следствием и условием освоения студентом значимых для него сфер деятельности, основой саморегуляции и самоуправления [1].

Степень осознания внутреннего состояния и настроения очень важно для учебной, а в последствии и профессиональной деятельности, а также оно является показателем успешности личности в ее профессиональном, социально-экономическом и интеллектуальном развитии.

Для нашего исследования представляет интерес, насколько выражены стремления к саморазвитию у студентов с различной жизнестойкостью, в какой степени они реализуются, и в каком соотношении они находятся между собой. Эти параметры оценки приводят нас к гармоничности внутреннего мира студента. Гармоничность проявляется через согласие с собой и другими людьми. Гармоничные люди не ставят перед собой цели обязательно достигнуть в чем-то максимума, особенно если достигнуть его не могут. Для них важнее реализовать задуманное, нежели «парить» в мечтах, которые никогда не смогут осуществиться. Они ориентируются на достижение и сохранение оптимального процесса жизнедеятельности.

Опишем особенности выраженности культурно-психологических стремлений к саморазвитию у студентов с развитой жизнестойкостью. У них выражены стремления

(ср. знач. = 4,31) к саморазвитию и самосовершенствованию. Это говорит о том, что они считают процесс познания своих сил, возможностей, формирования адекватного отношения к себе и умение регулировать собственное поведение важным для своего профессионального и личностного развития. По их мнению, они реализуют эти стремления в полной мере (ср. знач = 3,85). То есть, для данной группы студентов характерна установка на преобразование собственного внутреннего мира, на поиск способов его гармонизации.

Рассмотрим в отдельности стремления к самопознанию, самоотношению и саморегуляции. Стремление к самопознанию ($M_e = 4,35$) у студентов с высокой жизнестойкостью выражено сильно. В структуре самопознания описанную ситуацию обеспечивают следующие стремления (таблица 2): к поиску психологических причин своего настроения, своих ошибок (ср. знач = 4,39) и осознанию своего предназначения, жизненного пути (ср. знач = 4,36). Это можно объяснить тем, что для адаптации к различным жизненным ситуациям (ужесточение требований обучения, сложности в интимно-личностном общении или взаимодействии с преподавателями) жизнестойким студентам важнее осознавать причины своего состояния и совершенных поступков, для того, чтобы получить возможность повлиять на последствия или скорректировать свое поведение в подобных ситуациях в будущем. Осознание своего предназначения позволяет повысить осмысленность происходящих событий. Что приводит к распределению существующих вопросов на главные и второстепенные, позволяет студенту определиться с целями и способами их достижения. Степень реализации данных стремлений Высокая (ср. знач = 3,85). Это говорит о том, что жизнестойкие студенты в полной мере осуществляют функцию познания своих особенностей, интересов, эмоций. Они осознают свое предназначение и можно говорить о том, что выбрали специальность, на которой обучаются в настоящий момент не случайно, и нашли в ней смысл своего обучения и развития.

Так как все стремления к самопознанию достаточно сильны и реализуются в полной мере, то уровни гармоничности каждого стремления являются высокими. Это свидетельствует о том, что гармонично развита сфера стремлений к самопознанию.

Стремления к позитивному самоотношению у студентов с развитой жизнестойкостью – высокие (ср. знач = 4,35). Общий уровень этих стремлений обеспечивается за счет (таблица 3) высоких стремлений к принятию своих достоинств и недостатков (ср. знач = 4,33) и несколько завышенных стремлений к уважению себя и своего внутреннего мира (ср. знач = 4,68). Эти стремления обеспечивают жизнестойким людям достаточный уровень уверенности в собственных силах, который позволяет им не бояться сложностей и не избегать их, а напротив стремиться к получению нового опыта. Для них не является слишком важным постоянное одобрение своих планов и поступков, так они допускают возможность ошибки. Это также является признаком адекватной самооценки. В целом стремления к позитивному самоотношению реализуются на высоком уровне (ср. знач = 3,92). Это свидетельствует о том, что у студентов с высокой жизнестойкостью развито уважение к себе и сформирована адекватная самооценка.

Гармоничность стремлений к адекватному самоотношению является высокой. Это проявляется в том, что два из трех анализируемых стремлений выражены достаточно высоко и реализуются в полной мере, а третье не противоречит им.

Стремление к регуляции собственного поведения в целом развито на среднем уровне (ср. знач = 4,31), с тенденцией к высокому. Средний уровень обеспечивается такими стремлениями как: гибко управлять своим настроением, желаниями и действиями (ср. знач = 4,25) и культурному и приемлемому для других людей выражению своих «отрицательных» эмоций (ср. знач = 4,14). Однако высоко выражены стремления к быстрому реагированию на своё плохое состояние и поиску способов его улучшения (ср. знач = 4,36). Для жизнестойких студентов более значимо умение регулировать собственное состояние в сторону его улучшения, это обеспечивает снижение травмирующего воздействия неблагоприятных ситуаций на них. Так как они само-

стоятельно могут изменять собственное восприятие ситуации. Реализация стремлений к саморегуляции у представителей данной группы является полной (ср. знач = 3,64), наиболее полно среди изученных реализуется стремление управлять своими эмоциями и состоянием (ср. знач = 4,36).

Следует отметить, что уровень гармоничности стремлений жизнестойких студентов к гибкому управлению своим настроением, желаниями и действиями является средним, культурному, приемлемому для других людей, выражению своих «отрицательных» стремлений и эмоций – высоким, быстрому реагированию на своё плохое состояние и поиску способов его улучшения – высоким. Такое соотношение стремлений, по нашему мнению является оптимальным, так как нет противоречивых тенденций и все стремления выражены и реализуются на необходимом уровне.

Анализ культурно-психологических стремлений жизнестойких студентов позволил выявить следующие факты:

- наиболее сильно выражены стремления к самопознанию и позитивному самоотношению. Стремление к саморегуляции выражено средне, но имеет тенденцию к повышению. Полученные данные полностью соответствуют механизму функционирования самосознания. В соответствии основой самосознания является самопознание, на основе него развивается самоотношение и саморегуляция;

- среди стремлений к самопознанию наибольший вес имеет стремление к поиску психологических причин своего настроения, своих ошибок. Это говорит о том, что для жизнестойких студентов главным является познание своих эмоций, и поиск возможностей изменить сложившуюся ситуацию. Это позитивно сказывается на процессе обучения, так как они не боятся ошибиться, зная, что всегда могут исправить ошибки и получить новый опыт, который позволяет им развиваться;

- среди стремлений к позитивному самоотношению доминирует стремление к уважению себя, своего внутреннего мира. И реализуются все стремления данной системы высоко. Это говорит о том, что жизнестойкие студенты стремятся имеют адекватную самооценку, с уважением относятся к себе и умеют находить положительные моменты в своей деятельности. Все это позволяет им быть заинтересованными в процессе обучения и включенными в различные виды деятельности;

- среди стремлений к саморегуляции наиболее выражено стремление к быстрому реагированию на своё плохое состояние и поиску способов его улучшения. То есть они настроены на поиск своих недоработок, в процессе обучения и склонны активно действовать, чтобы улучшить свое состояние. Кроме того, они стремятся сохранить оптимальный уровень отношений с окружающими, за счет культурного и приемлемого выражения своих негативных эмоций. То есть, если их что-то не устраивает в процессе общения, то они предпочтут это обсудить, сделают это так, чтобы не обидеть человека и не вступить с ним в конфликт, а конструктивно разрешить противоречия. Они не избегают контактов, а скорее стремятся к ним, чтобы получить новые знания и опыт;

- наблюдается оптимальный баланс стремлений внутри каждой из рассматриваемых сфер, а также между к самопознанию, самоотношению и саморегуляции. Это свидетельствует о том, что жизнестойкие студенты идут по пути гармоничного развития и функционирования.

Таким образом, жизнестойкие студенты имеют высокие стремления познавать свой внутренний мир, уважать и ценить себя, регулировать свои эмоции и состояния. Они не ставят цели обязательно достигнуть в чем-то максимума. Больше ориентируется на достижение и сохранение оптимального процесса жизнедеятельности, то есть в большей степени на параметры процесса жизни, а не на некие конкретные предметные результаты. Они, на получение полных знаний о своих особенностях, формирование адекватного отношения к себе и умения регулировать собственные эмоции, действия и мысли. Их стремления гармонично соотносятся друг с другом.

Перейдем к анализу особенностей культурно-психологических стремлений нежизнестойких студентов. У них на среднем уровне выражены стремления к самораз-

виту и самосовершенствованию (ср. знач = 4,13). Они также как и жизнестойкие студенты, считают процесс познания своих сил, возможностей, формирования адекватного отношения к себе и умение регулировать собственное поведение важным для своего профессионального и личностного развития. То есть видимых различий в силе стремлений, по общему уровню, между двумя выделенными группами нет. Это может быть связано с особенностями процесса обучения в вузе и теми стандартами, которые прививаются подрастающему поколению в процессе обучения. Однако, в отличие от жизнестойких студентов, представители данной группы практически не реализуют свои стремления. Наблюдается выраженный конфликт между существующей установкой на собственное развитие и отсутствием возможности реализовать это. Попробуем найти причины этого.

Рассмотрим более конкретно стремления к самопознанию, самоотношению и саморегуляции. В системе стремлений к самопознанию ведущим является стремление чётко осознавать и понимать себя, свои желания, свой характер (ср. знач = 4,55). К юношескому возрасту должна быть сформированная система представлений о себе, поэтому доминирующие позиции должны занимать другие стремления. Высокое желание познать себя (в сравнении с другими) может свидетельствовать о некоторой степени неопределенности (возможно профессиональной) данной группы студентов. Это стремление реализуется в средней ими степени. По нашему мнению, неполная реализация данного стремления связана с низкой реализацией стремления осознавать своё предназначение, жизненный путь (ср. знач = 2). В данном возрасте это стремление должно занимать первостепенные позиции в системе самопознания, а у представителей данной группы оно находится на последнем месте, среди остальных.

Если оценивать гармоничность соотношения данных стремлений то можно сказать, что в данной системе относительно гармоничное соотношение стремлений. Это связано с невысокой силой большинства стремлений, и низкой реализацией центрального (по нашему мнению) стремления для данного возраста. Ярких противоречий между стремлениями и степенью их реализации нет. Такое состояние системы говорит не позволяет студентам, с неразвитой жизнестойкостью осуществлять процесс самопознания в полной мере.

В системе стремлений к адекватному самоотношению ведущим является стремлений к уважению себя и своего внутреннего мира. (ср. знач = 4,48). Оно имеет высокое значение для студентов с неразвитой жизнестойкостью. Доминирующую позицию это стремление занимает и в структуре стремлений к адекватному самоотношению жизнестойких студентов. Стремления к одобрению своих планов и поступков (ср. знач = 4,17) и принятию своих достоинств и недостатков (ср. знач = 4,10) выражены на среднем уровне. Все стремления этой системы реализуются не в полной мере. Особое внимание следует обратить на низкий уровень реализации (ср. знач = 2,9) стремления к одобрению своих планов и поступков. Не жизнестойкие студенты неуверенны в своих действиях, и своем выборе. Это может быть связано со слабо реализуемым стремлением к самопознанию и той неопределенностью, которую мы описывали выше.

Гармоничность данной системы также как и системы самопознания, находится в процессе развития. Выраженных противоречий нет. Однако неполная реализация стремлений и средняя сила большинства из них, не позволяют студентам данной группы формировать адекватное отношение к себе и окружающему миру.

В системе стремлений к саморегуляции ведущую роль играет стремление быстро реагированию на своё плохое состояние и поиску способов его улучшения (ср. значение = 4,24). Оно имеет среднюю степень выраженности. Стремление к культурному, приемлемому для других людей, выражению своих «отрицательных» стремлений и эмоций выражена у нежизнестойких студентов низко. Это свидетельствует о эгоцентрической позиции по отношению к окружающим. На первое место ставятся собственные желания испытывать положительные эмоции, безотносительно того, как

это влияет на окружающих. Степень реализации стремлений к гибкому управлению своим настроением, желаниями и действиями (ср. знач = 2,86) и быстрому реагированию на своё плохое состояние, поиску способов его улучшения (ср. знач = 2,69) является низкой. То есть, нежизнестойким студентам сложно управлять и отслеживать собственные эмоции даже на уровне своих невысоких стремлений.

В системе саморегуляции наблюдается низкая гармоничность как между самими стремлениями, так и между их силой и степенью реализации. По нашему мнению это напрямую связано с слабым развитием системы стремлений к самопознанию. Не имея достаточных знаний о себе, невозможно научиться управлять собственным поведением.

Анализ культурно-психологических стремлений жизнестойких студентов позволил выявить следующие факты:

- наиболее сильным стремлением нежизнестойких студентов является стремление к позитивному и адекватному самоотношению. Так как стремление к самопознанию выражено более слабо, это говорит о том, что самоотношение данной группы студентов не может быть адекватным, так как нет достаточных знаний о себе. То есть, у данной них доминирует либо завышенная, либо заниженная самооценка своих возможностей и способностей;

- практически все стремления выражены на среднем уровне и имеют схожие тенденции со стремлениями жизнестойких студентов. Однако главной особенностью является то, что они не реализуются в полной мере. Мы объясняем это тем, что все обследуемые учатся в вузе, и в процессе обучения им даются одинаковые ориентиры к саморазвитию. Однако жизнестойкие студенты могут их использовать и реализовывать в собственной жизни, а не жизнестойкие нет;

- среди стремлений к самопознанию наиболее выражено стремление чётко осознавать и понимать себя, свои желания, свой характер. По нашему мнению, доминирование данного стремления должно наблюдаться в подростковом возрасте, а для данного возрастного периода более адекватным будет стремление к осознанию своего предназначения, жизненного пути;

- среди стремлений к позитивному и адекватному самоотношению по степени выраженности лидирует стремление уважению себя и своего внутреннего мира. Но реализуется оно не в полной мере. Стремление к одобрению своих планов и поступков практически реализуется на очень низком уровне. Это свидетельствует о том, что нежизнестойкие студенты могут сомневаться в правильности своего профессионального выбора, постоянно испытывать противоречивые тенденции в процессе обучения и избегать проявления активности, инициативы и мотивации к познанию. Такая ситуация может привести к тому, что некоторые из них могут не завершить процесс обучения, а некоторые, отучившись в вузе будут стремиться найти работу не связанную с их непосредственной профессией. То есть, жизнестойкие студенты за счет испытываемой неуверенности в собственных силах и правильности совершаемого выбора и действий попадают в группу риска. Можно сказать, что у них процесс адаптации идет на протяжении всего обучения. Это мешает им становиться полноценными профессионалами;

- система стремлений к саморегуляции у студентов наименее развита по сравнению с самопознанием и самоотношением. Это проявляется в недостаточном уровне выраженности силы стремлений и низкой степени реализации данных стремлений;

- в системе саморегуляции наиболее выражено стремление быстро реагировать на своё плохое состояние и искать способы его улучшения (средний уровень). В то же время стремление к культурному, приемлемому для других людей, выражению своих «отрицательных» стремлений и эмоций является слабым. То есть, первостепенное значение для студентов с низкой жизнестойкостью имеет свой внутренний мир, а не взаимоотношения с окружающими. Они не стремятся к налаживанию гармоничных отношений с другими и, скорее всего, сложно идут на контакты. Кроме того, стремления с саморегуляции практически не реализуются. Можно сделать вывод, что нежиз-

нестойкие студенты испытывают сложности в поддержании позитивного эмоционального фона, сложные ситуации (сессии, ссоры с одноклассниками, непонимание со стороны преподавателей и т.д.) могут надолго выбивать их из колеи. Они не заботятся о том, чтобы быть более корректными по отношению к окружающим и поэтому маловероятно наличие у них позитивных и долговременных социальных связей;

– гармоничного функционирования как внутри систем стремлений к самопознанию, позитивному самоотношению и саморегуляции, так и между ними у студентов с низкой жизнестойкостью не обнаружено. Есть основания для формирования установок на саморазвитие и самосовершенствование. Однако, за счет первостепенного значения позитивного самоотношения идет перекосяк в структуре развития самосознания и поэтому, даже сильно выраженные стремления практически не реализуются.

Мы сравнили особенности силы и степени реализации стремлений к саморазвитию и самосовершенствованию студентов с высокой и низкой жизнестойкостью с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Были обнаружены статистически значимые различия по следующим параметрам: общей силе стремлений к развитию ($\lambda = 1,36$, при $p \geq 0,05$), общей степени реализации стремлений к развитию ($\lambda = 2,53$, при $p \geq 0,01$), реализации стремлений к самопознанию ($\lambda = 2,72$, при $p \geq 0,01$), реализации стремлений к позитивному самоотношению ($\lambda = 1,74$, при $p \geq 0,01$), силе стремлений к саморегуляции ($\lambda = 1,47$, при $p \geq 0,05$), реализации стремлений к саморегуляции ($\lambda = 1,73$, при $p \geq 0,01$), реализации стремлений четко осознавать и понимать себя, свои желания, свой характер ($\lambda = 1,74$, при $p \geq 0,01$), реализации стремлений осознавать своё предназначение, жизненный путь ($\lambda = 2,67$, при $p \geq 0,01$), реализации стремлений одобрять свои планы и поступки ($\lambda = 1,47$, при $p \geq 0,05$), реализации стремлений ценить и уважать себя и свой внутренний мир ($\lambda = 1,47$, при $p \geq 0,05$), реализации стремлений гибко управлять своим настроением, желаниями и действиями ($\lambda = 2$, при $p \geq 0,01$), реализации стремлений культурно, приемлемо для других людей, выражать свои «отрицательные» стремления и эмоции ($\lambda = 1,36$, при $p \geq 0,05$), реализации стремлений быстро реагировать на своё плохое состояние и находить способы его улучшения ($\lambda = 1,73$, при $p \geq 0,01$). По остальным параметрам статистически значимых различий обнаружено не было.

На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что есть различия в особенностях стремлений к саморазвитию жизнестойких и не жизнестойких студентов. У жизнестойких студентов стремления к саморазвитию и самосовершенствованию выше, чем у не жизнестойких. Этот факт, в первую очередь связан с различиями, обнаруженными в силе стремлений к саморегуляции и степень их реализации у них. То есть, жизнестойкие студенты больше стремятся регулировать собственные действия, эмоции, состояния, чем не жизнестойкие. И у них это получается лучше. Они способны отслеживать и преобразовывать собственные негативные состояния. Они ставят перед собой конкретные цели и имеют четкие жизненные ориентиры. Для них процесс обучения является значимым и они заинтересованы в том, чтобы стать хорошими специалистами. Относятся к себе с уважением и более уверены в собственных силах, чем не жизнестойкие. Именно поэтому, сталкиваясь со сложными ситуациями (сессия, сложности во взаимоотношениях с одноклассниками или преподавателями, выступления на конференциях, коллоквиумах и т. д), или новыми заданиями они не стараются их избегать, а стремятся к получению нового опыта. Нежизнестойкие студенты, напротив, боятся участия в подобных мероприятиях, так как неуверенны в собственных силах.

Различия в стремлениях жизнестойких и не жизнестойких студентов наблюдаются также в общем уровне гармоничности системы стремлений и гармоничности систем стремлений к самопознанию, самоотношению, саморегуляции. У жизнестойких студентов высокая гармоничность сферы стремлений к саморазвитию, а у не жизнестойких низкая. Это связано, прежде всего, с различной степенью реализации культурно-психологических стремлений представителями первой и второй групп.

Список литературы

1. Абульханова-Славская К. А. Типология личности и некоторые задачи психологической службы в вузе // Психологическая служба вуза: принципы, опыт работы – М.: НИИВО, 1993. – 215 с.
2. Александрова Л. А. О составляющих жизнестойкости личности как основе ее психологической безопасности в современном мире // Известия ТРТУ. Тематический выпуск «Гуманитарные проблемы современной психологии». Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2005. – № 7 (51). С. 83 – 84.
3. Исаева Н.И. Профессиональная культура психолога образования. – М.; Белгород: МПГУЮ, БелГУ, 2002. – 235 с.
4. Кон И. С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 256 с.
5. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл., 2006. – 63 с.
6. Мотков О. И. Основные понятия теории природной и гармоничной личности // <http://www.psychology-online.net/docs/papers1.html>
7. Циринг Д. А. Психология выученной беспомощности: Учеб. пособие. М.: Академия, 2005. – 120 с.

CULTURALLY-PSYCHOLOGICAL ASPIRATIONS OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF VIABILITY

N. I. Isaeva
N. M. Volobueva

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
NIsaeva@bsu.edu.ru
nataliavolobueva@yandex.ru

The paper presents the results of an empirical study of cultural and psychological aspirations for self-development of students with different levels of viability. It is shown that resilient students have developed a desire for self-development as compared with low viability. These differences are revealed in the valid aspirations and their degree of implementation of the groups of students.

Key words: viability, culturally-psychological aspirations, self-awareness, self-knowledge, self-relation, self-regulation.

УДК 159.923-057.875

ВЕДУЩИЕ КОПИНГ-СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ

М. В. Киреева*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
nil-mariya@mail.ru*

Статья отражает эмпирические показатели соотношения доминирующих копинг-стратегий при различном уровне стрессоустойчивости. Установлена корреляционная связь между уровнем стрессоустойчивости и копинг-стратегиями: при низком уровне стрессоустойчивости доминирует пассивная копинг-стратегия; при высоком уровне – активные копинг-стратегии.

Ключевые слова: копинг-стратегии, пассивные и активные копинг-стратегии, стрессоустойчивость, адаптация.

Постоянный рост стрессогенных жизненных обстоятельств побуждает специалистов к поиску неких профессионально-важных качеств, а также определенных стратегий поведения, которые помогают индивиду преодолевать трудные ситуации, сохраняя при этом здоровье и самоуважение. Одним из направлений такого поиска может являться изучение проблемы стрессоустойчивости личности. Особую остроту данная проблема имеет в отношении медицинских работников и представителей юридического профиля.

Актуальность исследования устойчивости к стрессовым факторам на этапе профессионализации студентов медиков обусловлена, прежде всего, тем, что их профессиональная деятельность является одним из напряженных (в психологическом плане) видов социальной деятельности и входит в группу профессий с большим присутствием стресс-факторов.

Опираясь на определение Б. Х. Варданяна, определим стрессоустойчивость как особое взаимодействие всех компонентов психической деятельности, в том числе эмоциональных. Автор пишет, что стрессоустойчивость «...можно более конкретно определить как свойство личности, обеспечивающее гармоническое отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциогенной ситуации и, тем самым, содействующее успешному выполнению деятельности» [2]. Высокая стрессуемость юридической деятельности обусловлена из-за ее насыщенности такими стресс-агентами как: социальная оценка, неопределенность, повседневная рутина и т. д. Поэтому стрессоустойчивость, высокий уровень профессиональной адаптации, по мнению А. Р. Ратинова, Д. П. Котова и других, признается одним из главных факторов профессиональной пригодности к юридической деятельности, что позволяет рассматривать стрессоустойчивость (фрустрационную толерантность) как профессионально-значимое качество личности.

Деятельность современного врача также осуществляется в условиях умственного, психоэмоционального и физического напряжения. Собственное психическое здоровье и психологическое благополучие являются профессионально-важными качествами специалиста, работающего с людьми. Неумение управлять своим состоянием, находить оптимальный выход из конфликтных ситуаций может привести к дезадаптации личности, профессиональным деформациям. Это выражается либо в различных формах агрессии и гнева, либо в форме эмоциональной холодности и отчужденности; в обоих случаях страдает не только личность врача, но и личность пациента.

Успешность профессиональной врачебной деятельности определяется не только и не столько собственно профессиональными знаниями и навыками, сколько умениями реализовать их в своей деятельности за счет развития профессиональных качеств личности. К наиболее важным личностно-профессиональным качествам врача

относят, прежде всего, следующие: умение сопереживать и понимать эмоциональные состояния как больных так и здоровых людей (эмпатия), наличие навыков установления адекватных и эмоционально благоприятных отношений с больными, умение анализировать свое поведение и поведение окружающих, самостоятельно контролировать конкретные социальные и профессиональные ситуации и брать на себя ответственность за их разрешение, умение осознавать ответственность за проводимые лечебно-диагностические мероприятия, адекватная и устойчивая Я-концепция, способность воспринимать и оказывать социально-психологическую поддержку больным, достаточно развитый профессиональный интеллект (клиническое мышление, клиническое наблюдение, багаж профессиональных знаний), речевая культура, адекватный образ профессиональной деятельности, гуманное отношение к пациенту, честность, этичность, энергичность (В. А.Ташлыков; Б. Б.Вознесенский; Б. Д.Карвасарский).

Психологи (Л. Г. Дикая, О. А. Конопкин, В. И. Моросанова, Р. Р. Сагиев) основой стрессоустойчивости считают саморегуляцию человека, которая состоит из определенных звеньев (О.А. Конопкин) и стилистически разнообразна (Л. Г. Дикая, В. И. Моросанова, Р. Р. Сагиев).

Другие авторы (Д. Амирхан, Р. Лазарус, Л. Мерфи, С. Фолкман, Н. Сирота и др.) относят к данной характеристике различные когнитивно обусловленные механизмы совладания со стрессом (копинг-механизмы) и механизмы психологической защиты (Н. Хаан). Копинг-механизмы проявляются в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфере человека в виде разнообразных копинг-стратегий: противостоящего совладания, дистанцирования, самоконтроля, поиска социальной поддержки, принятия ответственности, избегания, планового решения проблемы, позитивной переоценки (Р. Лазарус, С. Фолкман).

На сегодняшний день проблематика копинг-стратегий активно исследуется в самых разных сферах и на примере самых разных типов деятельности. Серьезное внимание уделяется изучению связи копинг-стратегий, которые применяет индивид, с его эмоциональным состоянием, успешностью в социальной сфере и т. д. При этом копинг-стратегии оцениваются с точки зрения их эффективности / неэффективности, а за критерий эффективности принимается понижение чувства уязвимости к стрессам.

Так называемые копинг-стратегии или копинг-поведение – система целенаправленного поведения по сознательному овладению ситуацией для уменьшения вредного влияния стресса – человек вырабатывает для совладания со стрессовыми ситуациями на протяжении своей жизни

Копинг-поведение определяется комплексом поведенческих копинг-стратегий (разрешение проблем, поиск социальной поддержки, избегание), личностно-средовых (Я-концепция, локус контроля, эмпатия, аффилиация, сензитивность к отвержению) и когнитивных копинг-ресурсов (Н. А. Сирота и соавт.). Развитие комплекса копинг-стратегий и копинг-ресурсов, выполняющих ключевую роль в формировании результатов поведения (по Р.Лазарус и С.Фолькман) позволит будущим врачам успешно использовать навыки совладания со стрессом и разрешения проблемных ситуаций в процессе обучения и последующей профессиональной деятельности.

Исследованы стили и стратегии совладания, детерминанты совладающего поведения, специфика копинга в разных возрастных и социальных группах (семья, рабочий коллектив, молодежные объединения), совладание людей с различными психосоматическими и хроническими заболеваниями (Л. А. Китаев-Смык; С. К. Нартова-Бочавер) [4].

Интерес представляют исследования совладающего поведения, отражающие то, что человек может сам сделать в трудной жизненной ситуации, за счет чего он совладеет со стрессом и/или преодолевает его. Среди них исследования ресурсов совладающего поведения. В отечественной психологии совладания пока не сложилось единой концепции ресурсов.

Р. Лазарус и С. Фолькман выделяют две стратегии психологического преодоления:

1) проблемно-ориентированный копинг – активная форма копинг-поведения, которая заключается в активном преодолении, целенаправленном устранении или ослаблении влияния стрессовой ситуации;

2) эмоционально-ориентированный копинг – пассивное копинг-поведение, или пассивное преодоление, которое предполагает использование различного арсенала механизмов психологической защиты, направленные на снижение эмоционального напряжения, а не на изменение стрессовой ситуации [5].

Кроме того, этими авторами были выделены две основные функции копинга, осуществляющиеся в большинстве стрессовых ситуаций:

- регуляция эмоций (копинг, нацеленный на эмоции);
- управление проблемами, вызывающими дистресс (копинг, нацеленный на проблему).

Д. М. Механик исходит из медико-социального аспекта и рассматривает копинг, прежде всего, как важный процесс в психосоциальной приспособляемости, которая обусловлена тремя компонентами:

1) способностью и умением организма справиться с социальными условиями и условиями окружающей среды; 2) мотивацией в отношении приспособления к условиям окружающей среды; 3) возможностью или способностью поддерживать психическое равновесие [6].

Дж. Амирхан выделил 3 группы копинг-стратегий:

– стратегия разрешения проблем – это активная поведенческая стратегия, при которой человек старается использовать все имеющиеся у него личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы;

– стратегия поиска социальной поддержки – это активная поведенческая стратегия, при которой человек для эффективного разрешения проблемы обращается за помощью и поддержкой к окружающей его среде: семье, друзьям, значимым другим;

– стратегия избегания – это поведенческая стратегия, при которой человек старается избежать контакта с окружающей его действительностью, уйти от решения проблем [1].

Совладающее поведение реализуется посредством применения различных копинг-стратегий на основе ресурсов личности и среды. Одним из самых важных ресурсов среды является социальная поддержка. К личностным ресурсам относятся адекватная «Я-концепция», позитивная самооценка, низкий нейротизм, интернальный локус контроля, оптимистическое мировоззрение, эмпатический потенциал, аффилиативная тенденция (способность к межличностным связям) и другие психологические конструкты.

В процессе действия стрессора на личность происходит первичная оценка, на основании которой определяют тип создавшейся ситуации – угрожающий или благоприятный. Именно с этого момента формируются механизмы личностной защиты. Лазарус рассматривал эту защиту (процессы совладания) как способность личности осуществлять контроль над угрожающими, расстраивающими или доставляющими ей удовольствие ситуациями.

Процессы совладания являются частью эмоциональной реакции. От них зависит сохранение эмоционального равновесия. Они направлены на уменьшение, устранение или удаление действующего стрессора. На этом этапе осуществляется вторичная оценка последнего.

Стратегии поведения раскрываются в различных формах адаптации. Адаптация, в отличие от простого приспособления, понимается сегодня как активное взаимодействие человека с социальной средой с целью достижения его оптимальных уровней по принципу гомеостаза и отличающегося относительной стабильностью.

Таким образом, можно сделать вывод, что в науке существует целый арсенал выделенных на основании тех или иных критериев способов совладания с трудными жизненными ситуациями.

Отличительным признаком современного понимания копинг-поведения является перенос рассмотрения проблемы совладания на более широкий круг ситуаций, не только экстремальных, но и просто субъективно значимых.

Для измерения копинг-стратегий в нашей работе мы использовали методику «Индикатор копинг-стратегий» Дж. Амирхана. Данная методика считается одним из наиболее удачных инструментов исследования базисных стратегий поведения человека. Идея этого опросника заключается в том, что все поведенческие стратегии, которые формируются у человека в процессе жизни, можно подразделить на три большие группы: стратегия разрешения проблем, стратегия поиска социальной поддержки и стратегия избегания.

Полученные данные при изучении копинг-стратегий, позволили разделить всех респондентов на 3 группы: с преобладанием таких копинг-стратегий, как разрешение проблем, поиск социальной поддержки и копинг-стратегией избегание.

Перейдем к качественному описанию полученных результатов.

Процентное распределение студентов по преобладанию копинг-стратегий представлено в таблице.

Таблица

Процентное распределения испытуемых по копинг-стратегиям

Копинг-стратегии	Процентное соотношение
Разрешение проблем	40%
Поиск соц.поддержки	28%
Избегание	32%

Полученные данные свидетельствуют о преобладании копинг-стратегии разрешение проблем. Это говорит о том, что большинство испытуемых в стрессовых ситуациях способны самостоятельно решать возникающие проблемы; находить внутренние ресурсы для преодоления проблемных ситуаций, сохраняя при этом уравновешенность и целостность. Такие люди способны анализировать трудности, верят в собственные ресурсы, а также уверены в наличии выхода из любой ситуации.

В свою очередь относительно показателей уровня стресса получились следующие показатели: высокий уровень (Ср. знач. = 30), средний уровень (Ср. знач. = 44) и низкий уровень (Ср. знач. = 26).

Отметим, что при низком уровне стрессоустойчивости отмечается прямая корреляционная связь с такой копинг-стратегией, как избегание ($p > 0,01$). Данный факт объясняется тем, что человек старается избежать контакта с окружающей его действительностью, уйти от решения проблем. В связи с этим можно предположить, что студенты, имеющие высокий уровень стресса склонны не решать проблемы и не искать помощь в поддержке других, а лишь обходить проблемы стороной. При данном уровне стрессоустойчивости студенты не находят необходимые ресурсы для поддержания оптимального психического состояния.

В свою очередь была выявлена и обратная корреляционная связь между низким уровнем стрессоустойчивости и такой копинг-стратегией, как разрешение проблем ($p > 0,05$). Результаты свидетельствует о том, что в меньшей степени люди, имея высокий уровень стрессоустойчивости, могут разрешать конфликты. Так как было отмечено ранее, люди с высоким уровнем стресса предпочитают избегать стрессогенные моменты в жизни, обходить острые углы, прятаться от проблем. В меньшей мере их усилия направлены на разрешение проблемных ситуаций. Также при низком уровне стресса отмечена активная копинг-стратегия, как поиск социальной поддержки.

Для деятельности представителей медицинского профиля, крайне важным является умение находить адекватные способы снижения уровня стресса, умение использовать необходимые копинг-стратегии для разрешения конфликтных ситуаций.

Таким образом, в проведенном исследовании, были выявлены особенности копинг-стратегий студентов медиков с различным уровнем стрессоустойчивости. Полу-

ченные данные в дальнейшем могут способствовать развитию определенных коррекционных мероприятий по развитию стрессоустойчивости; сознательной ориентации личности на активный вариант копинг-стратегии и выработке более оптимальных способов реагирования в стрессовых ситуациях для сохранения психологического здоровья у представителей стрессогенных профессий.

Список литературы

1. Амирхан Дж. Индикатор_копинг-стратегий// http://www.psylab.info/Методика_%22Индикатор_копинг-стратегий%22/Тестовый_материал
2. Варданын Б. Х. Механизмы саморегуляции эмоциональной устойчивости // Категории, принципы и методы психологии. Психологические процессы. – М.: 1983.
3. Демина Л. Д., Ральникова И. А. Психическое здоровье и защитные механизмы личности. - Изд-во Алтайского государственного университета, 2000.
4. Нартова-Бочавер С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности// Психологический журнал. Том 18. – 1997. – № 5. – С. 20 – 30.
5. Лазарус Р. С. Индивидуальная чувствительность и устойчивость к психологическому стрессу// Психологические факторы на работе и охрана здоровья. – М.-Женева, 1989. – С. 121 – 126.
6. Психология состояний. Хрестоматия Т. Н. Васильева, Г. Ш. Габдреева, А. О. Прохоров: Под ред. Прохорова А. О. – СПб.: Речь. – 2004.

LEADING COPING STRATEGIES OF STUDENTS WITH DIFFERENT STRESS LEVELS

M. V. Kireeva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nil-mariya@mail.ru*

This article presents the empirical results of dominant coping strategies at different levels of stress. The correlation between the level of stress and coping strategies: a low level of stress is dominated by a passive coping strategy, with a high level of active coping strategies.

Key words: stress, passive and active coping strategies, stress, adaptation.

УДК 159.96

ФОРМИРОВАНИЕ АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ (БИОЛОГИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

А. В. Локтева

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
Afanasjeva@bsu.edu.ru*

Статья посвящена изучению особенностей формирования алкогольной зависимости в подростковом возрасте. Анализируются характерные черты подросткового возраста. Дается краткий обзор подходов к исследованию факторов алкогольной зависимости. Показана роль психологических и биологических аспектов в формировании алкогольной зависимости. Представлены описания психотравмирующих ситуаций и их последствий. Обоснована необходимость изучения проблемы формирования алкогольной зависимости в подростковом возрасте.

Ключевые слова: подросток, аддиктивное поведение, факторы алкогольной зависимости, семейные отношения, психотравмирующая ситуация.

В последние годы значительно возрос интерес к вопросам, связанным с приобщением подростков к потреблению психоактивных веществ. Употребление алкоголя достаточно широко распространено в молодежной среде. Ранний (или подростковый) алкоголизм формируется в возрасте от 13 до 18 лет. На сегодняшний день проблема психологической зависимости оказалась одной из первоочередных в современном обществе. Наблюдается рост численности подростков систематически употребляющих алкоголь, наметилась тенденция снижения возраста приобщения к алкоголю. Средний возраст начала употребления алкоголя составляет 14 лет.

Отечественные ученые (Р. Х. Хафизов, 1992; Е. Б. Иванова, 1993; Г. Б. Ткаченко, 1998) указывают, что уровень потребления алкоголя среди студентов вузов гораздо ниже, нежели в старших классах школ, учреждениях начального профессионального образования. Группа употребляющих алкоголь студентов колеблется от 46,6 % до 80,8 % среди юношей и от 27,6 % до 42,2 % среди девушек. Группа систематически употребляющих алкоголь – 23 % – до нескольких раз в месяц, от 0,2 % до 7 % – еженедельно. Е. А. Кошкина (1994) отмечает, что злоупотребляющие алкоголем подростки составляют 33,3 % среди юношей и 12,4 % среди девушек.

Большинство ученых определяют подростковый возраст как наиболее уязвимый к негативным воздействиям внешней среды, подверженный стрессовым и конфликтным ситуациям (Я. И. Гишинский, 1993; Н. А. Сирота, В. М. Ялтонский, 2001; Р. М. Грановская, 2000; Е. В. Змановская, 2004; А. Ю. Егоров, 2005; и др.). По мнению Г. Навайтис, психологические трудности подростка могут возникать не только в результате физического, полового созревания, но и как следствие кризиса личности или конфликта в общении с близким человеком. Как отмечает Х. Ремшмидт, переживания кризиса могут стать причиной различных форм поведения, характеризующихся снижением адаптивности подростков: отклоняющегося поведения, аддиктивного поведения.

Существуют различные подходы к определению факторов риска развития алкогольной зависимости в подростковом возрасте.

Согласно мнению М. В. Булгаковой, Е. Г. Дозорцевой, А. А. Дрейзина, Д. С. Ошевского, С. А. Поляткина, Т. Е. Солдатовой, девиантное поведение несовершеннолетнего имеет био-психо-социо-духовные предпосылки. При наличии био-психо-социо-духовных предпосылок есть факторы, определяющие характер девиантного поведения и степень социальной дезадаптации.

Исследования позволили определить ряд механизмов, влияющих на формирование алкогольной зависимости в подростковом возрасте. Г. И. Каплан считает, гене-

тический фактор в развитии алкоголизма играет значимую роль. Существует определенная физиологическая чувствительность к воздействию алкоголя.

Установлено, что у детей алкоголиков имеется особая физиологическая ранимость, или интолерантность к алкоголю.

Исследования зарубежных ученых показали, что подростки, воспитывающиеся в семьях, где родители страдают алкогольной зависимостью, в большей степени подвержены риску употребления алкоголя, причем чаще склонны употреблять алкоголь в одиночестве, нежели в компании сверстников [11].

По мнению Н. А. Сироты, В. М. Ялтонского, на процесс формирования различных видов отклоняющегося поведения оказывают влияние личностные и средовые факторы. К личностным факторам относят особенности когнитивной сферы, Я-концепцию, интернальный локус контроля, аффиляцию, эмпатию, ценностно-мотивационную структуру. Средовые ресурсы представлены окружением, в котором живет подросток.

Н. Я. Копыт, П. И. Сидоров считают, асоциальное поведение родителей, психологическая напряженность и конфликты, низкий уровень образования и несостоятельное воспитание в семье являются факторами высокого риска развития злоупотребления алкоголем.

Существенное влияние на мотивацию употребления алкоголя оказывают тип акцентуации.

Исследования западных ученых определяют в качестве значимого фактора эмоциональный фон подростка. Некоторые подростки (особенно девочки) склонны употреблять алкоголь на фоне эмоционального дискомфорта, чтобы справиться с негативными эмоциями [12]. Подтверждение данных результатов мы находим в работах W. M. Cox, E. Klinger (1988), где указывается, что семьи, в которых родители страдают алкоголизмом, подростки употребляют алкоголь, чтобы справиться со стрессом и негативными эмоциями.

Результаты других зарубежных исследований в качестве ведущего фактора употребления алкоголя (особенно для мужского пола) определяют социальный мотив соответствия [13].

По мнению ряда авторов, для подростков, употребляющих алкоголь, характерны определенные личностные особенности.

К детерминантам наркозависимости и аддиктивности в целом можно отнести наличие базовых трудностей самооценки, взаимоотношений, заботы о себе, в саморегуляции чувств [2].

Л. Г. Леонова, Н. Л. Бочкарева (1998) выделяют особенности подросткового возраста, которые являются факторами риска формирования аддиктивного поведения. К таковым относили повышенный эгоцентризм; тяга к сопротивлению, упрямству, протесту, борьбе против воспитательных авторитетов; амбивалентность и парадоксальность характера; стремление к неизвестному, рискованному; обостренная страсть к взрослению; стремление к независимости и отрыву от семьи; незрелость нравственных убеждений; болезненное реагирование на пубертатные изменения и события, неспособность принять свою формирующуюся сексуальность; склонность преувеличивать степень сложности проблем; кризис идентичности; деперсонализация и дереализация в восприятии себя и окружающего мира; негативная или несформированная Я-концепция; гипертрофированные поведенческие реакции: эмансипации, группирования, увлечения, сексуальные поведенческие реакции, детские реакции (отказ от контактов, игр, пищи, имитация, компенсация и гиперкомпенсация); низкая переносимость трудностей; преобладание пассивных копинг-стратегий в преодолении стрессовых ситуаций.

В. Буриан определял в качестве значимого фактора, оказывающего влияние на приобщение подростков к психоактивным веществам, такое свойство личности как алекситимия. Автор теории считал, алекситимия возникает в раннем детстве, в процессе общения с матерью. В этот период соматическое выражение аффекта – единственная форма коммуникации матери и ребенка. Большинство матерей воспринимают

его как требование поддержки. При этом они способствуют формированию у ребенка навыков самонаблюдения и вербального отчета о своих эмоциях. Ребенок становится более терпеливым к своим переживаниям. Если интеракции матери и ребенка нарушаются, то аффект вербализуется неадекватно, остается недифференцированным и воспринимается как угрожающий, усиливает опасность инфантильных мечтаний. Особую опасность подобный аффект представляет в подростковом возрасте, когда инфантильная связь с родителями должна прекратиться и заместиться зрелыми связями с другими людьми. Разрыв близости с родителями вызывает у подростка, как правило, депрессивные переживания, а невербализованность и недифференцированность делает эту депрессию труднопереносимой; он может начать бороться с ней с помощью алкоголя и наркотиков. В. Буриан подчеркивает, что психоактивные вещества, заменив подростку мать как объект привязанности, носят, как и мать, амбивалентный характер: с одной стороны, оказывают поддержку, с другой — представляют опасность. Таким образом, в теории В. Буриана нарушения процесса восприятия-выражения эмоций в общении матери с детьми, невербализованность аффекта являются решающим фактором формирования зависимости, приобщения к потреблению психоактивных веществ [3].

Причинами аномального, деструктивного развития, как правило, являются: неспособность ребенка к продуктивному выходу из ситуации затрудненности удовлетворения жизненно важных потребностей; несформированность и неэффективность способов психологической защиты подростка, позволяющей ему справляться с эмоциональным напряжением; наличие психотравмирующей ситуации, из которой подросток не находит конструктивного решения [6].

И. В. Белокрылов, И. Д. Даренский, анализируя личностные особенности подростков в преморбиде алкоголизма, отмечают, что таким лицам свойственны субклинические проявления диссоциативных симптомов (нарушения самосознания, границ Я; явления отчуждения витальности, активности, эмоций).

Ц. П. Короленко к факторам, оказывающим влияние на развитие аддиктивности, относит сниженную переносимость трудностей, которая обуславливается наличием гедонистической установки (стремлением к немедленному получению удовольствия, удовлетворению своих желаний). Это сочетается с повышенной обидчивостью, подозрительностью, что влечёт за собой частые конфликты. Присущий аддиктивной личности скрытый комплекс неполноценности находит свое отражение в частых сменах настроения, избегании ситуаций, в которых их способности могут быть объективно проверены. Поверхностный характер социабельности и ее ограниченности во времени сочетается с обостренным стремлением производить на окружающих положительное впечатление. Кроме того, для аддиктов характерна стереотипичность, повторяемость поведения. Иногда наблюдается пассивность, отсутствие самостоятельности, стремление к получению поддержки, тревожность, наличие базовых трудностей в саморегуляции [2].

Можно предположить, что для таких личностей алкоголь является средством компенсации, облегчающим процесс адаптации в социуме, даже таким деструктивным способом.

Н. Ю. Максимова, анализируя факторы, детерминирующие аддиктивное поведение несовершеннолетних, подчеркивает, в отношении подростков следует употреблять сослагательное наклонение. Это объясняется тем, что ни один из факторов не является основополагающим. Сложные жизненные обстоятельства, неправильное семейное воспитание, низкий общеобразовательный и культурный уровень окружающей социальной среды влияют на многих детей, однако далеко не все подростки, поставленные в эти условия, становятся алкоголиками. В то же время неблагоприятные психофизиологические предпосылки (психопатии, акцентуации характера, психопатическое развитие личности, мозговые дисфункции и органические поражения мозга, наследственная отягощенность) также не являются фатальными и без сочетания с социальными факторами не могут стать основной детерминантой химической зависи-

мости. Важную роль играет то, как преломляются указанные факторы в психике ребенка, как воспринимаются им жизненные события и различные обстоятельства. Как отмечает автор, влечение подростка к употреблению психотропных веществ является признаком более глубокого личностного неблагополучия [4].

Подтверждение этому мы находим в работах отечественных ученых. Так В. Д. Москаленко указывает, в этиологии и генезе зависимостей от психоактивных веществ учитывают комплекс биологических, психологических и социальных факторов.

Немаловажную роль в формировании алкогольного поведения подростков отечественные и зарубежные ученые приписывают семейным факторам.

Г. А. Милушева, Н. Г. Найденова обозначали, неблагоприятные условия социальной микросреды, включая структуру семьи, характер внутрисемейных отношений и неправильные факторы воспитания, приводят к нарушению формирования личности подростка. Они детерминируют девиантное поведение подростка по механизму формирования патохарактерологических реакций. В формировании психологических механизмов девиации личности у подростков немаловажную роль играют депрессивные переживания реактивного генеза с последующей мотивацией приема психоактивных веществ, направленной на устранение отрицательных переживаний и облегчение реализации потребности в общении со сверстниками. Для формирования девиантного поведения у подростков, употреблявших токсические вещества и алкоголь, имеют значение не только формальные показатели структуры семьи (полнота или неполнота ее, наличие отчима и т. д.), но и качественная характеристика семейных взаимоотношений (образ жизни родителей, внутрисемейные отношения, особенности конфликтов, наличие или отсутствие эмоциональной теплоты и т. д.).

Н. Я. Оруджев, О. А. Жигунова (2001) в своем исследовании выявили наличие взаимосвязи между алкоголизмом обоих родителей и наличием выраженных преморбидных психопатологических черт (особенно возбудимого круга) и развитием грубой дезадаптированности у подростков, злоупотребляющих алкоголем, проявляющейся асоциальной и антисоциальной направленностью поступков и образа жизни в целом. Среди других значимых факторов, влияющих на процесс социальной дезадаптации этой группы несовершеннолетних, авторы отмечают соматические заболевания в анамнезе, ранний возраст злоупотребления алкоголем от полугода до 2 лет, наличие измененных форм алкогольного опьянения, воспитание в условиях безнадзорности (гипоопека) и неудовлетворительные бытовые условия.

Н. Я. Оруджев подчеркивает (1998), что неполная семья, гипоопека либо воспитание в условиях интерната сопутствуют выраженной дезадаптации детей, злоупотребляющих психоактивными веществами.

Психоаналитик Л. Вюрсмер полагал, что в основе формирования зависимости кроются нарушения семейных отношений. Автор отмечает основные факторы нарушения эмоционального общения и соответственно разновидности семьи, где проявляются данные нарушения общения матери и ребенка:

1) семьи «с травматизацией детей». Люди, испытавшие насилие в детском возрасте, могут затем идентифицировать себя либо с агрессором, либо с жертвой. Чувства боли, стыда, ужаса, беспомощности после насилия могут стать причинами злоупотребления алкоголем и наркотиками в подростковом возрасте;

2) «навязчивая» семья. Родители навязывают себя ребенку, они навязчиво контролируют его поведение, что вызывает у него стыд и злобу. У родителей в такой семье часто встречаются грандиозные, нереалистичные ожидания применительно к детям. В таких условиях могут возникнуть маска фальшивой идентичности, лицемерные роли, которые дети используют для защиты. Фальшивые идентификации, несоответствие своему истинному Я, могут компенсаторно привести к употреблению алкоголя и наркотиков;

3) «лживая» семья. В результате постоянной лжи доминирующей эмоцией у ребенка становится стыд, происходит деперсонализация, утрачивается чувство реаль-

ности. Нарастающие отчуждение, фальшивость отношений в семье могут стать одним из факторов приобщения и потребления психоактивных веществ;

4) «непоследовательная, ненадежная» семья. В такой семье то, что сегодня одобряется, завтра порицается, в результате нарушается стабильность сверх-Я. Это может стать одной из причин нарушения социализации ребенка и злоупотребления психоактивными веществами [16].

В своих работах А. А. Портнов, И. Н. Пятницкая (1971) указывают на значимость микросоциума, в котором находится ребенок, важную роль для начала употребления алкоголя играют обычаи ближайшего окружения.

Г. Е. Сухарева (1974) также выделяет факторы, играющие существенную роль в генезе последующих нарушений поведения: неправильное воспитание ребенка, длительность воздействия неблагоприятной обстановки.

Т. Н. Дмитриева, В. А. Сучков (1993) обращают внимание на повторение пьющими подростками жизненного сценария родителей.

И хотя известна значимая роль родителей в алкоголизации подростков, однако исследования обнаружили, что подростки способны усваивать деструктивные паттерны поведения не только от родителей, но и при взаимодействии с родными братьями [9]. Употребление алкоголя родными братьями и сверстниками способно оказывать даже большее влияние, чем родительское употребление алкоголя [15].

Подтверждение этому мы находим и в работах отечественных ученых. В. Д. Москаленко условно разделяет факторы риска на две группы: семейные, индивидуальные. Автор отмечает, самым мощным предиктором зависимости от психоактивных веществ является наличие зависимости в семейном анамнезе. Алкоголизм родителя - мощный фактор риска как алкоголизма, так и наркомании взрослых детей. В то же время следует придавать значение не только факту семейной отягощенности, но и числу больных родственников. Необходимо также учитывать, наличие зависимости среди братьев и сестер больного, что тоже является признаком семейного отягощения. В качестве факторов риска регистрировались и такие семейные факторы как: ранняя смерть отца, развод родителей, внутрисемейные взаимоотношения, отсутствие эмоциональной привязанности и сплоченности между членами семьи, постоянная конфликтность взаимоотношений, терпимое отношение родителей к употреблению психоактивных веществ детьми или к девиантному поведению, нарушение уклада жизни семьи, несоблюдение традиций и ритуалов. По результатам исследования пришли к выводу, пол больного родителя имеет определенное значение для формирования алкогольной зависимости. Так, наличие алкоголизма у отца равным образом повышает риск зависимости у сыновей и дочерей, наличие алкоголизма у матери более значимо в этом отношении для дочерей.

К индивидуальным факторам относят те, которые могут быть обнаружены в анамнезе индивида или в его статусе, при условии, что эти факторы достоверно чаще ассоциированы с развитием зависимости от психоактивных веществ, чем в группе индивидов с отсутствием подобных факторов, при прочих равных условиях. В эту группу относятся: психопатическая структура личности со склонностью к агрессии, антисоциальным поступкам, импульсивным действиям, неоправданному риску; мужской пол; синдром гиперактивности в детстве; низкий интеллект либо слабость мотивации к учебе, результатом чего явилась бедность интересов; эмоциональная разобщенность с родителями; девиации поведения (пропуски занятий, плохая дисциплина в школе), юношеская делинквентность. Однако, как указывает автор, помимо семейных и индивидуальных факторов риска зависимости от психоактивных веществ, следует придавать значение этнической и культурной принадлежности индивида, распространенности в окружающей его среде алкогольных или наркотических традиций, среднему количеству алкоголя, приходящемуся на душу населения в данном обществе, отношению окружающих к употреблению психоактивных веществ [5].

В некоторых современных зарубежных работах отмечается, что на формирование алкогольной зависимости в подростковом возрасте может оказывать влияние раз-

вод родителей, высокое социально-экономическое положение, недостаточная эмоциональная близость членов семьи и такие эмоциональные состояния, как депрессия и тревога. Авторы подчеркивают, только доверительные отношения между родителем и ребенком способны снизить риск формирования аддикции [14].

Семейные факторы могут являться как факторами риска формирования алкогольной зависимости (в случае эмоционального дискомфорта в семье), так и защитным механизмом против становления аддиктивного поведения.

По мнению Е. И. Куприяновой, существенную роль в формировании личности подростка оказывает опыт переживания глубинных психотравм, к которым относит развод родителей, воспитание вне семьи, алкоголизм родителей, воспитание мачехой (отчимом), неправильное воспитание, сексуальная травма в детстве.

Подтверждение значимой роли психотравмы в процессе употребления алкоголя подростками мы находим в зарубежных источниках (Е. У. Deykin, S. L. Buka, 1997; D. B. Clark, S. L. Bailey, K. G. Lynch, 1998). Отмечено, что часто подростки, употребляющие алкоголь, имели опыт переживания физического и сексуального насилия.

Е. А. Шитов, останавливаясь на проблеме влияния ранней детской психической травмы на клинику и динамику алкогольной зависимости, обозначает, взрослые больные алкогольной зависимостью и подростки, злоупотребляющие алкоголем, отмечают более часто в анамнезе раннюю детскую психическую травму по сравнению с группами контроля [8].

Факторами возникновения у несовершеннолетних потребности в употреблении психотропных веществ, по мнению Н. М. Трофимовой, С. П. Дувановой, Н. Б. Трофимовой, Т. Ф. Пушкиной, являются: неблагоприятная макросоциальная ситуация развития, отклонения в функционировании высшей нервной деятельности, возрастные особенности.

В том случае, когда неблагоприятное влияние указанных факторов, благодаря вмешательству взрослых, устраняется или компенсируется, злоупотребление прекращается без традиционного лечения и применения медикаментозных препаратов. И, наоборот, никакие лекарства, угрозы и наказания не помогут, если отсутствуют условия для удовлетворения жизненно важных социальных потребностей подростка, фрустрированных указанными факторами. Однако необходимо указать, в плане возникновения и развития зависимости от психоактивных веществ семья и ближайшее окружение подростка играют иногда фатальную роль. В этом тоже проявляется качественное отличие подросткового алкоголизма от взрослого. Так, если взрослый человек сам может выбрать свое макросоциальное окружение, противостоять пагубному влиянию, то для подростка такая свобода действий чаще всего невозможна. Попадая в компанию, где употребляют алкоголь, подросток следует в русле ее алкогольных обычаев, а не в соответствии со своим самочувствием, как это делает взрослый человек. Поскольку в таких компаниях обычно принято употреблять алкоголь в больших количествах, это приводит к тому, что контроль организма над количеством выпитого подавляется с самого начала. Иными словами, стадии опьянения с самого начала извращаются, что ведет по кратчайшему пути от злоупотребления к болезни, причем признаки алкоголизма могут наблюдаться раньше, чем болезнь сформируется окончательно [7].

Отметим, что разные факторы на определенных этапах онтогенеза играют ведущую роль в формировании зависимого поведения.

В семьях, где родители склонны к употреблению алкоголя и иных психоактивных веществ, первичным фактором, способствующим возникновению зависимости у детей, является злоупотребление психоактивными веществами, а нарушение эмоционального общения - конфликты, гипоопека - носят вторичный характер [6, с.38].

П. И. Сидоров указывает, социальные факторы и условия в развитии алкоголизма и наркомании играют ведущую роль преимущественно на донозологических этапах употребления и злоупотребления.

Так зарубежные ученые-исследователи отмечают, что на употребления алкоголя подростками влияют факторы семейных отношений, взаимоотношения со сверстниками, индивидуальные характеристики, условия окружающей среды, процессы созревания, которые сопровождают подростковый возраст. Большее значение приобретает именно социальный контекст употребления алкоголя [10].

В работах Т. М. Князевой, Ю. Г. Шапиро показано, что чем раньше формируется алкогольная зависимость, тем в большей мере она обуславливается наследственными факторами и воспитанием, в то время как в старшем возрасте недостатком образования и культуры [1].

Таким образом, проблема алкоголизации подростков является многофакторной. Анализ литературных источников позволяет систематизировать и обозначить следующие аспекты, оказывающие влияние на формирование алкоголизации подростков: социальные, психологические, медико-биологические.

К социальным аспектам употребления алкоголя относится влияние культуральных особенностей, традиций, принятых в группе сверстников, семье, в обществе в целом, нарушенная социальная микросреда. Неблагоприятные семейные условия являются фактором риска алкоголизации подростков. Влияние на личность подростка оказывает стиль семейного воспитания, психологическая напряженность, конфликтность в семье, употребление алкоголя одним из родителей. Родители непосредственно оказывают влияние на усвоение поведенческих паттернов. Зачастую, поведенческие реакции подростков усваиваются без сознательной проработки по механизму подражания, что может служить источником алкоголизации. Немаловажную роль в подростковой алкоголизации играют сверстники. Подросток, у которого референтной группой является группа сверстников, попадая в асоциально ориентированную группу, вынужден подчиняться нормам и принципам данной группы.

Обобщая эмпирические данные, следует выделить психологические факторы, оказывающие влияние на психогенез алкоголизации. Подростковый возраст сам по себе выступает как фактор риска приобщения к алкоголю, определяется как критический в плане социализации. Психологические трудности подростка могут возникнуть не только в результате физического, полового созревания, но и как следствие кризиса личности или конфликта в общении с близким человеком. Причинами могут стать сложность самосознания (самоопределение), восприятие и оценка собственных возможностей, комплекс неполноценности, проблема идентификации, дисфункциональный опыт. Значимую роль на процесс употребления подростками алкоголя оказывает опыт переживания психотравм. Выявлено, часто подростки, употребляющие алкоголь, имели опыт переживания психологической травмы.

Таким образом, к психологическим факторам следует отнести: нравственную незрелость личности, индивидуально-психологические особенности личности, сложности пубертата, кризис формирования личности.

К медико-биологическим аспектам можно отнести генетический фактор (отмечено, что дети, родители которых употребляют алкоголь, чаще подвержены риску алкоголизации), расстройства поведения, психические нарушения. Отмечено, у подростков, употребляющих алкоголь, психические нарушения могут ускорить формирование зависимости. Физиологические особенности возрастных кризов пубертатного периода являются своеобразной благоприятной почвой, на которой алкоголь может дать быстрое развитие болезни. Считается, что алкоголизм чаще развивается у подростков в тех случаях, когда их личность изменена после травмы мозга, органического поражения ЦНС и др. В этих случаях алкоголизм формируется интенсивнее, протекает злокачественнее, быстро приводит к потере контроля, появлению влечения к алкоголю, выработке абстинентного синдрома. Под воздействием алкоголя «утяжеляются» патологические черты характера, и эти дети в дальнейшем легко прибегают к алкоголю в любых сложных жизненных ситуациях.

Таким образом, формирование алкогольной зависимости в подростковом возрасте детерминировано влиянием клиничко-психологических факторов. Подростковый возраст является опасным для возникновения различных заболеваний, в том числе зависимости от психоактивных веществ. Особенно велик риск, когда физиологические, личностные изменения сочетаются с нарушенным микросоциальным окружением.

Список литературы

1. Князева Т. М. Социоклинический анализ женского алкоголизма / Т. М. Князева, Ю. Г. Шапиро // Вопросы наркологии. – 2006. – № 3. – С. 43 – 48.
2. Короленко Ц. П. Аддиктивное поведение. Общая характеристика и закономерности развития // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 1991. – № 1. – С. 8 – 15.
3. Курек Н. С. Эмоциональное общение матери и дочери как фактор формирования аддиктивного поведения в подростковом возрасте // Вопросы психологии. – 1997. – № 2. – С. 48 – 60.
4. Максимова Н. Ю. О склонности подростков к аддиктивному поведению // Психологический журнал. – 1996. – Т. 17. – № 3. – С. 149 – 152.
5. Москаленко В. Д. Психическая предрасположенность к развитию зависимости от ПАВ (личностные, социальные, семейные факторы риска) / В. Д. Москаленко // Руководство по наркологии / под ред. Н.Н. Иванца.-М.: Медпрактика. – 2002. – Т. 1. – С. 182 – 188.
6. Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / Под ред. С.В.Березина, К.С.Лисецкого. Самара: Изд-во «Самарский университет»,- 2002.- 206 с.
7. Трофимова Н. М., Дуванова С. П., Трофимова Н. Б., Пушкина Т. Ф. Основы специальной педагогики и психологии. Учебное пособие. - СПб.: Питер, 2010.- 304 с.
8. Шитов Е. А. Влияние ранней детской психической травмы на клинику и динамику алкогольной зависимости. Автореф. дис. : канд. мед. наук. – М, 2007.
9. Ary D., Tildesley E., Hops H., Andrews J. The influence of parent, sibling and peer modeling and attitudes on adolescent use of alcohol. *International Journal of the Addictions*. 1993. Vol. 28(9). – P. 853 – 880.
10. Boyd G. M., Howard J., Zucker R. A. Alcohol problems among adolescents: Current directions in prevention research. – Hillsdale N. J.: Lawrence Erlbaum Associates. – 1995. – 272 p.
11. Chalder M., Elgar F. J., Bennett P. Drinking and motivations to drink among adolescent children of parents with alcohol problems // *Oxford Journals Medicine Alcohol and Alcoholism*. 2006. Vol. 41. – P.107 – 113.
12. Clark D. B., Pollock N., Bromberger J. T., Bukstein O. G., Mezzich A. C., Bromberger J. T., Donovan J. E. Gender and comorbid psychopathology in adolescents with alcohol dependence // *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 1997. Vol. 36(9). – P. 1195 – 1203.
13. Cooper M. L. Motivations for alcohol use among adolescents: Development and validation of a four-factor model // *Psychological Assessment*. 1994. Vol. 6(2). – P. 117 – 128.
14. Tomcikova Z., Madarasova Geckova A., Orosova O., van Dijk J. P., Reijneveld S. A. Parental divorce and adolescent drunkenness: role of socioeconomic position, psychological well-being and social support // *European Addiction Research*. 2009. Vol. 15. – No. 4. – P. 202 – 208.
15. Windle M. Parental, sibling, and peer influences on adolescent substance use and alcohol problems. *Applied Developmental Science*. 2000. Vol. 4. – P. 98 – 110.
16. Wursmer L. *Flucht vor dem Gewissen*. -Berlin, Heidelberg: Springer Verlag, 1993.

ALCOHOL ADDICTION AMONG ADOLESCENTS (BIOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS)

A. V. Lokteva

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
Afanasjeva@bsu.edu.ru*

The article is devoted to the study of the peculiarities of alcohol addiction formation in adolescence. The author analyzes the peculiarities of adolescence. A brief overview of the approaches to the study of alcohol addiction factors is observed in the paper. The descriptions of psychotraumatic situations and their consequences are presented. The paper shows the role of psychological and biological aspects in formation of alcohol dependence. The necessity of study of the problems of alcohol dependence formation in adolescence is theoretically substantiated.

Key words: adolescent, addictive behavior, factors of alcohol dependence, family relationship, psychotraumatic situation.

УДК 005,32:177.75

ПРЕДАННОСТЬ ПЕРСОНАЛА ОРГАНИЗАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

С. М. Масленникова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
svmas12@mail.ru*

В статье рассмотрена преданность персонала организации как социально-психологическая категория. Выделены виды преданности: эмоциональная, инерционная, нормативная. Проанализированы понятия «организационная идентификация», «вовлеченность», «лояльность»; определены факторы формирования преданности сотрудников: организационные, личностные и эмоциональные. Показано, что ключевой составляющей программы формирования лояльности является система информирования в компании, причем особое внимание следует обратить на разработку системы материального и нематериального стимулирования.

Ключевые слова: преданность персонала организации, эмоциональная преданность, инерционная преданность, нормативная преданность, идентификация, вовлеченность, лояльность, факторы формирования преданности, система информирования в компании, система материального и нематериального стимулирования.

Мы полностью разделяем точку зрения на понятие преданности организации Андреевой И. А., которая считает, что «преданность персонала организации – это особая форма отношения работника к руководству, делу и коллегам, которая характеризуется верностью, желанием оставаться членом этой организации как можно дольше, эмоциональным расположением к организации и идентификацией с ней, увлеченностью работой и принятием организационных целей и ценностей» [1].

Начало современным исследованиям преданности положил американский социолог Говард Беккер. Он высказал идею, что привязанность к новому образу жизни не возникает внезапно, а выстраивается понемногу, постепенно и зачастую незаметно для самого человека через последовательность «попутных ставок» (side bets) или персональных решений, каждое из которых на первый взгляд не влечет за собой каких-либо важных или серьезных последствий. Например, люди могут привязываться к организациям, в которых они работают, через последовательность таких решений, как взносы в пенсионный фонд, согласие на повышение и более высокие уровни ответственности, покупка дома в кредит с учетом существующего дохода и т. д. Как объясняет Беккер, каждое из таких очевидно не связанных друг с другом решений подобно отдельным кирпичикам, из которых выстраивается стена, пока в один прекрасный день человеку не становится понятным, что эта стена выросла настолько, что ее невозможно перепрыгнуть – сформировалась привязанность, которую уже нелегко разрушить [6].

В своих работах Беккер заложил основу отдельного, наиболее раннего направления исследований преданности персонала, которое получило название социологического, поведенческого или иррационального. Данное направление рассматривало преданность как специфическое поведение, которое характеризуется тем, что работник продолжает трудиться в организации, хотя мог бы найти себе более перспективную, увлекательную работу. Такое поведение объясняется тем, что в процессе работы в «своей» организации человек совершил в себя некоторые вложения, которые со временем становятся сдерживающими факторами в ситуациях, когда появляется желание данную организацию покинуть.

Наиболее сильной стороной поведенческой линии исследований преданности является их способность объяснять и прогнозировать такую форму организационного поведения, как текучесть, или частоту увольнений работников из организации. Однако за постоянной работой человека в одной и той же организации может скрываться

большее, нежели простое желание избежать серьезных материальных или иных потерь, связанных с уходом.

Поведенческий подход базируется на предположении о том, что степень соответствия между поведением людей и их действиями зависит от трех условий:

- 1) эти действия должны восприниматься как результат свободного выбора;
- 2) они должны быть совершены публично;
- 3) отказ от них должен восприниматься как сопряженный с трудностями и потерями.

В 1970-х гг. прошлого века появляется второе направление, которое делает попытки показать другую, позитивную (положительную) сторону преданности. В таких исследованиях под преданностью понимается позитивный аттитюд работника к организации.

Определение преданности в позитивных терминах позволило расширить круг прогнозируемых форм организационного поведения по сравнению с поведенческим подходом. В частности, в отличие от поведенческой преданности, позволяющей прогнозировать только текучесть, аттитюдинальная преданность позволяет прогнозировать все три формы уклоняющегося поведения (текучесть, абсентеизм и опоздания), а также продуктивность. В последние годы аттитюдинальная преданность стала также рассматриваться в качестве предиктора организационного гражданского поведения [6].

Исследователи отличают преданность организации от другого часто изучаемого аттитюда, удовлетворенности, по двум основаниям, целевому объекту и характеру. Объектом удовлетворенности является выполняемая работа, а преданности – организация. Если удовлетворенность является аттитюдом к объекту, то преданность – аттитюдом к специфическим действиям по отношению к организации. Согласно существующим представлениям, аттитюды к специфическим действиям (поведенческие намерения) теснее связаны с реальным поведением, чем аттитюды к объектам.

Джон Мейер и Натали Аллен попытались объединить исследования поведенческой и аттитюдинальной преданности организации, выделив в конструкте преданности организации два компонента: эмоциональный и инерционный.

Эмоциональная преданность представляет собой эмоциональную привязанность. Сотрудники, испытывающие сильную эмоциональную преданность, разделяют ценности своего работодателя, отождествляют себя со своей организацией и ощущают себя ее неотъемлемой частью. Такие сотрудники чувствуют непреодолимое *желание* как можно дольше оставаться членами своей организации.

Инерционная преданность отражает ту цену, которую придется заплатить сотруднику, если он решит покинуть свою организацию. Инерционная преданность формируется у человека потому, что он, проработав в организации достаточно долго, вложил в нее свои силы, знания и труд. Если он покинет организацию, то все эти затраты окажутся напрасными. Работники, испытывающие инерционную преданность, испытывают *необходимость* и дальше оставаться в своей организации [3].

Впоследствии Аллен и Мейер добавили в свою модель также третий, нормативный компонент, основываясь на работе Вайнера [7], утверждавшего, что индивиды могут также ощущать преданность организации вследствие сильных этических или моральных обязательств.

Таким образом, *нормативная преданность* представляет собой чувство долга. Она вырабатывается в результате культурной и организационной социализации. Сотрудники, испытывающие нормативную преданность, считают пребывание в организации своим *долгом*.

Ряд ученых придерживаются *установочного подхода* и выдвигают концепцию *установочной лояльности (attitudinal commitment)*. Под этим термином понимается эмоциональное отношение сотрудника к организации, и лояльность определяется как эмоциональная реакция, включающая в себя заботу и беспокойство за компанию и коллег, чувство присоединения, взаимозависимости или доверия. При этом лояль-

ность характеризует связь работника и организации. Так, например, Линда Джуэлл (*Linda Jewell*) пишет о преданности организации как о переменной, отражающей силу связи между человеком и организацией, в которой он работает, связи, существующей в его представлении.

Установочный подход предполагает, что лояльность образуется как комбинация прежнего опыта работы, восприятия организации и личностных характеристик человека. Соединение этих факторов приводит к возникновению позитивных чувств по отношению к компании, которые затем преобразуются в лояльность.

Майкл Крот, профессор факультета организационного обучения и образования при Университете штата Айдахо, утверждает, что наиболее позитивной формой преданности является эмоциональная, которую он называет «преданностью, обусловленной обожанием». Работники, которые занимаются чем-либо потому, что они *хотят* заниматься этим, испытывают большую удовлетворенность своей работой и работают с большей самоотдачей, чем те, кто просто *вынужден* работать. Одной из причин возникновения эмоциональной преданности могут быть совместные ценности, или единство выполняемой миссии. Другой причиной эмоциональной преданности может быть хорошее отношение к своим коллегам или руководителю. Эмоциональная преданность может быть также обусловлена активным участием работника в важном проекте или программе [3].

Некоторые исследователи, в частности, Доминьяк В. И. [2], склонны рассматривать термины «идентификация», «преданность», «лояльность», «приверженность» и другие как синонимы. Другие различают их при всей схожести и близости значений.

Так, например, *организационная идентификация* – сильное убеждение в правоте целей и ценностей организации и их принятие. Идентификация работников со своей организацией зависит от того, в какой мере они:

- информированы о положении дел в организации, о перспективах решения значимых для них проблем;
- гордятся самим фактом работы в данной организации;
- считают оценку усердного и добросовестного труда со стороны организации справедливой.

Вовлечённость – готовность прилагать значительные усилия ради этой организации. Вовлечённость в работу организации предполагает:

- готовность, если этого требуют интересы организации, к дополнительным усилиям, не ограничиваясь должностными обязанностями;
- чувство самоуважения, основанное на удовлетворенности своими профессиональными достижениями и своей работой;
- заинтересованность в достижении значимых для организации рабочих результатов;
- ответственность за результаты своей работы.

Лояльность – эмоциональная привязанность к организации, желание оставаться её членом. Лояльность по отношению к организации предполагает, что данная работа порождает у работников удовлетворённость содержанием работы, выполняемой в организации.

Процесс формирования преданности организации состоит из нескольких этапов. Для новых сотрудников он начинается с инициации, т. е. с процедуры обращения (посвящения) в мир ценностей и ритуалов компании. Социально-психологический аспект заключается в приобщении, принятии в значимую группу и признании этого факта другими ее членами.

Следующий этап развития преданности организации – интериоризация норм и критериев компании. Когда сотрудник прошел инициацию и вступил в референтную группу, почувствовал себя ее членом, перед ним встает проблема ориентации: как определить, какие в этой группе существуют правила и нормы повседневной жизни, что здесь поощряется, а за что наказывают, что является образцом для подражания и ка-

кие существуют критерии успешности. В качестве транслятора таких установок выступают «образцовые сотрудники», служащие примером для подражания.

Целенаправленные действия по формированию преданности организации обычно затрагивают два аспекта: содержание (знание о компании - объективная составляющая) и отношение (восприятие этого содержания, выработка определенного подхода к нему - субъективная составляющая).

Если говорить о факторах, определяющих формирование преданности сотрудников, то можно выделить организационные, личностные и эмоциональные факторы.

Организационные: организация работы в компании: регламентация, распределение функций, полномочий, система планирования и контроля, система работы с клиентами, и др.; система прохождения информации: информирование по целям и задачам, доступность, своевременность полнота рабочей информации, обратная связь, а также информации о существенных фактах работы компании; организация работы с персоналом: (система материального и нематериального стимулирования, система оценки и развития, существующая корпоративная культура).

Личностные: межличностные отношения: сплоченность, конфликтность; личностные особенности членов коллектива; личности руководителей подразделений; личность руководства компании: харизматичность, соблюдение обязательств, предсказуемость, профессионализм.

Эмоциональные: честность (правдивость) и прозрачность в отношении компании к работнику; умение компании дать работнику ощущение своей значимости, оцененности личного вклада каждого в общее дело; взаимодействие между компанией и сотрудником. Внутреннее отношение компании к своим сотрудникам [4].

Оказание внимания работнику со стороны компании — немаловажный фактор для формирования лояльности сотрудника. Ощущение своей значимости для компании способствует не только благоприятному отношению к ней, но и стремлению «отплатить» ей доверием. Роль человеческого фактора переоценить невозможно — мы работаем с людьми, которые помимо исполнения своих обязанностей включены еще и в систему отношений. Сотрудник никогда не будет изначально лоялен к организации, в которую только что пришел. Он становится преданным, если компания демонстрирует, что она этого стоит, если она создает для такого отношения все условия и она заслуживает этого доверия.

Следует отметить, что вопрос лояльности персонала в «молодой организации» ставится несколько иначе, чем в «зрелой». В первом случае акцент делается именно на лояльности, а во втором случае — на поддержании и упрочнении организационного порядка. Факторами нелояльности как в «молодой организации», так и «зрелой», могут выступать слабость кадровой политики, невнимание к персоналу, «неустойчивость» фирмы, частая коррекция бизнес-курса, власть через принуждение, хотя «приложение» этих факторов будет различаться.

Причем, следует помнить, что для каждого человека значимыми для возникновения у него доверительного отношения к организации будут разные моменты и факторы.

Стоит отметить, что спровоцировать отсутствие преданности сотрудников может множество факторов, в том числе: отсутствие четких целей и перспектив развития у компании; отсутствие у персонала информации о жизни компании, ее достижениях. В случае отсутствия информированности не будет основы для формирования чувства причастности к компании, гордости за нее; отсутствие возможности карьерного роста; отсутствие внимания руководства к инициативам снизу, отсутствие вовлечения сотрудников в принятие решений, касающихся всей компании; неудовлетворенность условиями труда; низкая заработная плата. Несоответствие заработной платы квалификации сотрудника, либо заработная плата значительно ниже средней заработной платы по отрасли при том же круге обязанностей или требуемой квалификации.

Пожалуй, наиболее сложный вопрос состоит в том, каким образом оценить преданность персонала, ведь это, прежде всего, эмоциональное понятие. В совокупности некоторые маркеры позволяют оценить уровень преданности в компании. В качестве основных можно отметить:

– *уровень текучести персонала* – достаточно простой показатель, считаемый каждым кадровиком. Здесь вопрос только в оценке его критичности. Еще лет десять назад нормальным уровнем текучести было 10 – 12 %. Сегодня рынок очень динамичен, и уже никого не удивляет уровень текучести – 20 % в год, а для некоторых отраслей, например, торговли, нижний уровень текучести находится в районе 35 %, хотя в среднем он значительно выше;

– *уровень потенциальной текучести*, определяемый опросными методами. Следует периодически опрашивать сотрудников в анонимной форме, как долго они планируют проработать в компании. За счет анонимности полученная цифра будет близка к реальной;

– *мотивированность и удовлетворенность работой*. Существует масса опросников, оценивающих данные показатели в компании, но важно не смешивать эти понятия в процессе оценки;

– *уровень конфликтности в коллективе*. В зависимости от психологических особенностей каждый сотрудник тяготеет к конкретному стилю конфликтного поведения. Среди стилей поведения выделяют конкуренцию, уклонение, приспособление, сотрудничество, компромисс [5];

– *эмоциональная вовлеченность сотрудников* – это восприятие сотрудниками работы не через призму формальных параметров, а через эмоциональные показатели. Данный параметр – основной показатель, формирующий лояльность сотрудников по отношению к компании. При построении опросников или плана структурированного интервью для оценки данного показателя надо делать акцент на те ощущения, которые вызывает тот или иной параметр работы компании у его сотрудников;

– *оценка сотрудниками системы управления персоналом, системы компенсаций и льгот, системы информирования, сложившейся корпоративной культуры, взаимодействия с непосредственным руководителем*.

В качестве дополнительных показателей, по которым можно судить о наличии или отсутствии преданности сотрудников к компании можно привести такие, как: отношение сотрудников к рабочему времени: приход/уход, «разбазаривание» рабочего времени; отношение к соблюдению норм и правил; инициатива, активная позиция (в том числе, при проведении исследований); готовность защищать интересы компании; отзывы о компании; заинтересованность в развитии. Восприятие сложностей как вызова/препятствий [4].

Работа по формированию лояльности должна проводиться на всех этапах: подбор, адаптация, мотивация, обучение, корпоративная культура. Каждый из элементов системы управления персоналом влияет на лояльность сотрудников. Здесь не может быть мелочей, нельзя отказаться ни от одного их элементов.

Ключевой составляющей программы формирования лояльности является система информирования в компании. Она позиционирует принципы открытости компании для сотрудников. Организованная подача информации позволяет правильно составлять эмоциональные акценты в потоке информации по компании. Необходимо сообщать обо всех победах компании и ее сотрудников. Гордость и уважение – одни из сильнейших эмоциональных составляющих лояльности.

Очень важно обратить внимание на разработку системы материального и нематериального стимулирования. При этом важно, прежде всего, восприятие этой системы сотрудниками как объективной и прозрачной. Только в этом случае потраченные на мотивационные мероприятия средства будут восприниматься как признание заслуг

каждого, а не само собой разумеющаяся обязанность компании. Невозможно эффективно формировать лояльность в условиях минимальных заработных плат.

Кроме того, следует регулярно и развернуто проводить оценку удовлетворенности персонала. Данные мероприятия позволят выявить потенциальные проблемы на этапе их зарождения, также это отличный инструмент общения между сотрудниками и администрацией, на что в постоянной «текучке» постоянно не хватает времени. Большинству работающих сотрудников важно, чтобы их мнение было услышано.

Сформировав определенный уровень преданности (сто процентная высокая преданность каждого работающего сотрудника является недостижимой целью), к сожалению, нельзя остановиться и заняться более важными делами. Меняются люди, меняется коллектив, а, следовательно, что-то постоянно меняется во взаимоотношениях между сотрудником и компанией. Важно отслеживать эту динамику, а в случае необходимости вносить коррективы в систему работы с персоналом.

В итоге хотелось бы подчеркнуть, что преданность, как и любые эмоции, нельзя купить, но можно вырастить их постепенно с опорой на партнерские взаимоотношения между работником и работодателем.

Данная статья посвящена рассмотрению организационной приверженности в контексте практических задач в области управления персоналом. Особенно актуальна данная тема становится в периоды нововведений и организационных изменений, когда организации оценивают всю значимость проблемы и готовы вносить свой вклад обеспечение тесной и долговременной связи работников с организацией.

Важно заметить, что анализ организационной приверженности ценен не только тем, что выявляет проблемные и сильные стороны политики компании. Этот анализ должен работать вместе с результатами оценки эффективности работы персонала. Организации не нужен сотрудник, который, оставаясь приверженным и лояльным, не является эффективным. И, напротив, выяснение проблемных зон приверженности сотрудников или отделов, которые вносят ощутимый вклад в результаты общей деятельности, приобретает еще большую ценность.

В современной психологической и управленческой литературе, особенно зарубежной, много внимания уделяется понятию «преданность персонала организации». Это работы Н. Аллена, Дж. Мейера, Л. Портера, М. Пратта, Д. Редхила, Т. Ротонди, Р. Ван Дика и других исследователей. Некоторые аспекты организационной преданности широко освещаются в работах российских ученых, среди них: В. Доминьяк, М. Б. Курбатова, С. А. Липатов, О. Г. Овчинникова, Б. Г. Ребзуев.

Список литературы

1. Андреева И.А. Преданность сотрудников банковских организаций – залог их успешного развития и процветания // Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.confcontact.com/2009_03_18/pe5_andreeva.htm
2. Доминьяк В. Феномен лояльности в разработках зарубежных исследователей // Персонал–Микс. 2003. – № 1. С.107 – 111.
3. Крот М. «Менеджер как мотиватор. Практические уроки мотивации для нехаризматичных лидеров» // Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.hrm.ru/db/hrm/code/eff_man/vid/km/article.html
4. Миронова М. Для чего компаниям нужна лояльность персонала? // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.inside-pr.ru/hr/loyalty/311-loyalty-personal.html>
5. Овчинникова О. Г. Лояльность персонала // Управление персоналом. 2006. – № 10.
6. Ребзуев Б. Г. Четырехслойная модель аффективной преданности: опыт применения на российской выборке. Психологический журнал, Т. 27. – №2. 2006. – С. 44 – 59.
7. Wiener Y. Commitment in organizations: A normative view. //Academy of Management Review. 1982. V. 7. – № 3. – P. 418 – 428.

LOYALTY OF THE COMPANY STAFF AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL CATEGORY

S. M. Maslennikova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
svmas12@mail.ru*

The paper presents the results of empirical research of problem of loyalty of personnel in the organization, held in the Belgorod State University. The study involved 254 persons (managerial staff, faculty and employees are not engaged in educational activities). According to data obtained during the study, one can judge the presence of significant differences in factors affecting the rate of staff commitment to organization (job satisfaction, level of identification with the organization, as well as gender differences and differences depending on the position, age and marital status).

The article deals with dedication of staff organization as a socio-psychological category. Types of dedication are identified: emotional, inertial, normative. The concepts of organizational identification, involvement, loyalty are analyzed. The factors forming dedication of employees are: organizational, personal and emotional.

Also emphasized that a key component of the program of loyalty to the company is information system, special attention should be paid to the development of tangible and intangible incentives.

Key words: dedication of staff organization, emotional dedication, inertial dedication, normative dedication, identification, involvement, loyalty, factors of loyalty, information system, tangible and intangible incentives.

УДК 159.923-057.875

ОСОБЕННОСТИ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Е. В. Шитикова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
elena_mev88@mail.ru*

Статья посвящена исследованию особенностей мыслительной деятельности студентов вуза, имеющих разный уровень развития научного потенциала личности. Обоснована актуальность исследования данной тематики. Рассмотрено понятие «научный потенциал личности» как интегративное личностное образование. Представлена специфика мыслительной деятельности, проявляющаяся в преобладании различных типов мышления, научном стиле мышления, доминирующей тенденции к абстрагированию или к конкретизации, студентов, имеющих относительно высокий, средний и низкий научный потенциал.

Ключевые слова: научный потенциал личности, научная деятельность, мыслительная деятельность, научный стиль мышления, культуротворческая модель развития научного потенциала личности, типы мышления.

В настоящее время государство заинтересовано в подготовке высококвалифицированных кадров, готовых к исследованию в условиях неопределенности. Для качественного развития и совершенствования российской науки необходим высокий научный потенциал общества. Именно поэтому особое внимание следует обращать на развитие научного потенциала высшей школы, поскольку именно в вузах готовятся кадры для науки.

Ряд авторов указывают на необходимость перехода от репродуктивной модели образования к культууроориентированной, которая ставит перед образованием задачи развития культуры личности (Бахтин М. М., Библер В. С. и др.) [1; 2; 4]. Данный переход сопровождается актуализацией личностного и профессионального потенциала субъектов образовательного пространства, при этом немалое значение приобретает стремление и способность личности исследовать новизну и сложность меняющегося мира. Именно поэтому важной является задача развития личностных качеств, позволяющих успешно осуществлять научную деятельность.

Научная деятельность представляет собой познавательную деятельность, направленную на получение нового знания, которое должно быть научно обосновано и доказано. Но для того, чтобы установить новое знание, необходимо владеть знанием, уже имеющимся в науке, а последнее предстаёт перед студентами в виде специфически оформленной научной информации, которую нужно анализировать, систематизировать, интерпретировать и понимать [3].

Таким образом, занятие наукой, научной деятельностью предъявляет высокие требования к мыслительной деятельности исследователя. О наличии научного потенциала можно говорить, если личность обладает научным стилем мышления, имеет высокую и устойчивую мотивацию к исследовательской деятельности, а также высокий уровень креативности.

Понимая под научным потенциалом личности сложное, многомерное понятие, мы будем опираться на культуротворческую модель развития научного потенциала личности, включающую механизмы, психологические и педагогические условия, факторы, принципы, тенденции и закономерности развития научного потенциала. В контексте данной культуротворческой модели научный потенциал личности понимается как интегративное личностное образование, как совокупность возможностей и средств достижения успеха в научно-исследовательской деятельности, которые могут про-

явиться только при определенных условиях, как внешних (педагогических), так и внутренних (психологических) относительно самого понятия научного потенциала.

На проблему научного потенциала можно посмотреть двояко: с точки зрения наличия научного потенциала (уровень его развития) и степени реализации научного потенциала (участие в грантах, научных кружках, конференциях и т. д.).

В рамках проведенного исследования развитие научного потенциала студентов изучалось с точки зрения особенностей мыслительной деятельности, проявляющейся в преобладании и уровне развития различных типов мышления (в первую очередь, креативного, абстрактно-символического и словесно-логического мышления), в развитии логических операций, научного стиля мышления, абстрактности или конкретности мышления.

Особенности научного потенциала и мыслительной деятельности выявлялись с помощью ряда психодиагностических процедур, таких как методика «Тип мышления» (Г. В. Резапкина), фактор «В» методики «16 Личностных факторов» (Р. Кеттелл), «Диагностика исследовательского потенциала» (В. Э. Мильман), авторская анкета изучения внешних проявлений научного потенциала личности, анкета «Научный стиль мышления» (М. А. Сурушкин, Е. В. Швачко, Г. В. Макотрова). Выборку составили 47 студентов 2 – 5 курсов психологического, юридического, биолого-химического и экономического факультетов НИУ «БелГУ» в возрасте 18 – 22 лет.

По результатам исследования установлено, что относительно высокий уровень развития исследовательского (научного) потенциала характерен для 25 % студентов, средний уровень – обнаружен у 34% респондентов, а относительно низкий уровень – у 41 % учащихся. Исходя из полученных результатов, мы разделили исследуемую нами выборку на три группы по уровню развития исследовательского потенциала личности. Так, в первую группу вошли студенты с относительно высоким уровнем исследовательского потенциала, вторую группу составили респонденты со средним уровнем исследовательского потенциала, а третью – студенты с относительно низким уровнем.

Остановимся на характеристике каждой из вышеперечисленных трех групп. Студенты с высоким уровнем развития научного потенциала отличаются целенаправленностью, осознанностью путей и способов решения учебно-исследовательской задачи, самостоятельностью в преобразовании идей и связей между ними, увлеченностью исследованием. Такие студенты испытывают интерес к процессу исследования, руководствуясь собственной ориентацией на познание как на ценность. Однако, некоторые учащиеся с относительно высоким уровнем развития научного потенциала могут испытывать трудности в использовании правил научной организации труда, нуждаясь в помощи при анализе и осмыслении полученных результатов.

Студентов с относительно высоким научно-исследовательским потенциалом отличает высоко развитое творческое мышление (58,3 %). Распределение студентов с различным уровнем сформированности научного потенциала в зависимости от доминирующего типа мышления представлено в таблице.

Таблица

Распределение студентов с различным уровнем сформированности научного потенциала в зависимости от доминирующего типа мышления, %

Уровень развития научного потенциала	Доминирующий тип мышления				
	Предметно-действенное	Абстрактно-символическое	Словесно-логическое	Наглядно-образное	Креативное
Относительно высокий	0	0	8,4	33,3	58,3
Средний	29,4	0	11,7	47	11,7
Относительно низкий	11,1	0	16,7	44,4	27,8

У 83 % респондентов данной группы преобладает тенденция к абстрагированию, что позволяет говорить о типичной особенности студентов с относительно высоким уровнем развития научного потенциала.

Всем студентам с относительно высоким уровнем развития научного потенциала присущ научный стиль мышления (ср. знач. = 2,6, при макс. знач. = 3), включающий в себя три компонента: осмысление структурных звеньев элементов собственных исследовательских действий, следование нормам и требованиям научного стиля мышления, обобщение предметного и операционального результатов исследования [5]. Преобладающим компонентом (характеризующимся самым высоким уровнем) является последний – обобщение предметного и операционального результатов исследования (ср. знач. = 2,98, при макс. знач. = 3), при этом высокую выраженность имеют и другие два компонента.

Таким образом, у студентов с относительно высоким уровнем развития научного потенциала наблюдается активный творческий подход к решению исследовательских задач.

Студенты со средним уровнем развития научного потенциала испытывают трудности при анализе, сравнении и систематизации научного материала, а также в эффективном использовании отобранной информации для решения учебно-профессиональных задач. Этим студентам не хватает умений, навыков и знаний учебно-исследовательской культуры, поэтому следует расширять их познавательные возможности для более успешной исследовательской деятельности. У студентов со средним уровнем развития научного потенциала преобладает наглядно-образное мышление (47 %), у большинства доминирует тенденция к конкретизации (76,5 %), а научный стиль мышления достаточно развит лишь у небольшой части респондентов (35,3 %, ср. знач. = 2,59, при макс. знач. = 3). У таких студентов наблюдается обширная зона ближайшего развития в научной сфере, именно поэтому следует создавать такие психологические и педагогические условия, которые будут способствовать актуализации и развитию их научно-исследовательского потенциала.

Обращаясь к характеристике студентов с относительно низким уровнем развития научного потенциала, необходимо отметить следующее. Такие студенты не проявляют исследовательской активности, отличаются неустойчивой мотивацией к исследовательской деятельности. Характеризуя особенности мыслительной деятельности этих студентов, следует отметить, что у 44,4 % респондентов преобладает наглядно-образное мышление. Интересен тот факт, что треть таких респондентов отличаются развитым творческим мышлением. Можно предположить, что данный потенциал имеется, однако скрыт и не реализуется в учебной или учебно-исследовательской деятельности.

У всех представителей этой группы наблюдается тенденция к конкретизации, а также недостаточно развитый научный стиль мышления (ср. знач. = 1,9, при макс. знач. = 3). Таким образом, из вышесказанного следует необходимость создания условий, благоприятно влияющих на развитие логического и творческого мышления, которое позволит достичь успеха в учебной, исследовательской, а также профессиональной деятельности.

Для определения значимости различий по показателю «творческий тип мышления» среди респондентов с относительно высоким (I гр.), средним (II гр.) и относительно низким (III гр.) уровнем развития научного потенциала использовался критерий Фишера, необходимый для проверки сходства дисперсий в двух независимых нормальных выборках, с целью диагностики правомочности использования и выбора разновидности t-критерия Стьюдента; а затем двухвыборочный t-критерий Стьюдента с различными и одинаковыми дисперсиями (в зависимости от значений F-теста).

В ходе проверки значимости различий с помощью критерия Фишера и T-критерия Стьюдента было выявлено, что балльные оценки по шкале «Креативный тип мышления» у студентов I и II группы значимо отличаются ($T_{\text{стат.}} = 2,83$; $T_{\text{крит.}} = 2,03$; $p = 0,05$). Это означает, что мышление студентов с относительно высоким уровнем развития научного потенциала характеризуется большей творческойностью (ср. балл = 5,83), чем студентов II группы (ср. балл = 4,86). Различия между выборочными средними по T-критерию Стьюдента обнаружены по показателю «творческий

тип мышления» у респондентов с относительно высоким (ср. знач. = 5,83) и относительно низким (ср. знач. = 5,27) научным потенциалом (I и III группы соответственно).

Данные нашего исследования свидетельствуют о том, что студенты с более низким уровнем развития научного потенциала отличаются большей креативностью (ср. знач. = 5,27), чем студенты со средним уровнем его развития (ср. знач. = 4,86).

Изучение значимости различий между группами по показателю «словесно-логическое мышление» показало, что значимых различий не существует. Это свидетельствует о том, что практически у всех опрошенных респондентов достаточно выражено логическое мышление.

Статистический анализ свидетельствует, что по показателю доминирования в мышлении конкретности или абстрактности значимость различий существует между респондентами с относительно высоким уровнем развития научного потенциала, с одной стороны, и респондентами со средним и относительно низким уровнем по этому показателю, с другой. Иными словами, установлено, что респонденты I группы отличаются выраженной тенденцией к абстрагированию, в отличие от респондентов других групп.

По показателю «научный стиль мышления» значимых различий не обнаружено между выборками второй и третьей групп (со средним и относительно низким научным потенциалом соответственно). Зато значимые отличия найдены между респондентами с относительно высоким уровнем развития научного потенциала и относительно низким. Такой результат означает, что студентам с относительно высоким уровнем развития научного потенциала присущ научный стиль мышления (ср. балл = 2,62), в отличие от студентов III группы (ср. балл = 1,88).

Таким образом, проверка значимости различий мыслительной деятельности у респондентов с разным научно-исследовательским потенциалом показала, что между студентами трех групп существуют значимые различия в особенностях мыслительной деятельности.

С помощью критерия корреляции Пирсона нами была изучена статистическая связь между показателями креативного типа и показателем развития научного потенциала студентов (исследовательской культурой). Мы обнаружили, что значимая связь между обозначенными показателями существует в I группе респондентов с относительно высоким уровнем развития научного потенциала ($r = 0,509$, $Z = 1,851$, Значимость = 0,03206, степ. своб = 12). В других двух группах – со средним и относительно низким научным потенциалом – статистически значимой связи не обнаружено.

Итак, из полученных статистических данных можно сделать вывод о том, что студентам с относительно высоким уровнем развития научного потенциала, в отличие от студентов со средними и относительно низким уровнем, в большей степени свойственны оригинальность и необычность высказанных идей, стремление к интеллектуальной новизне. Этим студентов отличает семантическая гибкость, т.е. способность видеть объект под разными углами зрения, способность обнаружить возможность нового использования данного объекта; образная адаптивная гибкость, т.е. способность изменить восприятие объекта таким образом, чтобы видеть его новые или скрытые стороны; а также спонтанная гибкость, т.е. способность продуцировать разнообразные идеи в неопределенной ситуации. Роль всех перечисленных характеристик чрезвычайно велика в процессе развития и реализации человека в исследовательской деятельности, что и позволяет рассматривать творческое мышление в качестве психологического условия развития научного потенциала личности.

Важно отметить, что значимая статистическая связь обнаружена между показателем «тип словесно-логического мышления» и показателем научного потенциала у студентов с относительно высоким научным потенциалом ($r = 0,5428$, $Z = 1,103$, Значимость = 0,135, степ. своб = 12). Такая же связь средняя по силе найдена у респондентов со средним уровнем развития научного потенциала ($r = 0,4309$, $Z = 1,854$, Значимость = 0,0319, степ. своб = 17). Полученный результат указывает, что высокий показатель словесно-логического мышления выступает условием успешной реализации научно-исследовательской деятельности.

Изучение характера связи между показателем научного потенциала студентов с показателем выраженности тенденции к абстрагированию или конкретизации не выявило статистически значимой связи. Это означает, что данные особенности (абстрагирование, конкретизация) могут встречаться в равной степени у личностей с разным научным потенциалом. Деятельность ученого предполагает наличие в его мыслительной деятельности обеих тенденций, поскольку, как указывает Теплов Б. Г., мышление должно предполагать мощную синтетическую силу ума, соединенную с конкретностью мышления (Б. Г. Теплов) [6].

В ходе проверки существования значимой корреляции между показателями научного стиля мышления и научно-исследовательского потенциала, установлено, что значимая статистическая связь существует в I группе ($r = 0,7569$; $T = -6,62$, $\text{Значимость} = 0,004566$, $\text{степ. своб} = 10$) и III группе респондентов ($r = 0,4182$, $Z = 1,44$, $\text{Значимость} = 0,07492$, $\text{степ. своб} = 12$). Это свидетельствует о том, что выраженный научный стиль мышления обеспечивает наличие научного потенциала личности и наоборот. Низкий показатель научного стиля мышления свойственен слабо развитому научному потенциалу.

Итак, эмпирический и статистический анализ особенностей мыслительной деятельности студентов с разным уровнем развития научного потенциала, а также полученные в ходе него данные, позволяют констатировать факт, что особенности мышления правомерно рассматривать в качестве психологического условия развития научного потенциала личности.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Из записей 1970–1971 годов / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986.
2. Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1991.
3. Болотова Е. А., Мусатова Е. В. Информационная культура как условие развития научного потенциала студентов / Е. А. Болотова, Е. В. Мусатова // Научный потенциал личности и инновационные процессы в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 11 – 12 мая 2010 г.) – Белгород, 2010.
4. Исаев И. Ф., Исаева Н. И., Кормакова В. Н. Развитие инновационного потенциала научной деятельности высшей школы / И. Ф. Исаев, Н. И. Исаева, В. Н. Кормакова // Научный потенциал личности: концептуальные основания и технологический контекст: материалы международной научно-практической конференции (Белгород, 29 – 30 марта 2011 г.). – Белгород: БелГУ, 2011.
5. Сенько Ю. В. Стиль педагогического мышления в вопросах / Ю. В. Сенько. – М.: Дрофа, 2009.
6. Теплов Б. М. Ум полководца. Избр. труды. В 2-х т. – Т.1 / Б. М. Теплов. – М., 1985.

FEATURES OF COGNITIVE ACTIVITY OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC POTENTIAL

E. V. Shitikova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
elena_mev88@mail.ru*

The article is devoted research of features of cogitative activity of students of the high school having a different level of development of scientific potential. In article urgency of research this subject matter is proved. The concept «scientific potential of the person» as integrative personal formation is considered. The article is informative that cogitative activity is regarded in terms of prevalence of various types of thinking, scientific style of the thinking, a dominating tendency to abstraction or to concretization. Specific character of cogitative activity of students with a relatively low level of scientific potential, the average level, and relatively high level are considered in the article.

Key words: scientific potential of personality, scientific activity, cognitive activity, scientific style of thinking, cultural-creative model development of scientific potential of personality, type of thinking.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Акинъшина Н. В.** – аспирант кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Аматов А. М.** – заведующий кафедрой английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Багана Ж.** – профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Блажевич Ю. С.** – ассистент кафедры иностранных языков № 2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бондаренко Е. В.** – доцент кафедры второго иностранного языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Бочарова Э. А.** – доцент кафедры иностранных языков № 2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Буланова Ю. В.** – аспирант Северного государственного медицинского университета
- Васильева И. Ф.** – начальник отдела культурно-массовой и воспитательной работы Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Ваховская Н. Н.** – доцент кафедры филологии и педагогики Белгородского государственного национального исследовательского университета (филиал), г. Алексеевка, кандидат филологических наук
- Вестфальская А. В.** – преподаватель кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
- Вишнякова О. Д.** – профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук
- Волобуева Н. М.** – аспирант кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Воронцова Е. А.** – аспирант кафедры культурологии Воронежского государственного университета
- Горшенива Т. А.** – аспирант Российского государственного социального университета, г. Москва

- Долженкова А. И.** – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ещенко И. О.** – ассистент кафедры иностранных языков № 2 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Жиленков А. И.** – доцент кафедры русской и зарубежной литературы и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Зарицкий В. Д.** – заведующий кафедрой оркестровых инструментов Белгородского государственного института искусств и культуры, заслуженный артист Российской Федерации
- Исаева Н. И.** – декан факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор психологических наук
- Киреева М. В.** – аспирант кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Киришин Б. Н.** – декан факультета журналистики Челябинского государственного университета, кандидат филологических наук
- Кожмякин Е. А.** – профессор кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук
- Костина Д. М.** – ассистент кафедры второго иностранного языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Лангнер А. Н.** – ассистент кафедры профессионально-речевой коммуникации Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Локтева А. В.** – ассистент кафедры общей и клинической психологии факультета психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Маркова О. А.** – ассистент кафедры филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета (филиал), г. Старый Оскол
- Масленникова С. М.** – аспирант факультета управления и предпринимательства Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Медведева А. Л.** – аспирант кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Миньяр-Белоручева А. П.** – профессор кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук

- Моисеева С. А.** – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Морозов И. И.** – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета (филиал), г. Старый Оскол
- Нагорный И. А.** – профессор кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Никитенко А. А.** – преподаватель кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета
- Полонский А. В.** – профессор кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Попов А. А.** – ассистент кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Проскурина Т. Л.** – методист кабинета педагогического опыта Белгородского регионального института повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов
- Прохорова О. Н.** – профессор кафедры английского языка и методики преподавания факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Ракова К. И.** – доцент кафедры второго иностранного языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Рогозин С. А.** – аспирант Челябинского государственного педагогического университета
- Самотуга Е. А.** – аспирант кафедры журналистики и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Седых А. П.** – профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Соболева Т. Е.** – доцент кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Солодовник И. П.** – профессор кафедры немецкого языка романо-германского факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук

- Терехова С. Е.** – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Филимонова Н. Г.** – ассистент кафедры иностранных языков № 1 факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Харченко В. К.** – заведующая кафедрой русского языка и методики преподавания филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Чекулай И. В.** – профессор кафедры английского языка Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Чернова О. О.** – ассистент кафедры делового иностранного языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Черных А. В.** – доцент учебного центра «Будущее», г. Харьков, кандидат педагогических наук
- Шитикова Е. В.** – аспирант кафедры возрастной и социальной психологии Белгородского государственного национального исследовательского университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

11. по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

12. по электронной почте редакторам разделов: «Русская филология» – nagornyy@bsu.edu.ru (Нагорный Игорь Анатольевич – заместитель главного редактора); «Романо-германская филология» – prokhorova@bsu.edu.ru (Прохорова Ольга Николаевна – заместитель главного редактора); «Методологические проблемы гуманитарных наук» и «Журналистика и связи с общественностью» – korochensky@bsu.edu.ru (Короченский Александр Петрович – главный редактор); «Педагогика» – Isaev@bsu.edu.ru (Исаев Илья Федорович – заместитель главного редактора); «Психология» – NIsaeva@bsu.edu.ru (Исаева Надежда Ивановна – заместитель главного редактора).

Ответственный секретарь серии журнала – vedomosti@nm.ru (Карпенко Ирина Ивановна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ» СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология»

В материалы включается следующая информация:

- 1) УДК научной статьи;
- 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков);
- 3) ключевые слова;
- 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);
- 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
- 6) текст статьи;
- 7) ссылки.

на русском
и английском
языках

на русском
языке

Технические требования к оформлению текста статьи

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4. Без переносов.
2. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
 - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
 - размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.
4. Абзац:

- отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
 - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
- номер ссылки размещается в квадратных скобках перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная;
 - текст сноски внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 10 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 808.2-318+802.0-318

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ
ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ¹****Н. Ф. Алефиренко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосомиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов...

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS**N. F. Alefirenko***Belgorod National
Research University**e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru*

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Key words: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алефиренко Н.Ф. – профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская обл.	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская обл.	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

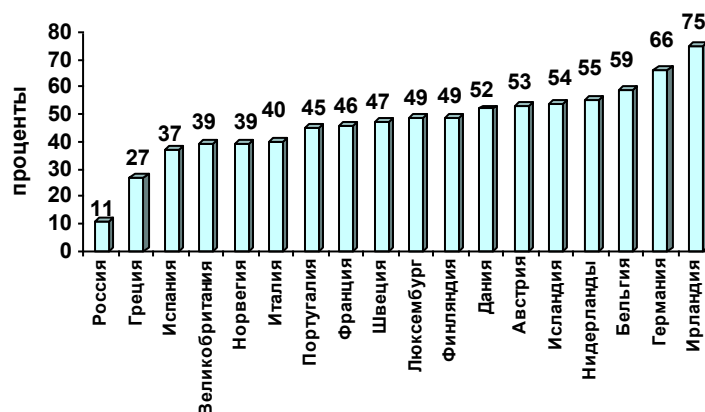

Рис. 1. Уровень активности медиапотребителей в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

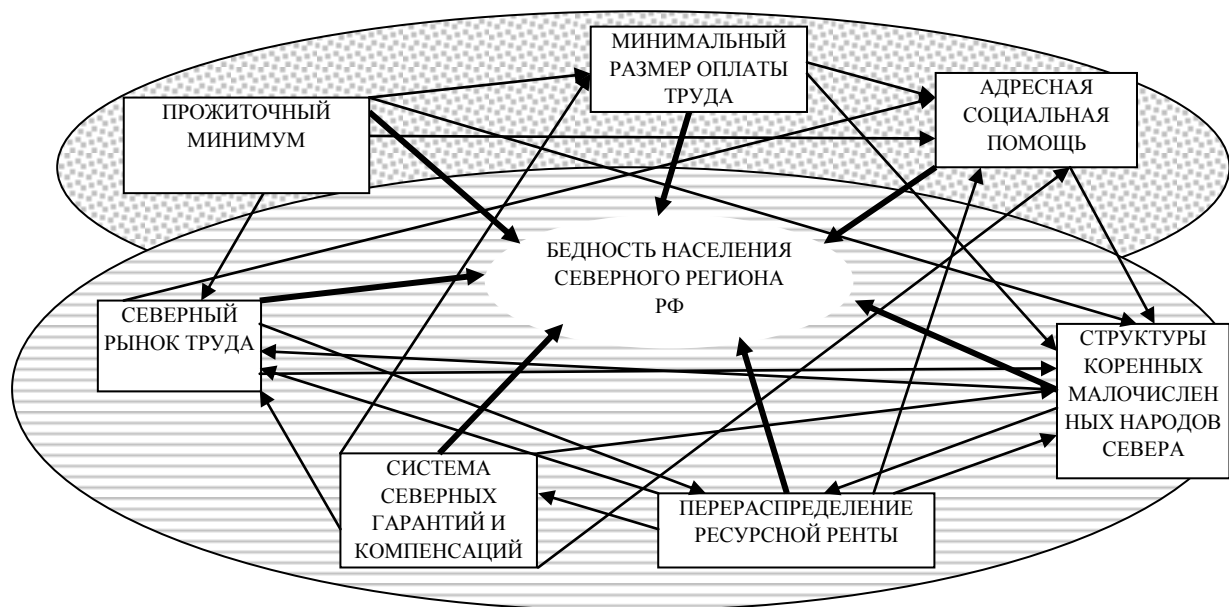

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.